

ISSN 1857-2685 (Print)
e-ISSN 2345-1149 (PDF)

Русь

2022. Том 70

Общественная ассоциация «Русь»
Национальный исследовательский
Томский государственный университет

По благословению его Высокопреосвященства Лавра,
первоиерарха Русской православной церкви
за границей, митрополита
Восточноамериканского и Нью-Йоркского

международный исторический журнал

Русины

2022. № 70

Общественная ассоциация «Русь» (г. Кишинёв, Молдова)

Национальный исследовательский
Томский государственный университет (г. Томск, Россия)

**With the Blessing of His Eminence Laurus,
First Hierarch of the Russian Orthodox Church Abroad,
Metropolitan of Eastern America and New York**

International Historical Journal

RUSIN

2022. Nr. 70

Association "Rus" (Chişinău, Moldova)

National Research
Tomsk State University (Tomsk, Russia)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Сергей Суляк

Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

Ответственный секретарь

Никита Глущенко

Томский государственный университет (Россия)

Богдан Боднарюк

Черновицкий национальный университет им. Ю. Федьковича (Украина)

Василий Зиновьев

Томский государственный университет (Россия)

Анна Плишкова

Пряшевский университет (Словакия)

Зоя Резанова

Томский государственный университет (Россия)

Николай Русsev

Тараклийский государственный университет им. Г. Цамблака (Молдова)

Игорь Силантьев

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Россия)

Вячеслав Содоль

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)

Николай Тельнов

Академия наук Молдовы (Молдова)

Александр Черкасов

Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований
(США)

Михайло Чучко

Черновицкий национальный университет им. Ю. Федьковича (Украина)

Роман Шапка

(Канада)

Пётр Шорников

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)

Михайло Фейса

Нови-Садский университет (Сербия)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Sergey Sulyak

St. Petersburg State University (Russia)

Executive Editor

Nikita Glushchenko

Tomsk State University (Russia)

Bogdan Bodnaryuk

Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University (Ukraine)

Vasiliy Zinoviev

Tomsk State University (Russia)

Anna Plišková

University of Preshov (Slovakia)

Zoya Rezanova

Tomsk State University (Russia)

Nikolay Russev

Grigoriy Tsamblak Taraclia State University (Moldova)

Igor Silantev

Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Russia)

Veacheslav Sodal'

Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria)

Nicolai Telnov

Academy of Sciences of Moldova (Moldova)

Aleksandr Cherkasov

International Network Center for Fundamental and Applied Research (USA)

Mykhaylo Chuchko

Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University (Ukraine)

Roman Shapka

(Canada)

Petr Shornikov

Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria)

Mikhajlo Fejsa

University of Novy Sad (Serbia)

Editor's Address: str. Miorita, 1C, ap. 83, Chisinau, MD 2028, Moldova,

Tel.: (+373 22) 28-75-59. E-mail: journalrusyn@rambler.ru

© Association "Rus", 2005-2022

СОДЕРЖАНИЕ

Страница редактора	9
--------------------------	---

История

<i>Винокуров Н.И., Чореф М.М.</i> Писаница из Цитадели городища Артезиан: двадцать лет исследования	13
<i>Одрехівський Р.В.</i> Хрестологія лемків-русинів: історичний аспект	36
<i>Воротынцев Л.В.</i> «Идоша ко батыеви»: «ордынская» дипломатия Даниила и Василька Романовичей в 40–50-х гг. XIII в.	54
<i>Пашин С.С.</i> Свистельницкие-Желиборские и Скомрохские-Новицкие в Галицкой земле XV в.: разные судьбы шляхетских родов русинского происхождения	72
<i>Птицын А.Н.</i> Русины в институте славянских стипендиатов (1866–1882 гг.)	86
<i>Суляк С.Г.</i> Е.М. Крыжановский о русинах-униатах Русского Забужья	104
<i>Тельвак В.В., Тельвак В.П., Наконечний В.М.</i> Публіцистика Юліана Тарновича на сторінках часопису «Наш лемко»	148
<i>Шевченко К.В.</i> Белорусское Полесье как объект этнокультурной инженерии Польши в 1930-е гг.: медийные аспекты (на основе материалов Государственного архива Брестской области)	164
<i>Содоль В.А.</i> Деятельность Украинской автокефальной православной церкви на территории Приднестровья в 1991–1995 гг. (по материалам периодической печати)	181
<i>Марадик Н.В., Цирнер М.Б.</i> Прешовский самоуправляемый край и его международное сотрудничество	196

Лингвистика и язык

<i>Владимирова В.Е., Резанова З.И., Коршунова И.С.</i> Отражение этноязыкового контактирования в языковом сознании: влияет ли билингвизм на субъективные оценки перцептивной семантики? ...	214
--	-----

Темникова И.Г., Диброва В.С.

Влияние институциональных дискурсов на языковое самоопределение в условиях полиэтнического социума 232

Александров О.А., Богословская Э.М.

Реконструкция метаязыковой биографии субэтноса как аспект изучения эволюционных процессов в этноконтактных зонах: на материале немецких диалектов российских немцев 244

Васильева А.В.

Восприятие эмоциональной лексики первого и второго языков в условиях языкового контактирования (тюркско-русский херитажный билингвизм) 260

Социология и политология

Трубникова Н.В., Саркисова А.Ю., Рогачева И.Е.

Исторические нарративы и репрезентации войны в коллективной памяти сообществ Рунета: темпоральные траектории и семантические сети 276

Некролог

Памяти Дмитрия Анатольевича Катунина 305

CONTENTS

Editorial.....	9
-----------------------	----------

History

<i>Vinokurov N.I., Choref M.M.</i> The Pisanitsa petroglyphs from the Citadel of the Artezian Ancient Settlement: Twenty Years of Research	13
<i>Odrekhivskiy R.W.</i> The crosses of Lemko-Rusins: A historical aspect	36
<i>Vorotyntsev L.V.</i> “Idosha ko batyevi”: the “Horde” diplomacy by Daniel and Vasylo Romanovych in the 1240-50s	54
<i>Pashin S.S.</i> The Svistelnitskies-Zheliborskies and the Skomrokhskies-Novitskies in Galicia of the 15th century: Different fates of Polish gentry of Rusinian origin	72
<i>Ptitsyn A.N.</i> Rusins in the Institute of Slavic Scholars (1866–1882)	86
<i>Sulyak S.G.</i> Evfimiy Kryzhanovsky on the Rusins-Uniates of the Russian Zabuzhie	104
<i>Telvak V.V., Telvak V.P., Nakonechnyj V.M.</i> Journalism of Yulian Tarnovich in the <i>Nash Lemko</i> newspaper	148
<i>Shevchenko K.V.</i> The Belarusian Polesie as an object of Poland’s ethnocultural engineering in the 1930s: Media aspects (based on the materials of the State Archive of Brest Region)	164
<i>Sodol V.A.</i> The activity of the Ukrainian Autocephalous Orthodox Church in Transnistria in 1991–1995(based on the materials of the periodical press)	181
<i>Maradyk N.V., Cirner M.B.</i> The Prešov self-governing region and its international partnerships	196

Linguistics and Language

<i>Vladimirova V.E., Rezanova Z.I., Korshunova I.S.</i> Ethno-linguistic contact as reflected in language cognition: Does bilingualism affect subjective assessments of perceptual semantics?	214
---	------------

Temnikova I.G., Dibrova V.S.

The influence of institutional discourses on linguistic self-determination in a multiethnic society 232

Aleksandrov O.A., Bogoslovskaya Z.M.

The reconstruction of the metalanguage biography of a subethnos as an aspect of the study of evolutionary processes in ethnocontact zones: German dialects of the Russian Germans 244

Vasilyeva A.V.

Perception of the emotional vocabulary of the first and second language lexicons in the conditions of language contact (Turkic-Russian heritage bilingualism) 260

Sociology and Political Science

Trubnikova N.V., Sarkisova A.Yu., Rogaeva I.Ye.

Historical narratives and war representations in the collective memory of Runet communities: temporal trajectories and semantic networks 276

OBITUARY

In memory of D.A. Katunin 305

УВАЖАЕМЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ, АВТОРЫ И ЧИТАТЕЛИ ЖУРНАЛА!

27 октября 2022 г. редакция международного исторического журнала «Русин» и Тараклийский государственный университет им. Григория Цамблака провели в Тараклии (Республика Молдова) международную научно-практическую конференцию «Межэтнические взаимодействия в этноконтактной зоне (Одиннадцатые чтения памяти И.А. Анцупова)».

На конференции прозвучало 36 докладов, сделанных представителями Молдавии, России, Украины, Болгарии, Словакии, Германии, США и Канады.

Работа конференции происходила в двух секциях: «Межэтническое пограничье: проблема диалога культур» и «Бессарабские болгары: проблема сохранения этнокультурной специфики».

На первой секции результаты своих исследований представили сотрудники Санкт-Петербургского университета А.Г. Новожилов («Концепции выделения восточнославянских народов в этнографической литературе»), С.Г. Суляк («Е.М. Крыжановский о русинах Привисленского края»), И.И. Верняев («Имперская юстиция в Прибалтийском крае: вызов этносоциального разнообразия»). Р.В. Одрехивский (Львовский государственный университет физической культуры им. Ивана Боберского) рассказал о крестологии лемков-русинов. Представитель Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко (Молдова, Приднестровье) В.А. Содоль, основываясь на материалах периодической печати, показал историю деятельности Украинской автокефальной православной церкви на территории Приднестровья в 1991–1995 гг. М.М. Чорев (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского) и Н.И. Винокуров (Московский педагогический государственный университет) презентовали результаты исследования третьей группы знаков на плите, найденной при раскопках Цитадели городища Артезиан в 2000 г.

Исследователи из Томского государственного университета В.С. Диброва, И.Г. Темникова, В.Е. Владимирова, З.И. Резанова, И.С. Коршунова, О.А. Александров, З.М. Богословская в своих докладах подняли вопросы языкового самоопределения, отражения этноязыкового контактирования в языковом сознании, реконструкции метаязыковой биографии субэтноса, восприятия эмоциональности русской лексики в условиях языкового контактирования, сохранения диалектов в Сибири.

На заседании второй секции прозвучали доклады, в основном, по проблемам сохранения этнокультурной специфики болгарского населения региона. Среди выступавших были исследователи из Молдавии, Болгарии, Украины, Канады. 13 докладов сделали преподаватели и студенты Тараклийского университета.

Ряд статей, написанных на основе докладов, прозвучавших на конференции, опубликованы в этом номере журнала.

Напоминаем, что нами в 2023 г. совместно с Томским государственным университетом (Россия) и Тараклийским государственным университетом (Молдова) запланировано проведение трёх конференций:

1. IX Международная научная конференция «Славянские языки в условиях современных вызовов». 15–16 мая 2023 г., Томск.

Сайт конференции: <http://conference.tsu.ru/slavlang>

2. VII Международная научная конференция «Славянский мир в условиях современных вызовов». 5–6 октября 2023 г., Томск.

Сайт конференции: <http://conference.tsu.ru/slavworld>

3. Международная научно-практическая конференция «Межэтнические взаимодействия в этноконтактной зоне (Двенадцатые чтения памяти И.А. Анцупова)». 27–28 октября 2023 г., Тараклия.

Сайт конференции: <http://conference.tsu.ru/antsupov>

Подробная информация о сроках регистрации, предоставлении тезисов докладов и т. д. размещена в информационных письмах, выложенных на сайтах конференций.

Регистрация участников уже началась.

Формат проведения конференций (очный или онлайн) будет зависеть от ситуации с коронавирусной инфекцией и принятыми ограничительными мерами.

Для оперативного информирования членов редколлегии, авторов и читателей журнала и более действенной обратной связи мы открыли группы (сообщества) в Facebook, во «ВКонтакте» и Telegram-канал:

www.facebook.com/groups/journalrusin

<https://vk.com/journalrusin>

<https://t.me/journalRusin>

Также мы создали группы (сообщества), посвящённые ежегодной международной научно-практической конференции «Межэтнические взаимодействия в этноконтактной зоне (Чтения памяти И.А. Анцупова)»:

www.facebook.com/groups/conference.antsupov

https://vk.com/conference_antsupov

**DEAR MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD,
AUTHORS AND READERS!**

On October 27, 2022, The G. Tsamblak Taraclia State University and The *Rusin* Editorial Board held the International Conference *Inter-Ethnic Cooperation in the Area of Ethnic Contacts* (The 11th I.A. Antsupov Readings) in Taraclia. The scholars from Moldova, Russia, Ukraine, Bulgaria, Slovakia, Germany, the USA, and Canada made 36 presentations in two sections: “Interethnic borderland: The problem of dialogue of cultures” and “Bessarabian Bulgarians: The problem of preserving ethno-cultural specificity.”

The first section saw the presentations from St. Petersburg State University scholars: Alexey G. Novozhilov spoke about the concepts for the identification of East Slavic peoples in ethnographic literature; Sergey G. Sulyak presented his report “Evmfimy Kryzhanovsky about the Rusins in the Vistula region”, and Igor I. Vernyaev discussed imperial justice in the Baltic region in the aspect of ethno-social diversity. Roman W. Odrekhivsky (Ivan Bobersky Lviv State Physical Culture University) spoke about the crosses of Lemko-Rusins. A representative of the Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria), Vyacheslav A. Sodoł, dwelt on the activity of the Ukrainian Autocephalous Orthodox Church in Transnistria in 1991–1995 based on the materials of the periodical press. Mikhail M. Choref (Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod) and Nikolai I. Vinokurov (Moscow State Pedagogical University) presented the results of their study of the third group of signs on the slab found during excavations of the Citadel of the Artezian Ancient Settlement in 2000.

Researchers from Tomsk State University Veronika S. Dibrova, Irina G. Temnikova, Valeriia E. Vladimirova, Zoya I. Rezanova, Irina S. Korshunova, Oleg A. Aleksandrov, and Zoya M. Bogoslovskaya raised the questions of linguistic self-determination, reflection of ethno-linguistic contact in the linguistic consciousness, reconstruction of the meta-linguistic biography of the sub-ethnos, perception of the emotionality of Russian vocabulary in the context of linguistic contact, and preservation of dialects in Siberia.

The presentations of the second section were mainly focused on the ethno-cultural specificity of the Bulgarian population of the region. Among the speakers were researchers from Moldova, Bulgaria, Ukraine, Canada. 13 reports were made by teachers and students of Taraclia University.

A number of articles written on the basis of reports presented at the conference are published in this issue of the journal.

In 2023, the Editorial Board of International Historical Journal *Rusin*, National Research Tomsk State University (Russia) and G. Tsamblak Taraclia State University (Moldova) are going to hold three conferences:

1. The Ninth International Conference “Slavic Languages: Responding to New Challenges”, May 15–16, 2023, Tomsk. Conference website: <http://conference.tsu.ru/slavlang>

2. The Seventh International Conference “The Slavic World: Responding to New Challenges”, October 5–6, 2023, Tomsk. Conference website: <http://conference.tsu.ru/slavworld>

3. International Conference *Inter-Ethnic Cooperation in the Area of Ethnic Contacts* (The 12th I.A. Antsupov Readings). October 27–28, 2023, Taraclia. Conference website: <http://conference.tsu.ru/antsupov>

The detailed information about the deadlines for registration, submission of abstracts, etc. is available in the information letters posted on the conference websites. Registration of participants has already begun.

The format of the conferences (face-to-face or online) will depend on the pandemic situation and the restrictive measures taken. To promptly inform the members of the editorial board, authors and readers of the journal and get more effective feedback, we have opened community groups on Facebook, VKontakte and the Telegram:

www.facebook.com/groups/journalrusin

<https://vk.com/journalrusin>

<https://t.me/journalRusin>

We have also created communities related to the Annual International Conference *Inter-Ethnic Cooperation in the Area of Ethnic Contacts* (The I.A. Antsupov Readings):

www.facebook.com/groups/conference.antsupov

https://vk.com/conference_antsupov

Sergey G. Sulyak,
Chief Editor

УДК 904:94(38).09

UDC

DOI: 10.17223/18572685/70/2

Писаница из Цитадели городища Артезиан: двадцать лет исследования

Н.И. Винокуров¹, М.М. Чореф²

¹ Московский педагогический государственный университет
Россия, 119435, г. Москва, ул. Малая Пироговская, 1/1
E-mail: vinokurovn@list.ru

² Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского
Россия, 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23
E-mail: choref@yandex.ru

Авторское резюме

Два десятилетия продолжается изучение интереснейшего лапидарного памятника – писаницы, найденной в 2000 г. ходе раскопок Цитадели городища Артезиан в облицовке дренажной системы. На ней обнаружены две монограммы, три группы знаков, а также следы двухстрочной плохо сохранившейся надписи. Обилие тамг, наличие текста и лигатур на этом памятнике говорят о его высокой значимости. Полагаем, что аббревиатуры и тамги первой группы, выполненные рукой профессионального резчика, появились на писанице в память о заключении соглашения понтийского полководца Неоптолема с вождями варварских кланов, к которому присоединился сменивший его в качестве наместника Махар – сын Митридата VI Евпатора Диониса. Имена понтийских вельмож зашифрованы в монограммах. К сожалению, размещённая под ними надпись сохранилась фрагментарно. Допускаем, что она содержала текст договора, заключённого вождями варваров с представителями понтийского государя. Плита же с этими обозначениями крепилась на видном месте в стене Цитадели. Позже к соглашению присоединились менее влиятельные кланы. В результате чего на плите появились их знаки, процарапанные тонкими линиями выше и ниже строки с ранее размещёнными монограммами и тамгами. Знаки третьей группы самые поздние. Один из них был высечен поверх ранее размещённой тамги. Знаки третьей группы, скорее всего, появились, когда плита была извлечена из стены и использовалась вторично, пока не оказалась в облицовке оборонительного рва. Сам факт обнаружения тамг и монограмм и надписи на писанице уточняет наши

представления о межкультурном взаимодействии между варварскими кланами Таврики и Северного Причерноморья, с одной стороны, и жителями Понта – с другой. И, что не менее важно, позволяет проследить структуру кочевого ираноязычного сообщества в регионе во второй половине I в. до н. э.

Ключевые слова: история, археология, эпиграфика, Боспор, Артезиан, писаница, тамги, монограммы

The Pisanitsa petroglyphs from the Citadel of the Artezian Ancient Settlement: Twenty Years of Research

N.I. Vinokurov¹, M.M. Choref²

¹ Moscow Pedagogical State University
1/1 Malaya Pirogovskaya Street, Moscow, 119435, Russia
E-mail: vinokurovn@list.ru

² Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
23 Gagarin Avenue, Nizhny Novgorod, 603950, Russia
E-mail: choref@yandex.ru

Abstract

For two decades, the study of the most interesting lapidary monument has been going on – the Pisanitsa petroglyphs found in 2000 in the drainage cladding during the excavations of the Citadel of the Artezian Ancient Settlement. The archeologists found two monograms, three groups of characters, and traces of a two-line poorly preserved inscription. Many tamgas as well as the text and ligatures on this monument indicate its high significance. We believe that the abbreviations and tamgas of the first group were made by a professional carver in memory of the agreement of the Pontic commander Neoptolemus with the leaders of barbarian clans, joined later by his successor Machares, son of Mithridates VI Eupator Dionysus. The monograms encrypt the names of the Pontic nobles. Unfortunately, the inscription under the monograms has been preserved in fragments. It presumably contained the text of the agreement between the barbarian leaders and the Pontus representatives. The slab with the insignia was fastened in a prominent place in the wall of the Citadel. Later, when less influential clans joined the agreement, their insignia appeared on the slab as scratched thin lines above and below the line with the previously placed monograms and tamgas. The signs of the third group, most likely, appeared when the slab was removed from the wall and used

again to be found later in the cladding of the defensive moat. The discovery of tamgas, monograms, and inscription in the Pisanitsa petroglyphs enhances our insight of the intercultural interaction between the barbarian clans of Taurica and the Northern Black Sea region on the one hand and the residents of Pontus on the other. No less important is that the discovery specifies the structure of the nomadic Iranian-speaking community in the region in the second half of the 1st century BCE.

Keywords: history, archeology, epigraphy, Bosphorus, Artesian, Pisanitsa, tamgas, monograms

Археологические раскопки античного городища Артезиан в Крымском Приазовье на месте предполагаемой Паросты Клавдия Птолемея¹ (Ptol., III, 6, 5), производимые ААЭ МПГУ 36 лет, привели к открытию ряда лапидарных памятников, среди которых встречались и многострочные эпитафии [13: 31–52; 14: 241]. Особое место среди данных находок занимает обнаруженная в 2000 г. большая плита [10: 79–88] с остатками выветрившейся древнегреческой надписи, а также с монограммами и тамгообразными знаками (рис. 1). Интерпретации данной находки посвящено несколько публикаций, которые ввели в научный оборот новый необычный лапидарный памятник, являющийся ценным собранием уникальных и уже известных по другим находкам тамгообразных знаков [10; 12; 42]. Такие памятники с вырезанными тамгами в литературе принято называть «писаницы».

Большая часть найденных артезианских надписей привязана к культурным напластованиям и объектам античного времени, которые хорошо датируются благодаря точным хронологическим индикаторам – боспорским и римским монетам из пожара начала боспоро-римской войны 44/45–49 г. н. э. (Тас. Ann., XII, 15–21), слоёв сейсмических разрушений и последующих перестроек фортификационных сооружений городища [2: 93–146; 3: 5–16; 11: 170–194; 48; 50: 207–278].

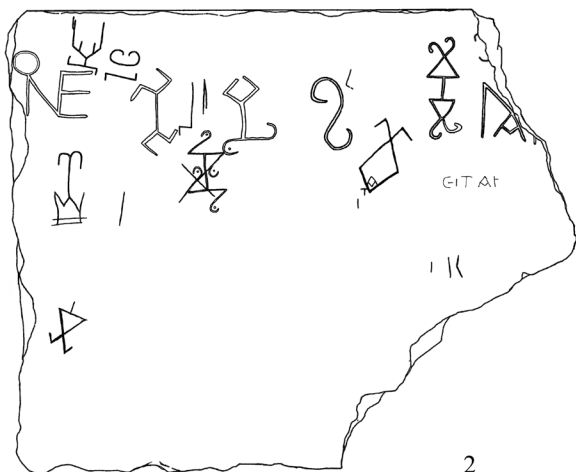
Прослежено три этапа функционирования оборонительных сооружений городища. На первом этапе появилась так называемая цитадель «0», время бытования которой на рубеже II–I вв. до н. э. связано с фортификационной деятельностью на Боспоре архитекторов Митридата VI Евпатора Диониса (121–63 гг. до н. э.). Крепость этого периода погибла, как и все синхронные постройки городища, в результате мощнейшего землетрясения 63 г. до н. э. Находки боспорских монет из слоя разрушения не противоречат такой версии. Строительный материал из разобранной цитадели «0» был использован для возведения более поздних античных оборонительных сооружений: ранней и поздней цитаделей. Точное время постройки ранней цитадели неизвестно, но при Асандре (48/47–19/18 гг. до

н. э.), Динамии (21/20–12 гг. до н.э.) и Аспурге (13/14–37/38 гг. н. э.), по всей видимости, она уже существовала. Ранняя цитадель была уничтожена в 46/47 г. н. э. союзными войсками римлян и Котиса I (45/46–62/63 гг. н. э.) во время боспоро-римской войны 44/45–49 гг. н.э. Поздняя цитадель, построенная поверх её остатков при Котисе I и перестроенная при Савромате I (93/94–123/124 гг. н. э.), оказалась разрушенной мощным землетрясением в хронологическом диапазоне между 255–275 гг. н. э. и более не возобновлялась.

1

2

Рис. 1. Писаница из Цитадели городища Артезиан (фото и прорись Н.И. Винокурова).

В ходе исследования на городище Артезиан были найдены почти два десятка целых и фрагментированных лапидарных памятников, включая надгробные стелы с надписями, обнаружены в основном в нивелировочном строительном горизонте, связанном с сооружением поздней цитадели царя Котиса I [9: 92–113; 13: 31–52; 14: 95–134]. Они выявлены в центральной, самой возвышенной части городища в процессе исследования территории акрополя, оконтуренного оборонительным рвом, под фундаментами башен и стен поздней цитадели или в их конструкции.

Контекст находок позволяет предполагать, что вторичное использование лапидарных памятников (рис. 2) было обусловлено не столько строительными нуждами древних фортификаторов, сколько определёнными религиозно-магическими потребностями, связанными с недавно завершённой боспоро-римской войной, строительными и поминальными жертвоприношениями, которые совершались на наиболее удобном и высоком месте, традиционном для местной ритуальной практики. Материальными свидетельствами последней выступают многочисленные разновременные ритуальные комплексы, часто сопряжённые с жертвоприношениями людей и животных [10: 55–87]. При этом основная часть плит, в том числе надгробных стел с надписями и изображениями, выломанных на некрополе и специально принесенных за несколько сотен метров в центр акрополя, оказались намеренно уложенными лицом вниз, как и наша плита-писаница. Понятно, что никакой строительной необходимости в этом не было, чего нельзя сказать о сакральной потребности, многократно повторенной строителями Котиса I с севера и запада строившейся поздней цитадели. Такой магический приём, по-видимому, должен был окончательно похоронить всякие воспоминания о прежних насельниках крепости, сторонников Митридата III (39–44, 46/47 гг. н. э.), поверженных и сожжённых во время недавней ожесточённой боспоро-римской войны.

Место обнаружения плиты-писаницы

Плита (к.о. 1/2002) расчищена на раскопе I на 1,54 м северо-восточнее угловой башни 1 поздней цитадели (рис. 2). Верх плиты открыт на отметке –2,10, на глубине 2,78 м от современной поверхности. Она лежала горизонтально по линии юго-запад-северо-восток. Она была перевернута на лицевую сторону, вниз надписью. Юго-западная часть плиты находилась на сnivelированном слое материковой жёлтой пластичной глины. Её северо-восточный торец частично перекрывал край засыпанного рва ранней цитадели с золистым заполнением, ко-

торый проходил по трассе позднего оборонительного рва, на отметке $-2,73^2$. Плита была вмурована в основание фундамента каменной облицовки. Остальные плиты и блоки облицовки не сохранились, так как были выбраны в древности. Плита фиксировала внутренний северо-восточный угол рва поздней цитадели. Она оставалась *in situ* два года после обнаружения, что задержало открытие замечательного лапидарного памятника и едва не привело к его утрате. В 2002 г., в межсезонье, плита была перевёрнута грабителями, оказавшись сброшенной вверх лицевой частью на дно раскопанного оборонительного рва ранней цитадели. Грабители отбили угол плиты, который найти не удалось, а также повредили лицевую поверхность плиты грубыми хаотичными бороздками, которые, впрочем, мало повредили древним знакам, но привели к трудностям при их интерпретации, так как часть знаков была принята в тот момент за современные граффити.

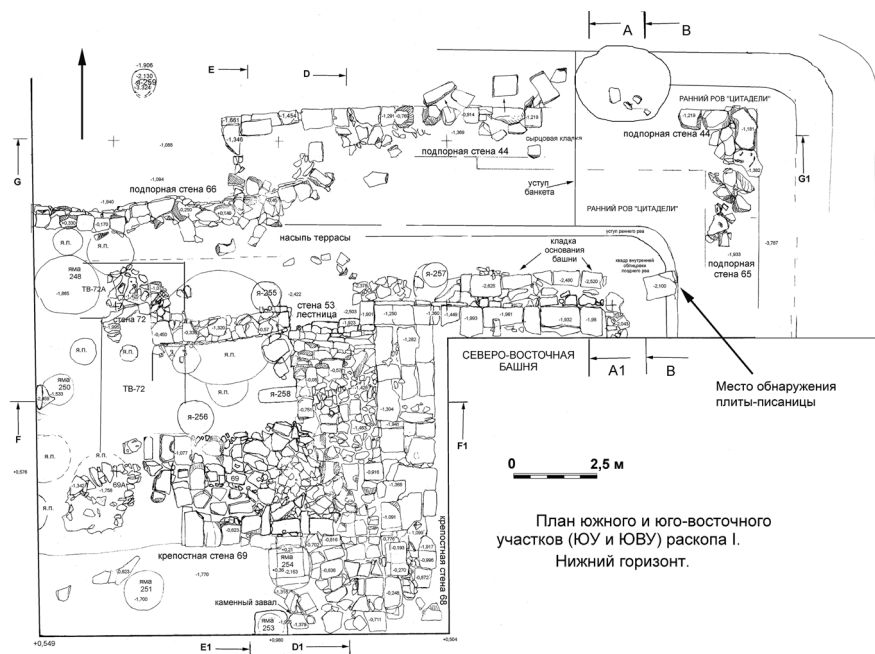

Рис. 2. План раскопа (чертеж Н.И. Винокурова).

Важно отметить, что, когда ров поздней цитадели облицовывался камнем, грунт был очень влажным. Под плитой-писаницей, положенной в основание внутреннего борта, остался на жёлтой материковой глине зеркальный отпечаток её лицевой части с оттисками монограмм и тамг.

Описание плиты-писаницы

Плита высечена из плотного мшанкового известняка серовато-белого цвета, в плане имела подквадратные очертания. Её размер: длина – 800/880 мм, ширина – 812 мм, толщина – 286–310 мм. Вес – несколько сотен килограммов. Она имела грубо околотую оборотную и боковые поверхности. Хорошей обработкой отличалась только лицевая сторона. Поперёк плиты, по торцу, проходит неглубокая подтёска под балку или другую плиту. Угловые части плиты оббиты, один угол отколот и утрачен. Надпись, монограммы и тамги были нанесены на лицевую поверхность плиты.

Датировка плиты-писаницы по археологическим данным

На основании комплекса хронологических индикаторов (находкам монет, прежде всего), общему контексту находки, стратиграфической ситуации плита-писаница, использованная вторично в поздней цитадели, первоначально могла использоваться в конструкции более ранних оборонительных сооружений – цитадели «0», разрушенной землетрясением 63 г. до н. э., и ранней цитадели городища Артезиан, бытовавшей в I в. до н. э. – 46/47 гг. н. э. [1: 713, 715–718; 10: 79]. Часть знаков могла быть высечена и до постройки ранней цитадели.

По стратиграфическим условиям, хронологический промежуток между постройкой поздней цитадели и облицовкой рва был незначителен. Характерно, что магический элемент с переворачиванием плиты вниз лицом был соблюден для большинства лапидарных артезианских памятников.

По-видимому, время вторичного использования плиты-писаницы в облицовке рва поздней цитадели вряд ли выходит за пределы середины I в. н. э.

Монограммы, надпись и тамгообразные знаки

Как уже было сказано выше, плита интересна, прежде всего, тем, что представляет собой писаницу – на ней размещены грекоязычные надпись и две монограммы, а также многочисленные и разнообразные тамгообразные знаки. Примечательно то, что последние разбросаны по всему полю плиты (см. рис. 1).

Начнём с надписи. Она занимает центральную часть плиты, ближе к правому краю. К сожалению, надпись сохранилась плохо. Просматриваются только отдельные её символы, размещённые в две строки. Авторы этой статьи разобрали в ней «...Α...ΕΙΤΑΝ», судя по стилистике букв, её могли высечь в I в. до н. э. [12: 208].

Куда лучше сохранились монограммы. Речь идет о лигатурах ϜE и $\text{Ϟ} (\text{ϞE})^3$, размещённых в начале и в конце строки тамгообразных знаков в верхней части плиты (см. рис. 1). Первая из лигатур практически не повреждена. Заметные сколы в левой верхней части плиты её лишь слегка повредили. Конфигурация монограммы отлично просматривается. Она составлена из размещённых в строку и состыкованных символов «N», «E» и буквы «O», вырезанной над первой литерой. Полагаем, что в ней были объединены первые три буквы имени Νεοπτόλεμος . Речь должна идти о Неоптолеме – полководце Митридата VI Евпатора Диониса, которому удалось умиротворить Боспорское царство после Первой войны Митридата VI Евпатора Диониса с Римом [31].

Монограмма $\text{Ϟ} (\text{ϞE})$ из-за скола правого верхнего угла плиты сохранилась не полностью. Однако она вполне восстановима. Есть все основания полагать, что на утерянном фрагменте плиты был размещён верхний правый угол буквы «M». Дело в том, что иной, но схожей конфигурации буквы в греческом алфавите нет. В монограмме $\text{Ϟ} (\text{ϞE})$ мы разбираем буквы «M», «A», «X», «P», «O» и «E», которая примыкает к лигатуре, образованной из предыдущих символов. Полагаем, что ней может быть зашифровано « Μαχάρου ἐπίτροπου » – «Махара наместника»⁴ [10: 80; 12: 210–211; 28: 117–121, рис. 4; 33].

Столь же интересны и тамгообразные знаки ϝ , Ϟ , ϟ и Ϡ , размещённые между аббревиатурами ϜE и $\text{Ϟ} (\text{ϞE})$. Они также переданы чёткими, толстыми линиями. Визуально все они образуют с монограммами ϜE и $\text{Ϟ} (\text{ϞE})$ одну композицию [42: 79]. Полагаем, что эти тамгообразные знаки появились одновременно. Учитывая выявленные обстоятельства, выделяем их в первую группу.

Начнем со знака ϝ . Принято считать, что эта тамга принадлежала Аспургу [5: 150, № 318, табл. 12, 318; 27: 203–204, табл. XVII, 8–14]. Однако М.М. Чорев обратил внимание на то обстоятельство, что сарматское погребение у с. Косика, в котором этот символ был обнаружен на серебряной ложке, следует датировать третьей четвертью I в. до н. э. [6: 117]. Исследователь пришел к выводу, что знак ϝ принадлежал клану Аспурга, по-видимому, довольно мощной группе сарматов [30: 98].

Относительно обозначения Ϟ С.А. Яценко полагает, что весьма схожая на него тамга Ϟ присутствует в «энциклопедии» из Танаиса [40: рис. 23, а]. Она известна и на Арабатской стрелке [40: рис. 5, 5]. Ученый датирует знак Ϟ серединой I – серединой II в. н. э. [40: 74]. Мы поддерживаем эту точку зрения. Полагаем, что речь должна идти о тамге влиятельного клана, кочевавшего в Таврике и в Северном Причерноморье. А знак Ϟ , как нам кажется, вполне может быть вариацией Ϟ .

Куда интереснее тамга . Начнём с того, что она хорошо известна не только в Северном Причерноморье. Причём как сама, так и в виде вариаций, образовавшихся в результате её разворота на 90° или 180° [16: табл. VIII, 543–551, XX, 71, 72, XXXV, XXXIX, 336–342; 40: рис. 5, 78, 9, 2, 10, 2, 19, 6, 25, в, 8, 36. 108]. Этот знак использовали и в Средней Азии [16: табл. XXVII, 1, 13–17, 3, 14, 15, LI, 50–52; 40: рис. 27, 25, 28, 150, 151, 29, 68, 124, 30, 13]. Небезынтересно и то, что верхняя часть знака , который цари Хорезма размещали своих монетах. представляет собой всё тот же символ . Это же обозначение присутствует на мелких медных монетах этого государства [7]. Знаки и известны и на монетах Чача [34: 22–55. группа 1]. Тамга использовалась в Бактрии при Кушанах [19: рис. 2, 3, 5–7. 4. 5–7. 6. 1: 38: рис. 4. 2. 4. 5. 7. 6. 104–108. 105. 177: 46: рис. 15]. Её знали и в Кангюйском государстве [45: рис. 6–8, 6–10, 6–11]. Эту тамгу использовали и в Иране [40: рис. 32, 16, 123, 33, а, b]. Заметим, что Б.И. Вайнберг и Э.А. Новгородова выявили схожие знаки также в Монголии [7: табл. XII; 8: рис. 6, табл. I, II].

Важный вклад в изучение знака внес С.А. Яценко. Ученый установил, что эта тамга принадлежала могущественному кочевому клану, влиявшему на ситуацию не только в степных регионах Евразии, но на Среднюю Азию. Есть все основания полагать, что речь должна идти о царском роде⁵ [7: табл. VII; 41: рис. 10; 43: 240, 244, рис. 10]. Так что не случайно она размещена в центре первой строки. на самом почётном месте⁶.

Мы принимаем выводы Б.И. Вайнберг и С.А. Яценко. В свою очередь заметим, что несколько видоизмененный символ – он отражен горизонтально. является составной частью тамг Тибериев Юлиев: Реметалка (131/132–153/154 гг. н. э.) (). Евпатора (154/155–170/171 гг. н. э.) () и неизвестного царя. сына Евпатора и Евномии (). правившего с 170/171 по 174/175 гг. н. э. [32: 99. 102–103: 36: 163–164]. Допускаем, что эти боспорские государи происходили по материнской линии [40: 20. 46. 51] из клана, символом которого являлась одна из вариаций знака .

Примечательно также и то, что эта тамга присутствует на статере Митридата III, найденного в ходе раскопок городища Артезиан (рис. 3).

Монета была опубликована Н.И. Винокуровым и М.Г. Абрамзоном [1: 732–735, 736, № 10, рис. 2; 49: 31–34, 36, No. 10, fig. 7]. С.А. Яценко и один из авторов этой статьи пришли к выводу, что тамга на монете Митридата III – знак клана, принадлежавшего к влиятельной аристократии центрально-азиатского происхождения, оказавшейся к началу I в. н. э. на

территории кубанских сираков, а после усиления аланов мигрировавшего в устье Дона [48].

Рис. 3. Статер Митридата III 46/47 г. н. э. (фото Н.И. Винокурова)

Куда сложнее ситуация с тамгой ⚡ . Заметим, что в Северном Причерноморье и в Таврике на прочих памятниках она неизвестна [16; 39: 543; 40]. Однако стоит вспомнить о том, что верхней частью тамги Евпатора (⚡) является пиктограмма ⚡ . Она, как верхняя и нижняя части ⚡ , состоит из треугольника и исходящих из его вершины двух ломанных линий. Причём её верхняя часть весьма схожа на развернутый горизонтально знак ⚡ или на навершие ⚡ . Заключаем, что тамга ⚡ также могла принадлежать влиятельному сарматскому роду. Вполне возможно, что клан ⚡ был родствен группам, использовавшим знаки ⚡ и ⚡ .

Перейдём к процарапанным тамгам ⚡ , ⚡ , ⚡ , ⚡ , ⚡ и новому знаку ⚡ , выявленному в 2022 г. Н.И. Винокуровым (его размеры 65 × 55 мм). Мы отнесли их ко второй группе. Примечательно то, что они размещены над и под строки со знаками первой группы. Первые три размещены над ней, а четвертый и пятый – под ней, причём верхняя часть последнего размещена между ⚡ и ⚡ . Что же касается шестого знака – ⚡ , то он процарапан между тамгами ⚡ и ⚡ , поверх надписи (см. рис. 1).

Сразу же заметим, что известны довольно близкие аналогии этим обозначениям. Так, знак ⚡ в форме ⚡ присутствует на надгробии Теоники, которое Э.И. Соломоник датировала I в. н. э. [25: № 44]. С.А. Яценко полагает, что обозначение ⚡ было вырезано на нём в середине II – в середине III в. н. э., на «стадии b» [42: 80–81, рис. 1, b]. Заключаем, что ⚡ является ранней формой ⚡ [12: 213].

Аналогична ситуация со знаком ⚡ . В формах ⚡ и ⚡ он зафиксирован на территории Боспора, в Юго-Западной Таврике, в Ольвии и в степях Северного Причерноморья⁷ [16: табл. VI, 401–407, VII, 459–463, VIII, 532–539, XIX, 3, 14, XL, 424–426, 436–440, XLVI, 133–137, LI, 108–110; 40: рис. 5, 62, 9–13]. С.А. Яценко датирует его началом I – серединой II вв. н. э. [39: 544]. Примечательно и то, что он присутствует на бронзовых

боспорских монетах Рескупорида II (211/212–228/229 г. н. э.) [29: 166, 172, рис. 1, 3, 2, 5, 6]. Так что у нас есть все основания согласиться с выводами С.А. Яценко.

Есть все основания полагать, что знак также принадлежал влиятельному таврическому клану [29: 172]. Полагаем, что он временами, при Савромате II (174/175–210/211 г. н. э.) и Рескупориде II, признал власть боспорского государя. Что нашло своё отражение в памятниках нумизматики [4: № 1822, 1826, 1832, 1833, 1836, 1962, 1963] и эпиграфики [15: № 1008; 26: № 1008].

Обратим внимание на знак . Он известен на котле из с. Павловка, датированном началом I – серединой II вв. н. э. [39: 542–545]. Примечательно то, что он размещён под тамгой . Это может быть объяснено только тем, что использовавшие их кланы были в союзе. По тому же принципу создавались и тамги боспорских государей.

Что же касается тамги , то весьма схожее на неё обозначение выявлено в самых крупных «энциклопедиях» Причерноморья. Речь идет о керченской «писаной плите» и об ольвийском льве № 1⁸ [16: табл. III, 147, VI, 389; 40: рис. 9, 10]. Похожий на неё знак зафиксирован и при исследовании Усть-Альминского некрополя [37: рис. 4]. С.А. Яценко датирует его I – серединой III вв. н. э. [37: 102–105]. Заключаем, что варварский (сарматский?) клан, использовавший тамгу , уже в I в. до н. э. был достаточно влиятельным [12: 213].

Не менее интересна и тамга . Она в форме , т. е. без точек в полукружьях, была найдена на стенах сармато-массагетского храма в Байте III⁹ (пустыня Устюрт, Западный Казахстан, II–I вв. до н. э.) [38: 69–72, рис. 3, 6, 123; 39: 544; 40: рис. 6, 86, 16]. Вполне возможно, что тамга была её вариацией. Основываемся и на том факте, что весьма схожий на неё знак украшает стены склепа «сабазиастов» 1912 г. в Пантикапее (III–IV вв. н. э.) [40: рис. 5, 73]. По мнению С.А. Яценко, такие обозначения могли появиться в I–III вв. н. э. [40: 35]. Как видим, тамги этой группы размещали довольно долго. Что свидетельствует о значительном влиянии использовавших их групп. Так что есть все основания полагать, что тамга принадлежала знатному варварскому (сарматскому?) клану, откочевавшему во II в. до н. э. в степи Северного Причерноморья и сохранившему свое влияние на европейскую часть Боспора и в III–IV вв. н. э.

Куда сложнее ситуация со знаком . К сожалению, это обозначение не выявлено в известных в настоящее время «энциклопедиях» знаков. Сам же факт размещения знака ниже строки, в которой вырезаны тамги первой группы, говорит о том,

что варварское объединение, которому он принадлежал, не относилось к самым влиятельным в Северном Причерноморье.

Столь же сложна ситуация с обозначениями J , L , I , C и K . Их атрибуция также довольно затруднительна. Проблема в том, что они сохранились довольно плохо. Так, первое обозначение J , будь оно отдельными знаками или составными частями тамги, не имеет аналогов. А граффити L , I и K , как верно заметил С.А. Яценко, пока нет оснований считать знаками собственности. Ученый обратил внимание на то, что они являются «простейшими геометрическими фигурами» [39: 544]. Действительно, J , L , I и K вполне могут быть фрагментами несохранившихся в полной мере знаков. Не ясна и конфигурация знака, от которого сохранились фрагменты C .

После дополнительной фотофиксации плиты, проведённой сотрудницей ААЭ К.Е. Митюрёвой в 2021 г., были обнаружены Н.И. Винокуровым ещё два знака. Самый заметный из них – X . Его размеры – 129 × 91 мм. Он размещён в нижней части плиты¹⁰. Примечательно то, что он развернут под углом в 105° по отношению к прочим обозначениям. Знак X процарапан поверх тамги Z , которую мы относим ко второй группе. Его размеры – 71 × 71 мм.

Примечательно, что знак X схож на верхнюю и среднюю части тамги Z . Только её навершие иной формы. В изучаемой пиктограмме оно представлено как две симметричные ломанные линии, что делает её весьма схожей на хорошо известные тамги. Так, знак X выявлен на «разрисованной плите» из Керчи. Он же присутствует на мраморном льве № 2 из Ольвии. С.А. Яценко датирует эти обозначения I в. до н. э. – I в. н. э. [40: 143, 144, рис. 9, 1, 11, 1]. Знак X схож с пиктограммой X – верхней части тамги Евпатора (H). Учитывая это обстоятельство, заключаем, что X также мог принадлежать знатному сарматскому роду. Чему не противоречит факт его обнаружения на плите из Танаиса. С.А. Яценко датирует этот лапидарный памятник II–III вв. н. э. [40: рис. 15, 13].

Мы не можем не обратить внимание на следующее обстоятельство. Знак X выявлен в главном скоплении тамг внутри храма в Байте III на Устюрте [38: рис. 6, 71]. Идентичная тамга была обнаружена в Кангюе на кувшине из городища Алтан-тобе на р. Арысь [24: рис. 1, 9]. Позже, в V–VII вв. н. э., близкий тип знака размещали на керамике из Ташкентского Оазиса (Чача) [47: рис. 2, 21, 34]. С.А. Яценко полагает, владелец знака X происходил из Кангюя¹¹.

Что же касается знака X , то он ранее был обнаружен на «разрисованной плите» из Керчи. С.А. Яценко датирует его серединой I – серединой II в. н. э. [40: 143, рис. 9, 2].

Попытаемся объяснить факт размещения тамги X в нижней части поля плиты, под углом в 105° к прочим обозначениям, причём значительно ниже их. Есть все основания полагать, что использовавшая его группа варваров в момент размещения на плите тамг первой и второй групп не была столь влиятельной, как кланы, использовавшие обозначения A , B , C , D , E , F , G , H и I . В ином случае символ X поместили бы выше. Не менее важно и то, что этот знак прорезан под углом в 105° ко всем прочим. Единственным объяснением этому факту может быть то обстоятельство, что его поместили на плиту, вынутую из кладки. Что имело смысл сделать в том случае, когда договор с предводителями северопричерноморских кочевых кланов, заключенный Неоптолемом и подтвержденный Махаром, потерял силу.

Перейдем к знаку X . Начнем с того, что сам факт размещения его поверх тамги E не является тривиальным. Да, можно предположить, что один из кланов, присоединившийся к договору Неоптолема – Махара, во вторую очередь расторгнул его, и вместо него соглашение подписала группа северопричерноморских варваров, использовавшая эмблему X . Но вряд ли это событие могло иметь место. Дело в том, что соглашение Неоптолема – Махара, по-видимому, действовало до того момента, когда стало ясно, что Митридат VI Евпатор Дионис в силах подчинить Боспор. И вряд ли нашелся клан, который пожелал бы поддержать Махара в столь критических обстоятельствах.

Полагаем, что знак X появился на плите одновременно с тамгой X . Причём его нанесли с целью устранения памяти о клане, использовавшего символ E , как было сказано выше, довольно влиятельного в Северном Причерноморье со II в. до н. э. до III–IV вв. н. э. Так что мы наблюдаем последствие вражды варварских группировок. Учитывая эти обстоятельства, заключаем, что тамги X и X появились на плите после того, как она была извлечена из стены и использовалась вторично, пока не оказалась в облицовке оборонительного рва.

Заключение

Как видим, плита-писаница из Артезиана, несмотря на многочисленные повреждения, сохранила ценные сведения как по дипломатической, так и по этнической истории Боспорского государства, позволяющие уточнить наши представления о взаимодействии понтийской и региональных элит в период правления Митридата VI Евпатора Диониса. Есть все основания считать, что она донесла до нашего времени единственное, но в то же время достаточно информативное свидетельство о заключении

договора между Неоптолемом и вождями ведущих кочевых кланов Таврики и Северного Причерноморья, который подтвердил и Махар. Так что не случайно изучаемая плита изначально была вмонтирована в стену укрепления на заметном месте.

Но не это самое важное. Выявление трёх групп знаков на плите позволило проследить динамику этих контактов. За двадцать лет изучения было установлено, что монограммы и знаки не появились на плите в один момент времени. Есть все основания полагать, что при Махаре к соглашению присоединились менее влиятельные кланы, а после падения режима этого наместника Митридата VI Евпатора Диониса на плите оказались знаки третьей группы, судя по обстоятельствам их нанесения, вырезанные на плите, вынутой из кладки.

Как видим, объект нашего изучения – информативная «каменная летопись», дешифровка которой значительно уточнила наши знания по истории Боспора понтийского периода. Однако её изучение все еще нет оснований считать завершённым. Дело в том, что на данный момент не выработаны убедительные атрибуции обозначений H , L , I , C и K . Надеемся на то, что нам удастся изучить их в обозримом будущем.

Список сокращений

ААЭ МПГУ – Артезианская археологическая экспедиция Московского педагогического государственного университета; ВДИ – Вестник древней истории (Москва); ДБ – Древности Боспора (Москва); КБН – Корпус боспорских надписей; к.о. – коллекционная опись ААЭ МПГУ; МАИАСП – Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья (Нижевартовск); ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры (Москва, Магнитогорск, Новосибирск).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: [18: 44]. В более поздних работах Паростой считали как Артезиан, так и Либкнехтовку, или Багерово-Северное [17; 20: 125].

2. Оборонительный ров ранней цитадели был обнаружен в 1998 г. на дне позднего оборонительного рва (по его центру). Он был засыпан золистым грунтом, имел трапециевидную в разрезе форму с уклоном внешнего борта 45°. Его сохранившаяся глубина – 1,50–1,55 м. Выявлен северо-восточный угол рва. Северная и восточная линии рва, ориентированные по сторонам света, соединялись под прямым углом. Место стыковки плавно закруглено. Ширина рва в верхней части – 5,60–5,63 м, в нижней 3,00–3,40 м. Ширина рва на месте стыка была вверху – до 7,20 м, внизу – 5 м. При перестройке

укрепления внешний и внутренний скаты раннего рва были срезаны. Следовательно, его реальная глубина в древности была большей и достигала, по меньшей мере, 3,20–3,60 м, а ширина, по-видимому, 6,5–7,0 м. На внутреннем склоне рва выявлен небольшой уступ шириной 0,25–0,28 м, высотой 0,30 м, возможно, служивший основанием несохранившейся каменной или сырцово-облицовки. Плиту можно было принять за часть облицовки раннего рва, но стратиграфические данные позволили заключить, что она оказалась в конструкции облицовки позднего рва, который во многом повторял очертания раннего.

3. Вполне возможно, что она изначально выглядела как $\times$. Дело в том, что правый верхний угол плиты сколот.

4. К этому выводу пришёл и С.А. Яценко [39: 542].

5. Вопрос о генезисе царских тамг Боспора доскональным образом изучен О.В. Шаровым [35: 43–49].

6. Проблему размещения знаков в «энциклопедиях» рассмотрел С.А. Яценко [42: 79–82].

7. Заметим, что обозначение $\cup$ было выявлено на ручке амфоры из коричневой глины в ходе раскопок поселения Мысхако (Восточный холм, раскопки 1990–1991 гг.) в слое I–III вв. Но вряд ли это знак. Принимаем точку зрения С.Ю. Сапрыкина и А.А. Масленникова. Речь должна идти об указании на цену [23: 214, № 224]. Иное дело – рельефные знаки на бронзовом котле V–IV вв. до н. э. (ГЭ. Инв. № 1292/46), найденном в 1852 г. в дер. Карагай (бывш. Ишимский уезд) [22: 27, № 52]. Э.И. Соломоник заключила, что «подобные знаки простых очертаний» известны на предметах малой пластики из Северного Причерноморья [25: № 139].

8. На нём, как верно заметил С.А. Яценко, вырезан и знак $\sim$ [39: 544].

9. Об исследовании этого памятника см.: [21: 295–315; 44: 192–195].

10. Мы истолкуем этот факт несколько ниже.

11. Пользуясь случаем, хотим выразить благодарность С.А. Яценко за ценные консультации и помощь в атрибуции знаков на изучаемой нами плите.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абрамзон М.Г., Винокуров Н.И.* Золотые статеры Аспурга и Митридата III и новые комплексы с монетами и ювелирными изделиями с городища Артезиан // ВДИ. 2016. Т. 76/3. С. 712–743.

2. *Абрамзон М.Г., Винокуров Н.И., Трейстер М.Ю.* Два клада монет и ювелирных изделий времени римско-боспорской войны 45–49 гг. с городища Артезиан // ВДИ. 2012. № 3. С. 93–146.

3. *Абрамзон М.Г., Винокуров Н.И., Трейстер М.Ю.* Хронологические индикаторы и проблемы интерпретации слоя боспоро-римской войны городища Артезиан // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы хронологии: тезисы докладов. Керчь: Крымское отделение института востоковедения, 2014. С. 5–16.

4. *Анохин В.А.* Античные монеты Северного Причерноморья. Киев: Сталос, 2011. 328 с.

5. *Анохин В.А.* Монетное дело Боспора. Киев: Наукова думка, 1986. 222 с.

6. *Белюсов А.В., Трейстер М.Ю.* Парадный кинжал с надписью из княжеского сарматского погребения у с. Косика в Нижнем Поволжье // *Аристей*. 2018. Т. XVIII. С. 92–128.

7. *Вайнберг Б.И.* Монеты древнего Хорезма. М.: Наука, 1977. 303 с.

8. *Вайнберг Б.И., Новгородова Э.А.* 1976. Заметки о знаках и тамгах Монголии // История и культура народов Средней Азии: сборник статей. М.: Наука, 1976. С. 66–74.

9. *Винокуров Н.И.* Исследование строительных остатков поздней цитадели на городище Артезиан в 2015–2017 гг. // ДБ. 2019. Т. 24. С. 92–113.

10. *Винокуров Н.И.* Плита с монограммами и тамгообразными знаками, найденная при раскопках «Цитадели» городища Артезиан // ДБ. 2004. Т. 7. С. 79–88.

11. *Винокуров Н.И., Крыкин С.М.* Римская политика в Северном и в Северо-Западном Причерноморье в середине I в. н.э. // ПИФК. 2017. № 4. С. 170–194.

12. *Винокуров Н.И., Чорев М.М.* К атрибуции символов на плите, найденной при раскопках цитадели городища Артезиан в 2000 г. // *Stratum plus*. 2021. № 6. С. 207–217.

13. *Винокуров Н.И., Яйленко В.П.* Вторая эпитафия с городища Артезиан в Крымском Приазовье // ПИФК. 2022. № 2. С. 31–52.

14. *Винокуров Н.И., Яйленко В.П.* Третья эпитафия с городища Артезиан в Крымском Приазовье // ПИФК. 2022. № 3. С. 95–134.

15. *Гаврилов А.К.* (отв. ред.). Корпус боспорских надписей. Альбом иллюстраций (КБН–альбом). Санкт-Петербург: Алетейя, 2004. 1311 с.

16. *Драчук В.С.* Системы знаков Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1975. 224 с.

17. *Зубарев В.Г.* Историческая география Северного Причерноморья по данным античной письменной традиции. М.: Языки славянской культуры, 2005. 504 с.

18. *Зубарев В.Г., Масленников А.А.* Историческая география Восточного Крыма по Клавдию Птолемию // СА. 1987. № 3. С. 40–44.

19. *Ильясов Дж.Я.* Тамги Бактрии/Тохаристана // Яценко С.А., Рогожинский А.Е., Смагулов Е.А., Табалдыев К.Ш., Баратов С.Р., Ильясов Дж.Я., Бабаяров Г.Б. Тамги доисламской Центральной Азии. Самарканд: Международный институт центральноазиатских исследований ЮНЕСКО, 2019. С. 89–140.

20. *Масленников А.А.* Эллинская хора на краю ойкумены. Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху. М.: Индрик, 1998. 300 с.

21. *Ольховский В.С., Яценко С.А.* О знаках-тамгах из святилища Байте III

на Устьурте (предварительное сообщение) // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии: сборник статей. М.: Геос, 2000. С. 295–315.

22. *Пиотровский М.Б.* (ред.). 2013. *Каталог выставки «Мир кочевников. Из археологических коллекций Государственного Эрмитажа»*. СПб.: Государственный Эрмитаж; АО «Славия», 132 с.

23. *Сарпыкин С.Ю., Масленников А.А.* Граффити и дипинти хоры античного Боспора. Симферополь; Керчь: АДЕФ-Украина, 2007. 320 с.

24. *Смагулов Е.А., Яценко С.А.* Серии знаков из Северного Казахстана // Тамги доисламской Центральной Азии: сборник статей. Самарканд: Международный институт центральноазиатских исследований ЮНЕСКО, 2019. С. 159–197.

25. *Соломоник Э.И.* Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев: АН УССР, 1959. 201 с.

26. *Струве В.В.* (отв. ред.). Корпус боспорских надписей. М.; Л.: Наука, 1965. 951 с.

27. *Фролова Н.А.* Монетное дело Боспора (середина I в. до н. э. – середина IV в. н. э.). Ч. I. Монетное дело Боспора 49/48 гг. до н. э. – 210/211 гг. н. э. М.: Едиториал УРСС, 1997. 448 с.

28. *Чореф М.М.* Афины под властью Митридата VI Евпатора Диониса: по данным нумизматики // *Stratum plus*. 2018. № 6. С. 109–124.

29. *Чореф М.М.* Бронзы Рескупорида II с изображениями царя на коне и Афродиты на троне на реверсе как исторический источник // *Scripta antiqua*. 2022. Т. 10. С. 161–178.

30. *Чореф М.М.* К вопросу о статусе Аспурга как монарха // *Stratum plus*. 2019. № 6. С. 97–116.

31. *Чореф М.М.* К вопросу об атрибуции надчеканки «колос» на монетах Пантикапея и Фанагории // *История*. 2021. Т. 12. № 12-1 (110). URL: <https://history.jes.su/s207987840018583-0-1> (дата обращения: 05.11.2022). DOI: 10.18254/S207987840018583-0.

32. *Чореф М.М.* Недостающие звенья, или К истории Боспорского царства при Евпаторе // *Stratum plus*. 2021. № 6. С. 93–106.

33. *Чореф М.М.* Памятные монеты Махара боспорского чекана как исторический источник // *Stratum plus*. 2012. № 6. С. 105–111.

34. *Шагалов В.Д., Кузнецов А.В.* Каталог монет Чача III–VIII вв. Ташкент: Фан, 2006. 238 с.

35. *Шаров О.В.* Боспорские этюды: к вопросу о появлении царских тамг // *Stratum plus*. 2013. № 5. С. 43–49.

36. *Шаров О.В.* Тамга конского убора из погребения с Золотой маской // Боспорский феномен. Население, языки, контакты: материалы международной конференции. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 161–166.

37. *Яценко С.А.* Заметки по планиграфии Усть-Альминского некрополя в крымской Малой Скифии // *МАИАСП*. 2018. № 10. С. 98–117.

38. *Яценко С.А.* Знаки ранних кочевников плато Устьурт // Тамги доисламской Центральной Азии: сборник статей. Самарканд: Международный институт центральноазиатских исследований ЮНЕСКО, 2019. С. 58–88.

39. Яценко С.А. Знаки собственности сарматского облика (gakk/nishan) в сельских районах Боспорского царства I–III вв. н. э. // ДБ. 2009. Т. 13. С. 539–552.
40. Яценко С.А. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М.: Восточная литература, 2001. 190 с.
41. Яценко С.А. Мужчины сарматского происхождения в некрополях боспорской элиты I–IV вв. н. э. // *Stratum plus*. 2019. № 4. С. 235–256.
42. Яценко С.А. О последовательности нанесения серии тамг на надгробные плиты из некрополя Пантикапея // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища: материалы международной конференции. Ч. 1. СПб.: Государственный Эрмитаж, 2002. С. 79–82.
43. Яценко С.А. Планиграфия знаков-тамг в некрополях оседлого населения Сарматии // *Stratum plus*. 2018. № 6. С. 217–242.
44. Яценко С.А. Тамги на объектах храма Байте III на Устурте: о датировке и этнокультурной атрибуции // Ранний железный век Евразии от рубежа эр до середины I тыс. н. э. Динамика освоения культурного пространства: сборник статей. СПб.: Скифия-принт, 2017. С. 192–195.
45. Яценко С.А., Авизова А.К., Торгоев А.И., Саипов А., Кулиш А.В., Китов Е.П., Рогожинский А.Е., Смагулов Е.А., Ержигитова А.А., Торежанова Н.Ж., Тур С.С., Иванов С.С. Археология и история Кангюйского государства. Шымкент: Элем, 2020. 216 с.
46. Яценко С.А., Рогожинский А.Е. Несколько заметок о знаках-тамгах сарматов и их соседей // МАИАСП. 2021. № 13. С. 733–767.
47. Яценко С.А., Смагулов Е.А. Знаки городища Чача // Тамги доисламской Центральной Азии: сборник статей. Самарканд: Международный институт центральноазиатских исследований ЮНЕСКО, 2019. С. 198–228.
48. Яценко С.А., Чорев М.М. Об атрибуции статера царя Митридата, найденного в 2013 г. при раскопках городища Артезиан // *Stratum plus*. 2022. № 6. С. 137–147.
49. Abramzon M., Vinokurov N. Gold Staters of Aspurgus and Mithridates and New Complexes with Coins and Jewellery Items from the Artezian Settlement // *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*. 2017. Vol. 23. P. 1–41.
50. Abramzon M.G., Treister M.Y., Vinokurov N.I. Two Hoards of Coins and Jewellery Items from the Time of the Roman-Bosporan War of AD 45–49 from the Site of Artezian // *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*. 2012. Vol. 18.2. P. 207–278.

REFERENCES

1. Abramzon, M.G. & Vinokurov, N.I. (2016) Gold Staters of Aspurgos and Mithridates III and new assemblages of coins and jewelry from the site of Artezian. *Vestnik drevney istorii – Journal of Ancient History*. 76/3. pp. 712–743 (in Russian).
2. Abramzon, M.G., Vinokurov, N.I. & Treyster, M.Yu. (2012) Two hoards of coins

and jewellery items from the time of the Roman-Bosporan War of AD 45–49 from the Site of Artezian. *Vestnik drevney istorii – Journal of Ancient History*. 3. pp. 93–146 (in Russian).

3. Abramzon, M.G., Vinokurov & N.I., Treyster, M.Yu. (2014) Khronologicheskie indikatory i problemy interpretatsii sloya bosporo-rimskoy voyny gorodishcha Artezian [Chronological indicators and problems of interpretation of the layer of the Bosporan-Roman war of the Artezian settlement]. *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Aktual'nye problemy khronologii* [Bosporus Cimmerian and the Barbarian World in Ancient Times and the Middle Ages. Topical Problems of Chronology]. Proc. of the Conference. Kerch: Crimean Branch of the Institute of Oriental Studies. pp. 5–16.

4. Anokhin, V.A. (2011) *Antichnye monety Severnogo Prichernomor'ya* [Antique coins of the Northern Black Sea region]. Kyiv: Stilos.

5. Anokhin, V.A. (1986) *Monetnoe delo Bospora* [Coinage of the Bosporus]. Kyiv: Naukova dumka.

6. Belousov, A.V. & Treister, M.Yu. (2018) The ceremonial dagger with the inscription from the princely Sarmatian burial near the village Kosika in the Lower Volga Region. *Aristey – Aristetas*. 18. pp. 92–128 (in Russian).

7. Vaynberg, B.I. (1977) *Monety drevnego Khorezma* [Coins of ancient Khorezm]. Moscow: Nauka.

8. Vaynberg, B.I. & Novgorodova, E.A. (1976) Zаметki o znakakh i tamgakh Mongolii [Notes on the signs and tamgas of Mongolia]. In: Gafurov, B.G. & Litvinskiy, B.A. (eds) *Istoriya i kul'tura narodov Sredney Azii* [History and Culture of the Peoples of Central Asia]. Moscow: Nauka. pp. 66–74.

9. Vinokurov, N.I. (2019) Issledovanie stroitel'nykh ostatkov pozdney tsitadeli na gorodishche Artezian v 2015–2017 gg. [Study of the construction remains of the late citadel at the Artezian site in 2015–2017]. In: Maslennikov, A.A. (ed.) *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus]. Vol. 24. Moscow: Institute of Archeology RAS. pp. 92–113.

10. Vinokurov, N.I. (2004) Plita s monogrammami i tamgoobraznymi znakami, naydannaya pri raskopkakh "Tsitadeli" gorodishcha Artezian [The slab with monograms and tamga-shaped signs found during excavations of the "Citadel" of the Artezian Ancient settlement]. In: Maslennikov, A.A. (ed.) *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus]. Vol. 7. Moscow: Institute of Archeology RAS. pp. 79–88.

11. Vinokurov, N.I. & Krykin, S.M. (2017) Roman policy in the Northern and Northwestern Black Sea region in the mid-1st century AD. *Problemy istorii, filologii, kul'tury – Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*. 4. pp. 170–194 (in Russian).

12. Vinokurov, N.I. & Choref, M.M. (2021) K atributsii simbolov na plite, naydennoy pri raskopkakh tsitadeli gorodishcha Artezian v 2000 g. [To the attribution of symbols on the slab found during excavations of the Citadel of the Artezian Ancient Settlement in 2000]. *Stratum plus*. 6. pp. 207–217.

13. Vinokurov, N.I. & Yaylenko, V.P. (2022) The Second Epitaph from the Artesian Settlement (the Crimean Azov Region). *Problemy istorii, filologii, kul'tury – Problems of History, Philology and Culture*. 2. pp. 31–52 (in Russian).

14. Vinokurov, N.I. & Yaylenko, V.P. (2022) The Third Epitaph from the Arzeian Settlement (the Crimean Azov Region). *Problemy istorii, filologii, kul'tury – Problems of History, Philology and Culture*. 3. pp. 95–134 (in Russian).

15. Gavrilov, A.K. (ed.). (2004) *Korpus bosporskikh nadpisey. Al'bom illyustratsiy (KBN–al'bom)* [The Corpus of Bosporan inscriptions. An Album of Illustrations (KBN-album)]. St. Petersburg: Aleteyya.

16. Drachuk, V.S. (1975) *Sistemy znakov Severnogo Prichernomor'ya* [Sign systems of the Northern Black Sea Region]. Kyiv: Naukova dumka.

17. Zubarev, V.G. (2005) *Istoricheskaya geografiya Severnogo Prichernomor'ya po dannym antichnoy pis'mennoy traditsii* [Historical geography of the Northern Black Sea region according to the ancient written tradition]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

18. Zubarev, V.G. & Maslennikov, A.A. (1987) *Istoricheskaya geografiya Vostochnogo Kryma po Klavdiyu Ptolemeyu* [Historical geography of Eastern Crimea according to Claudius Ptolemy]. *Sovetskaya arheologiya – Soviet archaeology*. 3. pp. 40–44.

19. Ilyasov, Dzh.Ya. (2019) Tamgi Baktarii/Tokharistana [Tamgas of Bactria/Tokharistan]. In: Yatsenko, S.A., Rogozhinskiy, A.E., Smagulov, E.A., Tabaldyev, K.Sh., Baratov, S.R., Ilyasov, Dzh.Ya. & Babayarov, G.B. *Tamgi doislamskoy Tsentral'noy Azii* [Tamgas of Pre-Islamic Central Asia]. Samarkand: MITSAL YUNESKO. pp. 89–140.

20. Maslenikov, A.A. (1998) *Ellinskaya khora na krayu oykumeny. Sel'skaya territoriya evropeyskogo Bospora v antichnuyu epokhu* [Hellenic Chorus on the Edge of the Ecumene. Rural Territory of the European Bosphorus in Ancient Times]. Moscow: Indrik.

21. Olkhovskiy, V.S. & Yatsenko, S.A. (2000) O znakakh-tamgakh iz svyatilishcha Bayte III na Ustyurte (predvaritel'noe soobshchenie) [About signs-tamgas from the sanctuary of Bayte III on Ustyurt (a preliminary report)]. In: Olkhovskiy, V.S. (ed.) *Arkheologiya, paleoekologiya i paleodemografiya Evrazii* [Archaeology, Paleoecology and Paleodemography of Eurasia]. Moscow: Geos. pp. 295–315.

22. Piotrovskiy, M.B. (ed.) (2013) *Katalog vystavki “Mir kochevnikov. Iz arkheologicheskikh kolleksiy Gosudarstvennogo Ermitazha”* [A Catalogue of the Exhibition “The World of Nomads. From the Archaeological Collections of the State Hermitage”]. St. Petersburg: State Hermitage; AO “Slaviya.”

23. Sarpykin, S.Yu. & Maslennikov, A.A. (2007) *Graffiti i dipinti khory antichnogo Bospora* [Graffiti and dipinti of Chorus of Ancient Bosphorus]. Simferopol; Kerch: ADEF-Ukraina.

24. Smagulov, E.A. & Yatsenko, S.A. (2019) Serii znakov iz Severnogo Kazakhstana [Series of signs from Northern Kazakhstan]. In: Suleymanov, R.Kh. (ed.) *Tamgi doislamskoy Tsentral'noy Azii* [Tamgas of pre-Islamic Central Asia]. Samarkand: UNESCO International Institute for Central Asian Studies. pp. 159–197.

25. Solomonik, E.I. (1959) *Sarmatskie znaki Severnogo Prichernomor'ya* [Sarmatian Signs of the Northern Black Sea Region]. Kyiv: AS USSR.

26. Struve, V.V. (ed.) (1965) *Korpus bosporskikh nadpisey* [The Corpus of Bosporan Inscriptions]. Moscow; Leningrad: Nauka.
27. Frolova, N.A. (1997) *Monetnoe delo Bospora (seredina I v. do n.e. – seredina IV v. n.e.)* [The Bosporus Coinage (mid-1st century BCE – mid-4th century CE)]. Vol. I. Moscow: Editorial URSS.
28. Choref, M.M. (2018) Afiny pod vlast'yu Mitridata VI Evpatora Dionisa: po dannym numizmatiki [The Athens under the rule of Mithridates VI Eupator Dionysus: According to numismatical data]. *Stratum plus*. 6. pp. 109–124.
29. Choref, M.M. (2022) Bronzy Reskuporida II s izobrazheniyami tsarya na kone i Afrodity na trone na reverse kak istoricheskiy istochnik [Bronzes of Rhescuporis II with Images of the King on Horseback and Aphrodite on the Throne on the Reverse as Historical Source]. *Scripta antiqua*. 10. pp. 161–178.
30. Choref, M.M. (2019) K voprosu o statuse Aspurga kak monarkha [On the Status of Aspurgus as a Monarch of Bosporan Kingdom]. *Stratum plus*. 6. pp. 97–116.
31. Choref, M.M. (2021) K voprosu ob atributsii nadchekanki “kolos” na monetakh Pantikapeya i Fanagorii [On the attribution countermarks “Ear” on the coins of Panticapaeum and Phanagoria]. *Istoriya – History*. 12(12-1 (110)). DOI: 10.18254/S207987840018583-0
32. Choref, M.M. (2021) Nedostayushchiye zven'ya, ili k istorii Bosporskogo tsarstva pri Evpatore [Missing Links or to the History of the Second Century AD Bosporan Kingdom under Eupator: by numismatic data]. *Stratum plus*. 6. pp. 93–106.
33. Choref, M.M. (2012) Pamyatnye monety Makhara bosporskogo chekana kak istoricheskiy istochnik [Commemorative coins of Machares of Bosporus coinage as a Historical Source]. *Stratum plus*. 6. pp. 105–111.
34. Shagalov, V.D. & Kuznetsov, A.V. (2006) *Katalog monet Chacha III–VIII vv.* [The Catalogue of Chach coins of the 3rd – 8th centuries]. Tashkent: Fan.
35. Sharov, O.V. (2013) Bosporskie etyudy: k voprosu o poyavlenii tsarskikh tamg [Bosporus Etudes: Towards the Emergence of the Royal Tamgas]. *Stratum plus*. 5. pp. 43–49.
36. Sharov, O.V. (2011) Tamga konskogo ubora iz pogrebeniya s Zolotoy maskoy [A tamga of a horse dress from the burial with the Golden mask]. In: Vakhtina, M.Yu. (ed.) *Bosporskiy fenomen. Naselenie, yazyki, kontakty* [The Bosporan Phenomenon. Population, Languages, Contacts]. St. Peterburg: Nestor-Istoriya. pp. 161–166.
37. Yatsenko, S.A. (2018) Zаметки по планиграфии Уст'-Ал'минского некрополя в крымской Малой Скифии [Notes on Planning of Ust-Alma Necropolises in the Crimean Late Scythia]. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya – Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region*. 10. pp. 98–117. DOI: 10.24411/2219-8857-2018-00003
38. Yatsenko, S.A. (2019) Znaki rannikh kochevnikov plato Ustyurt [Signs of the early nomads of the Ustyurt plateau]. In: Yatsenko, S.A., Rogozhinskiy, A.E., Smagulov, E.A., Tabaldyev, K.Sh., Baratov, S.R., Ilyasov, Dzh.Ya. & Babayarov, G.B. *Tamgi doislamskoy Tsentral'noy Azii* [Tamgas of Pre-Islamic Central Asia]. Samarkand: MITSAI YUNESKO. pp. 58–88.

39. Yatsenko, S.A. (2009) Znaki sobstvennosti sarmatskogo oblika (gakk/nishan) v sel'skikh rayonakh Bosporskogo tsarstva I–III vv. n.e. [Property signs of Sarmatian appearance (gakk/nishan) in the rural areas of the Bosporan kingdom of the 1st – 3rd centuries CE]. In: Maslennikov, A.A. (ed.) *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus]. Vol. 24. Moscow: Institute of Archeology RAS. pp. 539–552.

40. Yatsenko, S.A. (2001) *Znaki-tamgi iranoyazychnykh narodov drevnosti i rannego srednevekov'ya* [Signs-tamgas of the Iranian-speaking peoples of the Ancient times and the early Middle Ages]. Moscow: Vostochnaya literatura.

41. Yatsenko, S.A. (2019) Muzhchiny sarmatskogo proiskhozhdeniya v nekropolyakh bosporskoy elity I–IV vv. n.e. [Men of Sarmatian Origin in the Bosporan Elite Necropolises of the 1st – 4th CE]. *Stratum plus*. 4. pp. 235–256.

42. Yatsenko, S.A. (2002) O posledovatel'nosti naneseniya serii tamg na nadgrobnye plity iz nekropolya Pantikapeya [On the sequence of applying a series of tamgas on tombstones from the necropolis of Panticapaeum]. In: Vakhtina, M.Yu. (ed.) *Bosporskiy fenomen: pogrebal'nye pamyatniki i svyatilishcha* [Bosporan phenomenon: funerary monuments and sanctuaries]. Vol. 1. St. Petersburg: State Hermitage. pp. 79–82.

43. Yatsenko, S.A. (2018) Planigrafiya znakov–tamg v nekropolyakh osedlogo naseleniya Sarmatii [Planigraphy of Tamga-Signs in the Necropolises of Sedentary Population in Sarmatia]. *Stratum plus*. 6. pp. 217–242.

44. Yatsenko, S.A. (2017) Tamgi na ob'yektakh khrama Bayte III na Ustyurte: o datirovke i etnokul'turnoy atributsii [Tamgas on the objects of the Baite III temple in Ustyurt: on dating and ethnocultural attribution]. In: Savinov, D.G. (ed.) *Ranniye zheleznyy vek Evrazii ot rubezha er do serediny I tys. n.e. Dinamika osvoeniya kul'turnogo prostranstva* [The Early Iron Age of Eurasia from the turn of the eras to the middle of the 1st millennium CE. Dynamics of cultural space development]. St. Petersburg: Skifiya-print. pp. 192–195.

45. Yatsenko, S.A., Avizova, A.K., Torgoev, A.I., Saipov, A., Kulish, A.V., Kitov, E.P., Rogozhinskiy, A.E., Smagulov, E.A., Erzhigitova, A.A., Torezhanova, N.Zh., Tur, S.S. & Ivanov, S.S. (2020) *Arkheologiya i istoriya Kangyuyskogo gosudarstva* [Archaeology and History of the Kangju State]. Shymkent: Elem.

46. Yatsenko, S.A. & Rogozhinskiy, A.E. (2021) Some notes on the tamga-signs of Sarmatians and their neighbours. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya – Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region*. 13. pp. 733–767 (in Russian). DOI: 10.53737/2713-2021.2021.56.17.023

47. Yatsenko, S.A. & Smagulov, E.A. (2019) Znaki gorodishcha Chacha [Signs of the Chach settlement]. In: Yatsenko, S.A., Rogozhinskiy, A.E., Smagulov, E.A., Tabaldyev, K.Sh., Baratov, S.R., Ilyasov, Dzh.Ya. & Babayarov, G.B. *Tamgi doislamskoy Tsentral'noy Azii* [Tamgas of Pre-Islamic Central Asia]. Samarkand: MITSAL YUNESKO. pp. 198–228.

48. Yatsenko, S.A. & Choref, M.M. (2022) Ob atributsii statera tsarya Mitridata, naydenogo v 2013 g. pri raskopkakh gorodishcha Artezian [On the attribution of the stater of King Mithridates, found in 2013 during the excavation of the site of Artesian]. *Stratum plus*. 6. pp. 137–147.

49. Abramzon, M. & Vinokurov, N. (2017) Gold Staters of Aspurgus and Mithridates and New Complexes with Coins and Jewellery Items from the Artezian Settlement. *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*. 23. pp. 1–41.

50. Abramzon, M.G., Treister, M.Y. & Vinokurov, N.I. (2012) Two Hoards of Coins and Jewellery Items from the Time of the Roman-Bosporan War of AD 45–49 from the Site of Artezian. *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*. 18.2. pp. 207–278.

Винокуров Николай Игоревич – доктор исторических наук, профессор, директор Центра археологических исследований Московского педагогического государственного университета (Россия).

Nikolai I. Vinokurov – Moscow Pedagogical State University (Russia).

E-mail: vinokurovn@list.ru

Чореф Михаил Михайлович – кандидат исторических наук, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Россия).

Mikhail M. Choref – Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Russia).

E-mail: choref@yandex.ru

УДК 745.51:008(477.83/.86)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/70/3

Хрестологія лемків-русинів: історичний аспект

Р.В. Одрехівський

Львівський державний університет фізичної культури
імені Івана Боберського
79007, Україна, м. Львів, вул. Костюшка, 11
E-mail: odre2010@ukr.net

Авторське резюме

Лемківщина – це край, де збереглося багато пам'яток сакрального мистецтва. Особливе місце серед них займають хрести. Вони свідчать про приналежність лемків-русинів до церкви Східного обряду. Це дуже важливо, оскільки допомогло лемкам-русином зберегти свій церковний обряд, звичаї, мову і культуру у іншоконфесійному та іншомовному оточенні. На сьогоднішній день через територію Лемківщини пролягають туристичні маршрути, багато хрестів як дерев'яних, так і кам'яних потребують обстеження, дослідження, реставрації. Тому тему дослідження вважаємо актуальною. У результаті поділу Християнської церкви лемки-русини опинилися у лоні церкви Східного обряду. Саме поширення східнохристиянського варіанту хреста відіграв велику роль у історичному збереженні русинів-лемків від асиміляції. Велику роль у цьому відігравали ручні хрести. На думку автора різьблені ручні хрести – це продовження середньовічної дрібної пластики традиції Східної церкви з металу, каменю, дерева, кістки, кераміки. Типові ручні дерев'яні хрести церкви Східного обряду – семиконечні, однак, трапляються і восьмиконечні зі скісною долішною перемичкою. Їх прикрашають зображення під впливом візантійського іконопису, а також написи кириличним шрифтом. Окрему групу становлять лемківські кам'яні хрести. Вони виразно виділяються, як приналежні до Східного обряду та відображають історію та культуру русинів. Хрестологія лемків-русинів – це окремий малодосліджений пласт історії та світової сакральної культури. У перспективах подальших досліджень варто ширше вивчити історію та значення хреста у історії та церковному житті інших етнокультурних груп русинів: гуцулів, бойків, подолян та ін.

Ключові слова: Лемківщина, лемки-русини, хрест, Східний обряд, історія культури, історія хреста

Хрестология лемков-русинов: исторический аспект

Р.В. Одрехивский

Львовский государственный университет физической культуры
имени Ивана Боберского
79007, Украина, г. Львов, ул. Костюшко, 11
E-mail: odre2010@ukr.net

Авторское резюме

Лемковина – это край, где сохранилось много памятников сакрального искусства. Особое место среди них занимают кресты. Они свидетельствуют о принадлежности лемков-русинов к церкви восточного обряда. Это очень важно, поскольку помогло лемкам-русинам сохранить свой обряд, обычаи, язык и культуру в иноконфессиональном и иноязычном окружении. На сегодняшний день через территорию Лемковщины пролегают туристические маршруты, где много крестов, как деревянных, так и каменных, нуждаются в обследовании, исследовании, реставрации. Поэтому тему исследования считаем актуальной. В результате разделения церкви лемки-русины оказались в лоне церкви восточного обряда. Именно логос, проповедь креста восточного обряда, сыграл большую роль в историческом сохранении русинов от ассимиляции. Большую роль в этом играли ручные кресты. По нашему мнению, резные ручные кресты – это продолжение средневековой мелкой пластики традиции восточной церкви из металла, камня, дерева, кости, керамики. Типичные ручные деревянные кресты церкви восточного обряда семиконечны, однако случаются и восьмиконечные с кривой нижней перемычкой. Их украшают изображения под влиянием византийской иконописи, а также надписи кириллическим шрифтом. Отдельную группу составляют лемковские каменные кресты. Они отчетливо выделяются, как принадлежащие к церкви восточного обряда, и отражают историю и культуру русинов. Хрестология лемков-русинов – это отдельный малоисследованный пласт истории и мировой сакральной культуры. В перспективах дальнейших исследований следует шире изучить историю и значение креста в истории и церковной жизни других этнокультурных групп русинов: гуцулов, бойков, подолян и др.

Ключевые слова: Лемковина, лемки-русины, крест, восточный обряд, история культуры, история креста

The crosses of Lemko-Rusins: A historical aspect

R.W. Odrekhivskiy

Ivan Boberskyi Lviv State University of Physical Culture
11 Kostyushko Street, Lviv, 79007, Ukraine
E-mail: odre2010@ukr.net

Abstract

The Lemko Region (Lemkivshchyna) is a region with many sights of sacred art, among which crosses hold a special place. The crosses testify to the belonging of the Lemko-Rusins to the church of the Eastern rite, which is very important, since it helped the Lemko-Rusins maintain their rite, customs, language and culture in a foreign-confessional and foreign-language environment. Today, there are many tourist routes through the territory of Lemkivshchyna, and many of wooden and stone crosses need examination and restoration. After the division of the church, the Lemko-Rusins became part of the Eastern Rite. It was the Logos, the preaching of the Eastern Rite Cross, that played an important role in the historical preservation of Rusins from assimilation. Hand-made crosses were of a great importance for that. Carved hand-made crosses continued the medieval Eastern Church tradition of indoor sculpture of metal, stone, trees, bones, and ceramics. Typical handmade wooden crosses of the Eastern Rite church are septangular, sometimes octagonal, with a long jumper. They are decorated with images influenced by Byzantine iconography, as well as inscriptions in Cyrillic. A separate group consists of Lemko stone crosses. They are special, since they belong to the Eastern Rite and reflect the history and culture of Rusins. The Lemko-Rusins crosses are a separate understudied layer of history and world sacred culture. In the long run, it is worth studying the history and value of the cross in the history and church life of other ethno-cultural groups of Rusins: Hutsuls, Boykos, Podolyans, etc.

Keywords: Lemko region, Lemko-Rusins, cross, Eastern Rite, history of culture, history of the cross

Лемківщина – край здавна заселений русинами – трудовим і здібним до різних художніх промислів та ремесел народом. Нині територія Лемківщини – це територія Східної Словаччини (переважно – Пряшівщина), західна частина Закарпатської області України та південно-східна Польща (окремі південні частини Малопольського і Підкарпатського воєводства). Ґрунти в горах – малородючі, тому

лемки-русини велику увагу приділяли художнім ремеслам. Густі ліси та поклади каменю-пісковика були чудовою сировинною базою для розвитку різьбярства та будівництва. Здавна були тут набули розповсюдження також іконопис, ткацтво, вишивка, кераміка та інші художні промисли і ремесла. Тому, як зазначають дослідники мистецтва, цей край багатий на: «...шатні церкви, оздоблені іконостасами та іншими художніми витворами, а навколишній простір перехресть, обабіч доріг наповнився капличками та різними різьбленими символами-фігурами» [6 : 45].

На вулиці донині збереглись переважно кам'яні фігури, оскільки дерево просто неба, як правило, зберігається не тривалий час. Зазначені фігури у великій кількості являють собою хрести. Але ці хрести встановлювалися не просто так. Вони несли для лемків зрозуміле їм сакральне навантаження. Тому головним завданням нашого дослідження буде дослідити «логос», тобто «слово», «мовлення», смислове навантаження, матеріально втілене у лемківському хресті. Оскільки, «логос...» тлумачиться від грецького як «вчення», «слово» [9: 398]. Сила монументального слова була відома ще задовго до виникнення й поширення християнства. У античні часи слово виходило у простір міста, сміливо виступало на вулиці разом із архітектурою. Згадаймо єгипетські стели з ієрогліфами, римські тріумфальні арки з текстами. Пропагандистське слово у місті – перш за все ораторське мистецтво.

З поширенням християнства християнські символи із написами перебрали на себе функції монументального «логоса-слова». Це – фігури Богоматері із маленьким Христом, Господа Ісуса Христа, а також хрести без написів та зображень, або із написами та зображеннями тощо. А у церкві традиції стародавнього ораторського мистецтва розвивали священнослужителі.

Сучасна Лемківщина – це територія перетину численних міжнародних туристичних маршрутів у Східній Словаччині, Південно-Східній Польщі та західних районах Закарпаття в Україні. Багато пам'яток лемківської хрестології, з метою їх подальшого використання як туристичних об'єктів, потребує дослідження та реставрації. Тому пропонувану тему вважаємо актуальною. Окрім того, ні історичний, ні краєзнавчий аспект цього питання дотепер практично докладно не досліджувався ученими.

Історії та культурі Лемківщині присвячені праці класика дослідження історії та культурології лемків-русинів Ю. Тарновича [11; 12]. Ці роботи базовані на багатому фактологічному матеріалі. Розвитку матеріальної культури лемків приділено увагу в дослідженні українського радянського історика І. Красовського [3]. Побіжно торкається лемківської хрестології Р. Одрехівський [6; 7]. Автор виводить істо-

ричні корені сакрального мистецтва та культури лемків від Київської Русі [7 : 11, 13].

Багато праць з історії русинів належать перу С. Суляка, який детально проаналізував їхнє походження та їхній релігійний світогляд [10]. З його праць, зокрема, довідуємося також про історичну приналежність русинів до церкви Східного обряду. В окремих місцях автор наводить матеріали, які торкаються історії та релігійного світогляду серед інших русинів і лемків [10: 43, 48].

Аналізуючи наукові роботи, доходимо до висновку, що на сьогоднішній день відсутні окремі праці присвячені історії хрестології лемків-русинів як феномену світової сакральної культури. Та навіть конкретні тематичні праці, які присвячені походженню, історичному минулому лемків-русинів від найдавніших часів, як правило не розглядають цю проблему. Тому тему нашого дослідження історії хрестології як феномену сакральної культури лемків-русинів вважаємо актуальною.

Територіальні та хронологічні межі дослідження охоплюють переважно терени Галичини (Північну Лемківщину, тепер – територія Республіки Польща) від поширення там християнства і до кінця першої третини ХХ століття – насильницького виселення лемків-русинів зі своїх автохтонних земель.

На наше переконання, логос хреста об'єднував усіх русинів, розкиданих здавна у різних державах у єдине національне ціле. Адже, як зазначають дослідники, русини віками проживали в умовах іншомовного та іншоконфесійного оточення. І збереглись у цьому оточенні, завдяки своїй певній ізоляції та консерватизму [10: 30]. Тому метою статті та головним завданням є розпочати комплексне дослідження із історії хрестології лемків-русинів як феномену світової сакральної культури. Серед завдань дослідження виділимо: генезу та становлення лемківського хреста Східного християнського обряду, тлумачення значення логосу лемківського русинського хреста, як унікального та древнього явища у світовій сакральній культурі, типологію лемківського хреста.

Методологія дослідження базується на хронологічному, порівняльно-історичному, аналітичному аналізах. У окремих місцях використовується мистецтвознавчо-порівняльний аналіз, оскільки хрест здавна відігравав не тільки сакральне, але і художньо-естетичне, патріотичне суто національно-пізнавальне значення для русина-християнина на усіх русинських землях, не тільки на Лемківщині.

Слов'янські вчителі і місіонери св. Кирило та Методій, коли йшли до хозар, то в 861 році зустріли в Криму християн, що згідно із легендою, показали їм Євангеліє і Псалтир, написані «руськими буквами» [15: 106]. Таким чином, слов'янське письмо здавна було присутнє Хри-

стіянському культі. Очевидно, що у ті далекі часи Лемківський край належав до Перемиської Єпархії. Коли у 988 році великий князь Володимир хрестив Київську Русь, на терених його держави уже існували архієпископство у Тмутаракані та єпископство у Перемишлі [15: 106].

До середини XI століття більшість християн усього світу (за винятком окремих церков із відносно невеликою у порівнянні із іншим світом кількістю вірних) сповідували єдине вчення під керівництвом Папи Римського. Однак, після вікопомної великої схизми середини 1054 року Християнський світ поділився на дві найбільші гілки християнства – Західну, латинську та Східну, візантійську.

Як відомо, 16 липня 1054 року до Константинополя прибули легати із буллою Папи Римського анафемствувати Константинопольського Патріарха Михаїла (Керуларія). Однак, патріарх скликав синод у константинопольському храмі Св. Софії 20 липня і виголосив анафему на легатів Папи Римського, різними способами отримавши у цьому підтримку віруючого народу і константинопольського чернецтва. Так відбулася Велика Схизма, поділ Християнської Церкви на Східну та Західну [15: 118].

Лемки опинилися сфері Східної, ортодоксальної, тобто Православної Церкви. «Ортодокс» з грецької означає «правовірний», «той, що неухильно, додержується певних переконань, напрямів учень» [9: 488]. Відповідно, як православні, так греко-католицькі лемківські церковні громади належать до ортодоксальної, східної традиції візантійського обряду. Водночас, пам'ятаємо про умовність цього терміну. Таким чином, історія та сакральне мистецтво Лемківщини розвивалось назагал в єдиному ортодоксальному руслі із невеликими та переважно несуттєвими відмінностями між православною та греко-католицькою сакральною культурою. Тим більше, що головним завданням нашого дослідження дослідити у першу чергу не конфесійно-пластичну, мистецтвознавчу чи теологічну, а проповідну, логосну суть лемківського хреста та онтологічні, аксіологічні та деякі інші особливості у історичному розвитку. Але це частково пов'язано також із типологією, символікою та функцією хреста. «Ортодоксі» – поняття полісемантичне. Його можна перекласти як «правомислі», «правовіріє» та «православіє» [2: 3].

Хрести у сакральній культурі окрім логосного значення мали ще й велике аксіологічне. Поняття «аксіологія» у нашому дослідженні виводимо від грецького – «цінність» і «логія» – вчення про цінності [9: 31]. Хрест був високою достойністю і проповідував високі християнські цінності та чесноти.

Термін «сакральне» виведено від латинського «sacrum» [9: 597] («священний предмет», «священна річ», «священне творення»). «Са-

кральне» часто розуміється як синонім «церковного», «духовного», «релігійного», «культового». Однак поняття «церковного», «культового» передбачає огляд тільки обрядового боку, «духовне», «релігійне» не вичерпує усіх значень, які охоплює історія та мистецтво культового різьблення. Ми не випадково зупинилися на мистецтві різьблення, адже переважна більшість розглянутих нами лемківських хрестів власне були або вирізьблення із дерева, або витісані із каменю.

Хрест подаємо як феномен сакральної культури Лемківщини. Під поняттям «феномен» [9: 701] (грец. те, що з'являється) розуміємо подію у нашій свідомості, коли ми інтуїтивно «схоплюємо» сутність об'єктивно-ідеальну, що унаслідок цього постає перед нами у своїй достовірності. Саме так створюється і сприймається будь-який феномен [14]. Скористаємось твердженням дослідників, які трактують феномен, як явище [5: 676] і проаналізуємо у роботі мистецтво сакрального різьблення, яким було виконано більшість лемківських хрестів, як особливе явище у історії світового мистецтва та сакральної культури.

Християни Західної (католицької) та Східної (православної) церкви, зберігаючи спільну віру, мали дещо відмінні уявлення про Сходження Святого Духа, про Ісуса Христа, спасіння, культ Богородиці – Діви-Марії, завдання церкви, мали різні традиції та ментальність. Як зазначають дослідники. Західна модель уяви про світ як шлях до Бога, притягує людину потужним потоком архітектурних форм до вітаря. Античне ж уявлення про світ як космос, більш статичне, сформувало уяву про храм у Східній церкві, тобто, візантійського обряду [2: 3]. Це також відбилося на суті сприйняття хреста людиною.

Велику роль у цьому відігравали ручні хрести. На наш погляд, різьблені ручні хрести – це продовження середньовічної дрібної пластики традиції Східної церкви з металу, каменю, дерева, кістки, кераміки. Адже саме на ручних хрестах збереглась з меншими змінами давня манера різьби та коло сюжетів – зображення Розп'яття, Богородиця з Дитиною, Святих та ін.

Дослідник О. Р. Тищенко [13: 92–93] стверджував, що вже у другій половині XVIII ст. було поширено два типи ручних хрестів:

1) перший тип з'явився ще раніше, хрест складається з багатофігурних композицій, розміщених у клемах;

2) другий тип з'явився, на думку О. Р. Тищенка, на початку XVII ст. із лаконічнішою, простішою пластичною і композиційною розробкою зображень, пластичним виділенням фігури Христа [13: 93].

Однак, поза сумнівом вірним є те, що у XVII – XVIII ст. існували вже хрести цих двох типів. Кількість кінців хреста – різна. Щодо причини виникнення різної кількості кінців у хрестах, то цікаві пояснення цього дає В. Свенціцька у своїй праці «Різьблені ручні хрести XVII – XX

вв.» (Львів, 1939), посилаючись на дослідника Л. Вержбіцького. Згідно цього твердження, 6, 7, 8-конечні хрести виникли згідно потреб декоративних та церковно-обрядових: «артист в міру того, скільки образів хотів примістити на хресті, додавав до нього поперечки, а згодом ця форма хреста з кількома поперечками стала загальнопринятою і на Сході обов'язуючою» [8: 5].

Погоджуємося з твердженням В. Свінцицької, що типові ручні дерев'яні хрести церкви Східного обряду – семиконечні, однак, трапляються і восьмиконечні зі скісною долішньою перемичкою. Очевидно, це найбільш поширені види ручних хрестів Галичини, а, отже – і на галицькій Лемківщині, бо рідше траплялись і інші.

Серед обстежених до першого типу (згідно вищенаведеного поділу) належить хрест із Перемищини¹. Цілком ймовірно, що він походить з Лемківщини. Хрест датований 1678 р. (рис. 1 (аверс), рис. 2 (реверс хреста)). Це – семиконечний хрест.

На аверсі хреста бачимо розміщені 4 іконографічні сцени. Без сумніву, що центральною і найбільшою сценою є зображення сцени розп'яття з Пристоячими, на середньому середохресті Ісус Христос зображений розп'ятий на семиконечному хресті (нижня долішня перемичка – скісна – лівий бік вище, правий – нижче). Ноги в Ісуса зображені найбільш поширеним способом у лемківському хресті в позиції за Східним обрядом, (кожна стопа кріпиться до Хреста окремо цвяхом).

На верхній перемичці в овальній клеймі бачимо зображення «Тайної вечері». Постаць Ісуса у центрі виділена розміром і трохи вищим рівнем розташування від постатей Апостолів. На правому кінці центральної (середньої) перемички зображено сцену «Коронування Ісуса Христа». На жаль, деталі композиції, як і в верхній «Тайній вечері» дещо притерті. На нижній перемичці зображено сцену «Покладення до гробу». Цю композицію прослідковуємо як творче продовження вишитих зображень на лемківських плащаницях.

На тильній стороні бачимо не 4, а вже 5 композицій. У центрі – композиція «Хрещення Ісуса Христа», яка складається з трьох постатей. У центрі – фігура Ісуса, який, як ми розуміємо, стоїть на річному камені у ріці Йордань. Голова Ісуса легко нахилена до Іоана Хрестителя, останній зображений лише до пояса в позиції у профіль. Правою рукою він здійснює обряд хрещення. З другого боку бачимо приклякнутого навколішки Ангела. Над усією композицією зображені і голуб з розпростертими крилами, який символізує образ Святого Духа (Лк. 3: 22).

Усі зображення на хресті за зовнішнім периметром обведені ковчегом із хвилясто-зубчатим орнаментом. Виділяється багатство

орнаментального оздоблення обрамлення клейм із сюжетними зображеннями. Окрім зовнішнього різьбленого хвилясто-зубчатого обрамлення деякі окремі оздоблені смугою із розет і косою хреста. На жаль, повну красу первісної оздоби не дозволяє оцінити не цілковита збереженість хреста – пошкодження одного боку нижньої перемички, притертість окремих деталей. Саме це останнє не дозволяє зробити детальніший аналіз сюжетних композицій.

Рис. 1. Хрест із Перемищини (Музей землі Перемиської, м. Перемишль. Польща. Інв. № 1524). Аверс. Розп'яття Ісуса Христа. 1678 рік. Фото із фондів музею.

Рис. 2. Хрест із Перемищини (Музей землі Перемиської, м. Перемишль. Польща. Інв. № 1524). Реверс. Хрещення Ісуса Христа. 1678 рік. Фото із фондів музею.

Зазначимо, що такий декор клейм із фігуральними зображення, у напрямку всередину від хвилясто-зубчатого орнаменту смугою з мотивів розет і косою хреста був у ті часи поширеним, бо подібне помічаємо в декорі хреста з Острова біля Галича з 1675 р. [8: 23] та ряду інших.

Сюжети на цих хрестах також типові для др. пол. XVIII ст. на лицевій композиції у таких хрестах головною виступає композиція з Розп'яттям, а на задній – Хрещення Ісуса Христа [8: 19]. У клеймах по обидва боки, як бачимо на хресті з Перемищини, розташовувались інші композиції дрібнішого розміру, аніж головні. Кількість композицій може бути різною. В. Свенціцька фіксує такі двосторонні хрести із 24-ма зображеннями [8: 6]. Ми серед обстежених з найбільшою кількістю композицій зафіксували у хресті з Ланцута – 26 зображень².

Усі композиції цього хреста із зовнішнього краю удекоровані, як і в попередньо згаданих хрестах смужкою із хвилясто-зубчатого орнаменту. Крайні композиції середньої перемички прикрашені смугою із розет і косоного хреста.

Ряд композицій цього хреста містять більше фігурних зображень, аніж у хресті з Перемищини. Таким постає перед нами сюжет з «Розп'яттям», де біля розп'ятого Спасителя зображено велику кількість осіб Пристоячих. Сама ж постать Ісуса не виділена більшим розміром від інших фігур у цьому сюжеті, як на хресті з Перемищини. Те ж саме можна сказати і про другу сторону хреста з Перемищини, де центральним стає сюжет «Хрещення Ісуса Христа». Постать Христа подана, як і інших персонажів – силуетно – у весь зріст. Як і в перемиському хресті, Христос прихилив свою голову до Іоанна Хрестителя. Останній поданий у позиції профіль із благословляючим жестом правиці. З другого боку від Ісуса зображені такого ж розміру п'ять фігур людей – дві на передньому плані, три – на другому. Зверху над людьми – голуб – символ Святого Духа (Ів. 1: 32) в оточенні зірок. Знизу композицію завершують теж дві зірки.

Як і на хресті з Перемищини, окремі деталі композиції та написи на хресті з Ланцута притерті часом, що утруднює читабельність окремих літер та не дає можливості розглядіти усі деталі сюжетних зображень.

Однак, як твердять дослідники і реально показують наші обстеження, хрести 2-го типу (згідно вищезгаданого поділу) є типовою для хрестів XVIII, XIX та XX ст. [8 : 21]. Вони зображають, як правило, з лицевого боку фігуру Розп'ятого Ісуса Христа часто з погруддями Пристоячих, з другого боку – Богоматір у весь зріст, інколи з Дітям на руках. Цікаво зазначити, що дослідники помітили, що у др. пол. XVIII – пер. пол. XIX ст. зображення людських постатей на хрестах цієї 2-ї групи набули дуже узагальнених, схематизованих, а подекуди навіть примітивних форм [1: 355].

Типовим у цьому плані є хрест із Сянїччини з XVIII ст.³ Зазначимо, що образ Розп'яття, верхня частина якого традиційно розташована на середньохресті, тут поданий хоч дещо по-простонародному, примітивніше, але у незначному трьохчетвертному розвороті тоді, як

у всіх вищезгаданих хрестах фігура Ісуса зображена фронтально. Отже, з одного боку помічаємо упрощення і примітивізацію форм, а з другого – подача не просто фасова, а зі спробою зробити трьохчетвертний розворот фігури. Сама ж орнаментация решти поверхні хреста справді більш спрощена, схематизована.

Інша частина площі поверхні хреста удекорована значно простішим орнаментом зигзагів, прямокутників, спрощеного і узагальненого косоного хреста. Місцями годі розібрати – чи зображено орнамент, чи це – притерті часом літери якогось напису. Сам орнамент у деяких місцях опуклий. Особливо це помітно на реверсі хреста з Сяніччини, де у центрі середньохрестя зображено Богоматір з Дитиною. Мова йде в першу чергу про декор нижньої (третьої) перемички з мотивом косоного хреста. До речі, помічаємо спробу автора розмістити постать Богоматері теж у незначному трьохчетвертному розвороті, чого не було в попередню епоху. Окремі штрихи з декору одягу на Богоматері перегукуються з фоном, а на Дитині – ще й з Пристоячими. Таким чином, у цій пам'ятці також, як і у всіх розглянутих нами попередніх, створено гармонійний ансамбль зображеної на хресті постаті чи то Ісуса Христа, чи то Богоматері з Дитиною чи інших людських фігур з фоном.

Зазначимо, що всі розглянуті нами хрести – двосторонні. Окрім поміченої тенденції на протязі XVIII ст. – огрублення та спрощення зображень, є ще ряд змін. Таку зміну, як ще зазначила у 30-х рр. XX с. В. Свенціцька, а саме – поступове витіснення пластичного рельєфу площинним [8: 16], зрештою, можемо пов'язати із змінами, пов'язаними із згаданими огрубленнями та спрощенням зображень. Однак простежуємо у XVIII ст. ще й інші тенденції, зокрема, поява на межі XVIII і XIX ст. під впливом бароко хрестів різьблених лише з одного боку досить високим рельєфом [8: 14].

Типовим серед таких є односторонній хрест із колекції історичного музею м. Сянока (рис. 3)⁴ із др. пол. XVIII ст. Незважаючи на прагнення майстра наслідувати висотою рельєфу бароко у зображенні Розп'яття, виразно відчувається вплив народного мистецтва, в першу чергу у специфічних пропорціях (занадто великі голова та кисті рук тощо) нескulptурному трактуванні окремих фрагментів постаті (однакові графічні лінії рисунку волосся та складок начересленника).

Цікавою особливістю зображення Ісуса є стиснуті в кулак руки на позиція стоп ніг паралельно поміж собою – тобто за Східним обрядом. Фон у порівнянні з фігурою та високим обрамленням зовнішнього периметра Хреста – глибокий, удекорований паралельними лініями та високо виступаючими літерами з написами. Останні, однак, нижче виступають над фоном, ніж фігура Ісуса та обрамлення.

Звертає увагу на себе головка квітки, зображена невисоким рельєфом на стержні поміж першою (найвищою) і другою (середньою) перемичкою. Це можемо трактувати як відгомін тенденції зображати місцеві рослини в українській барочній іконостасній різьбі XVII – XVIII ст. [1 : 151]. Отже, бачимо цікаве поєднання типово барочних рис і народного мистецтва у різьбі лемківських дерев'яних різьблених ручних хрестів.

Таким чином, протягом другої половини XVII – XVIII ст. ручні дерев'яні різьблені хрести пройшли цікавий шлях еволюції. На їх декорі відчуваємо вплив техніки і сюжетів давньоукраїнської дрібної пластики, стародруків народної гравюри на дереві, народного іконопису за традицією Східної церкви. Це помічаємо як у трактуванні людських фігур, орнаментального декору, так і літер текстів написів кириличим, а не латинським шрифтом.

Зазначимо, що у XIX – першій третині XX століття багато ручних русинських хрестів мали у декорі характерну більш довільну за принципом структури композицію – більш вільне ритмування штрихом поверхні, не так геометризовано, елементи живописності у трактуванні форм тощо. Типовим у цьому плані серед багатьох інших є хрест із Фльоринки із 1877 року (рис. 4, 5). У 1993 році ми обстежили його у приватній колекції Архієпископа Перемиського і Новосанчівського Польської Православної церкви Адама (в миру Александер Дубець). Така велика кількість дерев'яних високохудожніх хрестів, в тому числі, із рисами упрощеного «народного стилю» декору, як на хресті із колекції Архієпископа Адама, є традиційною, бо, як зазначає відомий історик лемків Ю. Тарнович на Лемківщині русини практично у кожному селі займалися деревообробкою та іншими художніми ремеслами [12: 140].

Виразно виділяються, як приналежні до Східного обряду й кам'яні меморіальні хрести лемків-русинів. Результати комплексних експедиційних експедицій по Лемківщині на території схилів Карпат у

Рис. 3. Односторонній хрест із колекції історичного музею м. Сянока. Інв. № 227.
Фото із фондів музею.

сучасній Республіці Польщі свідчать, що не вдалося віднайти хрестимеморії, давніші другої половини ХІХ століття. Розуміємо, що відсутність музеїв-лапідаріїв призвела до того, що на відміну від невеликих за розміром ручних чи церковних хрестів, серед яких хоч невелика кількість збереглася у музейних збірках, давні кам'яні у оригіналі до сьогодні не збереглися. Або нам невідомі.

Рис. 4. Хрест із приватної колекції
Архієпископа Перемиського
і Новосанчівського Польської
Православної церкви Адама
(Александр Дубець). 1877 рік, із с.
Фльоринка (Лемківщина).
Аверс. Фото Архієпископа Адама
із 1993 року.

Рис. 5. Хрест із приватної колекції
Архієпископа Перемиського
і Новосанчівського Польської
Православної церкви Адама
(Александр Дубець). 1877 рік, із с.
Фльоринка (Лемківщина).
Реверс. Фото Архієпископа Адама
із 1993 року.

На Лемківщині, в районі Магурицького хребта (південна частина Горлицького та Ясельського повітів Підкарпатського воєводства нинішньої Республіки Польща) є поклади каменя-пісковика. Завдяки доступу до його родовищ, та високої якості видобутої сировини, села, які знаходяться поруч – Перегонина, Бортне, Бодаки здавна були центром каменярства у регіоні [7: 87]. Застосування у будівництві тесаного каменя (пісковика, вапняка) – це староруська традиція Київської Русі, про що згадують різні історики [4: 309].

Здебільшого, лемківські кам'яні хрести представляють собою монолітний блок із Розп'яттям. Варто зазначити, що у Логос Лемківського хреста варто також включити епістолярію поза самим хрестом, яка включена у структуру композиції. Ось наприклад про велику етнічну самосвідомість лемків промовляє кам'яний надгробний хрест із Розп'яттям із Мацини Великої із 1921 року. На його постаменті викарбуваний напис «Тут спочиває Лемко Пиш». Логос цього напису зацентрований ще тим, що у композиції немає більше жодного епістолярію: ані традиційного картушу над верхньою перемичкою із написом «Н Ці», ані якихось інших знаків... Логос промовляє із характерною для Лемківського хреста небагатослівністю та конкретністю [6: 49]. Як і личить у традиції лаконічних, але віруючих горян-лемків: коротко, але вразливо, зрозуміло і всеохоплююче. У цьому вся Аксиологія та весь Сакрум питання – донести святі та зрозумілі речі коротко, небагатослівно та зрозуміло.

Власне, що Лемківський кам'яний хрест характеризують лаконічність образу та виразу, розвинута цокольна частина, відсутність зайвих епістоляріїв та інших прикрас (рис. 6). Це його відрізняє від кам'яних хрестів із інших районів Галичини, як: із Брусна (Любачівщина, Республіка Польща), Демні (Миколаївський район Львівської області в Україні), Теробовлі (Тернопільська область України) та ін.

Своїй появі багато лемківських хрестів, особливо придорожніх, нацвинтарних меморіальних, завдячують фінансуванню не тільки місцевих релігійних громад, але, як підкреслив Ю Тарнович, у першу чергу завдяки матеріальній допомозі лемків-емігрантів із США [11: 185–186]. Адже, як зазначає історик І. Суляк русинська

Рис. 6. Хрести із Бортного (Лемківщина). Поч. XX ст. Фото Романа Одрехівського із 1993 року.

громада лише у США у кінці XIX століття була численна і становила уже близько 200 тис. чоловік [10: 43].

Лемківську хрестологію маємо можливість дослідити в першу чергу на зразках Північної Лемківщини на прикладах дерев'яних та кам'яних хрестів, тому що, як зазначає історик-лемкознавець І. Красовський, саме народний промисел обробки дерева та каменю у лемків «найбільш чітко» набув свого розвитку на північних схилах Карпат [3: 22]. На жаль, ці території після другої Світової війни постраждали, оскільки у 1945–1946 роках 70% лемків-русинів були депортовані на Радянську Україну [3: 21]. А решта у 1947 році внаслідок операції «Вісла» – на західні землі Сілезії (близько 120 тис. осіб) [10: 50]. Тому матеріали дані праці базуються у першу чергу на збережених окремих артефактах. Розуміємо при цьому, що внаслідок насильної депортації більшість таких хрестів була, мабуть, знищена.

Отже, у підсумку можна констатувати, що лемківська хрестологія має давню історію. Її традиція коренями сягає часів якщо не місії св. Кирила і Мефодія та їхніх учнів, то, принаймні, перших років християнізації Київської Русі. Це засвідчує аналіз збережених хрестів, які знаходяться у музейних колекціях, на цвинтарях, роздоріжжях тощо.

Для більшого розуміння історії та культури русинської хрестології, як особливого явища у світовій сакральній культурі, варто відзначити, що її особливістю є, в першу чергу, збереження особливого та унікального Східного християнського обряду. Характерно, що Ватикан, у свою чергу, неодноразово наголошував на необхідності плекати та оберігати цей обряд. Другий Ватиканський собор зазначив, що «Східні християни повинні з найбільшою вірністю заховувати свої літургічні обряди, свої правила карності, та свої особливості, а якщо в минулому відступили від них, то нехай стараються повернутися до традиції, успадкованої по предках (Декрет про Східні Католицькі Церкви, пункт 6) [16 : 98]. Власне у такому напрямку трактуємо розвиток історії хрестології лемків-русинів від найдавніших часів.

У перспективах подальших досліджень окремим дослідницьким питанням слід виокремити вивчення стану сучасної лемківської хрестології, її ромаїття у різних місцях поселень як на корінних землях, так і у діаспорі, а також ширше вивчити значення хреста у історії та церковному житті інших етнокультурних груп русинів: гуцулів, бойків, подолян та ін.

Примітки

1. Музей землі Перемиської, м. Перемишль. Республіка Польща. Інв. № 1524.

2. Музей-замок Ланцут. Республіка Польща. Інв. № 12030.
3. Історичний музей Сянока. Республіка Польща. Інв. № 252.
4. Історичний музей Сянока. Республіка Польща. Інв. № 227.

ЛІТЕРАТУРА

1. Історія українського мистецтва: в 6 т. /гол. ред. М.П. Бажан. Київ: УРЕ, 1968. Т. 3.
2. Історія української культури. Навчальний посібник / Британ В.Т., Підліска Л.С., Савич А.В. та інші. 1.3. Типологія культури. URL: <http://www.studfiles.ru/preview/5994740/page:3/#3> (дата зверення: 10.06.2020).
3. *Красовський І.* Камінь і дерево в народних промислах лемків // Народна творчість та етнографія. 1987. № 5. С. 21–28.
4. *Крип'якевич І.* Історія України. Львів: Світ, 1990.
5. Новий тлумачний словник української мови: в 4 т. /уклад.: В. Яременко, О. Сліпушко. Київ: Аконіт, 2000. Т. 4.
6. *Одрехівський Р.* Мистецтво різьблення як один із проявів національного та культурного відродження лемків-русинів (кінець XIX – перша третина XX століття) // Русин. 2021. № 64. С. 43–51. DOI: 10.17223/18572685/63/4
7. *Одрехівський Р.В.* Різьбярство Лемківщини. Львів: Сполом, 1998.
8. *Свенціцька В.* Різьблені ручні хрести XVII–XX вв.: у 2 частинах. Львів, 1939. Ч. 1.
9. Словник іншомовних слів / за ред. О.С. Мельничука. Київ: Головна редакція УРЕ, 1974.
10. *Суляк С.* Русини в історії: прошле и настоящее // Русин. 2007. № 4 (10). С. 29–56.
11. *Тарнович Ю.* Ілюстрована історія Лемківщини. Львів: накладом видавництва «На сторожі», 1936.
12. *Тарнович Ю.* Лемківщина. Матеріальна культура. Краків: Українське видавництво, 1941.
13. *Тищенко О. Р.* Історія декоративно-прикладного мистецтва України XIII–XVIII ст. Київ: Либідь, 1992.
14. Феноменологія та герменевтика. URL: <http://helpiks.org/4-107288.html> (дата зверення: 10.06.2020).
15. *Хома І. о.* Нариси історії Вселенської церкви. Львів: Стрім, 1995.
16. *Шегда М. о.* Ex oriente Lux – світло зі Сходу // Греко-католицький церковний календар. 988-1988. Ювілей хрещення Русі-України. Варшава: Генеральний вікаріат для вірних греко-католицького обряду в Польщі, 1998.

REFERENCES

1. Bazhan, M.P. (ed.) (1968) *Istoriya ukrains'kogo mistetstva: v 6*. [History of Ukrainian Art: In 6 vols]. Vol. 3. Kyiv: URE.

2. Britan, V.T., Pidlisna, L.S., Savich, A.V. et al. (eds) (n.d.) Istorija ukrains'koi kul'turi. *Navchal'nyj posibnik* [History of Ukrainian Culture. Tutorial]. [Online] Available from: <http://www.studfiles.ru/preview/5994740/page:3/#3> (Accessed: 10th June 2020).

3. Krasovskiy, I. (1987) Kamin' i derevo v narodnikh promislakh lemkiu [Stone and wood in the folk crafts of the Lemkos]. *Narodna tvorchist' ta etnografiya*. 5. pp. 21–28.

4. Kripyakevich, I. (1990) Istorija Ukraïni [History of Ukraine]. Lviv: Svit.

5. Yaremenko, V. & Slipushko, O. (eds) (2000) *Noviy tлумachnii slovnik ukrains'koi movi: v 4 t.* [New Explanatory Dictionary of the Ukrainian Language: In 4 vols]. Vol. 4. Kyiv: Akonit.

6. Odrekhivskiy, R. (2021) The art of carving as a manifestation of the national and cultural revival of the Lemkos-Rusins (the late 10th-first third of the 20th century). *Rusin*. 63. pp. 43–51 (in Ukrainian). DOI: 10.17223/18572685/63/4

7. Odrekhivskiy, R. (1998) *Riz'byarstvo Lemkivshchini* [Carving of Lemkivshchyna]. Lviv: Spolom.

8. Svientsitska, V. (1939) *Riz'bleni ruchni khresti XVII–XX vv.: u 2 chastynakh*. [Carved hand crosses of the 17th – 20th centuries: in 2 parts]. Lviv: [s.n.]. p. 1.

9. Melnichuk, O.S. (ed.) (1974) *Slovník inshomovnikh sliv* [A Dictionary of Foreign Words]. Kyiv: Golovna redaktsiya URE.

10. Sulyak, S.G. (2007) Rusiny v istorii: proshloe i nastoyashchee [Rusins in history: Past and present]. *Rusin*. 4(10). pp. 29–56.

11. Tarnovych, Yu. (1936) *Ilyustrovana istoriya Lemkivshchini* [Illustrated History of Lemkivshchyna]. Lviv: Na storozhi.

12. Tarnovych, Yu. (1941) *Lemkivshchina. Material'na kul'tura* [Lemkivshchyna. Material Culture]. Krakiv: Ukraïns'ke vidavnistvo.

13. Tyshchenko, O.R. (1982) *Istorija dekorativno-prikladnogo mistetstva Ukraïni XIII–XVIII st.* [History of Decorative and Applied Art of Ukraine of the 13th – 18th Centuries]. Kyiv: Lybid.

14. Helpiks.org. (n.d.) *Fenomenologiya ta germeneytika* [Phenomenology and Hermeneutics]. [Online] Available from: <http://helpiks.org/4-107288.html> (Accessed: 10th June 2020).

15. Khoma, I. o. (1995) *Narysy istorii Vselenskoï tserkvy* [Essays on the History of the Ecumenical Church]. Lviv: Strim.

16. Shegda, M. o. (1988) *Ex oriente Lux – svitlo zi Skhodu* [Ex oriente Lux – light from the East]. In: *Greko-katolits'kiy tserkovniy kalendar. 988–1988. Yuviley khreshchennya Rusi-Ukraïni* [Greek Catholic Church Calendar. 988–1988. Anniversary of the baptism in Russia-Ukraine]. Warsaw: General'niy vikariat dlya vinnikh greko-katolits'kogo obryadu v Pol'shchi.

Одрехивский Роман Васильевич – доктор искусствоведения, профессор кафедры хореографии и искусствоведения факультета педагогического образования Львовского государственного университета физической культуры имени Ивана Боберского (Украина).

Одрехівський Роман Васильович – доктор мистецтвознавства, професор кафедри хореографії та мистецтвознавства факультету педагогічної освіти Львівського державного університету фізичної культури імені Івана Боберського (Україна).

Roman W. Odrekhivskyi – Ivan Boberskyi Lviv State University of Physical Culture (Ukraine).

E-mail: odre2010@ukr.net

УДК 94(47).031

UDC

DOI: 10.17223/18572685/70/4

«Идоша ко батыеви»: «ордынская» дипломатия Даниила и Василька Романовичей в 40–50-х гг. XIII в.

Л.В. Воротынцев

Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина

Россия, 399770, г. Елец, ул. Коммунаров, 28

E-mail: leonrus1245@mail.ru

Авторское резюме

Рассматриваются дискуссионные вопросы дипломатических контактов галицко-волынского княжеского дома с представителями правящей элиты Улуса Джучи, а также делается попытка проследить динамику изменений административно-политического статуса Галицко-Волынкой земли в государственной системе Монгольской империи и Улуса Джучи (Орды) в 40–50-х гг. XIII в. На основании сравнительно-исторического анализа сообщений русских летописей, а также информации, содержащейся в ряде европейских и мусульманских источников, сделан вывод о том, что отношения Романовичей с Джучидами носили многоуровневый характер, сопровождавшийся как дипломатическими контактами представителей правящих элит, так и военными конфликтами (т.н. «Татарской» или «Куремсиной ратью»), а также акциями военно-политического давления (походы Бурундая). В результате к концу 50-х гг. XIII в. происходит окончательное оформление вассально-даннических отношений галицко-волынского княжеского дома с династией Джучидов, также сопровождавшейся участием дружин Романовичей в военных мероприятиях монголов против восточноевропейских государств (Венгерского королевства, Литовского княжества, княжеств Южной Польши).

Ключевые слова: Даниил и Василько Романовичи, Монгольская империя, Улус Джучи, Бату, Куремса, Мауци, политико-дипломатические контакты

“Idosha ko batyevi”: The “Horde” diplomacy by Daniel and Vasylko Romanovych in the 1240-50s

L.V. Vorotyntsev

Yelets State Ivan Bunin University
28 Kommunarov Str., Yelets, Lipetsk Region, 399770, Russia
E-mail: leonrus1245@mail.ru

Abstract

The article discusses the controversial issues of diplomatic contacts of the Kingdom of Galicia–Volhynia with representatives of the Ulus of Jochi ruling elite and attempts to trace the dynamics of changes in the administrative and political status of Galicia–Volhynia in the state system of the Mongolian Empire and the Jochi Ulus (Horde) in the 1240-50s. Based on a comparative historical analysis of the Russian chronicles, as well as the information from some European and Muslim sources, the author concludes that the relations of the Romanovichi with the Jochids were of a multi-level nature and included both diplomatic contacts and military conflicts (the so-called “Tatar” or “Kuremsa” army) and military and political pressure actions (Burundai’s campaigns). As a result, the late 1250s saw a final formalization of the vassal-tributary dependence of Galicia–Volhynia on the Jochi dynasty, with the participation of the Romanovich squads in the military activities of the Mongols against the Eastern European states (the Kingdom of Hungary, the Principality of Lithuania, the principalities of Southern Poland).

Keywords: Daniel and Vasylko Romanovich, Mongol Empire, Ulus of Jochi, Batu, Kuremsa, Mautsi, political and diplomatic contacts

Одним из результатов военных кампаний Западного похода монголов (1236–1242 гг.) стало вхождение ряда княжеств Северо-Восточной и Юго-Западной Руси в государственную систему Монгольской империи и Улуса Джучи (Орды). Вместе с тем следует отметить, что процесс интеграции русских земель в административно-территориальную структуру империи Чингизидов не являлся единовременным событием и имел ряд региональных особенностей, обусловленных спецификой ландшафтно-географического расположения отдельных земель, политическим статусом русских князей в государственной структуре Монгольской империи и Улуса Джучи, а также особенностями личных отношений между представителями правящих элит русских княжеств и Джучидами. Целью представляемого исследования является изучение процесса становления системы политико-дип-

ломатических связей Даниила и Василька Романовичей с правящей элитой Улуса Джучи в 40–50-х гг. XIII в.

Рассматривая проблему определения административно-политического статуса уделов Романовичей в государственной системе Монгольской империи и Улуса Джучи на начальном этапе становления политической зависимости, следует отметить весьма незначительный объем сведений о политико-дипломатических связях галицко-волынского княжеского дома с военно-политической элитой Джучидского государства, имеющийся как в древнерусских, так и в зарубежных письменных источниках. Учитывая данное обстоятельство, представляется целесообразным применение в исследовании методов сравнительно-исторического анализа и исторического моделирования с целью составления максимально полной и объективной картины исторических событий. Указанные методы предполагают использование максимально широкого круга аутентичных изучаемому периоду источников, имеющих отношение не только к истории Юго-Западной Руси и соседних с ней государств, но также и Монгольской империи, имевшей унифицированную систему дипломатических отношений с зависимыми государствами, располагавшимися на ее периферии.

Следует отметить, что южнорусские летописные источники, описывая события происходившие в Галицко-Волинской земле в период с 1241 по 1245 г. (подавление враждебных Романовичам боярских группировок, нейтрализация военных угроз со стороны претендента на галицкий стол – Ростислава Михайловича Черниговского и поддерживавших его соседних государств (Венгерского королевства и польских княжеств), карательный поход против болховских князей) [35: 789, 790, 792, 795, 796, 797], не отмечают какого либо вмешательства Джучидов в перечисленные эпизоды военно-политической жизни Галицкого и Волинского княжеств. Указанное обстоятельство свидетельствует о сохранении Даниилом и Васильком полного государственного суверенитета в первые годы после монгольского нашествия. Аналогичный статус независимых от монголов государств сохранили также подвергшиеся военному разгрому соседние с владениями Романовичей Венгерское королевство и ряд польских княжеств (Силезия, Малая Польша, Куявия).

Согласно гипотезе А.В. Майорова, поддержанной канадским исследователем М. Димником, первые контакты Романовичей с одним из участвовавших в Западном походе представителей «золотого рода» следует датировать осенью 1239 г. По мнению исследователей, разгром монгольскими войсками Черниговского и Переяславского княжеств (1239 г.) и выход туменов Чингизидов к границам Киевской земли, находившейся на тот момент времени в зоне политическо-

го влияния галицко-волынского княжеского дома, поставил перед правящей элитой княжества вопрос о вариантах противодействия военной угрозе, возникшей на восточных рубежах владений Даниила и Василька [4: 18; 18: 311–326; 19: 33–94; 20: 53–77; 21: 97–98; 22: 49–52].

Вместе с тем характер и результаты этой гипотетической встречи встречи остались неотмеченными как в русских, так и европейских письменных источниках. Данное обстоятельство не позволяет сделать однозначные выводы о заключении неких политических соглашений между галицким князем и одним из монгольских «царевичей».

Следует отметить, что южнорусские летописные источники, описывая события, происходившие в Галицко-Волинской земле в период с 1241 по 1245 г. (подавление враждебных Романовичам боярских группировок, нейтрализация военных угроз со стороны претендента на галицкий стол – Ростислава Михайловича Черниговского и поддерживавших его соседних государств (Венгерского королевства и польских княжеств), карательный поход против болховских князей) [33: 789, 790, 792, 795–797], не отмечают какого-либо вмешательства Джучидов в перечисленные эпизоды военно-политической жизни Галицкого и Волинского княжеств. Указанное обстоятельство свидетельствует о сохранении Даниилом и Васильком полного государственного суверенитета в первые годы после монгольского нашествия. Аналогичный статус независимых от монголов государств сохранили также подвергшиеся военному разгрому соседние с владениями Романовичей Венгерское королевство и ряд польских княжеств (Силезия, Малая Польша, Куявия).

В данном контексте особый интерес представляет последовательность событий, приведших к признанию Романовичами политической зависимости от Джучидов. Первое упоминание о поездке Даниила Галицкого к некоему «принцу Тартар» содержится в жалованной грамоте венгерского короля Белы IV, датируемой 1244 г. [40: 100–102]. Однако краткость сообщения оставляет вопросы о времени поездки Даниила и идентификации «татарского принца» в сфере предположений исследователей.

В частности, А.В. Майоров идентифицирует указанного в грамоте монгольского аристократа как внука Чингис-Хана и сына Тулуя – Менгу (Мункэ), возглавлявшего, согласно сообщению Ипатьевской летописи, монгольский корпус, подходивший в 1239 г. к окрестностям Киева [20: 71; 33: 782]. По мнению историка, именно в его ставку был совершен визит галицкого князя. Уязвимость данной гипотезы заключается в большом временном разрыве между составлением грамоты Белы IV, выданной 22 апреля 1244 г. Николаю сыну Обичка

из Суд и событиями 1239 г. Представляется крайне маловероятным отражение потерявших актуальность событий пятилетней давности в «письменном отчете» («in nostra legacione profectus»), составленном дипломатом венгерского короля по следам недавних событий посольской миссии Николая из Суд «в земли Руси и Болгарии» («ad partes Ruscie et d partes Bulgarie»).

В свою очередь В.С. Стефановичем была высказана гипотеза, согласно которой поездку Даниила в монгольские владения следует датировать периодом с середины 1242 по начало 1244 г., а под «князем татар», по мнению исследователя, следует понимать Мауци (Могучея русских летописей) [24: 122 – 123]. Вместе с тем необходимо отметить, что предположение В.С. Стефановича об идентификации «принца Татар» («Tartarorum principe») как «держателя» улуса в Днепровском Левобережье не подкреплено какой-либо аргументацией и является лишь гипотетическим предположением историка. Более вероятным представляется посещение Даниилом Романовичем ставки Куремсы, монгольского наместника улуса, непосредственно граничившего с восточноевропейскими государствами, включая Галицко-Волынские земли [30: 69].

Заслуживает внимания и тот факт, что согласно сообщению Плано Карпини, получение «охранных грамот» для дальнейшего следования посольства Апостольского престола и делегации «господина Даниила» (Галицкого. – В.Л.) накануне визита правителя Галича в ставку Бату (1245 г.), происходило через представителей волинского князя, доставивших проездные документы от «татар» [30: 66]. Данное сообщение папского дипломата является прямым свидетельством наличия налаженной системы дипломатических контактов между Василько Волинским и представителями правящей верхушки Улуса Джучи, вероятно, сложившихся уже в первой половине 40-х гг. XIII в. Однако, в силу отрывочности и краткости сообщения Плано Карпини, представляется затруднительным определить интенсивность волинско-ордынских политических связей в данный период времени.

Первое зафиксированное в летописи монгольское посольство с требованиями политического характера приходит в Галич лишь в 1245 г. [33: 805 – 806]. Особого внимания заслуживает тот факт, что дипломатическая миссия была направлена ко двору галицкого князя не из ставки главы Джучидов – Бату, и не от Куремсы, улусные владения которого включали в себя земли к западу от Днепра, а от Мауци (Mauchi, Могучея), являвшегося, согласно сообщению Плано Карпини, держателем улуса в Левобережном Приднепровье, не имевшем общих границ с уделами Романовичей [30: 70].

К настоящему времени в исторической науке не имеется одноз-

начного мнения относительно принадлежности Куремсы и Мауци к правящей династии Монгольской империи.

Согласно гипотезе В.П. Костюкова, разделяемой Р.Ю. Почекаевым, Куремса являлся третьим сыном Орду-ичена (эджена), старшего брата Бату [13: 171. Сноска 141; 27: 156]. В то же время В.В. Трепавловым и А.А. Порсиным был поставлен под сомнение тезис о принадлежности наместника западных улусов к «золотому роду» потомков Чингис-Хана [28: 206; 29: 340. Сноска 133; 36: 31]. По мнению Л.В. Войтовича, Куремса, будучи представителем сословия служилой аристократии, являлся лишь «эмиром» Мауци [1: 9]. В свою очередь А.А. Порсиным высказывалось предположение о кыпчакском (половецком) происхождении Куремсы [28: 206–211], тогда как Ж.М. Сабитов, основываясь на сообщении египетской хроники «Субдат аль-фикра», идентифицирует Куремсу/Курмыши как внука монгольского нойона Чагана (тангута по происхождению) [25: 559].

Аналогичные разночтения возникают и в отношении родословной Мауци. Ряд исследователей идентифицируют Мауци как одного из сыновей Чагатая [1: 9; 3: 163; 10: 315; 23: 43; 27: 76, 156; 39: 168], причем Л.В. Войтович в своем исследовании ошибочно называет его зятем Бату [1: 9]. По мнению М.Г. Сафаргалиева и Б.В. Черкаса, Мауци/Могучей был одним из сыновей Джучи, имя которого в некоторых вариантах транскрипции звучит как Мувал/Могол [23: 42; 35: 109, 121, 150; 38: 159, 160]. В.В. Трепавловым было отмечено отсутствие четких свидетельств письменных источников о принадлежности Мауци к правящему роду Чингизидов [36: 31; 37: 154], что позволило некоторым исследователям высказать гипотезу о тождественности Мауци с эмиром Маджи (сына Курмыши, упоминаемом египетскими источниками в контексте событий войны Ногая и Токты) [25: 559; 28: 212].

Для разрешения вопроса о династической принадлежности вышеуказанных представителей монгольской управленческой элиты, представляется целесообразным провести комплексный анализ сообщений письменных источников, содержащих сведения о потомках Чингис-Хана, имена которых возможно было бы соотнести с именами упоминаемых Плано Карпини держателей улусов на западных рубежах Монгольской империи.

Исходя из информации, представленной в списках династических родословных Чингизидов, имя Курмыши носили представители двух ветвей «золотого рода», являвшихся правнуками основателя Yeke Mongyol Ulus. Помимо вышеупомянутого сына Орду-ичена, под этим же именем в «Джами ат-таварих» отмечен и один из сыновей Кадангула [34: 17]. Согласно сообщению Рашид ад-Дина, оба «царевича» не оставили потомства [8: 34; 34: 17]. Данное свидетельство ильханидского

«летописца» является основным аргументом, не позволяющим однозначно идентифицировать «татарского вождя» записок Плано Карпини как одного из вышеуказанных потомков «потрясателя Вселенной», поскольку мусульманские источники отмечают во второй половине XIII в. существование в западном крыле Золотой Орды улусов сыновей Курмыши [6: 61, 62].

Вместе с тем следует отметить, что информация о семейном положении Джучидов, представленная в трудах Рашид ад-Дина, в ряде случаев являлась не полной или ошибочной и не соответствовала истинному положению вещей. В частности, сообщение персидского хрониста об отсутствии сыновей у старшего сына Бату – Сартака [34: 72], опровергается свидетельством Гильома де Рубрука, лично посетившего ставку монгольского «принца» в 1253 г. Посланник французского короля отмечал наличие у этого представителя рода Джучи как минимум одного уже взрослого и женатого сына [29: 111]. В свою очередь, в хронике XV в. «Муиз ал-ансаб» отмечается наличие у Сартака двух сыновей – Хукджи и Тук-Тувы [9: 40, 41].

Аналогичным образом, приводя перечень сыновей Орду-ичена, Рашид ад-Дин указывает на отсутствие достоверной информации о жёнах и детях пяти из семи сыновей старшего Джучида, приводя противоречивые данные о наследниках мужского пола в семьях шестого и седьмого сыновей Орду – Кутукуя и Хулагу, а также применяя выражение, свидетельствующее о неточности представляемых сведений («А Аллах лучше знает») [34: 70, 71]. Принимая во внимание вышеприведенные примеры, допустимо предположить, что сведения Рашид ад-Дина о бездетности сыновей Орду-ичена и Кадан-огула являлись следствием недостаточной информированности хулагуидского сановника.

По мнению А.А. Порсина, важным фактором, не позволяющим идентифицировать Курмыши с упоминаемым в записках Плано Карпини и Ипатьевской летописи наместником западного крыла Улуса Джучи, является зафиксированный в источнике факт его участия в Каракорумском курултае (1260 г.) [29: 340]. Однако учитывая то обстоятельство, что в 1258 г. полномочия Куремсы были переданы Бурундаю, участие сына Орду-ичена, как представителя одной из ветвей «золотого рода», в курултае 1260 г. совершенно не исключает его «наместничества» на западных рубежах Монгольской империи в более ранний период времени.

Относительно молодой возраст Куремсы также не мог являться препятствием к получению военно-административной должности наместника пограничных территорий, поскольку соответствовал существовавшей в Монгольской империи традиции служения младших

представителей «золотого рода» на границах государства. В частности, согласно свидетельству Рашид ад-Дина, внук великого хана Угэдэя и сын Хайду Янгичар «ведал» «войском всей пограничной линии» на западном порубежье владений великого хана Хубилая [8: 30; 34: 14].

Таким образом, наместником земель, располагавшихся на западном пограничье Монгольской империи, мог быть назначен любой из двух представителей правящей династии, носивших имя Курмыши. Вместе с тем, учитывая отсутствие в источниках информации о наличии в Улусе Джучи владений Чингизидов, принадлежащих к другим «ветвям» «золотого рода», более предпочтительной является версия об идентификации Куремсы (Курмыши) как одного из сыновей Орду-ичена. Особого внимания заслуживает тот факт, что в приводимом Плано Карпини списке имён монгольских «вождей» Куремса и Мауци упоминаются в одном ряду с Берке и Бури, причем Куремсу папский дипломат обозначает как «самого младшего среди других» («царевичей» – Чингизидов – ?) [30: 45]. Подобная характеристика могла означать как возраст монгольского аристократа, так и его статус в иерархии правящей династии. Таким образом, сообщение Плано Карпини о «высшем» статусе Мауци по отношению к Куремсе [32: 70] может объясняться тем, что Мауци/Мувал, будучи одним из младших братьев Бату, являлся старшим родственником (дядей) Куремсы и, соответственно, занимал более высокое, по отношению к племяннику, положение в политико-административной системе Монгольской империи.

Исходя из вышеизложенной информации, следует признать достаточно обоснованной гипотезу Б.В. Черкаса, согласно которой Мауци/Мувал возглавлял западное «крыло» Улуса Джучи по аналогии с владениями Орду-ичена на востоке [38: 160]. Вышеуказанная версия украинского исследователя позволяет объяснить упоминаемые в Ипатьевской летописи некие ультимативные требования, предъявленные послами Мауци (Могучеем) правителям Галицко-Волынской земли в 1245 г.: «Приславшоу же Могучееви посоль свои к Данилови и Василькови бодоушу има во Дороговьскыи да и Галичь быс в печали велице...» [33: 805, 806]. Представляется крайне маловероятной возможность выдвижения такого рода требований правителю независимого государства со стороны представителя «служилой аристократии», не принадлежавшего к «золотому роду».

По мнению ряда исследователей, требование Могучея подразумевало переход галицких земель под прямое управление монгольских чиновников [2: 60; 4: 30; 24: 123]. В таком случае поездку галицкого князя в ставку Бату следует рассматривать как попытку нейтрализации военной угрозы, исходившей от влиятельного Чингизида, посредством

признания политической зависимости от верховного правителя Улуса Джучи на более выгодных для себя условиях. Косвенными аргументами в пользу данной гипотезы являются приведенные летописцем слова Даниила о решении ехать в ставку главы Джучидов с целью сохранения административного контроля над собственным уделом [33: 805, 806], а также отсутствие сведений о посещении галицким князем ставки Мауци, что являлось нарушением монгольского дипломатического этикета, подразумевавшего визит получившего приглашение правителя в ставку (орду) отправлявшего послание представителя «золотого рода» или служилой аристократии.

В частности, согласно сообщению Киракоса Гандзакеци, правитель Киликийской Армении Хетум I, получив вызов из ставки Бату «с приглашением приехать посетить его и Мангу-хана», по дороге посетил не только ставку правителя Улуса Джучи, но также ставки Байджу-нойона («военноначальника татарских войск расположенных на Востоке») и Сартака, старшего сына и наследника Бату [14: 222, 223]. Аналогичным образом в 1245 г. перед поездкой в ставку местоблюстительницы ханского престола – Туракины, владимирский князь Ярослав Всеволодович посетил орду Бату [32: 470]. Игнорирование правителем Галича вышеописанной дипломатической традиции может объясняться нежеланием Даниила Романовича принимать условия, озвученные в требованиях «могучеевых» послов.

Исходя из летописной информации о весьма благосклонном приеме, оказанном галицкому князю Джучидами: «Бывшу же князю у них 20 и 5 дней, отпущен бысть и поручена бысть земля его ему, иже бяху съ нимъ; и приде въ землю свою» [33: 805–808], можно сделать вывод о том, что владения Даниила получили статус вассального государства, расположенного на западной границе Улуса Джучи, соседствовавшего с враждебными монголам странами (Венгрией, Польшей, Литвой). По мнению А.А. Горского, статус княжества соответствовал типу зависимости, отличительными признаками которого являлись отсутствие переписей и института баскачества с одновременным участием галицко-волынских дружин в военных акциях Джучидов [2: 78; 7: 9]. К государственным образованиям, обладавшим подобным статусом, следует относить Киликийскую Армению, Грузинские «царства», Румский (Конийский) султанат, Корё, Бадахшан, Луристан и ряд других мелких владений [7: 9; 17: 107]. По всей вероятности, данный статус предполагал наличие ряда административно-политических преференций, косвенные свидетельства о которых в отношении Галицко-Волинского княжества прослеживаются в письменных источниках.

Так, южнорусские летописи отмечают сохранившуюся у Даниила Романовича возможность привлекать на военную службу кочевых

федератов («половцев Даниловых»). В частности, в Ипатьевском своде присутствует информация о наличии у правителя Галицкой земли отрядов союзных половцев орды Тигака: «В лето 6761 (1251)... Данило же поиде съ братом Василком... и съ Половци, со сватомъ своимъ Тегакомъ и приде к Пинску...» [33: 818]. Ввиду краткости летописного сообщения невозможно сказать с определенностью о том, было ли санкционировано властями Улуса Джучи участие половецкой конницы в военных операциях Романовичей против литовцев или же являлось следствием двусторонних договоренностей Даниила и Тигака (являвшегося родственником (сватом) галицкого правителя). Вместе с тем заслуживает внимания тот факт, что именно самовольное переселение половецкой орды Котяна в пределы Венгерского королевства стало причиной ультимативного послания, направленного от лица великого хана Угэдэя королю Белле IV с требованием изгнания куманов из Венгрии [45: 389]. Игнорирование Беллой IV этих требований привело к вторжению монгольских войск в земли королевства в 1241 г. [16: 27–42, 45–48, 54–57].

Кроме того, в летописных сводах отсутствует информация о переписных мероприятиях, проводимых монгольскими фискальными чиновниками на землях княжества, как во время общеимперской переписи 1257–1259 гг., так и в период джучидских «чисел» в 1245–1246 и 1274–1275 гг., а также не содержится сведений о пребывании в Галиче, Владимире-Волынском и других городах княжества ордынских фискальных чиновников – баскаков, за исключением сообщения Ипатьевской летописи о временном пребывании ордынского баскака в г. Бакота, располагавшемся в зоне военного противостояния Романовичей с Куремсой [33: 289].

Дополнительным свидетельством привелегированного статуса Романовичей в период с 1245 по 1253 г. является сообщение галицкого летописца о наличии у дружинников Даниила Галицкого монгольских доспешных комплексов во время т. н. Штирского похода (1252 г.): «Немцы же дивящися оружью Татарскому беша бо кони в личинахъ и в коярехъ кожаныхъ, и людье во ярыцехъ...» [33: 814]. Учитывая отсутствие информации об экспорте оружия из Улуса Джучи в сопредельные государства, а также наличие в Монгольской империи системы государственных арсеналов из которых оружие выдавалось военным начальникам для последующей раздачи подчиненным им воинам [12: 173], наиболее обоснованной представляется гипотеза о получении комплексов защитного вооружения во время посещения Даниилом ставки Бату как подарка галицкому князю в качестве подтверждения его особого, «союзнического» статуса.

На весьма номинальную степень зависимости Галицко-Волынского княжества от Джучидов указывает и факт военного противостояния Даниила Романовича с Куремсой в 1253/54–1258 гг. [33: 829, 838, 840]. Действия Даниила Галицкого и Василька Волынского в период «татарской рати» свидетельствуют не о «попытках ослабления кига» [24: 131], а о практически полном выходе Романовичей из системы политических договоренностей с Бату, заключенных Даниилом во время визита в «орду» правителя Улуса Джучи (1245 г.) и начале широкой военно-политической экспансии против городских общин, добровольно подчинившихся монголам («людей татарских»). В частности, согласно летописному сообщению, после отражения набега Куремсы «Даниль въздвиже рать противу Татаром, сгадав с братомъ и со сыномъ... взя Межибожие... потомъ же воевахуть людье Данилове и Василькове Болоховъ, а Львови Побожье и люди Татарския... и взя Гордок и Семочь и все города сидящие за Татары... Шварно же приде поймавъ города вся и по немъ придоша Белобережце и Чарнотинци и вси Болховци...» [33: 838].

По мнению Е.И. Ивановой, военные действия между Даниилом и Куремсой носили локальный характер и могли рассматриваться Бату как конфликт двух вассалов, не повлиявший на поступления даннических выплат [11: 44]. Однако в сообщении летописи о поведении Даниила при подходе к границам княжества армии Бурундая в 1258 г. читаем: «Данилоуви владыче же приехавшю к Данилови (князю) и нача емоу поведати о бывшем и опалоу Боурандаевоу сказа емоу. Данилови же оубоявшоуся побеже в Ляхы а из Ляховъ побеже во Угры...» [33: 850]. Данная фраза является прямым свидетельством осознания галицким князем своего внешнеполитического статуса как правителя «ратного» монголам.

В результате проводимой Бурундаем политики, сочетавшей в себе методы военного давления с рядом дипломатических акций [26: 283–284; 33: 849, 850], в 1258–1259 гг. происходит повторное включение Галицкого и Волынского княжеств в государственную структуру Монгольской империи и Улуса Джучи на основе системы новых договоренностей.

Прибытие в ставку Бурундая волынского князя Василька и сына Даниила – Льва Даниловича, а также разрушение укреплений ряда городов и крепостей Галицко-Волынской земли, выполненное по требованию монгольского военначальника [33: 849, 850], по всей вероятности, следует связывать с повторным признанием Романовичами сюзеренитета великого хана и правителя Улуса Джучи – Берке. Подобные требования являлись неотъемлемым условием выдачи ярлыков добровольно покорившимся правителям. Так, по свидетель-

ству Джувейни, во время прохода войск Хулагу по землям Иранского нагорья (1256–1257 гг.), ряд местных владельцев явившись в ставку ильхана признали верховное владычество Чингизидов. При этом условием выдачи ярлыков на правление было требование монголов разрушить крепостные стены городов и замков: «В ту неделю прибыл Шамс ад-Дин, правитель крепостей Кухистана и попросил ярлык. После этого он вместе с чиновниками Рукн ад-Дина отправился в путь, чтобы начиная с Гирдкуха уничтожить все крепости, числом более пятидесяти, которые все еще оставались в области Кухистан... И явились правители из Дайламана, Ашкавара, Тарума и Харамы. Они были приняты в число верных слуг государя и получив ярлыки, разрушили свои крепости» [5: 462–463]. Принятие Васильком Романовичем и Львом Даниловичем вышеуказанных условий позволило избежать разорения Галицко-Волынских земель, в то время как владения владимирского князя Андрея Ярославовича значительно пострадали во время т. н. «Неврюева рать» (1252 г.).

Следует отметить, что аналогичные военно-политические акции проводились в 40–50-х гг. XIII в. и в других частях Монгольской империи. В частности, по сообщению Ата-Мелика Джувейни, после избрания Гуюка великим ханом (1246 г.) «стало известно, что китайская страна Манцзы, которая была самой отдаленной его частью, освободилась от зависимости и перестала повиноваться им, он отправил Субутай-бахадур и Джаган-нойона с сильным войском и многочисленной армией в тот край; а также в Тангут и Солонкай...» [5: 177]. Также в начале правления великого хана Мункэ к «границам земель киргизов и кем-кемджиута» был отправлен Буку-нойон «с двумя туманами войска», с целью предотвращения волнений и восстаний на территориях проживания южносибирских племен [34: 138]. Таким образом, действия Бурундая вполне укладывались в общеимперскую практику повторного подчинения отложившихся или предпринимавших попытки освободиться от зависимости народов и государств.

Заслуживает внимания тот факт, что после событий 1258–1259 гг., вплоть до посольства отправленного в 1274 г. Львом Даниловичем к хану Менгу-Тимуру с просьбой о военной помощи «на Литву», ни русские летописи, ни зарубежные нарративные источники не отмечают политико-дипломатических контактов правителей Галицкого и Волынского княжеств с представителями монгольской правящей элиты [15: 152; 31: 152].

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что выстраивание системы дипломатических отношений галицко-волынского княжеского дома с представителями династии Джучидов происходило на

протяжении достаточно продолжительного времени, нося поэтапный характер. На первоначальном этапе (1240–1245 гг.) круг дипломатических контактов Даниила и Василька Романовичей ограничивался локальным и эпизодическим взаимодействием с монгольскими «царевичами», владения которых непосредственным образом примыкали к территории Галицкого и Волынского княжеств. На втором этапе, после поездки Даниила Галицкого в ставку верховного правителя Улуса Джучи – Бату, отношения Романовичей с Джучидами стали носить характер мягкого вассалитета с сохранением ряда союзнических преференций. В период т. н. Татарской (Куремсиной) рати (1253/54–1258 гг.) Романовичи фактически выходят из системы договоренностей предшествующего периода, однако в результате военно-дипломатических акций Бурундая в 1258–1260 гг. происходит вторичное признание зависимости Галицко-Волынского княжества от Монгольской империи и Джучидов, сопровождаемое возобновлением даннических выплат и участием дружин Романовичей в военных кампаниях монголов против сопредельных государств.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Войтович Л.В.* Польский король Казимир III і боротьба за спадщину Романовичів // Вісник Львівського університету. Серія історична. 2011. Вип. 46. С. 2–26.

2. *Горский А.А.* Утверждение власти Монгольской империи над Русью: региональные особенности // Исторический вестник. Монгольские завоевания и Русь. Т. 10 [157]. М., 2014. С. 58–80.

3. *Грушевский М.С.* История Украины-Руси. Т. III. Киев: Наукова думка, 1993. 592 с.

4. *Димник М.* Даниил Галицкий, Михаил Черниговский и татары: борьба за Галицкую землю в 1239–1245 гг. // Русин. 2014. № 1(35). С. 17–35. DOI: 10.17223/18572685/35/3

5. *Джувейни Ата-Мелик.* История завоевателя мира. М.: Магистр-Пресс, 2004. 689 с.

6. Золотая Орда в источниках. Т. I: Арабские и персидские сочинения. М.: Наука, 2003. 448 с.

7. Исторический вестник. Монгольские завоевания и Русь. Т. 10 (157). М.: АНО Руниверс, 2014. 168 с.

8. Извлечения из «Сборника летописей» Рашид ад-Дина // Становление и расцвет Золотой Орды. Источники по истории Улуса Джучи (1266–1359 гг.). Казань, 2011. С. 28–55.

9. История Казахстана в персидских источниках. Алматы: Дайк-Пресс, 2006а. С. 40–41.

10. *Измайлов И.Л., Исхаков Д.М.* Хан и аристократия: структура власти и

управления // История татар с древнейших времен. Т. 3: Улус Джучи (Золотая Орда) XIII – середины XV в. Казань, 2009. С. 310–320.

11. *Иванова Е.И.* К вопросу об ордынской политике Даниила Романовича Галицкого // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 2 (52). С. 37–48.

12. *Козин С.А.* Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием Mongrol-un niruea tobeigan. Юань Чао би ши. Монгольский обыденный изборник. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 622 с.

13. *Киракос Гандзакецц.* История Армении. М., 1976. 357 с.

14. *Киселёв М.В.* Внешняя политика Даниила Галицкого на рубеже 1240-х – 1250-х годов // Исторический формат. 2015. № 4. С. 327–342.

15. *Куник А.А.* Объединительное введение к грамотам и летописным сказаниям, касающимся истории Червонной Руси в XIV в., с приложением подлинных текстов // Болеслав-Юрий, князь всей Малой Руси: сборник материалов и исследований. 1907. № 4. С. 143–159.

16. *Магистр Рожерий.* Горестная песнь о разорении Венгерского королевства татарами. СПб.: Дмитрий Буланин, 2012. 304 с.

17. *Марко Поло.* Книга о разнообразии мира. СПб.: Азбука, 2018. 576 с.

18. *Майоров А.В.* Летописные известия об обороне Чернигова от монголо-татар в 1239 г. (Из комментариев к Галицко-Волынской летописи) // Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. СПб., 2009. Т. 60. С. 311–326.

19. *Майоров А.В.* Повесть о нашествии Батые в Ипатьевской летописи. Ч. 1 // ROSSICA ANTIQUA. 2012. № 1 (5). С. 33–94.

20. *Майоров А.В.* Даниил Галицкий и «принц Тартар» накануне нашествия Батые на Южную Русь. Данные венгерских и русских источников о контактах Даниила с татарами // Русин. 2013. № (31). С. 53–77.

21. *Майоров А.В.* Завоевание русских земель в 1237–1240 годах // Золотая Орда в мировой истории. Казань, 2016а. С. 89–113.

22. *Майоров А.В.* Русские князья после нашествия Батые: борьба за Галич и Киев // Stratum plus. 2016б. № 5. С. 49–56.

23. *Сафаргалиев М.Г.* Распад Золотой Орды. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1960. 279 с.

24. *Стефанович П.С.* Политическое развитие Галицко-Волынской Руси в 1240–130 гг. и отношения с Ордой // Российская история. 2019. № 4. С. 116–134. DOI: 10.318557/S086956870005909-0

25. *Сабитов Ж.М.* Интерпретация сведений «Зубдат аль-фикра» в научном труде А.А. Порсина // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8, № 3. С. 552–561.

26. *Пашуто В.Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М.: Изд-во АН СССР, 1950. 329 с.

27. *Почекаев Ю.В.* Батый. Хан, который не был ханом. М.: Евразия, 2006. 350 с.

28. *Порсин А.А.* История Золотой Орды конца XIII – начала XIV веков в труде Рукн ад-Дина Бейбарса ал-Мансури «Зубдат ал-Фикра». Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 276 с.

29. *Порсин А.А.* Берке. Мусульманин на монгольском троне. Нур-Султан, 2020. 424 с.

30. Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М.: Государственное издательство географической литературы, 1957. 270 с.
31. Письмо Владислава Локетка папе Иоанну XXII от 21 мая 1323 г. // Болеслав-Юрий II, князь всей Малой Руси: сборник материалов и исследований. СПб., 1907. С. 152.
32. ПСРЛ. Т. 1: Лаврентьевская летопись. Л., 1926–1928. 392 с.
33. ПСРЛ. Т. 2: Ипатьевская летопись. СПб., 1908. 938 стб.
34. *Рашид ад-Дин*. Сборник Летописей. Т. II. М.; Л., 1960. 248 с.
35. *Тизенгаузен В.Г.* СМИЗО. Т. I. СПб., 1884. 563 с.
36. *Трепавлов В.В.* Золотая Орда во второй половине XIV столетии. М.: Квадрига, 2010. 72 с.
37. *Трепавлов В.В.* Государственный строй Улуса Джучи. Административное устройство. Организация управления // Золотая Орда в мировой истории. Казань, 2016. С. 148–157.
48. *Черкас Б.В.* Территориальное устройство Улуса Джучи (территория западнее Дона) // Золотая Орда в мировой истории. Казань, 2016. С. 157–179.
39. *Юрченко А.Г.* Империя и космос. Реальная и фантастическая история походов Чингис-Хана по материалам французской миссии 1245 г. СПб.: Евразия, 2002. 431 с.
40. *Codex diplomaticus et epistolaris Slovaciae*. Т. 2, Nr. 150. Bratislaviae, 1987. P. 100–102.

REFERENCES

1. Voytovich, L.V. (2011) Pol's'kiy korol' Kazimir III i borot'ba za spadshchinu Romanovichiv [The Polish King Kazimir III and the struggle for the legacy of the Romanovites]. *Visnik L'viv's'kogo universitetu. Seriya istorichna*. 46. pp. 2–26.
2. Gorskiy, A.A. (2014) Utverzhdenie vlasti Mongol'skoy imperii nad Rus'yu: regional'nye osobennosti [The assertion of the power of the Mongol Empire over Russia: regional features]. *Istoricheskiy vestnik. Mongol'skie zavoevaniya i Rus'*. 10(157). pp. 58–80.
3. Grushevskiy, M.S. (1993) *Istoriya Ukrainy-Rusi* [History of Ukraine-Rus]. Vol. 3. Kyiv: Naukova dumka.
4. Dimnik, M. (2014) Daniil Galitsky, Mikhail of Chernigov and Tatars: the struggle for Galicia in 1239–1245. *Rusin*. 1(35). pp. 17–35 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/35
5. Ata-Malik Juvayni. (2004) *Istoriya zavoevatelya mira* [Genghis Khan. History of the Conqueror of the World]. Moscow: Magistr-Press.
6. Anon. (2003) *Zolotaya Orda v istochnikakh* [The Sources on The Golden Horde]. Vol. I. Moscow: Nauka.
7. Gorskiy, A.A. (ed.) (2014) *Istoricheskiy vestnik. Mongol'skie zavoevaniya i Rus'* [Historical Bulletin. Mongol Conquests and Rus]. Vol. 10(157). Moscow: ANO Runivers.
8. Anon. (2011) Izvlecheniya iz "Sbornika letopisey" Rashid ad-Dina [Extracts from the "Collection of Chronicles" by Rashid ad-Din]. In: Gatin, M.S. (ed.) *Stanov-*

lenie i rastsvet Zolotoy Ord. Istochniki po istorii Ulusa Dzhuchi (1266–1359 gg.) [Formation and flourishing of the Golden Horde. Sources on the history of Ulus Jochi (1266–1359)]. Kazan: The Center of Tatar Literature. pp. 28–55.

9. Suzhikov, B.M. et al. (eds) (2006) *Istoriya Kazakhstana v persidskikh istochnikakh* [The history of Kazakhstan in Persian sources]. Almaty: Dayk-Press. pp. 40–41.

10. Izmaylov, I.L. & Iskhakov, D.M. (2009) Khan i aristokratiya: struktura vlasti i upravleniya [Khan and the aristocracy: The structure of power and management]. In: Khakimov, R.S. (ed.) *Istoriya tatar s drevneyshikh vremen* [History of the Tatars Since Ancient Times]. Vol. 3. Kazan: Institute of History. pp. 310–320.

11. Ivanova, E.I. (2013) K voprosu ob ordynskoy politike Daniila Romanovicha Galitskogo [On the the Horde policy of Daniel of Galicia]. *Drevnyaya Rus. Voprosy medievistiki*. 2(52). pp. 37–48.

12. Kozin, S.A. (1941) *Sokrovennoe skazanie. Mongol'skaya khronika 1240 g. pod nazvaniem Mongrol-un niruea tobeigan. Yuan' Chao bi shi. Mongol'skiy obydennyy izbornik* [The hidden legend. Mongol Chronicle of 1240 under the title Mongrol-un niruea tobeigan. Yuan Chao bi shi. Mongolian everyday izbornik]. Moscow; Leningrad: USSR AS.

13. Kirakos Gandzaketsi. (1976) *Istoriya Armenii* [History of Armenia]. Moscow: Nauka.

14. Kiselev, M.V. (2015) Vneshnyaya politika Daniila Galitskogo na rubezhe 1240-kh – 1250-kh godov [The foreign policy of Daniel of Galicia at the turn of the 1250s]. *Istoricheskiy format*. 4. pp. 327–342.

15. Kunik, A.A. (1907) Ob'edinitel'noe vvedenie k gramotam i letopisnym skazaniyam, kasayushchimsya istorii Chervonnoy Rusi v XIV v., s prilozheniem podlinnykh tekstov [Unifying introduction to the Charters and Chronicles concerning the history of Chervonnaya Rus in the 14th century, with the application of authentic texts]. In: Goneiorovskiy, O.A. *Boleslav-Yuriy, knyaz' vsej Maloy Rusi: sbornik materialov i issledovaniy* [Boleslav-Yuri, prince of all Little Rus: a collection of materials and research]. Vol. 4. Yo-yo Media. pp. 143–159.

16. Master Roger. (2012) *Gorestnaya pesn' o razorenii Vengerskogo korolevstva tatarami* [A sad song about the destruction of the Hungarian kingdom by the Tatars]. Translated from Latin. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.

17. Marco Polo. (2018) *Kniga o raznoobrazii mira* [A Book about the Diversity of the World]. Translated from French. St. Petersburg: Azbuka.

18. Maiorov, A.V. (2009) Letopisnye izvestiya ob oborone Chernigova ot mongolo-tatar v 1239 g. (Iz kommentariiev k Galitsko-Volynskoy letopisi) [Chronicles about the defense of Chernihiv from the Mongol-Tatars in 1239 (From the comments to the Galicia-Volyn chronicle)]. *Trudy otdela drevnerusskoy literatury Instituta russkoy literatury (Pushkinskiy dom) RAN*. 60. pp. 311–326.

19. Maiorov, A.V. (2012) *Povest' o nashestvii Batyya v Ipat'evskoy letopisi* [The Tale of Batu's Invasion in The Hypatian Codex]. *ROSSICA ANTIQUA*. 1(5). pp. 33–94.

20. Maiorov, A.V. (2013) Daniel of Galicia and the “Prince of Tartar” before the invasion of Batu in South Russia. *Rusin*. 31. pp. 53–77 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/31/4

21. Maiorov, A.V. (2016) *Zavoevanie russkikh zemel' v 1237–1240 godakh* [The conquest of Russian lands in 1237–1240]. In: Trepavlov, V. (ed.) *Zolotaya Orda v mirovoy istorii* [Golden Horde in the World History]. Kazan: AS RT. pp. 89–113.

22. Maiorov, A.V. (2016) *Russkie knyaz'ya posle nashestviya Batyya: bor'ba za Galich i Kiev* [Russian princes after the invasion of Batu: The struggle for Galich and Kiev]. *Stratum plus*. 5. pp. 49–56.

23. Linnichenko, I.A. (1907) *Zamechaniya na stat'yu prof. Rzhazhabka i dopolneniya k nim* [Comments on the article by Prof. Rzhazhabko and additions to them]. In: Goneiorovskiy, O.A. *Boleslav-Yuriy, knyaz' vsej Maloy Rusi: sbornik materialov i issledovaniy* [Boleslav-Yuri, prince of all Little Rus: A collection of materials and research]. Vol. 4. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 90–100.

24. Leontovich, F.I. (1894) *Ocherki istorii russko-litovskogo prava. Obrazovanie territorii Litovskogo gosudarstva* [Essays on the history of Russian-Lithuanian law. The formation of the territory of the State of Lithuania]. St. Petersburg: [s.n.].

25. Safargaliev, M.G. (1960) *Raspad Zolotoy Ordy* [The Collapse of the Golden Horde]. Saransk: Mord. kn. izd-vo.

26. Stefanovich, P.S. (2019) *Politicheskoe razvitiye Galitsko-Volynskoy Rusi v 1240–130 gg. i otnosheniya s Ordoj* [Political development of Galician-Volhynian Rus' in 1240–130 and relations with the Horde]. *Rossiyskaya istoriya*. 4. pp. 116–134. DOI: 10.318557/S086956870005909-0

27. Sabitov, Zh.M. (2020) *Interpretatsiya svedeniy "Zubdat al'-fikra" v nauchnom trude A.A. Porsina* [Interpretation of the information "Zubdat al'-fikra" in the scientific work of A.A. Porsin]. *Zolotoordynskoe obozrenie*. 8(3). pp. 552–561.

28. Pashuto, V.T. (1950) *Ocherki po istorii Galitsko-Volynskoy Rusi* [Essays on the history of Galician-Volhynian Rus]. Moscow: USSR AS.

29. Pochekeyev, Yu.V. (2006) *Batyy. Khan, kotoryy ne byl khanom* [Khan, who was not Khan]. Moscow: Evraziya.

30. Porsin, A.A. (2018) *Istoriya Zolotoy Ordy kontsa XIII – nachala XIV veka v trude Rukn ad-Dina Beybarsa al-Mansuri "Zubdat al-Fikra"* [The history of the Golden Horde of the late 13th – early 14th centuries in Rukn ad-Din Beybars al-Mansuri's "Zubdat al-Fikra"]. Kazan: AS RT.

31. Porsin, A.A. (2020) *Berke. Musul'manin na mongol'skom trone* [Burke. A Muslim on the Mongolian throne]. Nur-Sultan.

32. Carpini, P. & Rubruck, G. (1957) *Puteshestvie v vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka* [Travels to the Eastern countries of Plano Carpini and Rubruk]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo geograficheskoy literatury.

33. Lokietek, W. (1907) *Pis'mo Vladislava Lokietek k pape Ioannu XXII ot 21 maya 1323 g.* [Letter of Wladyslaw Lokietek to Pope John XXII of May 21, 1323]. In: Goneiorovskiy, O.A. *Boleslav-Yuriy, knyaz' vsej Maloy Rusi: sbornik materialov i issledovaniy* [Boleslav-Yuri, prince of all Little Rus: A collection of materials and research]. Vol. 4. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 152.

34. Karsky, I.F. (ed.) (1926–1928) *Lavrent'yevskaya letopis'* [The Laurentian Codex]. In: *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [The Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 1. Leningrad: [s.n.].

35. Shakhmatov, A.A. (ed.) (1908) *Ipat'evskaya letopis'* [Hypatian Codex].

In: *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [The Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 2. Leningrad: [s.n.].

36. Anon. (1848) *Novgorodskaya 4-ya letopis'* [Chronicles of Novgorod]. In: *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [The Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 4. St. Petersburg: E. Pratz.

37. Kisterev, S.N. & Timoshina, L.A. (eds) (2000) *Sofiyskaya 1-ya letopis'* [The Sofia First Chronicle]. In: *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [The Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 4. St. Petersburg: YaRK.

38. Rashid ad-Din. (1952) *Sbornik letopisey* [Collection of Chronicles]. Vol. 1(2). Translated from Persian by L. Khetagurov. Moscow: Leningrad: [s.n.].

39. Rashid ad-Din. (1960) *Sbornik letopisey* [Collection of Chronicles]. Vol. 2. Translated from Persian by L. Khetagurov. Moscow: Leningrad: [s.n.].

40. Tizengauzen, V.G. (1884) SMIZO. Vol. I. St. Petersburg.

41. Trepavlov, V.V. (2010) *Zolotaya Orda vo vtoroy polovine XIV stoletii* [The Golden Horde in the second half of the 14th century]. Moscow: Kvadriga.

42. Trepavlov, V.V. (2016) *Gosudarstvennyy stroy Ulusa Dzhuchi. Administrativnoe ustroystvo. Organizatsiya upravleniya* [The state system of the Ulus of Jochi. The administrative structure. The management organization]. In: Trepavlov, V.V. (ed.) *Zolotaya Orda v mirovoy istorii* [Golden Horde in World History]. Kazan: AS RT. pp. 148–157.

43. Tulibaeva, Zh.M. (2018) *Mirza Ulugbek o Chingizidakh na trone Irana: pravlenie Uldzhaytu-khana i Abu-Saida Bakhadur-khana* [Mirza Ulugbek on the Genghisids on the throne of Iran: the Rule of Uljaitu Khan and Abu-Said Bahadur Khan]. *Zolotoordynskoe obozrenie*. 6(2). pp. 422–438. DOI: 10.22378/2313-61972018-6-2.422-438

44. Cherkas, B.V. (2016) *Territorial'noe ustroystvo Ulusa Dzhuchi (territoriya zapadnee Dona)* [Territorial structure of the Jochi Ulus (territory to the west of the Don)]. In: Trepavlov, V.V. (ed.) *Zolotaya Orda v mirovoy istorii* [Golden Horde in World History]. Kazan: AS RT. pp. 157–179.

45. Khautala R. (2015) *Ot "Davida, tsarya Indiy" do "nenavistnogo plebsa satany"*. *Antologiya rannikh latinskikh svedeniy o tataro-mongolakh* [From "David, King of the Indies" to "the hated plebs of Satan." An anthology of early Latin information about the Tatar-Mongols]. Kazan: AS RT.

46. Yurchenko, A.G. (2002) *Imperiya i kosmos. Real'naya i fantasticheskaya istoriya pokhodov Chingis-Khana po materialam frantsiskanskoy missii 1245 g.* [Empire and Space. The Real and Fantastic History of the Campaigns of Genghis Khan Based on the Materials of the Franciscan Mission of 1245]. St. Petersburg: Evraziya.

47. Slovakia. (1987) *Codex diplomaticus et epistolaris Slovaciae*. Vol. 2(150). Bratislavae: [s.n.]. pp. 100–102.

Леонид Вячеславович Воротынцев – кандидат исторических наук, научный сотрудник Елецкого государственного университета имени И.А. Бунина (Россия).

Leonid V. Vorotyntsev – Yelets State University I.A. Bunin (Russia).

E-mail: leonrus1245@mail.ru

УДК 94(438)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/70/5

Свистельницкие-Желиборские и Скомрохские-Новицкие в Галицкой земле XV в.: разные судьбы шляхетских родов русинского происхождения

С.С. Пашин

Тюменский государственный университет

Россия, 625003, г. Тюмень, ул. Ленина, 23

E-mail: pashin-s@yandex.ru

Авторское резюме

Рассматривается генеалогия двух состоятельных шляхетских родов русинского происхождения в Галицкой земле Русского воеводства Польского королевства XV в., т. е. на востоке Червонной Руси. Начало возвышения одного рода связано с земельным пожалованием 1385 г., другого рода – с занятием его родоначальником на рубеже XIV–XV вв. должности галицкого судьи. Изучена история этих двух родов в XV в.: родственные связи, земельные владения, отношения с соседями. Свистельницкие-Желиборские продолжили свою историю после XV в. В XVI–XVII вв. несколько членов этого рода были галицкими православными епископами. Род Скомрохских-Новицких в силу разных причин пресекался в конце XV в. История двух родов позволяет сделать предположение, что историки ошибочно преувеличивали размеры земельных богатств и численность галицких бояр XIII–XIV вв. и их потомков – шляхтичей русинского происхождения. Во второй половине XIV в. было не более сотни местных бояр. В Галицкой земле XV в. только два рода русинского происхождения можно отнести к крупным землевладельцам и 5–6 семейств – к средним (состоятельным) землевладельцам. Подавляющее большинство шляхтичей-русинов в XV в. – это владельцы одного-двух небольших сел или даже части села.

Ключевые слова: шляхтичи русинского происхождения, генеалогия, XV в., Галицкая земля

The Svistel'nitskies-Zheliborskies and the Skomrokhskies-Novitskies in Galicia of the 15th century: Different fates of Polish gentry of Rusinian origin

S.S. Pashin

Tyumen State University
23 Lenina Street, Tyumen, 625003, Russia
E-mail: pashin-s@yandex.ru

Abstract

The article deals with the genealogy of two wealthy noble families of Rusinian origin in Galicia of Ruthenian Voivodeship of the Polish Kingdom in the 15th century (the east of Galicia, now mainly Ivano-Frankivsk region of Ukraine). The rise of the first family is connected with the land grant of 1385, while the other began to rise when its progenitor assumed the position of the Galician judge in the late 14th – early 15th centuries. The author studied the history of these two families in the 15th century, including family ties, land holdings, relations with neighbours. The Svistel'nitskies-Zheliborskies continued their history after the 15th century. Several members of this family were Galician Orthodox bishops in the 16th–17th centuries. The family tree of the Skomrokhskies-Novitskies died out in the late 15th century for various reasons. The history of the two families suggests that historians erroneously exaggerated the size of land wealth and the number of Galician boyars in the 13th – 14th centuries and their descendants – Polish gentry of Ruthenian origin. There were no more than a hundred local boyars in the second half of the 14th century. In Galicia of the 15th century, only two families of Rusinian origin can be qualified as large landowners and five or six families – as medium (wealthy) landowners. The vast majority of Rusinian gentry in the 15th century owned one or two small villages or even part of the village.

Keywords: gentry of Rusinian origin, genealogy, 15th century, Galicia

Автор этих строк делает первые шаги в деле изучения генеалогии галицкой шляхты XIV–XV вв. В 2022 г. были опубликованы две наши статьи, в которых рассматриваются судьбы всех шляхетских родов русинского происхождения, представители которых в XV в. занимали те или иные (не самые высокие) земские уряды в Галицкой земле Русского воеводства Польского королевства, т. е. на востоке Чер-

вонной Руси. Речь шла о Прокоповичах, Кутицких и Васичинских [4; 5]. Занятие выборной должности в органах местного шляхетского самоуправления подразумевает не только определенный уровень материального достатка и высокий общественный статус, но и католическое вероисповедание шляхтича.

В тех же статьях мы сформулировали вывод о высоком удельном весе шляхтичей русинского происхождения в Галицкой земле XV в. и о том, что среди них преобладали мелкие землевладельцы, распоряжающиеся одним-двумя небольшими селами, а то и частью села. Разумеется, практически все они оставались православными и не подверглись полонизации. Следует уточнить, что в XV в. к крупным галицким землевладельцам русинского происхождения можно отнести только Прокоповичей и Кутицких. Ещё 5–6 семейств – не больше – можно причислить к средней, или состоятельной, шляхте. Кроме Васичинских, почти все они до конца XV в. сохраняли верность православию, а их история прослеживается если не со второй половины XIV, то с начала XV в.

Данная статья посвящена истории двух таких родов – Свистельницких-Желиборских и Скомрохских-Новицких. Первому семейству посвящён очерк объёмом две трети страницы в книге польского историка Л. Выростека [20: 101–102, 169], а Скомрохские-Новицкие ранее никогда не привлекали внимание исследователей.

Родоначальником Свистельницких-Желиборских, скорее всего, был галицкий шляхтич Дмитр из Скоморохов. В сентябре 1385 г., во время своего второго, очень короткого периода управления Червонной Русью, венгерский ставленник князь Владислав Опольский выдал в Городке (около Львова) жалованную грамоту, в которой, во-первых, подтвердил пану Дмитру его права на дедичные села Скоморохи (Skomorochoy) и Войнилов, а во-вторых, пожаловал ему села Жолиборы (Zolibory) и Раковичи. В награду за такую княжескую щедрость Дмитр и его потомки должны были вечно нести военную службу двумя копьями и двумя лучниками [1: 6–7].

Достоверный родоначальник Свистельницких-Желиборских, Петр de Sfiŝtelniŝy, вполне мог быть внуком Дмитра из Скоморохов. В галицких земских записях 1430–1450-х гг. Петр выступает владельцем четырех граничивших друг с другом сел в 15–18 км к северу от Галича, на территории современного Ивано-Франковского района (до реформы 2020 г. – Рогатинского и Галицкого районов) Ивано-Франковской области. Свое название род получил по селу Сфистельники (с 1470-х гг. – Свистельники, ныне Свитанок), которое находилось на левом берегу небольшой реки Нараевка, левого притока Днестра. 2–3 км ниже по течению реки, на том же левом берегу раскинулось село

Ском(о)рохи (Skomrochi, ныне село Старые Скоморохи), по которому писался Дмитр из грамоты 1385 г.

Третье село, Стрельче (Стрельцы?), мы не смогли найти на современных картах, однако по галицким записям XV в. известно, что оно граничило как со Свистельниками, так и с Шумлянами (ныне село на западе Тернопольской области). Наконец, четвертое село, Желибор (Zelibor, Zeliborz, ныне Жалиборы), находилось около 3 км западнее Скомрохов, на берегах безымянного ручья – правого притока Наревки.

Владения Петра Свистельницкого расположились в густонаселенном районе. К примеру, Свистельники граничили с Шумлянами, Славятином и другими селами, однако у Петра никогда не было серьезных конфликтов с их владельцами – как православными, так и католиками. Что касается упомянутых в грамоте 1385 г. Войнилова и Раковичей, то эти села на правом берегу Днестра (ныне в Калушском районе Ивано-Франковской области) уже в 1430-е гг. принадлежали галицким можновладцам Бучацким.

Пётр в мае 1440 г. записал скромные 100 гривен вена (второй?) жене Анне, хотя его старший сын Яцко был совершеннолетним уже летом 1436 г. [10: 9, 81–82].

Пётр был жив в июне 1461 г., а умер ранее 22 февраля 1462 г. [10: 273, 385]. Он имел трех сыновей (Яцка, Андрея и Василия) и дочь Олухну (Милохну), не позднее 1464 г. вышедшую замуж за шляхтича Игната de Dzdzane из Хелмского повета (Западная Волынь) [10: 290].

Старший сын Петра, Яцко, отличался довольно буйным нравом. В сентябре 1439 г. Петру вместе с пятью другими шляхтичами даже пришлось ручаться за сына, что тот, будучи задержанным, не сбежит из Галицкого замка без разрешения бурграбия [10: 428]. В сентябре 1449 г. Яцко по решению отца «навечно» получил свою долю семейного имущества – села Скомрохи и Желибор – и стал родоначальником Желиборских [10: 201]. Умерший, как и отец, ранее 22 февраля 1462 г. Яцко имел сына Михаила и дочь Марушу – супругу шляхтича Мишка с Волковой (1472 г.) [10: 349–350, 385].

Михаил Желиборский в феврале 1475 г. получил за женой Анной, дочерью покойного совладельца (вторых) Скомрохов Ивашка Скомрохского-Новицкого, 100 гривен приданого и записал 200 гривен вена на половинах Желибора и верхнего пруда в том же селе. Точнее, ему были обещаны 100 гривен, а на практике деньги были записаны на части села Скомрохи [10: 364]; в январе 1483 г. он купил за 120 гривен у Петра Говорека село Чиранова Лука на Днестре, в июле 1494 г. передал это село в управление соседу Петру Завише из Гнильче; последний раз упоминается в апреле 1495 г. в связи с

передачей в управление Делятина – села в Коломыйском повете [15: 193, 226–227, 230]. Все жившие в XVI–XVII вв. Желиборские должны быть его потомками.

Второй сын Петра Свистельницкого, Андрей, в августе 1462 г., вскоре после смерти старшего брата Яцка, по семейному разделу с младшим братом Василием получил два граничивших с Шумлянами села: Стрельче и недавнюю куплю – Боков (около 5 км восточнее Свистельников и Скомрохов, ныне на крайнем западе Тернопольского района одноименной области), а также средний рыбный пруд в Свистельниках [10: 389]. Продавец Бокова, сосед и будущий посмертный родственник Ивашко Скомрохский-Новицкий, в свою очередь, купил село в 1445 г. у Прокопа (Тяптюковича) из Стрелищ всего за 70 коп. грошей (87,5 гривен) [10: 142]. Андрей распорядился Боковым уже в октябре 1455 г. [8: 162–163], а упомянутый пруд он продал в 1465 г. брату Василию за 160 гривен [10: 305].

Эта и множество подобных записей в галицких земских книгах XV в. ясно указывают на то, что рыбоводство являлось важной, если не главной статьей доходов Свистельницких. Нашу догадку подтверждают и данные налогового реестра 1515 г. Согласно им, в Свистельниках было пять ланов земли, в Скомрохах – три, а в Желиборах – всего один лан [21: 170]. Лан – это площадь полноценного кметского надела. Конечно, на рубеже XV–XVI вв., по мере роста численности крестьянского населения, червонорусские кметские хозяйства нередко распорядились только половиной или даже четвертью лана, однако в таких условиях земледелие уже не может быть главным средством материального обеспечения и крестьян, и землевладельцев.

В марте 1470 г. Андрей получил 50 коп грошей приданого за женой Мотроной и записал 100 коп вена на Бокове, не позднее 1475 г. занял должность управляющего (administrator) в селе Крылос – резиденции местных православных епископов на месте домонгольского Галича и, кажется, принял духовный сан [10: 333, 373, 379]. Последний раз как живой он упоминается в ноябре 1479 г., когда его дочь Ульяна со 100 гривнами приданого вышла замуж за самборского православного шляхтича Федька Блажевского [14: 187].

Сыном и единственным наследником Андрея был известный с января 1483 г. Данил (Дашко) с Бокова. В марте 1485 г. он записал 140 гривен вена на селе Стрельче жене Маруше, дочери соседа Ивашка Шумлянского [15: 192, 198].

Данил располагал значительными свободными средствами. В январе 1483 г. галицкий каштелян Яков Бучацкий признавал ему долг в 100 гривен, в мае 1488 г. дядя Василий Свистельницкий за долг в 70 гривен закладывал ему пять кметских дворов в Свистельни-

ках, в 1493 г. он же был должен 50 гривен. В ноябре 1493 г. Мартин Свирский за 50 гривен продал Данилу граничившее со Свистельниками и Шумлянами село Славятин [15: 192, 213, 228].

Младшему сыну Петра, Василию (Васько), по разделу 1462 г. с братом Андреем досталось село Свистельники с верхним и нижним прудами. В 1465 г. он выкупил у брата средний пруд, в мае 1469 г. получил за женой Марией (Марушей), дочьерью Дмитра с Погорельцев, 60 гривен приданого и записал 120 гривен вена на половине Свистельников [10: 305, 323, 389]; в августе 1482 г. получил 80 гривен приданого (160 гривен вена) за второй женой, тоже Марушей, дочьерью соседа Луки Подвербецкого; в июне того же 1482 г. купил за 200 коп грошей у галицкого каштеляна Якова Буцацкого село Старуня (в бассейне Быстрицы, правого притока Днестра), в 1489–1490 гг. в два приема продал это село братьям Жураковским; в июне 1490 г. за 80 гривен купил у Адама Жарваницкого часть граничившего со Свистельниками села Средний Сарнек (ныне Сарники, на одном ручье с Жалиборами) [15: 189, 194, 217–218, 267–268, 323].

Не имевший сыновей Василий был жив еще в феврале 1498 г.: в записи львовской гродской книги упоминается его не успевшая осиротеть дочь Анастасия – супруга хелмского шляхтича Михаила Подгородзинского [13: 348].

Хотя Данил с Бокова последний раз упоминается сравнительно рано, в ноябре 1493 г., думается, именно его потомки продолжили род Свистельницких. На рубеже XV–XVI вв. они должны владеть волостью из пяти компактно расположенных сел – это Свистельники с тремя рыбными прудами на реке Нараевка, Средний Сарнек, Стрельче, Боков и Славятин. Под их фактическим контролем какое-то время оставались и скромные владения Галицкой православной епископии.

Сохранившие верность православию Свистельницие и Желиборские неоднократно упоминаются в червонорусских источниках XVI–XVII вв. Б. Папроцкий в знаменитой книге «Гербы рыцарства польского» (1584 г.) относил Свистельницких к гербу Сас и характеризовал их «дом» как «старинный и мужи добрые» [19: 697]. На протяжении XVI–XVII вв. представители Свистельницких и Желиборских не раз занимали кафедры львовских и галицких православных епископов, порою соперничая в борьбе за этот пост со своими соседями и дальними родичами Шумлянскими [9: 63, 173, 250, 259, 269, 276, 285, 294, 319, 322].

Родоначальником другого известного в Галицкой земле XV в. рода, Скомрохских-Новицких, по нашему мнению, был галицкий шляхтич Дробыш. Впервые он упоминается вторым (после Васька Тяптюковича, старшего брата родоначальника Прокоповичей) из пяти свидетелей

в правой грамоте 1401 г. галицкого старосты Петраша (Влодковича) [7: 65–66].

8 лет спустя, в 1409 г., в списке свидетелей-«сведцев» купчей на староукраинском языке другого галицкого старосты, Яна Щкотского, также вторым – после галицкого воеводы Стриецца, но перед Васько Тяптюковичем – упоминается «пань судия Дробышь» [7: 74], уважаемое местным шляхетским сообществом всех национальностей и вероисповеданий должностное лицо. Наконец, ещё через 3 года, в 1412 г., и вновь в списке свидетелей перед Васько Тяптюковичем разъезжей грамоты галицкого старосты, на этот раз Андрея Цёлка, судья Дробыш выступает как участник разграничения сел Крылос и Комаров [3: 532–533].

У Дробыша было двое сыновей: Грицко и Павел.

«Грицко Дробышевич» впервые упоминается в списке свидетелей составленной в Жидачове разъезжей грамоты 1412 г. князя Федора Любартовича [2: 351–253]. Через 7 лет, в 1419 г., он стал одним из участников разграничения двух сел галицких шляхтичей [7: 90–91]. Этот же шляхтич во второй половине 1430-х гг. известен как Грицко с Бортников, по селу в Жидачовском повете Львовской земли. В галицких и перемышльских земских книгах он упоминается последний раз в мае 1438 г. [10: 40; 11: 65].

Грицко имел четырех сыновей: Андрея, Антония, Ивашка и Протасия. Старший сын упоминается в четырех галицких записях 1436–1438 гг. как Андрей с Новицы – по названию заложенного королевского имения в 6–7 км от Калуша, в междуречье Ломницы и Луквы, правых притоков Днестра. Он был женат на перемышльской шляхтянке Маргарите, однако умер бездетным прежде отца: в мае 1438 г. его вдова известила перемышльский земский суд,

что Грицко с сыновьями заплатили ей за приданое и вено [10: 7, 36, 39, 43; 11: 65].

Известный с 1438 г. второй сын в галицких записях обычно зовется Антонием (Антонко) из Скомрохов; он был жив ещё в апреле 1441 г., а умер бездетным и, кажется, холостым ранее мая 1443 г. [10: 99, 115].

Третий сын Грицка с Бортников, в отличие от старших братьев, прожил долгую и наполненную хлопотами жизнь. В галицких земских записях он выступает то как Ивашко из Скомрохов, то как Ивашко с Новицы (Новицкий). В 1445 г. пан Ивашко купил за 70 коп грошей уже известное нам село Боков [10: 142], в январе 1447 г. совершил раздел владений с единственным оставшимся в живых братом Протасием: ему достались Новица и четверть Скомрохов, а Протасию – Бортники, половина села Вишнев и ещё одна четверть Скомрохов. Эту четверть Протасий сразу же продал старшему брату за 100 коп (137,5 гривен) «на вечные времена» [10: 156].

Ещё одну часть Скомрохов Ивашко выкупил в июне 1454 г. за 200 гривен у своих двоюродных братьев Данка, Федора и Яцка, сыновей покойного дяди Павла Дробышевича из Скомрохов, и практически одновременно продал Андрею Свистельницкому село Боков. В 1467 и 1469 гг., соответственно за 52 гривны и 60 коп, Ивашко выкупил у другого своего кузена – тоже Ивашка, старшего сына Павла Дробышевича, оставшуюся часть Скомрохов и стал единственным владельцем села [10: 239, 260–261, 317, 324].

Покупатель, скорее всего, расплатился не живыми деньгами, а долговыми обязательствами: согласно люстрации заложенных королевских имений 1469 г., Ивашко Nowiczski предъявил грамоту с записью 100 гривен на селе Новица, а продавший ему свою часть Скомрохов «dominus Iwaschko de Skomroch» показал грамоту с записью на Новице 400 гривен [21: 31В, 37В]. Впрочем, части скупленных Новицким Скомрохов будут регулярно находиться в залоге у различных галицких шляхтичей.

Внимательный читатель уже догадался, что Ивашко Новицкий скупал части Скомрохов, отличных от Скомрохов, принадлежавших в 1450–1460-е гг. Свистельницким-Желиборским. Он стал владельцем села на правом берегу Нараевки, которое ныне известно как Новые Скоморохи.

В апреле 1469 г. Ивашко Новицкий получил 100 коп приданого за (второй?) женой Марушей Рожнятовской; в мае 1470 г. обещал зятю, львовскому шляхтичу Олехно из Стратина, дать 60 гривен приданого за дочерью Марухной, а умер в 1472 или 1473 г. [10: 326, 337–339, 353, 404]. Вторая (из четырех) дочь Новицкого, Анна, не позднее 1475 г. вышла за известного нам Михаила Желиборского [10: 364].

Несовершеннолетние сыновья Ивашка Новицкого, Федор и Альберт, поначалу находились под опекой кузена Ивашка (сына их дяди Протасия), однако в конце 1475 г. он передал опекунство их матери Маруше. Та дала обещание ежегодно давать 20 гривен на содержание сыновей вплоть до их совершеннолетия [10: 373, 375, 378]. Маруша оставалась опекуном ещё в январе 1483 г. [15: 191–192].

В феврале 1486 г. Федор и Альберт уже самостоятельно распоряжаются своим имуществом: они обещают дать львовскому шляхтичу Василию Дулебскому 60 гривен приданого за своей сестрой Софией, а в случае неуплаты разрешат ему въезд в шесть кметских дворов в Новице или Скомрохах [15: 205].

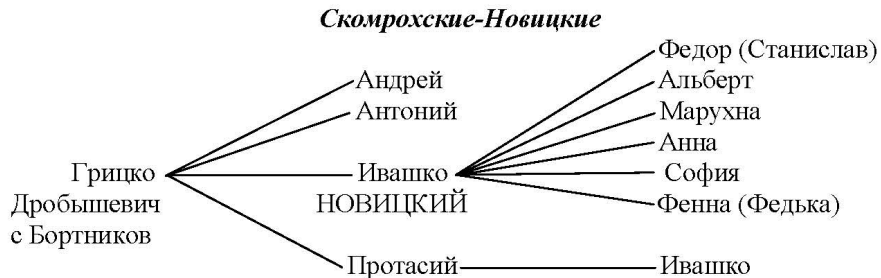
Дальнейшая судьба Альберта неизвестна, а Федор вместе с матерью Maria alias Maruscha Novuczka в июле 1491 г. обязуется заплатить 100 гривен шляхтичу Федору de Bezek. Это явно был очередной шурин-зять, поскольку 7 января 1493 г. шляхтянка Фенна (Федька), супруга шляхтича Федька Boschek и, видимо, четвертая дочь Ивашка Новицкого, объявила, что ее родной брат Станислав Новицкий расплатился с ней за отцовские и материнские имущества. В тот же день пан Станислав выплатил все долги соседу (и шурину) Михаилу Желиборскому, вернув себе заложенную ранее половину Скомрохов [15: 219, 224–225]. Мы предполагаем, что под именем Станислава скрывался перешедший в католичество Федор Новицкий. Последнее упоминание Станислава Новицкого в галицких земских книгах датируется 7 октября 1493 г. [15: 228].

21 апреля 1499 г. польский король Ян Ольбрахт издает грамоту, которая разрешает галицкому подсудку Петру Блудницкому взять в залог принадлежащие Станиславу Новицкому королевское село Новица и дедичное село Скомрохи. Полученные от пана Петра деньги предполагается использовать для выкупа из «Константинопольского плена» Станислава Новицкого и его семьи [16: 86]. Так трагический для всей Червонной Руси период опустошительных татаро-турецких набегов (1498–1501 гг.) затронул отдельную семью галицких шляхтичей. Дальнейшая судьба Новицких нам неизвестна. Скорее всего, они сгинули в турецкой неволе. Во всяком случае, в 1510–1540-е гг. село Новица находилось в держании Плетеницких, Тарлов, других галицких шляхетских семейств, причем отнюдь не родственников пана Станислава [17: 134, 365; 18: 133, 215].

Самый младший сын Грицка с Бортников, Протасий, в середине 1440-х г. занимал должность жидачовского подкомория; в январе 1447 г., по итогам раздела с братом Ивашко Новицким, стал владельцем села Бортники, летом 1450 г. вступил в острый конфликт с тестем – известным львовским православным шляхтичем Сенько Лопатичем

с Осталовичей. Конфликт закончился погромом Бортников друзьями и слугами Лопатича и разводом Протасия с женой Федькой [12: 168, 187, 246, 292–293]. В августе 1450 г. Протасий продал Бортники за 200 коп грошей видному жидачовскому шляхтичу русинского происхождения Юрше с Ходоровстава [12: 298] и перебрался на северо-восточную окраину Галицкой земли, в заложенные ему села в Теревовльском повете [10: 210]. После 1450 г. он упоминается всего один раз, причем как Протасий с Бортников – на заседании львовского земского суда 14 июля 1464 г., в качестве свидетеля со стороны львовского шляхтича Машка Балабана [13: 433].

Единственный сын уже покойного Протасия упоминается в нескольких записях галицкого земского суда 1472 и 1475 гг. как Ивашко с Бортников или как Ивашко с Дубровлян [10: 373, 375, 379, 405]. Чем он распорядился реально и какова его дальнейшая судьба – остается загадкой.

Грицко с Бортников и Павел из Скомрохов ни разу не названы братьями, однако запись галицкой земской книги от 3 июня 1454 г. называет сына Грицка, Ивашка Новицкого, двоюродным братом Данка, Федора и Яцка, сыновей «доброй памяти» Павла Drobyszchowicz de Skomgoshi от второй жены Ульяны [10: 239], а ещё две записи – от 19 февраля 1459 г. и 15 мая 1469 г. – называют двоюродными братьями Ивашка из Скомрохов (Новицкого) и тоже Ивашка из Скомрохов – сына покойного «Пашка из Скомрохов» [10: 260–261, 324]. Это дает веские основания считать Грицка и Павла родными братьями, сыновьями судьи Дробыша грамот 1401–1412 гг.

Павел (Пашко) из Скомрохов, подобно брату Грицко, здравствующим последний раз упоминается в мае 1438 г. В феврале 1439 г. его уже точно не было в живых [10: 40, 60–61]. Павел был женат дважды. От неизвестной по имени первой жены у него были дочь Настасья – супруга шляхтича Ешка Палуховского (1446 г.) [10: 148, 150–151] и сын Ивашко. Этот Ивашко в 1443 г. за 50 коп грошей получил от

мачехи Ульяны записанную ей в вено часть Скомрохов – с условием, что её сыновья (его единокровные братья) по достижении совершеннолетия смогут выкупить у него её долю [10: 110].

Запись галицкого земского суда от 3 июня 1454 г. называет имена этих братьев – сыновей Павла и Ульяны: Данко, Федор и Яцко. Они продали свою часть Скомрохов за 200 коп грошей не единокровному брату, а кузену Ивашко Новицкому [10: 239]. После этой сделки имена троих братьев исчезают со страниц галицких земских книг. Они могли умереть, не оставив наследников, а могли и сменить место жительства (и фамильное прозвание). В любом случае братья перестали быть Скомрохскими.

В 1467–1469 г. Ивашко Скомрохский последовал примеру младших братьев и за 112 гривен продал свою долю Скомрохов кузену Ивашко Новицкому [10: 260–261, 317, 324]. Как уже отмечалось выше, вместо реальных денег он получил запись 400 гривен на заложенном королевском имени Новица. Подобный довольно неординарный поступок пана Ивашка, скорее всего, связан с отсутствием сыновей и плохим состоянием здоровья.

Ивашко Скомрохский умер в 1470-е гг., оставив двух дочерей: Анастасию – супругу стрыйского шляхтича Василя Братковского (1480 г.) [14: 195] и Екатерину – жену Панаса Ганевского (1488 г.) [15: 213]. С его смертью пресеклась ветвь Скомрохских – потомков Павла Дробышевича. Четверть века спустя та же судьба постигла ветвь потомков Грицка Дробышевича.

История рода Скомрохских – яркий пример того, что рубеж XV–XVI вв. знаменует собой начало совершенно нового этапа в развитии галицкой шляхты. В XV в. в беспокойной из-за близости турецких и крымских владений Галицкой земле даже многочисленность и материальное благополучие шляхетского рода не гарантировали его процветание в будущем.

При всём разнообразии судеб шляхетских родов русинского происхождения, которых можно причислить к средним, или состоятельным, землевладельцам, в биографиях этих родов на протяжении XV в. прослеживаются и общие черты. Во-первых, бросается в глаза, что

старт возвышению всех без исключения родов связан с проявлениями благосклонности контролировавших Червонную Русь польских или венгерских властей: это могли быть либо земельные пожалования, либо предоставление доходных должностей. Напрашивается гипотеза, что российские и украинские историки до сих пор нередко завышают размеры земельных богатств галицких бояр (и их потомков – шляхтичей русинского происхождения) в XIII–XIV вв.

Во-вторых, обращает на себя внимание высокая рождаемость и, соответственно, значительный рост численности, по крайней мере, части шляхетского населения Галицкой земли в течение XV столетия. Не будет слишком смелым предположение, что историки обычно преувеличивали и численность местного боярства XIII–XIV вв., напрасно доверяясь субъективным известиям русских летописцев. Достаточно вспомнить хрестоматийное сообщение под 1208 г. Галицко-Волынской (Ипатьевской) летописи о том, что оказавшиеся в Галичине северские князья Игоревичи перебили 500 своих политических противников из числа галицких бояр [6: 723–724]. Мы полагаем, что применительно ко второй половине XIV в. следует говорить максимум о сотне галицких шляхтичей русинского происхождения. Более точные данные и по XIV, и по XV в. можно получить только после изучения генеалогии всех галицких родов – как русинского, так и иноземного (польского, волошского, немецкого) происхождения.

Список сокращений

AGZ – Akta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczypospolitej Polskiej z Archiwum tak zwanego bernardyńskiego we Lwowie.

MRPS – Matricularium Regni Poloniae Summaria, excussis codicibus, qui in Chartophylacio Maximo Varsoviensi asservantur / Ad. Th. Wierzbowski.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Грушевський М.* Кілька грамот Володислава Опольського // Записки Наукового товариства імені Шевченка. Львів, 1903. Т. LI. С. 1–8.

2. *Купчинський О.* Забуті та невідомі староукраїнські грамоти XIV – першої половини XV ст. // Записки Наукового товариства імені Шевченка. Львів, 1997. Т. ССXXXIII. С. 333–359.

3. *Михайловський В.* Історія одного розмежування біля Крилоса в 1412 році // Вісник Львівського університету. Серія історична. 2010. Вип. 45. С. 521–544.

4. *Пашин С.С.* Крупнейшие галицкие бояре второй половины XIV века и их потомки // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2022. Т. 32, вып. 1. С. 126–130.

5. *Пашин С.С.* Кутицкие и Васичинские в Галицкой земле XV века: опыт

изучения шляхетских родов русинского происхождения // Русин. 2022. № 67. С. 66–83.

6. Полное собрание русских летописей. М.: Языки славянской культуры, 2001. Т. 2. Е–N, XVI, 648 с.

7. Южнорусские грамоты / собр. В. Розовым. Киев: Типография Киево-Печерской Успенской Лавры, 1917. Т. 1. 176, 75, IX с.

8. AGZ. We Lwowie: Z drukarni narodowej W. Manieckiego, 1873. Т. 4 / Wyd. O. Pietruski, X. Liske. VI, 303 s.

9. AGZ. We Lwowie: Z I. Związkowej drukarni, 1884. Т. 10 / Wyd. O. Pietruski, X. Liske. VI, 542 s.

10. AGZ. We Lwowie: Z I. Związkowej drukarni, 1887. Т. 12 / Wyd. O. Pietruski, X. Liske. XIV, 551 s.

11. AGZ. We Lwowie: Z I. Związkowej drukarni, 1888. Т. 13 / Wyd. O. Pietruski, X. Liske. XIV, 730 s.

12. AGZ. We Lwowie: Z I. Związkowej drukarni, 1889. Т. 14 / Wyd. O. Pietruski, X. Liske. XVII, 635 s.

13. AGZ. We Lwowie: Z I. Związkowej drukarni, 1891. Т. 15 / Wyd. X. Liske. XIII, 720 s.

14. AGZ. We Lwowie: Z drukarni E. Winiarza we Lwowie, 1903. Т. 18 / Wyd. A. Prochaska. XLIII, 701 s.

15. AGZ. We Lwowie: Z drukarni E. Winiarza we Lwowie, 1906. Т. 19 / Wyd. A. Prochaska. XXXIV, 855 s.

16. MRPS. Varsoviae: Typis officinae C. Kowalewski, 1907. Pars II. VIII, 191 p.

17. MRPS. Varsoviae: Typis officinae C. Kowalewski, 1912. Pars IV. Vol. 2. 477 p.

18. MRPS. Varsoviae: Typis officinae C. Kowalewski, 1915. Pars IV. Vol. 3. 440 p.

19. *Paprocki B.* Herby rycerstwa polskiego, zebrane i wydane r. p. 1584 / Wyd. K.J. Turowskiego. Kraków: Nakładem wydawnictwa biblioteki Polskiej, 1858. 964, CLXII, 11 s.

20. *Wyrostek L.* Ród Dragów-Sasów na Węgrzech i Rusi Halickiej. Kraków: Nakładem Polskiego towarzystwa heraldycznego, 1932. 192 s.

21. *Źródła dziejowe.* Warszawa: Warszawska Drukarnia Estetyczna, 1902. Т. 18. Cz. 1 / Ziemie ruskie. Ruś Czerwona / Opis. przez A. Jabłonowskiego. 252, XVIII, 72, 66 (B).

REFERENCES

1. Grushevskiy, M. (1903) Kil'ka gramot Volodislava Opol'skogo [Several diplomas of Vladislaus I of Opole]. *Zapiski Naukovogo tovaristva imeni Shevchenka*. LI. pp. 1–8.

2. Kupchinskiy, O. (1997) Zabuti ta nevidomi staroukraïns'ki gramoti XIV – perшої polovini XV st. [Forgotten and unknown old Ukrainian diplomas of the 14th – first half of the 15th century]. *Zapiski Naukovogo tovaristva imeni Shevchenka*. CCXXXIII. pp. 333–359.

3. Mikhaylovskiy, V. (2010) Istoriya odnogo rozmezhuvannya bilya Krilosa v 1412 rotsi [The history of one demarcation near Krylos in 1412]. *Visnik Lvivskogo universitetu. Seriya istorichna – Bulletin of Lviv University. Historical Series*. 45. pp. 521–544.

4. Pashin, S.S. (2022) Krupneyshie galitskie boyare vtoroy poloviny XIV veka i ikh potomki [The largest Galician boyars of the second half of the 14th century and their descendants]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya istoriya i philologiya – Bulletin of the Udmurt University. History and Philology Series*. 32(1). pp. 126–130.

5. Pashin, S.S. (2022) The Kutitskies and Vasichinskies in Galicia in the 15th century: on studying noble families of Rusinian origin. *Rusin*. 67. pp. 66–83 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/67/5

6. The Archeographic Board. (ed.) (2001) *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Full Collection of Russian Chronicles]. Vol. 2. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury.

7. Rozov, V. (ed.) (1917) *Yuzhnorusskie gramoty* [South Russian Documents]. Vol. 1. Kiev: Kiev-Pechersk Assumption Lavra.

8. Pietruski, O. & Liske, X. (eds) (1873) AGZ. Vol. 4. We Lwów: Z drukarni narodowej W. Manieckiego.

9. Pietruski, O. & Liske, X. (eds) (1884) AGZ. Vol. 10. Lwów: Z I. Związkowej drukarni.

10. Pietruski, O. & Liske, X. (eds) (1887) AGZ. Vol. 12. Lwów: Z I. Związkowej drukarni.

11. Pietruski, O. & Liske, X. (eds) (1888) AGZ. Vol. 13. Lwów: Z I. Związkowej drukarni.

12. Pietruski, O. & Liske, X. (eds) (1889) AGZ. Vol. 14. Lwów: Z I. Związkowej drukarni.

13. Liske, X. (ed.) (1891) AGZ. Vol. 15. Lwów: Z I. Związkowej drukarni.

14. Prochaska, A. (ed.) (1903) AGZ. Vol. 18. Lwów: Z drukarni E. Winiarza we Lwowie.

15. Prochaska, A. (ed.) (1906) AGZ. Vol. 19. Lwów: Z drukarni E. Winiarza we Lwowie.

16. Wierzbowski, Th. (ed.) (1907) *MRPS*. Part II. Varsoviae: Typis officinae C. Kowalewski.

17. Wierzbowski, Th. (ed.) (1912) *MRPS*. Part IV. Vol. 2. Varsoviae: Typis officinae C. Kowalewski.

18. Wierzbowski, Th. (ed.) (1915) *MRPS*. Part IV. Vol. 3. Varsoviae: Typis officinae C. Kowalewski.

19. Paprocki, B. (1858) *Herby rycerstwa polskiego*. Kraków: Nakładem wydawnictwa biblioteki Polskiej.

20. Wyrostek, L. (1932) *Ród Dragów-Sasów na Węgrzech i Rusi Halickiej*. Kraków: Nakładem Polskiego towarzystwa heraldycznego.

21. Jabłonowski, A. (ed.) (1902) *Źródła dziejowe*. Vol. 18(1). Warszawa: Warszawska Drukarnia Estetyczna.

Пашин Сергей Станиславович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и мировой политики Тюменского государственного университета (Россия).

Sergey S. Pashin – Tyumen State University (Russia).

E-mail: pashin-s@yandex.ru

УДК 94(47).05(436)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/70/6

Русины в Институте славянских стипендиатов (1866–1882 гг.)

А.Н. Птицын

Северо-Кавказский федеральный университет

Россия, 355017, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1

E-mail: ptiandr@gmail.com

Авторское резюме

Составной частью массового переселенческого движения русинов в Российскую империю в XIX в. была учебная миграция. Самый масштабный приток русинских студентов имел место во второй половине 1860-х – 1870-е гг. и был связан с появлением славянских стипендиатов. Проводившаяся в то время гимназическая реформа вызвала острую потребность в преподавателях древних языков, которых стали приглашать из Габсбургской монархии. В их число вошли учителя-практики, выпускники и студенты вузов, бывшие представителями славянских народов. После переезда в Россию они проходили переподготовку и изучали русский язык в Петербурге в качестве слушателей Института славянских стипендиатов, который действовал в 1866–1882 гг. Всего через данный институт прошли около 160 австро-венгерских филологов, почти треть из них (45 человек) составляли русины. Среди них доминировали галичане (35 человек), и также были представлены буковинские и угорские русины (по 5 человек). Это были преимущественно люди молодого возраста, выходцы из семей сельских священников. Переезд в Россию позволил им получить учительскую профессию и трудоустроиться на более выгодных, чем на родине, условиях. В дальнейшем подавляющее большинство стипендиатов-русинов успешно адаптировались к новым условиям. Многие из них проработали в российских учебных заведениях долгие годы, каждый пятый в итоге достиг поста директора гимназии. Таким образом, Институт славянских стипендиатов можно рассматривать как один из основных каналов эмиграции русинской интеллигенции в Российскую империю в пореформенный период.

Ключевые слова: Русины, галичане, буковинцы, угорские русины, иммиграция в Россию, Институт славянских стипендиатов, классические гимназии, учителя древних языков

Rusins in the Institute of Slavic Scholars (1866–1882)

A.N. Ptitsyn

North-Caucasus Federal University
1, Pushkin Street, Stavropol, 355017, Russia
E-mail: ptiandr@gmail.com

Abstract

The mass resettlement of Rusins in the Russian Empire in the 19th century included a study migration. The largest influx of Rusin students happened in the second half of the 1860s – 1870s with the emergence of Slavic scholars. The gymnasium reform caused an urgent need for teachers of ancient languages, who were invited from the Habsburg monarchy. They were practicing teachers, graduates and university students, representatives of the Slavic peoples. After moving to Russia, they attended refresher courses and studied Russian in St. Petersburg as students of the Institute of Slavic Scholars (1866–1882). In total, about 160 Austro-Hungarian philologists attended the Institute. Of them, almost a third (45 people) were Rusins: Galicians (35 people) and Bukovinian and Ugric Rusins (5 persons each). They were mostly young people from the families of rural priests. Moving to Russia allowed them to get a teaching profession and find a job on more favorable terms than in their homeland. Subsequently, the overwhelming majority of Rusin scholars successfully adapted to the new conditions. Many of them worked in Russian educational institutions for many years; one in five eventually reached the post of director of a gymnasium. Thus, the Institute of Slavic Scholars can be considered a main channel for the emigration of the Rusin intelligentsia to the Russian Empire in the post-reform period.

Keywords: Rusins, Galicians, Bukovinians, Ugric Rusins, immigration to Russia, Institute of Slavic Scholars, classical gymnasiums, teachers of ancient languages

В XIX в. русины активно переселялись из Габсбургской монархии на территорию Российской империи, этот процесс особенно усилился в период реформ 1860-х гг. [17: 18–19]. В историографии данная проблема рассмотрена лишь фрагментарно. Давая общую характеристику этому явлению, современные исследователи (С.Г. Суляк, М.Ю. Дронов и др.) выделяют отдельные потоки эмиграционного движения – крестьян и сельскохозяйственных рабочих, священников, учителей и др. [2; 17]. При этом перемещение в пореформенную Россию представителей русинской интеллигенции не являлось пред-

метод специального исследования, а рассматривалось рядом учёных (Е.Ю. Басаргина, В. Матула, М. Даниш, Г.В. Рокина, И.В. Чуркина и др.) в общем контексте эмиграции австро-венгерских интеллектуалов славянского происхождения, которая в значительной мере была связана с созданием и деятельностью системы подготовки славянских стипендиатов [1; 6; 18–20].

Переселенческое движение из населённых русинами регионов Австро-Венгрии на территорию Российской империи представляло собой, главным образом, трудовую миграцию, состоявшую из крестьян, сельскохозяйственных рабочих и ремесленников, выезжавших на заработки и частично оседавших на новых местах. Оно также включало представителей образованных слоев – священников, учителей и др. С 1862 по 1875 г. из Галиции в Царство Польское переселилось более сотни священников и других представителей униатской церкви, приглашённых российскими властями с целью усилить там прорусские и антипольские элементы [2: 319–320]. С той же целью в польские учебные заведения в то время стали активно приглашать учителей-галичан.

Отдельную группу среди переселенцев составляла учащаяся молодёжь – студенты, семинаристы, реже гимназисты. Они учились в различных университетах, институтах, духовных академиях, семинариях и гимназиях. Многие из них обучались за казённый счет и получали стипендии российского правительства либо общественных организаций. Учебная миграция русинов фактически была эмиграцией, поскольку после получения диплома они, как правило, трудоустроивались и оставались на жительство в России.

В пореформенный период большинство русинских студентов принадлежали к числу так называемых славянских стипендиатов. Данная категория появилась в связи с потребностями кадрового обеспечения гимназической реформы, проводившейся в 1864–1871 гг. и предполагавшей преобразование большинства мужских гимназий в классические. Основными предметами там становились латинский и древнегреческий языки, для их преподавания в каждой гимназии были необходимы четыре штатных учителя. Между тем специалистов данного профиля в стране катастрофически не хватало, а немногочисленные историко-филологические факультеты отечественных университетов были просто не в состоянии восполнить этот дефицит. В конце 1860-х – середине 1870-х гг. для их подготовки были открыты новые учебные заведения – историко-филологические институты в Петербурге и Нежине, а также Русская филологическая семинария при Лейпцигском университете. Однако в первое десятилетие гимназической реформы основным источником

пополнения преподавательских кадров стало их приглашение из-за границы [4: 206–207].

Необходимых специалистов руководители Министерства народного просвещения (МНП) нашли в Габсбургской монархии, где классическая модель гимназического образования существовала уже давно, а подготовка филологов-классиков в университетах была поставлена на поток. На русскую службу стали в массовом порядке приглашать австро-венгерских учителей славянского происхождения. Такой подход был, в первую очередь, обоснован практическими соображениями, согласно которым славянам было гораздо проще, чем другим иностранцам, освоить русский язык и преподавать на нем. Также в этой акции отразилось влияние широко распространённой в то время как в России, так и среди других славянских народов концепции славянской взаимности [6: 220–221].

Совсем не случайно инициатором приглашения славян на российскую педагогическую службу стал яркий сторонник данной концепции протоиерей Михаил Федорович Раевский. Он более 40 лет (в 1842–1884 гг.) прослужил настоятелем церкви Св. Николая при российском посольстве в Вене и установил тесные контакты со многими политическими, общественными, культурными деятелями из числа габсбургских славян. Обладая также обширными связями в самой России, отец Михаил долгие годы выполнял функции главного координатора и посредника во всех неофициальных контактах между российскими властями и общественностью, с одной стороны, и австро-венгерскими славянами – с другой [18: 4–5]. Ему много раз доводилось выступать в качестве посредника при приглашении в Россию различных специалистов-славян (инженеров, техников, офицеров, учителей и др.) [3].

В 1865 г. М. Раевский во время своей поездки в российскую столицу встретился с министром народного просвещения А.В. Головинным и предложил тому «для привлечения учителей древних языков воспользоваться тем обстоятельством, что многие австрийские славяне и чехи, имеющие дипломы учителей сих языков и некоторые сведения в русском языке, изъявляют желание служить в России в качестве преподавателей» [10: 266]. Обеспокоенный «кадровым голодом» министр тут же ухватился за эту идею и направил Александру II соответствующий доклад, который был утверждён 22 декабря 1865 г. Предполагалось пригласить в Россию «австрийских славян и чехов, имеющих удостоверенные в Австрии дипломы учителей древних языков», вначале они должны были пройти обучение в течение одного года – двух лет на педагогических курсах при российских

университетах со стипендией в 300 руб. в год, чтобы освоить русский язык и подготовиться к службе [10: 267].

Координатором работы по отбору и приглашению филологов-классиков был назначен М. Раевский. Он действовал в тесном контакте с руководством Министерства народного просвещения, представителями российского дипломатического корпуса, отечественными учёными-славистами (особенную активность в этой сфере проявлял В.И. Ламанский). Кандидаты иногда напрямую обращались к отцу Михаилу, чаще же их рекомендовали священнику его знакомые – учёные, педагоги и общественные деятели из славянских регионов монархии, а также российские консулы в Австро-Венгрии.

В частности, подбором кандидатов в Галиции активно занимался видный учёный и общественный деятель, профессор Львовского университета Я.Ф. Головацкий. Эта деятельность, по его собственным словам, вызвала большое недовольство со стороны австрийских властей и стала одной из причин его увольнения и последующей эмиграции в Россию [3: 144–145]. В Буковине приглашением стипендиатов занимался, главным образом, российский консул в Черновцах Д.А. Кира-Динжан [3: 203–208].

Во второй половине 1860-х гг. в Россию были приглашены около двух десятков австрийских учителей, подавляющее большинство из которых были галичанами. Они были трудоустроены, главным образом, в Царстве Польском (Василий Баньковский, Осип Бачинский, Филипп Дьячан, Маркелл Лавровский, Евгений Лесковацкий, Николай Сенгалевич, Игнатий Федынский, Лука Цирик и др.). Несколько человек получили работу в других регионах (Михаил Костев и Лукиан Лавровский в Петербурге, Михаил Блюс в Костроме, Емельян Гороцкий в Калуге, Николай Лисикевич в Вильно, Денис Турянский в Гродно, Лев Лопатинский в Новгороде-Северском, Юрий Ходобай, в отличие от других бывший угорским русином, в Москве) [7: 48–56].

Проект М. Раевского по приглашению австро-венгерских специалистов нашёл отклик также у статс-секретаря по делам Царства Польского, видного деятеля эпохи «великих реформ» Н.А. Милютин. В своем «всеподданнейшем докладе», утверждённом 21 января 1866 г., он предложил пригласить «для приготовления учителей в средние учебные заведения Царства Польского молодых людей из австрийских славян, окончивших свое образование в австрийских университетах, в Россию, с производством им в течение двухлетнего приготовления к учительской должности стипендий» [12: 100]. Были учреждены 20 стипендий в размере 300 руб. в год, которые предполагалось выделить «молодым людям из русских уроженцев Галиции и Венгрии, а также словаков, преимущественно протестантов» [9: 73].

Такой подбор учительского контингента ставил целью гарантировать его лояльность в условиях неспокойной обстановки в Польше. Примечательно, что по указанию царя приглашение учителей было решено вести без официальной огласки, «дабы не породить ложных толков» и недовольства со стороны габсбургского правительства [9: 73 об.]. Тех, кто воспользовался данным предложением, в официальных документах стали именовать «славянскими стипендиатами Царства Польского».

Для переезда стипендиаты получали от МНП через М. Раевского подъемные в размере 100 руб. для холостых и 400 руб. для семейных. Подавляющее их большинство относилось к первой категории, что способствовало большей мобильности. Перед отъездом специалисты подписывали обязательство отработать в российских гимназиях как минимум два года за каждый год получения стипендии [10: 267].

Первый набор славянских стипендиатов, предназначавшийся для Царства Польского, был проведён весной и летом 1866 г. В их число вошли 19 недавних выпускников Венского и Львовского университетов – 17 русинов и 2 словака. Они были направлены в Московский и Петербургский университеты, где обучались на правах вольнослушателей и готовились к сдаче экзамена на звание учителя гимназии [1: 97].

В письме отцу Михаилу от 18 декабря 1866 г. один из стипендиатов, галичанин Антон Семенович, весьма колоритно описал свои первые впечатления от жизни в Петербурге: «Примите, Батюшка, искреннюю благодарность своих старых деток... Я крепко учусь, чтобы выдержать на кандидата экзамен и приготавливаю диссертацию на магистра. Поэтому я останусь в Петербурге и в следующем году, но потом, кажется, поступлю-таки в гимназическую службу, потому что на Варшаву при нынешних обстоятельствах слабая надежда. Русский народец в самом деле славен, сколько я в немецко-чухонском Петербурге мог познакомиться... Одно мне не нравится – пьянство. Эх, запоем-то пьёт русский мужичок. Видно деньжонки есть. И интеллигенция славна. Австрийского патриотизма, разумеется, нет. Общественное мнение страшная сила...» [20: 265].

Курс обучения со сдачей экзамена на учительское звание завершили 18 стипендиатов первого набора, а один из словаков с этим не справился. После этого оказалось, что в польских гимназиях в то время учительских вакансий было немного, и туда было направлено только шесть выпускников, а остальные были распределены в различные гимназии Европейской России [7].

С июля 1867 г. руководство делами славянских стипендиатов было передано от статс-секретаря Царства Польского Н.А. Милютина к ми-

нистру народного просвещения графу Д.А. Толстому. В период своего руководства учебным ведомством (в 1866–1880 гг.) он столь энергично внедрял в гимназиях классическую систему, что даже получил от современников прозвище «классический граф». С целью кадрового обеспечения реформы Толстой распорядился переориентировать систему подготовки стипендиатов на потребности всей империи, а не только польских губерний [1: 97–98]. Теперь они стали называться «славянские стипендиаты Министерства народного просвещения».

В связи с этим потребовалось расширить набор кандидатов, и требования к ним были изменены. Помимо русинов и словаков, в их число стали приглашать других австро-венгерских славян, в том числе католиков, за исключением поляков (которых считали нелояльными после восстания 1863–1864 гг.). Было разрешено привлекать не только филологов, но и других гуманитариев, углублённо изучавших древние языки – историков, юристов, богословов. Затем разрешили включать в состав стипендиатов не только выпускников, но и студентов-старшекурсников, изучавших древние языки не менее 3 лет. Однако профессиональные требования к кандидатам оставались высокими – для тех, кто не имел австрийских учительских дипломов, требовалось выполнить письменные задания по древним языкам, для всех кандидатов была обязательна личная рекомендация от одного из их университетских профессоров [1: 98–99].

Из переписки М. Раевского видно, что ряд кандидатов по тем или иным причинам в итоге отказались от предложения поступить на российскую службу. В то же время некоторые желавшие поступить в число стипендиатов получали отказ уже от отца Михаила либо от представителей МНП – из-за недостаточного уровня профессиональных знаний либо вследствие полученных отрицательных отзывов [3].

После передачи дел стипендиатов при МНП была сформирована особая структура под названием «Учительский институт славянских стипендиатов». Он не являлся самостоятельным учебным заведением, ведущим подготовку студентов и выдающим им дипломы. Скорее его можно рассматривать как организационно-управленческую структуру, обеспечивавшую функционирование системы подготовки славянских стипендиатов. Институт имел собственный бюджет в размере 15 тыс. руб. в год, который в основном расходовался на выплату стипендий. Однако у него не было собственной материальной базы и штатных сотрудников, подготовкой стипендиатов «по совместительству» занимались преподаватели петербургских вузов [1: 97].

Бессменным куратором (руководителем) института являлся активный деятель гимназической реформы Александр Иванович Георгиевский, занимавший ряд высоких постов в МНП (редактора

«Журнала Министерства народного просвещения», члена совета министра, председателя учёного комитета). Примечательно, что в архиве М. Раевского сохранилось более 100 писем этого чиновника, посвящённых делам стипендиатов [3: 506].

Наборы в Институт славянских стипендиатов проводились полтора десятка лет – с 1866 по 1880 г. После выпуска последних слушателей в 1882 г. институт был закрыт как выполнивший свою задачу, поскольку к тому времени российские вузы наладили подготовку филологов в необходимых количествах [12: 101].

Приглашение на российскую службу встретило положительный отклик у многих австро-венгерских гуманитариев славянского происхождения. Всего через Институт славянских стипендиатов прошло около 160 габсбургских подданных (в это число не включены учителя, эмигрировавшие во второй половине 1860-х гг. и обучавшиеся на педагогических курсах). По национальной принадлежности они распределялись следующим образом. На первом месте шли чехи, принадлежавшие к наиболее образованным народам дуалистической монархии. Чуть больше половины от общего количества австро-венгерских студентов составили 86 чешских стипендиатов. Чехи преобладали во всех наборах стипендиатов, кроме первого и последнего, где их не было [8].

Второе место среди стипендиатов занимали русины – 45 человек, что составило почти треть габсбургских выходцев. В отличие от чехов, русины на тот момент не могли похвастаться высоким уровнем образованности. Столь высокая вовлечённость их в эту систему во многом была связана с этнической и лингвистической близостью с восточнославянскими народами России, а также с распространением среди них русофильских настроений.

Далее среди слушателей института шли словенцы (14 человек, или 9 %), словаки (11 человек, или 7 %), сербы и хорваты (по 1 человеку) [8].

Побудительные мотивы поступления в число стипендиатов можно выявить на основе анализа переписки М. Раевского с самими кандидатами и их представителями. Они формировались как на основе материальных интересов, так и под влиянием определённых идейных установок и политических факторов.

Будущих стипендиатов, в первую очередь, привлекало гарантированное трудоустройство в российских гимназиях, где в то время средний заработок учителя был в полтора-два раза выше, чем в австрийских школах. Преподаватели гимназий в Российской империи имели достаточно высокий социальный статус, они считались государственными чиновниками, получали классные чины и ордена, по достижении определённого чина приобретали права дворянства, имели

право на пенсию после 25 лет службы. В то же время учителя-русины, как и другие славяне, на родине часто сталкивались с трудностями при поисках работы, с практикой национального неравноправия и даже с дискриминацией по национальному признаку [3: 204, 371].

Следует отметить, что в рассматриваемый период студентов среди русинской молодежи было вообще очень мало, поскольку из-за низкого уровня жизни в русинских регионах лишь немногие семьи могли позволить себе оплачивать обучение своих детей (в Австро-Венгрии, как и в России, в то время образование на всех уровнях, за немногими исключениями, было платным). По своему происхождению почти все стипендиаты-русины были детьми сельских священников-униатов. Именно духовенство в то время составляло образованный слой у русинов и было единственным источником кадров для формирования русинской интеллигенции [5: 66]. Материальное положение семей сельского духовенства было, как правило, трудным, что стимулировало сыновей на вступление в состав стипендиатов. В этой связи следует отметить, что среди славянских стипендиатов в целом преобладали выходцы из бедных семей [18: 161].

Идейной предпосылкой для переселения габсбургских славян на российскую территорию являлась концепция славянской взаимности. Но для русинов гораздо большее значение имела другая идейная установка – о существовании единого русского народа, проживающего на пространстве «от Карпат до Камчатки» и включавшего в свой состав всех восточных славян, в том числе и русинов [5: 6]. Эта концепция носила официальный характер в Российской империи и одновременно была широко распространена среди русинов, являясь основой так называемого москвофильства. Исходя из подобных взглядов, переезд русинов в Российскую империю рассматривался не как эмиграция, а как воссоединение с большей частью своего народа.

В то же время сторонники украинофильского направления, также получившего значительное распространение среди русинов, осуждали эмиграцию представителей интеллигенции в Россию как явление, подрывающее интеллектуальный и культурный потенциал народа. Самой суровой критике в этой связи подвергался М. Раевский как организатор этого переселения [19: 21].

Политические факторы были связаны с неравноправным положением русинов в австрийских и венгерских землях, политикой габсбургских властей по ограничению русинского национального и культурного движения, репрессиями против его деятелей. В этой связи следует отметить, что двое стипендиатов, прибывших в начале 1870-х гг. из Подкарпатской Руси – Виктор Кимак и Михаил Молчан – являлись видными деятелями карпаторусского движения,

покинувшими родину вследствие преследований венгерских властей [3: 534, 540].

Различные эмиграционные факторы часто действовали в комплексе. Вероятно, у многих стипендиатов, как это обычно свойственно эмигрантам, преобладали материальные соображения. В этой связи можно привести примеры из переписки М. Раевского с российским консулом в буковинских Черновцах Д.А. Кира-Дижаном. Дипломат неоднократно жаловался священнику на трудности с привлечением местных учителей в состав стипендиатов из-за их завышенных требований и в сердцах заявлял, что ему «тяжело заниматься и трудно насытить ни к чему не годную и бесхарактерную интеллигенцию галицийскую и буковинскую» [3: 208]. В противовес требованиям интеллигенции он приводил скромные потребности представителей простого народа, которым он оказывал содействие, когда «отправились они массами в Бессарабию и Южную Россию» на заработки [3: 208].

В лице славянских стипендиатов были представлены все три основных русинских региона Габсбургской монархии – Галиция, Буковина и Подкарпатская Русь, причем уровень этого представительства коррелировал с численностью их населения и наличием там высших и средних учебных заведений. Из 45 стипендиатов галичан было 35 (78 %), буковинских и угорских русинов – по 5 человек (по 11 %) [8].

Русины принимались в состав славянских стипендиатов практически каждый год, за редкими исключениями. Они доминировали в первом и последнем наборах. Самым многочисленным стал первый набор 1866 г., куда вошли 17 русинов: галичане Владимир Бачинский, Владимир Вислоцкий, Климентий Воленюк, Климентий Гвоздецкий, Юлиан Городынский, Яков Гринчак, Виктор Думанский, Виктор Ежовский, Петр Зарицкий, Лев Кульчицкий, Константин Лозинский, Максимилиан Писецкий, Антон Семенович, Иван Созанский, Иван Сыроечковский, Александр Трусевич, а также единственный буковинец Ермил Чеховский [7]. В 1867 г. в связи с реорганизацией системы подготовки стипендиатов их приёма не было.

В последующие годы русинов поступало в данный институт по несколько человек ежегодно, иногда – по одному: в 1868 г. – 2 (галичанине Лукьян Безкостый и Лев Михалевич), в 1869 г. – 3 (галичанине Осип Витошинский и Евгений Застырец, а также уроженец Подкарпатской Руси Пётр Феерчак), в 1870 г. – 2 (галичанине Владимир Никорович и Тихон Омелянский), в 1871 г. – 5 (галичане Венедикт Борковский, Николай Козловский и Казимир Павликовский, а также угорские русины Сигизмунд (Владимир) Горват и Михаил Молчан), в 1872 г. – 2 (галичанин Семён Олейник и подкарпатский русин Виктор Кимак), в 1873 г. – 2 (галичанине Леон Стебельский и Осип Хойнацкий),

в 1874 г. – 1 (галичанин Юлиан Милькович), в 1875 г. – 1 (галичанин Василий Белецкий), в 1876 г. – не было, в 1877 г. – 2 (буковинец Михаил Шармакевич и подкарпатский русин Илларион Куланда), в 1878 г. – 2 (галичанин Иван Григорович и буковинец Георгий Вейчук), в 1879 г. – 3 (галичане Иван Кубиевич, Николай Подлужский и Тит Грабович), в 1880 г. – 3 (буковинцы Юлиан Березовский и Александр Шушковский, а также галичанин Иван Фольварков) [8].

Таким образом, галичане поступали в ряды стипендиатов практически постоянно, особенно значительным был их приток в первые годы. К середине 1870-х гг. он почти прекратился из-за исчерпания списка подходящих кандидатов. К концу десятилетия наступило некоторое оживление из-за появления нового поколения студентов. Подкарпатские русины принимались в данный институт в основном на рубеже 1860–1870-х гг., а вот приём буковинцев датируется преимущественно второй половиной 1870-х гг., что, безусловно, связано с открытием Черновицкого университета в 1875 г.

Славянские стипендиаты из числа русинов были преимущественно выпускниками или студентами следующих австро-венгерских университетов: Львовского (23 человека), Черновицкого (8 человек), Венского (5 человек) и Пештского (3 человека), у некоторых стипендиатов сведения об их прежнем месте обучения отсутствовали. Если в первых наборах безраздельно доминировали выпускники Львовского университета, то в период после 1875 г. из 10 слушателей-русинов восемь были студентами или выпускниками Черновицкого университета. До переезда в Россию в качестве учителей на родине работали примерно 40 % стипендиатов, остальные опыта педагогической работы не имели. Особого упоминания заслуживает тот факт, что двое галичан до вступления на российскую службу успели получить степень доктора философии – А. Семенович в Лейпцигском университете и В. Белецкий – в Львовском университете [8: 1 об., 25 об.].

Средний возраст славянских стипендиатов составлял 26 лет, при этом чуть больше половины из них были молодыми людьми в возрасте от 19 до 25 лет, прибывшими в Россию непосредственно со студенческой скамьи или сразу же после окончания вуза. Самому молодому слушателю из числа русинов на момент зачисления в институт было 19 лет (О. Хойнацкий), самому возрастному – 38 (М. Молчан). Слушатели-русины по своей конфессиональной принадлежности в основном были униатами, после переселения в Россию многие из них постепенно присоединились к православию. Некоторые уроженцы Буковины принадлежали к православной церкви изначально [8].

Обучение и переподготовка славянских стипендиатов были организованы следующим образом. На правах вольнослушателей они

посещали рекомендованные куратором лекции по классической филологии, русской словесности и истории в Петербургском университете и Историко-филологическом институте. Несколько раз в неделю специально приглашённые вузовские и гимназические преподаватели проводили с ними семинарские занятия по древним языкам и по русскому языку. Раз в неделю вечерние занятия со стипендиатами проводил сам куратор института А.И. Георгиевский, оценивая, таким образом, достигнутые теми успехи. В своих отчётах он высоко оценивал усердие слушателей, которые производили «отрадное впечатление, как в умственном, так и в нравственном отношении» и превосходили русских студентов по нравственным качествам [1: 100–102].

Срок пребывания в статусе стипендиатов был различным и определялся индивидуально, в зависимости от уровня профессиональной подготовки слушателей и их успехов в освоении русского языка. Обычно он занимал от полугода до двух лет, но в некоторых случаях мог удлиниться и до трёх с лишним лет. Как уже говорилось, за каждый год пребывания в данном статусе нужно было отработать два года в должности учителя российской гимназии.

Обучение славянских стипендиатов завершалось сдачей экзамена на звание учителя гимназии, который давал право лицам, не имевшим дипломов российских вузов, занимать штатные учительские должности. Он включал испытания по латинскому и древнегреческому языкам в объёме университетского курса, а также испытания по русскому языку и словесности, российской истории и географии в объёме гимназического курса [11: 499]. Экзамен принимался специальной комиссией при историко-филологическом факультете Петербургского университета.

После его сдачи стипендиаты должны были ещё продемонстрировать своё умение преподавать на русском языке, для чего они в присутствии чиновников МНП проводили по два пробных урока в одной из петербургских гимназий. В случае успешного прохождения всех испытаний они получали назначение на штатную должность учителя древних языков в конкретной гимназии. В порядке исключения слушатель мог быть назначен в гимназию в качестве исправляющего должность учителя и без сдачи экзамена, но с обязательством сдать его позднее в том учебном округе, куда он был распределён.

От сдачи экзамена на учительское звание были освобождены стипендиаты, имевшие австрийские учительские свидетельства, которые автоматически приравнивались к российским. Поэтому они, как правило, пребывали в статусе стипендиатов лишь несколько месяцев.

Согласно установленным правилам, «для определения их в должность учителей достаточно лишь удостоверения в знании ими русского языка настолько, чтобы они были в состоянии на нем преподавать», т. е. проведения тех же пробных уроков [11: 499–500].

Во время обучения славянские стипендиаты часто сталкивались с материальными трудностями, особенно это было характерно для русинов, бывших, как уже говорилось, сыновьями бедных сельских священников. Жизнь в российских столицах, особенно в Петербурге, в то время была очень дорогой. Приходилось самостоятельно снимать квартиры, оплачивать проживание, питание, отопление, освещение, покупку необходимых книг и письменных принадлежностей и т. д., а выделяемых в виде стипендии средств было для всего этого недостаточно.

Примечательно, что шесть стипендиатов первого набора (русины и словаки), спустя полгода обучения в Петербурге, 19 февраля 1867 г. подали прошение об увеличении суммы стипендии. Скрупулёзно перечислив все необходимые расходы (квартиру с мебелью и самоваром, обед в три блюда, завтрак, ужин, прачку, свечи, отправку писем, бумагу, чернила, извозчика, табак, прислугу, платье, книги и т. п.), они пришли к выводу, что те составляют 688 руб. в год, что более чем в два раза превосходило размер тогдашней стипендии в 300 руб. [9: 75–75 об.]. К их просьбе министерское начальство прислушалось, хотя и не сразу. Вначале стипендиатам несколько раз в год выделяли небольшие дополнительные суммы, а затем стипендия была повышена до 450 руб. в год. В начале 1870-х гг. она была увеличена ещё раз – до 600 руб. в год [18: 161].

Несмотря на трудности, подавляющее большинство стипендиатов-русинов успешно справлялись с предлагаемой им программой. Из 45 человек не завершили обучение лишь двое – один умер (М. Молчан) и один был отчислен по болезни (А. Шушковский), причем последний впоследствии самостоятельно сдал учительский экзамен и стал учителем в Кавказском учебном округе. Все выпускники были трудоустроены в российские гимназии, за исключением Ю. Городыского из первого набора, по собственному прошению занявшего должность делопроизводителя в канцелярии [7: 8].

Педагогическая карьера стипендиатов-русинов складывалась по-разному. У некоторых она в силу разнообразных обстоятельств была недолгой. Так, например, В. Никорович, получивший назначение в Тобольскую гимназию, по отзывам «оказался плохим и недобросовестным учителем» и, проработав менее 3 лет, вышел в отставку [3: 207]. Хотя в данном случае, возможно, сказался факт неудачного распределения.

Подавляющее большинство педагогов-русинов проработали в российских школах долгие годы, а некоторые – по 25–30 лет и более. Они преподавали почти во всех регионах Российской империи – от Варшавы до Иркутска и от Петербурга до Эривани (Еревана). Вследствие того, что в те времена широко практиковалась ротация учителей между гимназиями, общее количество учебных заведений, где в то или иное время служили учителя-русины, исчислялось десятками. В отзывах, которые давало преподавателям учебное начальство, их работа, за немногими исключениями, оценивалась положительно. Среди замечаний и пожеланий, высказываемых в их адрес, чаще всего встречались высказывания о недостаточно свободном владении ими русским языком, что, прежде всего, указывало на несхожесть русинских диалектов и русского литературного языка [8].

Показателем высокого качества преподавательских кадров было то, что каждый пятый из стипендиатов-русинов смог сделать карьеру – девять из них дослужились до должности руководителя гимназии или прогимназии. А. Семенович более 10 лет был инспектором Московского учебного округа, а также занимал должности директора 6-й Московской и Калишской гимназий. 6-ю Московскую гимназию также возглавлял В. Горват. Директором Рязанской и 4-й Московской гимназий был Л. Кульчицкий. И. Сыроечковский последовательно руководил гимназиями в Вязьме, Владимире и Риге. П. Феерчак стоял во главе 1-й Одесской прогимназии, а затем – 3-й Одесской гимназии. И. Витшинский был руководителем прогимназии в Енисейске и гимназии в Красноярске. Я. Гринчак был директором гимназии в польской Ломже, О. Хойнацкий – в эстляндском Аренсбурге, Е. Чеховский – прогимназии в Измаиле [13: 179, 183, 189; 14: 235, 241, 400, 528; 15: 359, 518, 520, 698, 740; 16: 976].

Таким образом, Институт славянских стипендиатов стал одним из основных каналов эмиграции русинской интеллигенции в Российскую империю в 1860–1870-е гг. Им воспользовались почти полсотни молодых учителей, выпускников и студентов вузов, прибывших преимущественно из Галиции, а также из Буковины и Подкарпатской Руси. В России они стали преподавателями классических языков в гимназиях и внесли свой вклад в развитие образовательной сферы страны. Система славянских стипендиатов помогла многим из них завершить высшее образование, получить учительскую профессию, трудоустроиться и повысить свой социальный статус.

Последствия интеллектуальной эмиграции русинов были двоякими. С одной стороны, она ослабляла интеллектуальный и культурный потенциал русинских регионов, а с другой – стала своеобразной формой взаимодействия этих регионов с российским обществом,

способствовавшей обмену информацией и установлению личных и социальных связей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Басаргина Е.Ю.* Из истории классического образования в России: Учительский институт славянских стипендиатов // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XIV (Чтения памяти И.М. Тронского): материалы Международной конференции, проходившей 21–23 июня 2010 г. / отв. ред. Н.Н. Казанский. Ч. 1. СПб.: Наука, 2010. С. 93–104.

2. *Дронов М.Ю.* Галицкие, угорские и буковинские русины как объект внимания Российской православной церкви во второй половине XIX – начале XX в. // Малороссы vs украинцы: Украинский вопрос в науке, государственной и культурной политике Российской империи и СССР. Очерки / ред. Е.Ю. Борисенко, М.В. Лескинен. М.: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 311–342.

3. Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского. 40–80-е годы XIX века. М.: Наука, 1975. 576 с.

4. *Измestьева Г.П.* Классическое образование в истории России XIX века. М.: Пробел-2000, 2003. 336 с.

5. *Пашаева Н.М.* Очерки истории русского движения в Галичине XIX–XX вв. М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 2001. 201 с.

6. *Рокина Г.В.* Теория и практика славянской взаимности в истории словацко-русских связей XIX века. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2005. 302 с.

7. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 169. Д. 15. Дело о списках стипендиатов (1866–1875).

8. РГИА. Ф. 733. Оп. 169. Д. 230. Список стипендиатов Славянского учительского института в С.-Петербурге (1866–1882).

9. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 35. Оп. 3. Д. 53. По деятельности в славянском благотворительном обществе. Материалы об обучении и службе разных лиц из славянских земель в России (1866–1877).

10. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. IV. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1871. 1752 стб.

11. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. VII. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1883. 2294 стб.

12. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. VIII. СПб.: Типография Т-ва «Общественная польза», 1892. 1758 стб.

13. Список лицам, служащим по ведомству Министерства народного просвещения. 1875/6 учебный год. СПб.: Типография В.С. Балашева, 1875. 728 с.

14. Список лицам, служащим по ведомству Министерства народного просвещения. 1884/5 учебный год. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1884. 727 с.

15. Список лицам, служащим по ведомству Министерства народного просвещения. 1893/94 учебный год. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1894. 785 с.

16. Список лиц, служащих по ведомству Министерства народного просвещения на 1904 г. СПб.: Сенатская типография, 1904. 1109 с.
17. Суляк С.Г. Русины Молдавии: основные этапы этнической истории: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. 34 с.
18. Чуркина И.В. Протоиерей Михаил Федорович Раевский и югославяне. М.: Институт славяноведения РАН, 2011. 200 с.
19. Чуркина И.В. Протоиерей Михаил Федорович Раевский // Межконфессиональные, культурные и общественные связи России с зарубежными славянами. К 200-летию со дня рождения М.Ф. Раевского / отв. ред. К.В. Никифоров. М.–СПб.: Нестор-История, 2013. С. 9–23.
20. Daniš M., Matula V. M.F. Rajevskij a Slováci v 19. storočí. Bratislava: STIMUL, 2014. 304 s.

REFERENCES

1. Basargina, E.Yu. (2010) Iz istorii klassicheskogo obrazovaniya v Rossii: Uchitel'skiy institut slavyanskikh stipendiatov [From the history of classical education in Russia: Teacher's Institute of Slavic Scholars]. In: Kazanskiy, N.N. (ed.) *Indoevropskoye yazykoznanie i klassicheskaya filologiya – XIV (Chteniya pamyati I.M. Tronskogo)* [Indo-European linguistics and classical philology – XIV (The I.M. Tronsky Readings)]. Vol. 1. St. Petersburg: Nauka. pp. 93–104.
2. Dronov, M.Yu. (2018) Galitskie, ugerskie i bukovinskie rusiny kak ob'ekt vnimaniya Rossiyskoy pravoslavnoy tserkvi vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. [Galician, Ugrian and Bukovinian Rusins as an object of attention of the Russian Orthodox Church in the second half of the 19th – early 20th centuries]. In: Borisenok, E.Yu. & Leskinen, M.V. (eds) *Malorossy vs ukraintsy: Ukrainskiy vopros v nauke, gosudarstvennoy i kul'turnoy politike Rossiyskoy imperii i SSSR. Ocherki* [Little Russians vs Ukrainians: The Ukrainian question in science, state and cultural policy of the Russian Empire and the USSR. Essays]. Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. pp. 311–342.
3. Nikitin, S.A. (ed.) (1975) *Zarubezhnye slavyane i Rossiya. Dokumenty arkhiva M.F. Raevskogo. 40 – 80-e gody XIX veka* (1975) [Foreign Slavs and Russia. Documents from M.F. Raevsky's Archive of the 1840–80s]. Moscow: Nauka.
4. Izmistieva, G.P. (2003) *Klassicheskoye obrazovanie v istorii Rossii XIX veka* [Classical education in the history of Russia in the 19th century]. Moscow: Probel-2000.
5. Pashaeva, N.M. (2001) *Ocherki istorii russkogo dvizheniya v Galichine XIX – XX vv.* [Essays on the history of the Russian movement in Galicia in the 19th – 20th centuries]. Moscow: State Public Historical Library of Russia.
6. Rokina, G.V. (2005) *Teoriya i praktika slavyanskoy vzaimnosti v istorii slovatsko-russkikh svyazey XIX veka* [Theory and practice of Slavic reciprocity in the history of Slovak-Russian relations in the 19th century]. Kazan: Kazan University.
7. Russian State Historical Archive (RGIA). *Delo o spiskakh stipendiatov (1866–1875)* [Scholarship list case (1866–1875)]. Fund 733. List 169. File 15.
8. Russian State Historical Archive (RGIA). *Spisok stipendiatov Slavyanskogo*

uchitel'skogo instituta v S.-Peterburge (1866–1882) [List of scholarship holders of the Slavic Teachers' Institute in St. Petersburg (1866–1882)]. Fund 733. List 169. File 230.

9. St. Petersburg Branch of the Archives of the Russian Academy of Sciences. *Po deyatel'nosti v slavyanskom blagotvoritel'nom obshchestve. Materialy ob obuchenii i sluzhbe raznykh lits iz slavyanskikh zemel' v Rossii (1866–1877)* [On activities in the Slavic charitable society. Materials about the training and service of various people from the Slavic lands in Russia (1866–1877)]. Fund 35. List 3. File 53.

10. Ministry of Public Education of Russia. (1871) *Sbornik postanovleniy po Ministerstvu narodnogo prosveshcheniya* [Collection of resolutions on the Ministry of Public Education]. Vol. IV. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

11. Ministry of Public Education of Russia. (1883) *Sbornik postanovleniy po Ministerstvu narodnogo prosveshcheniya* [Collection of resolutions on the Ministry of Public Education]. Vol. VII. St. Petersburg: Ministry of the Interior.

12. Ministry of Public Education of Russia. (1892) *Sbornik postanovleniy po Ministerstvu narodnogo prosveshcheniya* [Collection of resolutions on the Ministry of Public Education]. Vol. VIII. St. Petersburg: Obshchestvennaya pol'za.

13. Ministry of Public Education of Russia. (1875) *Spisok litsam, sluzhashchim po vedomstvu Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. 1875/6 uchebnyy god* [List of people serving under the department of the Ministry of Public Education. 1875/6 academic year]. St. Petersburg: V.S. Balashev.

14. Ministry of Public Education of Russia. (1884) *Spisok litsam, sluzhashchim po vedomstvu Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. 1884/5 uchebnyy god* [List of people serving under the department of the Ministry of Public Education. 1884/5 academic year]. St. Petersburg: Ministry of the Interior.

15. Ministry of Public Education of Russia. (1894) *Spisok litsam, sluzhashchim po vedomstvu Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. 1893/94 uchebnyy god* [List of people serving under the department of the Ministry of Public Education. 1893/4 academic year]. St. Petersburg: Ministry of the Interior.

16. Ministry of Public Education of Russia. (1904) *Spisok lits, sluzhashchikh po vedomstvu Ministerstva narodnogo prosveshcheniya na 1904 g.* [List of people serving under the department of the Ministry of Public Education. 1904 academic year]. St. Petersburg: The Senate.

17. Sulyak, S.G. (2006) *Rusiny Moldavii: osnovnye etapy etnicheskoy istorii* [The Rusins of Moldova: The main stages of ethnic history]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow.

18. Churkina, I.V. (2011) *Protoieryy Mikhail Fedorovich Raevskiy i yugoslavyane* [Archpriest Mikhail Fedorovich Raevsky and the Yugoslavs]. Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences.

19. Churkina, I.V. (2013) *Protoieryy Mikhail Fedorovich Raevskiy* [Archpriest Mikhail Fedorovich Raevsky]. In: Nikiforov, K.V. (ed.) *Mezhkonfessional'nye, kul'turnye i obshchestvennye svyazi Rossii s zarubezhnymi slavyanami. K 200-letiyu so dnya rozhdeniya M.F. Raevskogo* [Interconfessional, cultural and social relations of Russia with foreign Slavs. To the 200th anniversary of the birth of M.F. Raevsky]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya. pp. 9–23.

---

20. Daniš, M. & Matula, V. (2014) *M.F. Rajevskij a Slováci v 19. Storočí* [M.F. Rajevsky and Slovaks in the 19th century]. Bratislava: STIMUL.

Птицын Андрей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь, Россия).

Andrey N. Ptitsyn – North-Caucasus Federal University (Russia).

E-mail: ptiandr@gmail.com

УДК 94(47)+94(438)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/70/7

Е.М. Крыжановский о русинах-униатах Русского Забужья

С.Г. Суляк

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9
E-mail: s.sulyak@spbu.ru

Авторское резюме

Евфимий Михайлович Крыжановский (1831–1888) – русский православный богослов, педагог, писатель, историк. Сын православного священника, выпускник и преподаватель Киевской духовной академии. После её окончания преподавал в Киевской духовной семинарии. В 1862 г. переведён в Киевскую духовную академию. С 1865 по 1871 г. был начальником седлецкой учебной дирекции. Занимая эту должность, постоянно посещал учебные заведения губернии. Эти разъезды сыграли большую роль для выяснения истории и оценки «русского вопроса» в Подлясье (Подляшье). Основываясь на источниках, личных наблюдениях и воспоминаниях очевидцев, написал ряд статей по истории церковной унии на Подлясье, о современном состоянии униатского вопроса и образования в крае, проанализировал ошибки, допущенные Холмской епархией при «очищении обряда» и последующем воссоединении с православием. Как отмечал уроженец Холщины русский историк И.П. Филевич, тоже немало сделавший для решения Холмского вопроса, в литературе холмского вопроса труды Е.М. Крыжановского занимают исключительное место, представляя единственное серьёзное и беспристрастное освещение тех двух периодов холмской жизни, влияние которых сказывается до сих пор: периода исключительно польского воздействия при полном обособлении от русского мира за время с 1809 до 1863 г. и последовавшего за тем быстрого перелома, закончившегося воссоединением холмских униатов с православием в 1875 г. Работы Е.М. Крыжановского по Русскому Забужью были переизданы И.П. Филевичем в 1911 г. в период обострения дискуссии по Холмскому вопросу. Исследования Е.М. Крыжановского способствовали информированию российского общества, слабо знакомого с данным вопросом и, в результате, пользовавшегося, в основном, польской интерпретацией данной проблемы. Его работы также внесли вклад в решение в выделении насе-

лённых русинами восточных уездов Люблинской (Холмщина) и Седлецкой губерний (Подлясье) в Холмскую губернию.

Ключевые слова: Е.М. Крыжановский, Подлясье, Подляшье, Холмщина, русины, униатство, греко-католики, православие

Evfimy Kryzhanovsky on the Rusins-Uniates of the Russian Zabuzhie

Sergey G. Sulyak

St. Petersburg State University

7/9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia

E-mail: s.sulyak@spbu.ru

Abstract

Evfimy Mikhailovich Kryzhanovsky (1831–1888) – a Russian Orthodox theologian, teacher, writer, and historian, the son of an Orthodox priest, a graduate and teacher of the Kyiv Theological Academy. After graduation, he taught at the Kyiv Theological Seminary. In 1862, he was transferred to the Kyiv Theological Academy. In 1865–1871, Kryzhanovsky was the head of the Sedlec Educational Directorate. While holding this position, he constantly visited educational institutions of the province. These trips played a big role in clarifying the history and assessing the “Russian question” in Podlasie. Based on sources, personal observations and eyewitness accounts, Kryzhanovsky wrote a number of articles on the history of the church union in Podlasie, the current state of the Uniate issue and education in the region. He analyzed the mistakes made by the Chełm diocese during the “purification of the rite” and subsequent reunification with Orthodoxy. According to the Russian historian Ivan Filevitch, a native of Chełm Land, who did a lot to solve the Chełm question, “the works Kryzhanovsky occupy a completely exceptional place in the literature on the Chełm question, since they contain the only academic and impartial coverage of those two periods of Chełm life, which affect the current Chełm malice: that of exclusively Polish influence with complete isolation from Russia in 1809–1863, which was followed by the rapid turning point, finally re-unifying the Chełm Uniates with Orthodoxy in 1875.” Kryzhanovsky’s works on the Russian Zabuzhie were republished by Ivan Filevich in 1911, when the discussion on the Chełm question intensified. Kryzhanovsky’s research contributed to the dissemination of the information among the Russians, who had known little about the problem and relied mainly on the Polish interpretation. Kryzhanovsky’s works also

contributed to the decision to allocate the eastern counties of Lublin (Kholmshchyna) and Sedlec (Podlasie) populated by Rusyns to the Chełm province.

Keywords: Evfimy Kryzhanovsky, Podlasie, Chełm land, Rusins, Uniatism, Greek Catholics, Orthodoxy

Евфимий (Евфим, Ефим) Михайлович Крыжановский (10(22).10.1831–26.07(7.08).1888) – русский православный богослов, педагог, писатель, историк. К сожалению, биографические сведения о нём неполны. Родился в селе Купиевата (Копиевата) Конельско-Поповской волости Липовецкого уезда Киевской губернии в семье священника. По семейному преданию, во времена руины казаки нашли по дороге во рву однолетнего мальчика, умирающего от голода. Им был прапрадед Е.М. Крыжановского. Его выходили, крестили по православному обычаю и впоследствии он стал казаком. Отец Е.М. Крыжановского (1828–1854) тоже был казаком, в зрелом возрасте стал священником в селе Копиевата, где он проживал, проработав на этой должности 26 лет до своей кончины. По отцовской линии первым священником в роду стал дед исследователя. До принятия сана за участие в Русско-турецкой войне 1787–1791 гг. он получил «грамоту на дворянство» [7: 497, 500, 502; 23: III–IV].

Данных о семье Е.М. Крыжановского сохранилось тоже немного. Известно, что у него был старший брат Григорий. Он ненадолго пережил Евфимия, скончавшись 24 сентября 1888 г. на 59-м году. Как было написано в некрологе, «старший и последний брат умершего в этом году в Киеве известного члена Учебного комитета и Училищного совета при Святейшем Синоде, Евфимия Михайловича Крыжановского». Он был священником с. Пархомовка Пархомовской волости Сквирского уезда Киевской губернии [27: 1326].

В восьмилетнем возрасте Е.М. Крыжановский был отдан отцом в уманское училище, где проучился два класса, затем по семейным обстоятельствам был переведён в киевско-подольское училище. За хороший голос и способность к пению его взяли в митрополичий хор при Софийском соборе, а затем перевели в софийское училище, которое в 1839 г. основал митрополит Филарет [23: VI]. В 1847 г. Евфим Михайлович поступил в Киевскую духовную семинарию. В 1853 г. окончил курс семинарии и в числе лучших воспитанников семинарии поступил Киевскую духовную академию. В 1857 г. окончил курс академии с причислением к первому разряду. После окончания для отдыха и поправки здоровья («на третьем курсе у него открылось сильное кровотечение горлом») провёл более года у родных в деревне, частично в Умани [23: VII–IX; 26: 968].

С октября 1858 г. преподавал в Киевской духовной семинарии. Сначала Священное писание и связанные с ним предметы, через месяц – и гражданскую историю, с декабря – гражданскую историю всеобщую и русскую, а также немецкий и греческий языки. В 1860 г. вместе со своим сослуживцем и другом Ф.Г. Лебединцевым стал издавать журнал «Руководство для сельских пастырей», в первых номерах которого поместил ряд статей из быта сельского духовенства. Журнал стал одним из лучших и востребованных духовных журналов в России [23: IX–X; 26: 968].

С ноября 1861 г. на Евфимия Михайловича возложили должность помощника инспектора для надзора за казённокоштными учениками. С июля 1861 г. вошёл в состав Киевского губернского статистического комитета, чьим действительным членом стал в этом же году. В 1862 г. переведён на должность бакалавра Киевской духовной академии на кафедру словесности общей и русской [23: X–XI; 26: 969].

В этот период Е.М. Крыжановский публикует целый ряд исторических исследований, очерков, характеристик, учёных сообщений, педагогических и публицистических заметок и обзоров в «Руководстве для сельских пастырей», «Трудах киевской духовной академии», «Киевских епархиальных ведомостях», «Вестнике Юго-Западной и Западной России» [23: XI–XIII].

Первой женой Е.М. Крыжановского стала Надежда Наркисовна Новицкая, дочь житомирского кафедрального протоиерея. В 1860 г. она с золотой медалью окончила Киевский институт благородных девиц. У них родился сын Сергей (29 августа (10 сентября) 1862, Киев – 12 января 1935, Париж). В 1867 г., когда сыну было 5 лет, его мать умерла от чахотки [21: 7; 23: XIII–XIV]. Сергей стал впоследствии видным государственным деятелем. В 1904 г. – действительным статским советником (1904), с 1901 г. был вице-директором хозяйственного департамента Министерства внутренних дел, с 1905 г. – помощником начальника Главного управления по делам местного хозяйства Министерства внутренних дел, товарищем министра внутренних дел (2.04.1906 – 1911), тайным советником (22.04.1907), с 1907 г. – сенатором, госсекретарём (20.10.1911 – 3.01.1917), с 1916 г. – статс-секретарём Его Императорского Величества, с 1.01.1917 г. – членом Госсовета. Сергей Евфимович был награждён орденами Св. Владимира III ст. (1906), II ст. (1914), Св. Анны III ст. (1893), I ст. (1909), Св. Станислава II ст. (1897), болгарским «За гражданские заслуги» I ст. (1911). Был женат на Марии Ипполитовне Щербицкой [1: 485]. Будучи товарищем министра внутренних дел П.А. Столыпина, руководил проектом создания Холмской губернии.

В молодости, в 1887 г., С.Е. Крыжановский привлекался по делу В.В. Водовозова, сына Е.Н. Водовозовой, который пытался нелегально издать в Российской Империи «Историю революционного движения в России» немецкого профессора А. Туна. Вместе с Водовозовым он участвовал в «Ольденбургском кружке». По просьбе Водовозова перевёл для приложения к книге с польского языка несколько отрывков, касавшихся истории народнического движения. За попытку издания книги В.В. Водовозов был отправлен в ссылку в Архангельскую губернию, С.Е. Крыжановскому полагался арест на две недели, от которого его освободили по ходатайству отца. После этого он перестал участвовать в оппозиционной деятельности [3: 53]. В 1938 г. в Берлине увидели свет его мемуары, над которыми он начал работать с 1912 г. [2; 21: 4].

После подавления в 1863 г. польского восстания на территории Царства Польского, в 1864 г. началась реформа системы образования, призванная «оживить русское народное сознание, пригложшее под гнетом и лезтью латино-польской пропаганды», было образовано 10 учебных дирекций. Бывший попечитель Киевского учебного округа, с 1864 г. главный директор Комиссии по народному просвещению в Царстве Польском Ф.Ф. Витте предложил Е.М. Крыжановскому возглавить учебную дирекцию Седлецкой губернии, а Ф.Г. Лебединцеву – Холмской, «приняв во внимание, что на эти дирекции, округа которых населены русскими униатами, требуются лица с высшим богословским образованием и знакомые с былыми судьбами православия в крае и борьбы его с латино-униатскою пропагандою». Назначение состоялось 4 декабря 1864 г. [23: XIV–XV].

В конце января 1865 г. Е.М. Крыжановский прибыл в Седлец. На следующий день в местной гимназии ему представился персонал, и «все они оказывались будто бы не умеющими говорить по-русски». Новый начальник предупредил сотрудников, что «взамен их ему придётся искать других, умеющих говорить по-русски». На следующий день они заговорили с Е.М. Крыжановским по-русски, «хотя и не совсем чисто». Начало преобразования польской гимназии в русскую стало его первым делом в Седлеце. Затем он познакомился с состоянием учебного дела в губернии, особенно в районах проживания местного русского униатского населения. В феврале-марте посетил дирекции разных районов, побывал в городах, местечках и сёлах, осматривал школы, знакомился с учителями, униатскими священниками и населением. Разъезды оказались небезопасными, временами Евфима Михайловича сопровождал военный конвой [23: XV–XVI]. В своих «Письмах из Подлясья» (1867) он отметил, что увидел здесь «сухие русские кости», но также и признаки не совсем угасшей русской жизни [24: XXXIX–XL].

После Пасхи он перевёз из Киева в Седлец жену с сыном. В мае Е.М. Крыжановский и Ф.Г. Лебединцев (1828–1888) были вызваны в Варшаву для участия в комиссии по устройству учебной части среди униатов Холмщины и Подлясья. Здесь князь Черкасский предложил Евфиму Михайловичу должность вице-директора отделения духовных дел в правительственной комиссии внутренних и духовных дел. Однако Е.М. Крыжановский отклонил предложение, решив продолжить свою деятельность в Седлеце. При преобразовании в г. Беле уездного училища в русскую прогимназию он привлёк своих сослуживцев и выпускников Киевской духовной академии, а также выпускников Киевского Императорского университета Святого Владимира. Он устроил в сентябре в Беле съезд учителей начальных школ из трёх уездов. Прибыли до 60 униатских учителей и соискателей, среди них были и дьяки униатских церквей. С помощью представителей Киевской духовной академии он провёл с прибывшими обучение русскому языку и методам обучения, а с некоторыми и пению. Обученные учителя после испытания получили назначения 28 сентября. 29 сентября состоялось открытие прогимназии, и на церковном служении в униатской церкви по нотам Бортнянского пели только что обученные учителя. «Это неслыханное в униатских церквях пение произвело сильное впечатление». В день открытия в прогимназию поступило 124 ученика. На следующий день стало уже 140 учеников, позже – 156. Открытие прогимназии «встречено с доверием, особенно со стороны крестьян» [23: XVI–XIX].

Перед Евфимом Михайловичем стояли задачи преобразования седлецкой гимназии в русскую греко-униатскую, бельской прогимназии – в гимназию, учреждение в Седлеце женской гимназии, а в Беле – русских педагогических курсов [23: XX]. Он постоянно посещал школы Седлецкого уезда. «Борьба за религиозные и педагогические идеалы, различные огорчения и неприятности подорвали и без того слабое здоровье» [26: 969].

Школьное дело Е.М. Крыжановский связывал с церковным, считая, что воссоединение церковное надо готовить через школы. Он считал вредными для дела «проявлявшиеся местами преждевременные порывы излишнего усердия к этому делу со стороны местных деятелей» [23: XIX]. По его мнению, надо сохранять связи новой русской начальной школы со старой униатской, с местной церковной средой, чтобы «надёжнее и ту и другую направлять на новый путь» [23: XVII].

В то же время успехи «русского дела и русского образования в крае» вызывали противодействие со стороны поляков и польского духовенства во главе с епископом Шиманским и среди ополяченных и

окатолических униатских священников, поддерживаемых холмским униатским епископом Калинским. Противодействие им тоже подтачивало здоровье Е.М. Крыжановского [23: XXI].

В это время усилилась болезнь жены Евфима Михайловича. Летом 1866 г. Е.М. Крыжановского поехал с ней на минеральные воды в Шавинце (Западная Галиция). На обратном пути побывал в «нескольких русских деревнях Галиции и затем во Львове». Здесь он встретился с униатским митрополитом Спиридоном Литвиновичем, «который сначала очень резко и запальчиво говорил о новых действиях русского правительства по отношению к униатам холмским и подляским, но обезоруживаемый умными и твёрдыми ответами Евфима Михайловича растрогался до слёз» [23: XXI–XXII].

К концу 1866 г. число училищ в Седлецкой губернии превысило 100, из них 77 было униатскими. В них обучалось до 3 780 учащихся, в т. ч. было открыто или преобразовано несколько двухклассных училищ. Е.М. Крыжановский ввёл правило в переписке с учителями, священниками, войтами и бургомистрами употреблять древнерусские названия населённых пунктов вместо искажённых на польский лад, введённых позднее. В конце 1866 г. были открыты педагогические курсы в Беле [23: XXII].

В 1866 г. ушёл в отставку с поста главного директора правительственной комиссии внутренних дел в Царстве Польском (1864–1866) князь В.А. Черкасский. После ссылки в сентябре 1866 г. Калинского и подготовке к новой канонизации Кунцевича в крае начались волнения униатов. Действия гражданских и военных властей были не всегда умелыми, как неоднократно отмечал в своём дневнике Е.М. Крыжановский. В 1867 г. ухудшилось состояние его жены. Она умерла 4 августа. Евфим Михайлович слёг на продолжительное время. Вернувшись к работе, он открыл женскую гимназию в Седлеце [23: XXIII–XXV]. В марте 1869 г. врачи настояли на отпуске для лечения и он уехал лечиться в Швейцарию. Болезнь обострилась, и он только 24 сентября смог выехать в Россию [23: XXVI–XXVII].

Во время семилетней службы в Седлице Е.М. Крыжановский начал заниматься историческими и этнографическими исследованиями, знакомясь во время своих служебных поездок «с местными преданиями, обычаями, говорами и песнями, и вообще разными бытовыми чертами населения». Изучал он и «остатки православной старины и русской народности в населении края». Он поощрял учителей народных школ собирать народные песни, предания, описывать быт народа. Е.М. Крыжановский считал, что эта работа имела большое воспитательное значение для учителей. Он хотел издать сборник местных народных песен [23: XXVII–XXVIII].

В этот период Евфим Михайлович опубликовал ряд своих работ. В 1867 г. в «Киевских епархиальных ведомостях» вышли его «Письма из Подлясья» (№ 15–17, 19 и 20) с «Послесловием» к этим письмам (№ 21). В 1868 г. в «Русском вестнике» за январь и май, а также в холмском греко-униатском месяцеслове (в извлечении) за 1868 г. была опубликована статья «Униатские волнения на Подлясье». В 1870 г. в холмском греко-униатском месяцеслове появилась статья «Несколько документов, относящихся к переходному состоянию Подлясья после Брестского собора 1595 г.» [23: XXVIII–XXIX].

С 14 сентября 1871 г. Е.М. Крыжановский перешёл на службу в Варшаву, став директором первой мужской классической гимназии и заведующим первой женской гимназией. На этой службе он пробыл более 12 лет, до 3 октября 1883 г. По состоянию здоровья брал продолжительные отпуска. В 1871 г. взял полугодовой отпуск для поправки здоровья, в 1874 г. уехал на два месяца для лечения за границу. В 1872 г. Евфим Михайлович женился на старшей дочери С.С. Громеки – Марии Степановне [21: 7; 23: XXIX–XXX; 26: 969]. У них родился сын [26: 969]. В 1878 г. Е.М. Крыжановский стал действительным статским советником [23: XXXII].

Во время службы в Варшаве Е.М. Крыжановский написал ряд работ по истории Привислянского края: «Русские школы и обучение русскому языку в Привислянском крае до издания указов 30 августа 1864 г.» (ЖМНП, 1875, апрель, май); «Учебные заведения в русских областях Польши в период её разделов» (Киевская Старина, 1882, № 2, 3); «Материалы для истории народного образования» (Киевская Старина, 1882, № 5, 6); «Князь В.А. Черкасский и холмские греко-униаты» (Холмско-Варшавский вестник, 1879, № 9–12, 16 и 17 и 1882 г. в виде прибавления) [23: XXXII–XXXIII]. Этот материал навлёк на автора неприятности. В характеристике и оценке данных событий «почувствовалась критика современности» [24: XLIV].

Не мог Е.М. Крыжановский остаться в стороне от движения воссоединения униатов с православной церковью, высказав свои суждения по данному вопросу. Он считал, что в этом деле надо дать больше участия существующей в крае православно-русской епархии [23: XXX]. Он, помимо успехов русского дела в крае, видел и недостатки, особенно в учебном деле, не отвечавшем местным потребностям. В 1881 г. написал «Записку об униатском деле в Привислинском крае» и подал её обер-прокурору Священного синода, приехавшего в Варшаву ознакомиться с униатскими делами. Записка привлекла внимание К.П. Победоносцева «ясностью и художественностью изложения и тем духом искреннего убеждения, каким была проникнута». По мнению И.П. Филевича, «она даёт ключ к пониманию тех

печальных недоразумений, какие разыгрались на почве Холмской унии» [24: XLIV]. Однако в Варшаве суждения Е.М. Крыжановского посчитали вмешательством не в своё дело, именем министра и обер-прокурора ему пригрозили увольнением. В октябре 1883 г. он вышел в отставку [23: XXX].

Несмотря на то что пенсия Евфима Михайловича составила 2 500 руб., вместо безбедной и спокойной жизни он решил продолжить работу в духовном ведомстве. В ноябре 1883 г. в докладной записке обер-прокурору Святейшего синода он написал, что «желал бы вновь посвятить свои силы на пользу св. Церкви, с детства его призревшей и воспитавшей» [23: XXXII, XXXIV; 24: 969].

В ноябре 1883 г. был назначен членом учебного комитета при Святейшем синоде, переехав в Санкт-Петербург. В 1885 г. стал членом вновь учреждённого Училищного совета при Святейшем синоде. Участвовал в работе по переустройству духовных семинарий и «созидании вновь возродившейся церковно-приходской школы». В конце ноября Евфиму Михайловичу дано было поручено собрать и привести в порядок все постановления и распоряжения по делам православных латышей и эстонцев. В конце 1883 и 1884 гг. он посещал Псков и Ригу, побывал в других населённых пунктах остзейского края, изучал документы в архивах. Итогом исследования стали записка о смешанных браках и более обширная: остзейский вопрос и православие. Обе были напечатаны по распоряжению обер-прокурора Святейшего синода небольшим тиражом и предназначались для учреждений и заинтересованных лиц. Уделил он внимание и изучению постановке религиозного и педагогического дела в чешских колониях Волынской губернии. Летом 1886 г. совершил командировку на Волынь. Его труды и разъяснения по данному вопросу способствовали подчинению школ в чешских колониях Министерству народного просвещения и «стремлению чехов к православию». По этому вопросу тоже была составлена историческая записка «Чехи на Волыни», напечатанная небольшим тиражом. Последней его деятельностью стала подготовка торжественного празднования 900-летия крещения Руси в Киеве, которые прошли с 11 по 17 июля 1888 г. [23: XXXIV–XXXIX; 26: 969–970].

В 1885 г. Е.М. Крыжановский издал в Санкт-Петербурге подготовленное в последние годы службы в Варшаве исследование «по вопросу о древнейшем племенном характере Холмско-Подляшского края» «Забужная Русь» [24: XLV]. Также он написал ряд статей по педагогике о преподавании известных предметов в семинариях и начальных школах, обзоры педагогической литературы, отзывы об отдельных книгах, преимущественно учебниках. Часть из этих работ осталась в рукописях, другие были опубликованы, в основном, в

журнале «Церковно-приходская школа», который стал издаваться в Киеве с 1887 г. [23: XXXVI].

Умер 26 июля (7 августа) 1888 г. в Феофании, в пригороде Киева, на даче епископа Чигиринского Иеронима (Экземплярского) от «паралича сердца». Был похоронен на Шекавицком кладбище в Киеве, перед могилой своей первой жены, напротив могилы своего сослуживца по академии и в Царстве Польском Ф.Г. Лебединцева, скончавшегося на 4,5 месяца раньше. На заупокойной литургии и похоронах присутствовали его вторая жена, 14-летний младший сын, старший брат Григорий, бывшие сослуживцы по академии, друзья и знакомые [23: XLV–XLVI, 26: 970].

В некрологе, напечатанном в «Церковных ведомостях», подчёркивалось: «И семья, и церковь, и государство потеряли доброго и честного человека и талантливое труженика. Красною нитью через всю эту многополезную жизнь проходит горячая любовь к св. церкви и борьба за наше родное русское православие <...> Его значение и труды оценит будущее, когда будет писаться документальная история нашего многострадального отечества» [26: 970].

Константин Петрович Победоносцев высоко ценил Крыжановского и после его смерти написал о нём: «После того, когда Крыжановский оставил должность директора гимназии в Варшаве, я предложил ему занятие по синодальному управлению. С этой минуты я приобрёл в нём сотрудника драгоценного, каких иногда, но очень редко, посылает бог лицам, заведующим отдельным управлением. Он был человек честный, в полном значении этого слова, бескорыстный, нелестный и не льстивый, отдававшийся всей душою и всеми помыслами делу, в которое верил и в котором видел правду. Притом по природе своей он был православный русский человек, духом горящий и исполненный любви к своему народу; он чуял сердцем живую правду и умел её отыскивать в истории и в организации всякого русского дела. В этом помогала ему замечательная талантливость, соединённая с серьёзным знанием и с трудолюбием необычайным» [23: XLVIII–XLIX].

Евфим Михайлович был автором многочисленных работ, посвящённых русской церковной истории, вопросам образования и бытовых очерков, большинство из которых было издано в Киеве в 1890 г. в виде трёхтомного собрания сочинений [4–6]. Сочинения появились в свет по инициативе обер-прокурора Святейшего синода [23: XLVIII]. Учитывая, что в начале XX в. сочинения Е.М. Крыжановского стали библиографической редкостью, И.П. Филевич в 1911 г., во время обострения дискуссии по холмскому вопросу, переиздал работы Е.М. Крыжановского по униатско-русинской проблематике края [18].

Биографические данные об учёном содержатся в предисловии к первому тому его собрания сочинений [23], в предисловии И.П. Филевича к изданию трудов Е.М. Крыжановского «Русское Забужье (Холмщина и Подлясье)» [24], многочисленных библиографических справочниках и словарях [1; 19; 20], некрологах [24]. О детстве и истории рода говорится в статье Е.М. Крыжановского «Украинская деревня в 30-х и 40-х годах (по воспоминаниям детства)» (Киевская Старина, 1882, № 9, 10) [7].

Среди публицистики и научного наследия Е.М. Крыжановского видное место занимает тема Русского Забужья (в основном Подлясья (Подлясья)). В «Письмах из Подлясья» в 1867 г. он писал, что «в пределах и по-за пределами русского государства есть ещё миллионы наших братьев, доселе томящихся в тяжкой неволе униатской». Среди них «два уголка (Холмщина и Подлясье), две горсти их (227 тыс.), находящиеся в пределах России, в руках наших, представляют собою кучи костей русских сухих и мёртвых, разбросанных по пустырям» [8: 589–590].

Подлясье, или Подляхия, – «маленький, самый крайний к западу и едва ли не самый несчастный из всех русских углов, испытавших на себе горькую долю опеки польскоиезуитской». Эта территория наиболее удалена от срединной Руси и наиболее близка к срединной Польше и «от сплошной Руси она отрезывалась р. Бугом и прилегала на западе к сплошному населению польско-католическому, на севере к сплошному населению литовско-католическому». Само название, по мнению автора, не происходит, как считали многие польские писатели, от слов *под* и *ляс* (лес) и означало «страну, граничащую с обширною полосой лесов». Е.М. Крыжановский напоминает, что «древнейшая, русская летопись (волынская) знает только древнюю русскую страну Подляхию (а не подлесье), т. е. страну, находящуюся по соседству с Ляхией, ляхами. По сказаниям этой летописи, Подляхия прежде всех сторон русских подпала владычеству Польши» [8: 590–591].

В Подлясье (по-местному – Подлясье) «вымирала Русь скорее, чем где-либо. Ещё в половине XVI века, когда Белоруссия, Украина, Подолье и Волынь считали в своём дворянстве такие православные роды, как князья Острожские, Вишневецкие, Чарторийские, Сангушки, Сапегы и тысячи других, на Подлясье не видим уже почти ни одного дворянского православного рода». Поэтому «Подлясье первое из всех литовско-русских земель изъявило согласие на люблинскую унию (1569 г.), и это была единственная между нами сторона, не заявившая никакой оппозиции этой унии, тогда как Литва, Волынь, Украина долго и жестоко упирались против неё» [8: 591].

В XVI в. в г. Янов была учреждена католическая кафедра, в начале XVII в. Краковская академия открыла в г. Беле своё отделение (школы эти в 1865 г. были преобразованы в русскую прогимназию для греко-униатского населения, а в 1866 г. – в русскую семиклассную гимназию) [8: 592].

Автор отметил, что «вырождение Руси на Подлясье шло так успешно, что только особенным каким-то чудом осталось на ней хотя костей русских, недоедков польских, много. Ныне, при помощи Божией, происходит здесь нечто подобное виденному пророком Иезекиилем: эти русские кости, силою духа, пришедшего к ним от востока, севера и юга России, поднимаются с своих мест, собираются в цельные скелеты, на которых заметно показывается тонкою сетью русская плоть, русские жилы...» [8: 592].

Е.М. Крыжановский предложил приглядеться «к этим костям в том положении их, в каком нашла их Россия, после последнего польского мятежа». Прежде всего он рассматривает положение униатской (автор везде употребляет унитской. – С.С.) церкви. В недавние времена пан был «опекуном русского прихода и собственником русского храма (*jus investiturae, jus patronatus*)» и не делая различия между униатским храмом и корчмой, сдавал их в аренду евреям. Этим правом шляхта пользовалась до мятежа 1864 г. Униатские храмы на Подлясье в большинстве своём представляли «ветхие деревянные сараи, с подпорками по бокам, с течью во всех местах». В результате возгорания или полного разрушения старых церквей новые не строились, богослужения совершались в крестьянской избе, как, например, в д. Яблони. С момента унии новые униатские приходы не создавались, зато есть следы уничтоженных приходов и храмов. По этой причине много приходов, состоящих из четырех и более деревень, находящихся на расстоянии 10–12 вёрст от церкви. Некоторые приходы, после сгорания, разрушения церквей, были присоединены навсегда к местным католическим, и униаты-русины становились католиками-поляками. Другие причисляли вместе с униатским священником к местному католическому костёлу (например, в м. Пищаце), и два священника чередовали богослужения. Во многих местах есть годные для богослужения церкви и есть священнические квартиры, но приход и храм приписаны к соседнему, будто «по недостатку священников». В конце 1865 – начале 1866 г. в Холмской епархии на 267 приходов было 62 таких храма. Часто в таких приходах по приглашению униатского священника поселялся польско-католический монах для исправления всех треб. После этого значительная часть униатского прихода (от четверти до половины) переходила в соседний католический [8: 593–594].

В то же время польские католические храмы построены на самых видных местах, «расставлены по-между униатских местечек и деревень, будто крепости» [8: 595].

Униатский храм больше напоминает католический костёл: «Иконостаса нет. В немногих церквах иконостасы поставлены уже по распоряжению русского правительства; но на них смотрят в униатских церквах, как на помеху богослужению, царские врата постоянно отворены, сквозь них в алтарь входят мужчины и женщины. Главный престол, продолговатый, убранный совершенно по католическому миссалу, придвинут к алтарной стене, с амвоном при нём для священника; над престолом *монстранция*, повыше её на стене храмовая икона. Направо и налево по сторонам церкви ещё несколько таких же престолов. Средине церкви уставлена простыми лавками, немного чище лавки около самого престола; при каждой из лавок убогие хоругви с изображениями на них святых реформатов, бернардинов, капуцинов и под. или Иосафата Кунцевича с топором в голове. На всех иконах не встретите изображения в восточном характере; святители: Николай чудотворец, Васили Великий и Онуфрий Афонский – единственные святые восточной Церкви, встречаемые на иконах в униатских церквах, пишутся так, что истинный сын восточной Церкви не примет их за иконы. Клироса нет, на хорах орган. Всюду в храме убожество» [8: 596–597].

Крестятся пятью пальцами, кто на правое, кто на левое плечо, сам униатский священник бритый, стриженный, как ксёндз польско-католический. Говоря о самом богослужении, автор отмечает: «Если вы видели кривлянья польско-католического ксёндза на кафедре, то вам грустно становится от этого обезьянства пред ним униатско-русского священника». В то же время ряд папских булл предписывал русским униатам соблюдать в точности и неприкосновенности восточные обычаи и обряды [8: 597–599].

Многие церковные праздники, напоминающие православную церковь, «или изгнаны из календаря, или изменены в своей мысли». В частности, «вовсе уничтожены праздники: Иоанна Богослова (8 мая), Перенесение мощей св. Николая (9 мая), Усекновение главы Предтечи (29 августа); ослаблено значение Покрова Пресвятой Богородицы и Трёх Святителей – столпов восточной Церкви. Совершенно изменена мысль праздника Богоявления, униаты знают в этот день только праздник “Тшех крулюв” (как у католиков) и не совершают торжественного освящения воды» [8: 610].

Описывая быт униатского священника, Е.М. Крыжановский отмечал, что дом и усадьба униатского священника «имеет тот же характер, который имеют дома низших панков в юго-западных губерниях».

«Покуй» (комната) увешана «разными убогими литографиями». Среди них – портрет Костюшко, генерала Понятовского, Мицкевича, папы римского и т. д. Мать священника – «истая полька», «хотя была униаткой» и иногда напоминала, что она «из русинок». На десятом году он поступал в «школу обводову» (уездное училище, воеводства делились на обводы (области) – С.С.), где для католиков и униатов был один законоучитель – католический священник, на том основании, что уния и католичество «то вшистко едно». По окончании поступали в Холмскую семинарию, профессора которой были из воспитанников варшавской римско-католической академии. Курс в неё был такой, как и римско-католических семинариях. Из преподаваемой истории римско-католической церкви «узнавали» об унии: «Русь приняла христианство от востока в то время, когда в Церкви Христовой не было ещё разделения, и вся она находилась под главенством папы. Потом греки отпали от Церкви Христовой (!), явилась схизма». Схизма начала поднимать свою голову на Руси, Брестский собор положил конец этим интригам. «Потому-то здешние униаты считают брестский собор ничего не значущим для них, непрерывных униатов и после тридентского своего (!!) собора непосредственно полагают собор замойский» [8: 611–615].

Гражданскую историю Руси семинаристы знали по учебникам истории Польши: Москва – общий враг русинов и поляков, ляхи и русины имели первоначально один язык, потом стали появляться наречия, в т. ч. и малорусское (русинское), и т. д. [8: 615–616].

Говоря об униатской пастве, автор отметил, что она принадлежит «к самым низшим классам: мещанству и крестьянству». Униаты – «самое бедное население края». На Подлясье раньше, чем в других принявших унию регионов, «средней руки дворянство перешло в латинство», а высшее переходило из него сразу из православия. Каждый униат, получивший возможность выйти из крестьянства, мещанства и духовенства, «выходил как бы за черту и становился латинником и поляком». «В этом убогом и тёмном мире унии существует, к сожалению, одно разделение, именно на более и менее ополяченных и латинизированных». К первым принадлежит почти всё мещанство. В большинстве местечек униаты уже давно забыли родной язык. Семьи священников и «все образованные униаты молятся только по-польски». В униатской деревне, вглядываясь в народ, именуемый шляхтой «хлопами» и «быдлом», видно, «что польщизна и латинство как туман окружили его и как повой обвили и связали его, но они не успели задавить в нём природных начал его, корень Руси остался здесь живым и здоровым, способным вырастить из себя крепкое дерево» [8: 633, 635–636].

В послесловии к своим пяти письмам из Подлясья исследователь отметил, что «уничтожение русских костей и затирание следов их в Холмской епархии особенно развилось и производилось с лихорадочным усилением со времени усмирения польского мятежа 1831 года и воссоединением белорусских униатов с православной церковью в 1839 году» [8: 646]. С одной стороны, к 1840 г. русское правительство достигло того, что почти всё делопроизводство и преподавание в гимназиях перешло на русский язык, с другой – «русский язык окончательно изгоняется из церковных актов униатско-русских, русские церковно-приходские училища совершенно исчезают и заменяются польскими, в семействах русских священников не слышится более русское слово, в семинарии Холмской, вместо прежнего преподавательного латинского языка, решительно и исключительно остаётся язык польский» [8: 647]. Говоря о «братии капланов униатских», автор написал, что мятеж 1863 г. дал ответ на вопрос, «кто более поляк в высшем смысле – униат или католик». Обе стороны поучаствовали в нём: ксёндзы польские принадлежали больше к партии *красных*, ксёндзы униатские склонялись больше к партии *белых*, хотя некоторые из них «отличились во время мятежа довольно *красными* делами» [8: 652].

В 1868 г. Е.М. Крыжановский опубликовал статью «Волнения униатов на Подлясье». Сподвигло его на написание данного материала появление в некоторых русских газетах высказываний, что «униатское дело на Подлясье» выразилось «не только упорною оппозицией требованиям правительства со стороны униатского духовенства, но даже волнениями в народе». Предоставляя «фактическое изложение» этих событий, автор напоминает, что они «приготовлены были не днями и месяцами, но несколькими годами, и обуславливались особенным положением Подлясья в сравнении с другим униатским уголком в пределах России – Холмщиной». Обзором положения подлясских униатов он и начинает статью [9: 5]. Сам материал о волнениях униатов написан, по словам автора, «по подлинным документам о нём, по рассказам лиц, имевших непосредственное отношение к делу, в том числе отца протоиерея Попеля» (о. Маркелл Попель (1825, Галич, Австрийская империя – 1903, Санкт-Петербург) в конце 1866 г. по приглашению Комиссии внутренних и духовных дел Привислинского края переехал в Холм. – С.С.) и по его личным наблюдениям [9: 62].

Подлясские униаты населяли Бельский, Константиновский, Владыцкий, Радинский, Соколовский и отчасти (два прихода) Седлецкий уезды Седлецкой губернии и составляли почти половину населения Холмской греко-униатской епархии [9: 5]. Исследователь отметил, что «вековой задачей полоно-латинизма по отношению к униатам было проникнуть в самое сердце уни и окончательно слить её с собой».

Под видом исправления униатских книг, которые не отличались от православных, и устройства униатской церкви, Замойский собор (1721) «положил начало изгнанию из униатства духа восточной Церкви и замене его духом чистого латинства, а равно и переустройству по образцу латинства униатской иерархии и всей церковно-униатской практики». Всё это было в руках иезуитов, и уже во второй XVIII в. появились «униатские» богослужебные книги, а в конце этого же века «всё униатское духовенство было уже обрито, острижено, переодето в латинских ксёндзов и само начало копировать в своей церковной практике этих последних» [9: 7–8].

Одновременно шла полонизация: «Создав издавна особое название *рутенов, русинов*, в отличие от московитов, россиян, польские изобретатели басен твердили русским о трех братьях Лехе, Русе и Чехе, основавших первоначальное, под гегемонией старшего брата Леха, Польское государство, когда *Московии* и *россиян* не было ещё на свете. *Ляхи* и *русины* долго-де жили между собою мирно и любовно, как два родные брата, пока жадная Москва не внесла раздора в братские чувства их. Несмотря на этот случайный раздор, общая мать – святая Польша продолжает соединять их самыми твёрдыми узами родства: ляхи и русины составляют только две ветви одной семьи, одного народа – польского; русинский и ляшский (мазурский) языки представляют только наречия одного общего им языка – польского, который есть не что иное, как образованный язык того и другого наречия». Эта система окатоличивания и ополячивания «с особенными усилиями и с особенным искусством приводима была в исполнение после двух решительных ударов, нанесённых Россией Польше в 1831 году и унии в 1839 году» [9: 8–9].

При русском управлении польско-католическая пропаганда достигла «смелых целей». В Холмской семинарии преподавание велось на польском и латинском языках, «к русскому языку возбуждаемо было в семинаристах отвращение. Также было и с преподаванием в отдельных народных училищах «на природном языке жителей», установленном правительством с 1846 г. Оно существовало только на бумаге. Частных, т. н. дьячковских школ в униатских приходах, в которых дьяки действительно обучали «на природном языке жителей», к 1831 г. не осталось ни одной. С того же времени в церковных приходах прекратили вести церковные акты на русском языке, хотя до этого старые униатские священники часто вели их на своём языке. Внутренний вид униатских церквей преобразуется по образцу католических, заводятся органы, «вместо акафистов, молебнов и старых славянских песней вводятся повсюду *польские рожанцы, литании, годинки, горькие жали, коронки* и т. п.».

В 1861–1863 г. «совсем начало гибнуть в наших церквах наше славянское слово» [9: 8–11].

Ополячиванию и окатоличиванию Подлясья способствовало его положение. Край, в XII в. присоединённый к Польше, с запада окружён мазурским населением, с севера – литовско-католическим, с востока – гродненским болотами и недалеко находится от центра исторической Польши – Варшавы. В крае всегда «слабее чувствовалась связь русского народа со своим прошедшим, и скорее, чем в других сторонах вымирали русские дворянские роды и русские народные предания. Подлясье первое из всех литовско-русских областей изъявило беспрекословное согласие своё на Люблинскую унию (1569 г.). Здесь не видно никаких следов борьбы за православие после Брестского собора (1595 г.)». В соседней Холмщине, граничащей с Волынью и Галицией, которая была некоторое время центром южнорусской жизни, сохранились предания о Данииле Галицком, его сыновьях и преемниках, имевших в Холме стол и здесь погребённых [9: 11–12].

Почти четвёртая часть подлясского духовенства, отметил автор, ополячена. Другая часть, не сильно многочисленная, называется своими товарищами «добрыми униатами». Люди, преданные унии, как её трактуют иезуиты и базилиане: уния идёт от самого Христа, а православие – отщепенство, схизма. Третья, самая многочисленная часть, почти половина всего униатского духовенства Подлясья, была безразлична ко всем вопросам, волнующим униатство. Четвертую, немногочисленную партию составляли дети и внуки старых простых униатов, любивших родной язык, родные обычаи и «деливших свою жизнь только с своим приходом. Эти священники – «наша надежда на постепенное обновление и возрождение униатства». Эта партия «опирается на очевидные потребности народа и предания *старцев униатских*» и может увлечь за собой группу «добрых униатов» и, «развивая силу и смысл своих начал, может постепенно покорять себе и партию безразличных» [9: 12–16].

Говоря о «массе сельского народа», которая «колени преклоняется, бьёт себя в грудь, вздыхает в молитве, простирается *крыжем* по-католически, посещает латинские отпусты», «слабо помнит предания, пугливо глядит за Буг – но твёрдо выговаривает своё название русин и смотрит на поляков, как на врагов своих». Как отмечает автор, «она признательна *Русскому своему Царю* не за наделение её только землёй, но и за избавление её *от ляхской неволи*. Она предана Царю до того, что иногда выражается: “хотелось бы умирать в своей вере, но если бы *Царю* угодно было иначе, то так и случилось бы”. В своей среде она продолжает называть священников *попами*, несмотря на

старание духовенства, поляков и их приверженцев заменить название на «ксёндз». Эта масса продолжает чтить свои народные «*свята*» и «подобно всем южно-руссам, располагает по ним свои годовые занятия (*Семён, Покрѳва, Юрий, Онуфрей* и др.), хотя ксёндзы не празднуют этих свят в церкви и заменяют их в своём быте *Михалами, Мацеями, Станиславами, Марцинами* и под. Неверно полагать, что эта масса предана «органам, польским религиозным песням и польским проповедям». В некоторых местностях выступления против органов были так сильны, что священники могли преодолеть их только «отлучением упорных от причастия» [9: 18–19].

Учитывая вышеперечисленное, польско-католическая пропаганда «не напрасно избрала его центром своих подготовительных работ уничтожению унии». Латинская кафедра в Янове, благодаря её епископу Вениамину Шиманскому, «пользуясь отдалённостью Холма от Подлясья, успела упрочить своё влияние на подлясских униатов». Шиманский «посылал от себя выговоры *неблагонамеренным*» униатским священникам. «С целью привязать униатов к латинской кафедре, Шиманский, вместе с графинями Потоцкой, Александрович и другими, торжественно перенесли из Рима в Яновскую кафедру кости головы Виктора, будто бы поляка, замученного в IV веке, и с утверждения папы провозгласили его «патроном Подлясья». Затем по инициативе Шиманского при содействии тех же магнатов была «устроена была манифестация в честь Кунцевича, «патрона Литвы и Польши». За 2 700 руб. серебром была написана картина, «представлявшая убийство Кунцевича *москалями-схизматиками*; для мощей его сделан был стеклянный гроб. В бельской униатской церкви гроб этот поставлен был вместо главного престола (мощей не успели переложить в него), а над ним на стене повешена была картина – на поучение всех униатов!». Перед народом произносились объяснительные проповеди, раздавались маленькие бумажные изображения Кунцевича с топором в голове и «с подписями, призывающими униатов отмстить *схизматикам* за его кровь» [9: 20–22].

Графиня Александрович добилась назначения Иоанна Калинского, священника из местечка Константинов (своего имения), викарием (1863–1866), несмотря на протесты холмского униатского духовенства. После смерти епископа Терешкевича накануне мятежа, с титулом номината (наречённого) его назначили на кафедру Холмскую, опять же вопреки протестам холмского духовенства. Во время польского мятежа 1863 г. Калинский поддерживал от имени униатского духовенства «польские стремления». «Введение латино-польских обычаев в униатских церквях пошло быстрыми шагами» [9: 23–25]. Калинский рассылал своим приверженцам секретные циркуляры и письма, в

которых утверждал, что русское правительство решило обратить униатов в схизму [9: 27].

После подавления мятежа русское правительство готово было «забыть прошлое» и даже Калининский два с половиной года оставался на своём месте, «пока не были истощены все средства к его вразумлению». Правительство продолжило выделять значительные средства на образование униатов: действовало девять учебных заведений, ежегодно 20 тыс. руб. выделялось на стипендии в гимназиях и университетах, 40 тыс. руб. – для выпуска пособий для начальных школ, помогало с постройкой и ремонтом церквей, назначало содержание духовенству. Единственное, что требовало правительство: введение русского языка в школе и церковной проповеди. Но партия униатских полонофилов продолжала своё противодействие [9: 28–29]. Те же священники, которые были готовы «содействовать русскому обучению», беспокоились, чтобы униатов не отдали снова «в опеку полякам». Ведь в 1846 г. правительство требовало проводить обучение униатов «на природном языке», а в 1862 г. в училищном уставе постановили обучать в этих училищах только на польском языке [9: 30].

В апреле 1866 г. всем униатским священникам были разосланы, по распоряжению наместника Царства Польского, в качестве пособия к употреблению народного наречия в крае, изданные в Галиции с одобрения перемышльского епископа проповеди перемышльского униатского священника Добрянского, для того чтобы священники вели проповеди на русском языке или народном наречии. Большинство подляских священников возвратили эти книги уездным начальникам, отписавшись, что гражданская власть не имеет право вмешиваться в церковные дела и они не могут принять эти книги без разрешения духовной своей власти и утверждения их папой. Новый седлецкий губернатор С.С. Громека написал от себя всем этим священникам, что проповеди Добрянского разосланы «не для непременного употребления их в церквях», а для руководства по введению в проповедях народного говора, и снова выслал книгу. Все священники, получившие письма, снова выслали книги проповедей обратно с теми же объяснениями, с добавлением, что они не знают русского языка [9: 35–36].

Ряд священников не только прияли проповеди Добрянского, но и стали произносить их на народном говоре, за что «подвергались преследованиям и оскорблениям со стороны товарищей, которые даже вооружали против них прихожан их молвой, будто эти священники хотят “запродать веру”». Одного из таких священников Павла Лонцкого номинат сместил на другой приход [9: 37].

11 сентября 1866 г. Калининского сослали на жительство в Вятку, управлять Холмской епархией стала консистория под председатель-

ством священника Иосифа Войницкого. Если в Холмщине только два священника из самого Холма высказались против высылки, то на Подлясье сложилась иная ситуация. Пять дочерей Калинского, католички, стали разъезжать по краю, посещая братьев и других родичей, собирая священников, «рассказывали небылицы про обстоятельства ареста своего отца». Были созваны секретные съезды, где было решено не рассылать священникам консисторский циркуляр об удалении номината, были составлены письма от всех благочиний на имя наместника Царства Польского о том, что духовенство не подчинится данному решению, т. к. оно якобы не соответствует канонам Триденского собора, произведено без согласия папы, и просило отменить решение. Администрация, в свою очередь, узнав о съезде и решении Бельского благочиния, арестовала инициатора собрания, зятя номината священника Калиновского и выслало дочерей Калинского на жительство в Сувалки, назначив им содержание по 100 руб. серебром ежемесячно. После этого подляское духовенство успокоилось, письма не были посланы. Калиновский раскаялся в своём поступке и стал подчиняться консистории. После известия о смерти номината полоно-униатская партия «ещё более притихла» [9: 38–39].

Вскоре произошли важные события для края: разрыв конкордата с папой¹, болезнь статс-секретаря по делам Польши Н.А. Милютина, оставление князем В.А. Черкасским должности главного директора правительственной комиссии внутренних дел в Царстве Польском. Среди униатского духовенства стали распускаться слухи, что разрыв конкордата дело временное, а уход В.А. Черкасского означает «поворот назад», что одним вскружило голову, других сбilo с пути. Невысланные обращения были поданы наместнику, который распорядился арестовать главных виновников и поручил жандармерии провести расследование. В ходе его выяснилось, что обращения «поданы были несколькими лицами из каждого благочиния без согласия и даже без ведома многих священников». Наказание виновным было мягкое, правительство по-прежнему пыталось вести себя терпеливо, поверив в искренность раскаяния [9: 39–40].

11 марта 1867 г. (автор ошибочно поставил 1866 г. – С.С.) Холмская консистория издала «Окружное послание», в котором «приглашала униатское духовенство к очищению униатских обрядов от нововведений, никакую властью не подтверждённых, причём постановила прекратить игру на органах и пение польских песен и указала проповеди произносить на языке русском». Часть священников приняла это послание, и в разных приходах Подлясья послышалась русская проповедь и богослужение без игры на органах. Но враждебная партия воспользовалась случаем, употребила все усилия, чтобы

возбудить противодействия предписаниям консистории, и достигла своей цели». Некоторые священники, ранее признававшие власть консистории, и все шесть священников Соколовского благочиния не захотели расписаться в получении послания, заявили прямо или косвенно, что они не признают власть консистории. Другие ограничились тем, что перестали вести проповеди или проводили одну-две по-русски, некоторые, произнося проповеди по-русски, оставили органы и польские песни или, прекратив пение польских песен, вели проповеди на польском языке. Так же поступили и с циркуляром наместника от 11 мая о совращённых из унии в латинство, который был подтверждением прежних правительственных распоряжений, вызванных просьбами холмских епископов [9: 40–41].

В свою очередь, седлецкий губернатор предложил переместить неблагонадёжных священников к границам Галиции и Волыни, в более безопасные от волнения места, заменив их священниками из Галиции. В марте 1867 г. в Подлясье появился первый галицкий священник о. Макарий Хойнацкий, назначенный в деревню Цицибор. Вначале ему пришлось нелегко из-за распускаемых слухов, что он переодетый священник из Курской губернии и «ломает веру». Такое же отношение ряда прихожан испытали и другие священники, ведшие проповеди на русском языке. Однако Холмская консистория вновь направила несколько посланий, повторявших прежние требования. Обязанность исполнения данных распоряжений лежала на местной администрации. Седлецкий губернатор созвал совещание всех благочинных Подлясья, на котором было решено назначить срок для исполнения требований консистории до 23 июля, после чего священники, не выполнившие его, будут удаляться из своих приходов, а на их место приглашаться священники из Галиции. Консистория одобрила это срок и ходатайствовала о распространении его и на Люблинскую губернию [9: 41–43].

Этим воспользовались польско-католические силы, своей агитацией спровоцировав волнения, которые охватили до 30 приходов Седлецкой губернии из 110. Волнения начинались по одинаковому сценарию: не слыша при богослужении игры на органах и видя, что проповедь ведётся на русском, прихожане, в основном женщины, поднимали шум и крик, ругали священника и дьяка, запирали церковь, не впускали в неё никого. Сами собирались периодически на церковном погосте, пели польские песни и говорили, что «веру их ломают и вводят православие» [9: 44]. Как вспоминал автор, в местечке Влодаве, «не ограничиваясь собраниями около церкви, женщины бесчинствовали на улицах, около квартиры уездного начальника; напали на магистрат и избili магистратского сторожа». Мужчины

во время волнений появлялись редко, «высылая для манифестаций женщин, большею частью с детьми на руках или беременных, дабы затруднить действия полиции. По домам ходили агитаторы, призывая принимать участие в волнениях, посылали своих представителей в соседние приходы. Причём все беспорядки производились мещанами, «крестьянское же население местечка оставалось равнодушным и даже не являлось на погосте во время манифестаций». Были также случаи нападений на священников, дьяков, полицейских. Волнения в большинстве начались в приходах священников, которые противодействовали администрации и консистории. Во время волнений они продолжали агитацию среди прихожан. К примеру, священник Заткалик из деревни Рожанка долгое время отказывался от проповедей на русском языке. Затем в первой такой проповеди он заявил: *«По воле начальства, начинаю говорить проповеди на вашем наречии. Между вами ходит слух, будто я подкуплен (?). Но я не продам своей веры (?) и буду поступать так, как вы пожелаете»*. Некоторые священники, «смиранные в начале волнений, раскрыли себя вполне, когда волнения усилились, и, по мнению их, сделались грозными». Эта партия священников рассылала «ругательные безымянные письма» администрации и консистории, разбрасывала прокламации на польском языке. Священникам «полоно-униатской партии» помогали жены и дочери, среди которых много было «довольно чистокровных полек-католичек» (подробнее: [9: 45–55]).

После первых же донесений о начавшихся 23 июля 1867 г. беспорядках губернатор лично отправился «для ближайшего осведомления о них и принятия на месте мер к успокоению народа». С этой же целью были направлены в разные места «штаб-офицер по земской страже и чиновник особых поручений. При этих первых опытах успокоения народа выработались и те инструкции, которые были разосланы уездным начальникам». В инструкциях предписывалось, «при увещевании»: стараться устранить из толпы поляков; не вступать в беседы с целой толпой и женщинами, приглашать для этого стариков и более разумных хозяев; в религиозные беседы вступать с народом только когда он сам требует этого и готов выслушать объяснения, не вступать в препирательства; при необходимости ареста не арестовывать в толпе, подождать, пока она разойдётся; стражникам применять физическую силу только при защите от явного нападения. В последующих циркулярах предписывалось не отступать от инструкции, не вступать ни в какие религиозные объяснения с народом [9: 55–56].

Во время первой своей поездки для успокоения народа седлецкий губернатор предлагал выбрать из своей среды депутатов и послать их в Галицию, чтобы убедиться, что уния не требует песен и проповедей

на польском языке и что решение консистории «не ломает тем веры униатской, но, напротив, заботится об очищении и установлении её». Это предложение повторяла администрация «во всех волновавшихся местностях». Однако участники выступлений в большинстве местностей к этому отнеслись равнодушно [9: 56–57].

В некоторых местах через наиболее влиятельных представителей удавалось убедить народ, что правительство «и в помышлении не имеет ломать униатскую веру». Когда даже размещение войск «не прекращало беспорядков, тогда на жителей налагалась обязанность содержать за свой счёт войска, а затем и денежные штрафы». В конце сентября порядок был восстановлен, и войска возвратились на свои постоянные квартиры. 8 сентября консистория предписала вынести органы из всех церквей. Седлецкий губернатор дал указание уездным начальникам и стражникам ограничиться наблюдением, чтобы не появились снова подстрекатели и волнения, и запретил им участвовать и присутствовать при снятии органов. Также губернатор попросил Холмскую консисторию издать окружное послание, в котором разъяснялось, что эти меры не направлены на уничтожение унии, командировать своего члена в успокоенные приходы для объявления народу этого послания [9: 58–59].

Послание появилось 8 сентября, а 12 сентября протоиерей о. Маркелл (Попель) прибыл в Подлясье и до начала октября вместе с благочинными совершал свои поездки. Священник, как упомянул Е.М. Крыжановский, имел обширные знания по церковной истории и обрядности. Также он обладал «теми достоинствами, которые так желательны от учителя религии и благодаря которым слово его к народу и к духовенству было со властью и убеждением». Перед оглашением послания он разъяснял все сомнения, на собраниях окрестных священников и частных беседах с народом отвечал на все их возражения. Только в двух местах (в деревне Груде и городе Влодаве) столкнулся с оппозицией со стороны священников, которую удалось преодолеть в результате разъяснений. В окрестностях Рудна, Гуси, Радча и др. к концу сентября возвратились посланцы, побывавшие в Галиции, и по их возвращению волнения улеглись и там [9: 59–62].

В первых числах октября в Подлясье во все униатских церквях не осталось органов, прекратились проповеди и песни на польском языке. Земская стража и войска возвратились на постоянные квартиры [9: 62].

В 1879 г. в несколько номерах «Холмско-Варшавского вестника» вышла работа Е.М. Крыжановского «Князь В.А. Черкасский и холмские греко-униаты». В ней автор отметил вклад недавно умершего князя В.А. Черкасского (1824–1878) в возрождение в «духе русской

народности и православия», основы которого он заложил в годы недолгого своего управления внутренними и духовными делами Царства Польского (1864–1866) [10: 63]. В очерке автор изложил «только главные предметы и моменты этой широкой деятельности», за неимением «достаточно материалов для полного исследования деятельности князя В.А. Черкасского в отношении к холмской епархии». При работе над материалом Е.М. Крыжановский пользовался документами и личными воспоминаниями [9: 66].

Князь В.А. Черкасский, принимая активное участие в подготовке и исполнении «великой крестьянской реформы», «тесно соединял заботы о духовенстве с заботами о народе» и «в этом соединении видел залог прочности и задуманного дела». Кроме того, он имел «громадное преимущество пред своими предшественниками по греко-униатским делам», он «понимал цену живого влияния и умел пользоваться им» [10: 64].

Все принятые им решения по греко-униатским делам можно разделить на две части: «одни имели цель пресечь каналы, которыми вливалась в униатский организм чуждая ему жизнь, и уничтожить искусные сети, которыми полонизм и латинство опутали со всех сторон униатское население; другие меры направлены были к возбуждению и развитию собственной жизни в этом расслабленном русском организме и оживлению связи его с общерусскою жизнью» [10: 64].

Из числа первых, по мнению автора, наиболее важными были: преобразование холмского церковного капитула в епархиальную консисторию; закрытие в пределах холмской епархии василианских монастырей и уничтожение василианского ордена²; уничтожение патронатства польских помещиков над греко-униатскими приходами; меры против совращения униатов в латинство [10: 66]. Далее исследователь подробно описывает необходимость предпринятых мер, партии среди униатского духовенства, организации учебных заведений для униатов (подробнее см.: [10: 66–280]).

Упоминает Е.М. Крыжановский и о «народовцах» Холмщины, которые «воздыхали о славном прошедшем холмской Руси и о лучшем будущем её, но не умели и ступить на ту дорогу, о которой мечтали: пели захожие малорусские песни, а не изучали быта своего народа; читали «Слово», а в семьях своих говорили по-польски, даже с церковной кафедры не решались говорить по-русски; восхищались русскою песнею Богородице: «о Мати, Мати! Царице русского краю!» и другими религиозными песнями в старых униатских изданиях и в появившихся тогда в Галиции нарочитых сборниках, а между тем не имели смелости тронуть в своих церквах польские годинки, рожанцы, коронки, горькие жали и под.; влеклись своими симпатиями к «св.

Юрию» (кафедра Львовская) и смотрели на Россию только сквозь тогдашние галицийские очки, наброшенные на «русинские» глаза коварною рукою австрийской политики; любили свою призрачную *Русь*, но вместе с тогдашними «святоюрцами» не любили «*Москвы*», т. е. действительной Руси, – любили в мечтах своих «предания праотцов», настоящий богослужебный чин, но пренебрегали «московским православием»... Это движение отличалось «крайним романтизмом и было практически бессильно, хотя оно вслед за тогдашнею Галицией грубо заблуждалось в своём отщепенстве от великого русского народа («*Москвы*»)» [10: 177].

Говоря о пропаганде католицизма, автор указал, что «униатский народ не увлекался такими массами в католичество», как в 1840–1846 гг.: от 300 тыс. униатов к концу этого десятилетия осталось не более 220 тыс. Ситуацию изменило «народное возбуждение», произошедшее в соседней Галиции. В 1846 г. галицкие русины оказали австрийскому правительству услугу, подавив «польскую смуту». За это правительство признало их национальные права. Под руководством митрополита Григория Яхимовича «началось быстрое возрождение народного духа: язык, литература, история, памятники родной старины, народные обычаи, предания, песни, церковные обряды – все оживляло и увлекало народную массу. Впереди всего этого движения стояли народные училища, учреждаемые на народных началах и ежегодно появлявшиеся сотнями». Это движение коснулось и холмской епархии [10: 232]. Автор упомянул, что в разработке всех важных документов по организации системы отдельных училищ для униатов вместе с князем Черкасским принимал участие русский учёный А.Ф. Гильфердинг (1831–1872) [10: 246].

Е.М. Крыжановский подробно рассказывает о приглашении в Холмскую епархию галицких священников. Первые меры, предпринятые правительством по отношению к Холмской, «встречены были в самих русских руководящих сферах Галиции недоверчиво». В 1864 г. и отчасти в 1865 г. львовская газета «Слово», впоследствии защищавшая эти меры, «признавала насилием» введение «русского языка в учебные заведения для греко-униатов, в церковную администрацию, проповедь», видя в населении холмской епархии, «как в целом южно-русском племени особую от «российской» народность». За этот взгляд ухватился Калинин и его окружение, «успели подрисовать своё дело в глазах высших духовных лиц Галиции» (подробнее о интригах Калининского см.: [22: 235–238]). Греко-католический митрополит Галицкий и Архиепископ Львовский Спиридон Литвинович (1810–1869), управлявший митрополией с 1854 г., «порицая полонизаторские стремления Калининского», в то же время не одобрял меры

Черкасского. Последнему он отказал в посвящении выбранных им кандидатов на должности приходских священников. Этим кандидатам пришлось отправлять в венгерскую Русь (Пряшев, Ужгород). Митрополит также настаивал, чтобы народное образование в епархии было отдано в его ведение. Только после этого он направит в епархию благонадёжных священников [10: 91–92].

Одним из выходов из сложившейся ситуации было привлечение священников из Угорской Руси, «в которой в то время относились с полным сочувствием к России и с которою кн. Черкасский поддерживал тесные сношения. К тому же венгерская Русь вполне усвоила себе русский литературный язык, на котором тогда издавала книги и газеты», в то время как «галицийская литература имела тогда для своего языка довольно печальные основы». Однако Черкасский понимал, что «галицийский священник, незаражённый миазмами того времени, имел в глазах его то преимущество пред венгерским, что понимал всю систему польской интриги, глубоко захватившей весь быт холмских греко-униатов» [10: 92–93].

Он обратился за содействием к главному директору Комиссии народного просвещения в Царстве Польском Ф.Ф. Витте, ведомство которого в то время искало учителей древних языков для греко-униатских гимназий. В конце 1865 г. во Львов был командирован начальник холмской учебной дирекции Ф.Г. Лебединцев, причём ему было поручено искать учителей и из духовных лиц. В данном случае митрополит не мог не выдать «отпустительные грамоты» священникам, согласившимися поступить на учебные должности. С этими грамотами они получали право и на должности в епархии. Первым в июле 1866 г. прибыл, имея грамоту от митрополита, на должность учителя греческого языка священник Филипп Дьячан. Вслед за ним прибыл «законоучитель львовской гимназии Маркелл Попель, приглашённый первоначально седлецкой учебною дирекцией на должность инспектора-руководителя бельских педагогических курсов, но назначенный на должность законоучителя холмской гимназии». Таким образом была получена возможность привлекать «благонадёжных священников из Галиции» [10: 93–94].

После отстранения Калинского (11 (23) сентября 1866 г.) от управления холмской епархией и высылки его в Вятку, на новых основах ей стал управлять «по высочайшему повелению» соборный протоиерей Иосиф Войницкий [10: 94]. Поселившиеся в Холме галицкие священники (Криницкий, Дьячан и Лавровский) стали ближайшими сотрудниками администратора холмской епархии Войцицкого в консистории, кафедральном соборе и семинарии. Вскоре прибывший в Холм священник Маркелл Попель, «известный своими сочинениями

по обрядовому богословию, дополнил собою этот кружок, которому предстояла одна из самых трудных задач – основательное разъяснение всех перемен в богослужении и исправление обряда» [10: 95].

В.А. Черкасский «понимал, что греко-униатское население, невежественное, бедное, расслабленное в своих естественных основах, опутанное искусными сетями полоно-латинства, многие века видевшее над собою только произвол власти, прежде всего требует истинного русского участия и живого руководства в исполнении новых требований от него». Он проводил личные беседы «со священниками и народом, с воспитанниками холмской семинарии и профессорами». Долгое время проявлял терпение по отношению к холмскому епископу Калинскому. Предъявив духовенству необходимые требования, «он терпеливо ожидал исполнения его, разъяснял и убеждал». К строгим мерам прибегал, когда «ясно открывалась злонамеренность» [10: 65].

В статье «Несколько документов, относящихся к переходному состоянию Подлясья после собора 1595 года» (1870) Е.М. Крыжановский впервые в русской историографии исследует ситуацию в Подлясье после принятия унии. Как отметил автор, «польские писатели тщательно обходили все, что напоминало о первоначальной в нём старой русской религии, т. е. православии, всегда и везде на этой полосе они видят только латинство и унию – будто исконные религии края, а польско-латинский фанатизм истреблял или извращал все, что противоречило уверениям этих писателей» [11: 281].

Отметив о малом количестве документов «об этой интересной эпохе», которые, могут сохраниться «при некоторых униатских церквях и у некоторых частных лиц», которые либо не могут определить значение этих документов, либо по некоторым причинам молчат о них, автор сообщил, что он имеет несколько документов, «довольно скудных, но дающих общее понятие о переходном состоянии так называемого русского Подлясья после брестского собора 1595 г.» [11: 281–282].

Важнейший, по мнению исследователя, документ – рукописный Помянник Яблочинского Онуфриевского монастыря, находящегося в Бельском уезде Седлецкой губернии. Монастырь был основан в начале XVI в. и со дня своего основания по сегодняшний день оставался в православии. Сейчас это ставропигиальный мужской монастырь Польской православной церкви, расположенный в селе Яблечна Бельского повята Люблинского воеводства Польши. Сам Помянник составлен в 1640–1642 гг. В него внесён и прежний помянник, заключающий в себе роды князей Сангушков и Богушей, «основателей и благодетелей монастыря», нескольких монахов монастыря и приходских священников. По записям в Помяннике можно определить, как долго существовали «остатки православия» в упомянутых в нём

местностях и «как постепенно уничтожались они». Недалеко от монастыря «есть ещё один такой же свидетель православия, д. Дрогичин» Соколовского уезда, в которой православие сохранялось долгое время, благодаря «своей стойкости, поддержке и защите находящегося в ней монастыря, уничтоженного в ней в 30-х гг. XIX в.» [11: 282–283].

Сведения из Помянника свидетельствуют, что «православное Подлясье не сразу подчинилось брестской унии, а постепенно, после весьма долгой борьбы с нею, так, что ещё в конце XVII и в начале XVIII века оставались здесь целые приходы православные и таких приходов было немало»; «в большей части местных приходов, по переходе священников и передаче церквей в унию, весьма много лиц долго ещё, из рода в род, оставались в православии» [11: 286–287].

В Помяннике есть сведения не только о непризнании унии, но и выступлениях против неё. Один из таких эпизодов описан в коротком «Летописце пресвитеров церкви святого Рождества Приснодевы Марии» в Беле. В коротком рассказе очевидца местного священника Мануила Селецкого (1617–1657) описано, как в 1648 г. запорожские казаки, посполу (простонародье) и татары разграбили католический костёл. И далее: «Кого знашли мучили, били, канчуками секли, пытаючи грошей, серебра, шат дорогих, сукень, стрельбы, брони и иных речий и добр. Каждый мусил дати, мусил новидети. Русина мучивши, бывши зранивши, вобравши водным учинил. Ляха некоторого посекуси приправили до смерти. Забито на тот час всех посполу невест и мужей человека до пятнадцаты». В то же время «Церкви Божой жадного ущорбку не чинили». Самого о. Мануила «звезавши стрычками кололи, плазом били, мордовали, голову и бороду вырвали» и ограбили [11: 287–289].

Позже, в 1657 г., казаки «напали до места Белой, и людей *посторонних было много* и самого князя. Его милость Михаила Радивиля в замку застали, кони, карыты, все побрали и людем убогим шкоды почынили по дорогам доганяючи били, секли, в тыждень потом пришли з шведами, з венграми, з муляны (молдоване) и под Берестем пошли, Берестя доставши до Варшавы, и мало не всю польскую землю звоевавши назад её вернули, церкви, костелы подрали, полупили и попалили» [11: 291].

Первое событие произошло после битвы Хмельницкого при Замостье (имеется в виду осада Замостья в конце октября – начале ноября 1648 г. – С.С.), второе – во время похода его в союзе с московскими войсками. Автор напоминает, что казацкое восстание – «восстание всего православного русского народа против панов и ксёндзов, месть за попрание ими народных прав, особенно за унию. Козаки и восставший с ними народ повсюду щадили и ограждали своё православное,

но разоряли и уничтожали все польско-латинское, причём в русских приходах чинили расправу только над перекинчиками-униатами». Поэтому «нужно полагать», что причина побоев и грабежа казаками и простым народом священников и некоторых жителей из Бела, в деревнях Витроже, Сворах, Терeble, Гнойне, Вистулине, Козерадах в том, что они были униатами, в т. ч. и о. Мануил [11: 291–292].

К важным источникам относится переписка Катерины (Катажины) Радзивилл (урождённой Собеской). Связавшись с униатским митрополитом Львом Заленским, она устроила при бельской церкви базилианский монастырь и разслала в октябре 1690 г. во все селения своего имени приказ. Этот документ свидетельствовал, что народ «не любил унии, что предпочитал оставаться без необходимейших таинств и богослужений, без всякой религии», «сами священники не знали своей новой религии до того, что их нужно было учить ей наряду с забитыми крестьянами, «победить упорство народа не могли ни время, ни какие бы то ни было влияния, поэтому для этого был учреждён базилианский монастырь с целью научать народ и духовенство унии» [11: 296–297]. В 1767 г. униатский митрополит Филипп Володкович издал грамоту, «которою он учреждает по всей Руси такую же миссию базилианскую, какую установила в своих имениях Катерина Радивиллова» [11: 301].

Даже в последние годы существования польского государства, пишет автор, на Подлясье были приняты «чрезвычайные меры к утверждению народа в унии». В 1785 г. владимирско-брестский униатский епископ Стефан Млоцкий учредил в своей епархии из учёных базилианских монахов особое миссионерское общество. Общество само выбирало места проведения своих миссий, во время которых «в продолжении нескольких недель миссионеры поучали собравшийся народ и духовенство, исповедовали и приобщали их; тут же они разведывали о врагах веры и чинили над ними расправу». Из 15 таких миссий, проводимых в 1785–1790 гг., семь пришлось на Подлясье [11: 302–303].

В своей работе «Забужная Русь» (1885) Е.М. Крыжановский исследовал вопрос о происхождении униатского населения Люблинской и Седлецкой губерний. Автор, напоминая о ведущейся полемике между польской и русской сторонами, касавшейся только религиозной сферы, решил ответить на основной вопрос: «Существует ли Русское Забужье?», кто были первыми поселенцами в крае, к какому «политическому организму» принадлежали они [12: 304]. Приводит вкратце мнения варшавской прессы, отрицавшей это: «...одна из газет предлагала премию тому, кто откроет Русское Забужье» [12: 305]. В свою очередь, «в отношении б. Польши русские историки всегда от-

ставали от русской политики», признавая начиная с Н.М. Карамзина «линию Буга границей первоначального польского государства со стороны Руси» [12: 306].

Е.М. Крыжановский пишет, что небольшая речка Влодава разделяла Забужье на две половины; Холмщину (Люблинская губерния) и Подлясье (Седлецкая губерния). «Первая всегда тянула к червенским берегам, вторая к Бресту и Владимиру-Волынскому». В XIV в. Холмщина была присоединена к Польше, Подлясье – к Литве [12: 311–312].

Автор, в частности, разбирает летописные свидетельства, в т. ч. и о походе князя Владимира в 981 г.: «Иде Володимиръ к Лѣхомъ и зае грады ихъ Перемышль, Червень и ины города, иже суть и до сего дне подъ Русью» [12: 312], что якобы свидетельствовало о польском населении края. Заслуга Е.М. Крыжановского, по словам И.П. Филевича, «заключалась в том, что в своём исследовании «Забужная Русь» он поставил известие летописи в связь со всем имеющимся в науке материалом. Событие 981 г. предстало таким образом в своей действительной исторической и этнографической обстановке, и русский характер спорной территории оказался не подлежащим никакому сомнению. Дальнейшая научная разработка вполне подтвердила этот основной взгляд исследования Крыжановского». Мнение Е.М. Крыжановского, что летописец перенёс политическую обстановку борьбы Ярослава с «ляхами» за «Червенские города» на эпоху Владимира Святого, потом повторил М.С. Грушевский в «Истории Украины-Руси» [24: XLV–XLVI].

В небольшой статье «Православная дружина в Лесне» Е.М. Крыжановский рассказал о жизни населения деревушки Лесна бельского уезда Седлецкой губернии, в которой хранилась чудотворная икона Божьей матери, именуемой Лесненской, воссоединённого с православием в 1875 г., как и всё униатское население губернии. Первоначально икона находилась в православной тогда церкви соседнего с. Буковичи. Она была изъята католиками и помещена в костёле паулинов в Лесне (с 1875 г. православная церковь) [13: 405, 408–409]. Автор присутствовал на церковном торжестве в праздник св. Троицы 16 мая 1882 г. в селе Лесне и произнёс во время торжественного обеда речь, где поднял вопрос: почему многие русские люди в этом крае так упорно отдаляются от православия? [23: XXXI].

Упомянув в статье о ходивших небылицах при принятии православия в крае и упорстве местного населения в унию, автор замечает, что «в среде подлясского населения происходит благодатная перемена, которая с каждым годом даёт себя чувствовать все сильнее» [13: 405]. При Лесненской церкви была учреждена в 1885 г. женская община и «благодаря трудам сестёр общины, население увидело здесь хри-

стианскую заботу о нём». Автор пишет, что «лучшим мерилом возрастающего народного расположения к православию служит число богомольцев у св. иконы Лесненской в дни, искони посвящённые ей, каковы день Святая Троицы и Воздвижения Честного Креста». Он отметил, что «после 1875 года, в эти дни стало пусто здесь; стали появляться единицы, сотни, даже свыше тысячи, а со времени учреждения общины число это столь быстро растёт, что поражает наблюдателя» [13: 406]. Его удивила их набожность [13: 407]. Подобная ситуация произошла и в соседних Буковичах. Они тоже «прежде были “упорствующими”» [13: 408].

Во время службы в Варшаве Е.М. Крыжановский также написал несколько работ по истории образования Привислянского края: «Русские школы и обучение русскому языку в Привислянском крае до издания указов 30 августа 1864 г.» (1875), «Учебные заведения в русских областях Польши в период её разделов» (1882), «Материалы для истории народного образования» (1882).

В статье «Русские школы и обучение русскому языку в Привислянском крае до издания указов 30 августа 1864 года» (см. «Указы об общественном образовании в Царстве Польском». СПб., 1864) автор напоминает, что прошло всего десять лет со дня издания указов, «положивших прочные основы воспитанию и образованию в Царстве Польском». В январе 1864 г. была открыта первая русская гимназия в Царстве Польском, ставшая 1-й Варшавской гимназией [16: 196].

За эти десять лет «русские учебные заведения, средние и низшие, считаются в Привислянском крае сотнями, русский язык служит органом преподавания и обучения во всех высших, средних и низших учебных заведениях» [16: 196]. Автор проанализировал причины, из-за которых предпринимаемые ранее попытки организации русских учебных заведений, усилия по обучению русскому языку в польских училищах «остались бесплодными и не привели к желанным целям» [16: 196–197].

Е.М. Крыжановский отметил, что до 1864 г. «школа по-прежнему продолжала содержаться преимущественно на частные средства». Согласно Указу от 30 августа 1864 г. о новом устройстве учебных заведений, русская варшавская школа была преобразована в русскую мужскую гимназию и женскую прогимназию и всё содержание осуществлялось за счёт казны [16: 316].

В статье «Учебные заведения в русских областях Польши в период её разделов» автор напоминает, что «история польского общественного образования разделяется на два периода первым разделом Польши». До 1773 г. (Первый раздел Речи Посполитой произошёл в 1772 г. – С.С.) «католическая церковь успела соединить в своих руках

все нити его, наложить на него печать свою; с этого же года оно строго подчиняется государству, становится гражданским, национальным». Русской публике более известен первый период истории просвещения в Польше [14: 6]. О втором периоде в русской литературе нет почти никаких сведений [14: 11]. Автор знакомит читателей «с состоянием учебных заведений в северо- и юго-западном крае в период разделов Польши по рапортам визитаторов их, нигде ещё не напечатанным», даёт «сведения об учебной организации в Польше того времени» [14: 12].

Комиссия просвещения разделила всю Польшу на десять учебных округов (*wydziałów*). Шесть коронных округов: великопольский в Познани, малопольский в Кракове, мазовецкий в Варшаве, волынский в Кременце, украинский в Виннице, пиарский³, охватывающий школы пиаристов, разбросанные по всей Польше. Прочие четыре назывались литовскими: литовский в Гродно, русский в Новогрудке, полесский в Брест-Литовске и жмудский в Крожах [14: 22]. Перечисляя предметы, которые преподавались в польской школе, исследователь подчеркнул, что этому курсу «предназначено было обновить молодые поколения Польши и возродить польское государство к новой жизни» [14: 45].

Однако, как отметил автор, «надежды польских реформаторов не исполнились: школа не спасла Речь Посполитую от полного разрушения. Поляки жалуются, что им не дали достроить начатое здание по уставам 1783 г. и по конституции 3-го мая: они выражают полную уверенность, что завершение этого здания поставило бы Польшу в ряду самых цветущих государств Европы» [14: 92].

Говоря о том, чтобы дала эта реформа двум основным народностям Польши, Е.М. Крыжановский напоминает изречение «известного организатора новой общественности в Галиции гр. Глуховского: “мазур + русин = поляк”». Он отмечает, что «в этом отношении польская дореформенная старина была снисходительнее и благоразумнее просветительной новизны» [14: 93].

В «Материалах для истории народного образования (Приложение к статье «Учебные заведения в русских областях Польши в период её разделов)» Е.М. Крыжановский знакомит «со школами, существовавшими в Южной Руси, т. е. на Украине, Подольи и Волыни, на пространстве от Холма до Винницы и Бара» [14: 97]. В качестве источника он использовал «Рапорт Пресветлой Комиссии Просвещения о генеральном осмотре в 1789 г. школ» («*Rapporta wizyt generalnych od roku 1782 do roku 1793*»), хранившийся в варшавском центральном архиве [15: 98].

В «Записке об униатском деле в Привислянском крае» автор пишет, что после ухода князя Черкасского инициатива «униатских

дел» была передана в Холм, где не было сильной духовной власти [17: 317–318]. Протест нескольких униатских священников против реформы холмского церковного управления «навлек на виновников его справедливую кару и не встретил в народе никакого сочувствия, почему авторы его поспешили дать подписки в повиновении администратору епархии и консистории. Повиновение, без сомнения, было только вынужденным, наружным» [17: 319]. Администратор Войницкий оказался «слабым и недалёковидным». Его симпатии к Галиции привели к тому, что приехавшие по приглашению правительства галичане стали членами консистории, что «ещё более ослабило в глазах местного духовенства и всего населения значение холмской духовной власти, не получившей канонического утверждения» [17: 320].

Впоследствии из Галиции стали приезжать в Холм «священники по собственному желанию, со срочными паспортами от австрийского правительства, без отпустительных грамот, а иные и без дозволения своего епископа». Епархиальное управление, несмотря на это, «не требуя от них даже предварительно присяги на русское подданство, назначало их на приходы в Холмской епархии, выбирая при этом для них лучшие приходы и более влиятельные места. Эти назначения произвели сильное впечатление в духовенстве и в народе. Каждого такого священника прихожане встречали ропотом» [17: 321].

Кроме того, холмская консистория решила «коснуться самых жизненных сторон церковно-народного быта и радикально изменить постановку греко-униатского вопроса». Вся приезжавшие из Галиции духовные лица и миряне были «обрядовцы», т. е. стояли за чистоту церковного обряда [17: 322]. Однако «единый чин богослужения никогда не был установлен для всей восточной Церкви» [17: 323]. В то же время «галицкие обрядовцы, получившие высшее образование в австрийских университетах, в которые не проникало ни одно православно-богословское сочинение, не имели никакой возможности высвободиться из цепей католического догмата» [17: 329]. Они считали, что «очищение обряда» «при удалении неблагонадёжных священников» приведёт к решению униатского вопроса: «...народ, увидев в церквах своих чистое славянское богослужение, слушая русскую проповедь, не слыша польской речи, скоро убедится в единстве своей веры с православной русскою Церковью» [17: 333–334].

11 марта 1867 г., спустя всего три месяца после удаления от дел Н.А. Милютина и кн. В.А. Черкасского, появилось окружное послание холмской духовной консистории «благочинным и всему духовенству», которое стало «программой дальнейшего направления и хода униатских дел» [17: 334]. Однако холмская консистория, предпри-

сывая священникам приступить к очищению обряда и «о точном отправлении богослужения по правилам и уставам восточной церкви» не указала «каким обрядовым редакциям следовать в совершении всех богослужений, чтобы соблюсти требуемую “чистоту и целость завещанного предками греко-униатского исповедания”» [17: 336].

Важен также был вопрос и о внутреннем устройстве храмов. Стараниями князя В.А. Черкасского из государственного казначейства было выделено 250 тыс. руб. серебром на постройку новых и ремонт старых униатских церквей. Работы начались вначале в Люблинской губернии. Их должны были закончить к 1 января 1868 г., а затем приступить к работам в Седлецкой губернии, закончив к 1 января 1870 г. Таким образом, в храмах Седлецкой губернии всё осталось по-старому: «не было и десяти церквей с иконостасами» [17: 337]. В Люблинской губернии органы при переделке церквей убирались, в Седлецкой они оставались в церквях и внезапное их молчание «легко могло воспламенить латинизованное чувство невежественной массы и вызвать её на беспорядок» [17: 338].

Впоследствии расследование дела об усмирении беспорядков в Седлецкой губернии разными комиссиями привело к выводу, что «виною неудачи была не программа и не вмешательство гражданской власти в церковные дела, но недостаточность авторитета для народа в подобном деле самой консистории» [17: 340].

Автор отметил, что основы «новой программы униатских дел» были «прямо противоположны основам учебных заведений». Программа рассматривала «религиозно-народный быт униатов, как на нарост на здоровом теле, который можно срезать одним взмахом искусной руки». Учебные заведения основаны были «на системе, глядевшей на народный быт, как на живую силу, выроставшую и крепшую в течение столетий, на обычай и обряд, как на предание, завет старины, как на совесть народную, а потому они должны были возлагать всю свою надежду на воспитание сознания и прояснение народного чувства» [17: 341–342]. Поборники новой программы были убеждены, что «церковь и школа могут идти в этом направлении самостоятельно, каждая своим путём». Действительность скоро показала «пагубное влияние этой раздельности Церкви и школы в отношении к греко-униатскому вопросу» [17: 342].

Из семьи дети приносили в школу недоверие и подозрительность ко всем требованиям учителей и воспитателей, в средних заведениях прекратился «прилив учеников униатского исповедания». В течение учебного 1867/68 г. их стало меньше, чем при открытии этих заведений. Не лучше стало положение в сельских школах. Кроме того,

«учителя подвергались угрозам и даже насилиям по самым пустым подозрениям». Настроениями народных масс завладела польская партия. Подозрения, начавшиеся с предметов обрядовых, в течение зимы 1867/1868 г. перешли на русский язык, в котором усматривали «важнейшую причину всех постигших униатов религиозных бедствий. Этой зимой «появилось немалое число секретных школ в дворах помещиков, на заводах, мельницах, кузницах и под., в которых униатские дети собираемы были, под предлогом заработка, для обучения польской грамоте и польским молитвам» [17: 342–343].

«Вместо Попеля, не рекомендованного Риму львовским митрополитом Спиридоном Литвиновичем», на холмскую кафедру, с согласия русского правительства, был избран «архипресвитер львовской митрополичьей кафедры, знаменитый преемник митрополита Григория Яхимовича в руководстве галицким народным возрождением Михаил Куземский». Назначение вызвало неоднозначную реакцию [17: 346]. Прибывшие ранее галичане «уже ковали против него ковы», в частности, распуская слухи о его папизме и что в Галиции сам Куземский непосредственно церковными делами не занимался [17: 347]. Прибыв в Холм, Куземский (22 июня 1868 г. был провозглашён епископом, в августе приступив к управлению Холмской епархией) «выразил глубокое внимание к народу, к душевному состоянию местного духовенства, загнанного, запуганного, устранённого от дел епархии и от влияния на народ, и в то же время собратьям своим дружески, но решительно дал почувствовать всю несообразность их действий в Холмской епархии» [17: 348].

Е.М. Крыжановский отметил, что Куземский действовал прямо и решительно, не допускал никаких колебаний и уступок, вместе с тем его образ действий был «легальный» (как сам он выражался), строго сообразный с действующим законоположением и уставами и не допускавший нарушения их и перемены иным путём, кроме того, которым они произошли». Характеризуя Куземского, автор напоминает, что тот прежде всего был русином «по типу, выросшему на австрийской конституционной почве, не похожему ни на наш малорусский, ни тем более на великорусский тип. Своих собратий, раньше его вышедших из Галиции, он называл вольницею, казаками, бежавшими от требований законности и порядка и мечтавшими о Холмской епархии, точно о церковном Запорожье. Он не стеснялся подчас приравнивать к той же вольнице и наше низшее чиновничество, не успевшее соблюсти в своих действиях требований долга и закона и часто беззаветно отдававшееся собственным инстинктам. Но в его побуждениях к законности дышала не внутренняя сила долга, правды, а внешняя форма обязательности, именно легальность, состоящая не в духе за-

кона, а в формуле его. Он не был ни “хохол” вообще, ни “червонорус”, не проникался народными началами так, как проникнуты ими напр. наши славянофилы, народолюбие его сполна заключалось в том, что он хотел видеть свой народ на высоте *легальности*, на одном уровне с другими самостоятельными, цивилизованными народностями. Он казался как бы закованным в народные галицийские обычаи, не мог наломать свой язык на общерусский и не делал даже попытки к тому. Многие видели в этом узкую сепаративную склонность и нелюбовь к великорусскому племени. Но это происходило единственно от того, что долгая широкая деятельность его происходила в среде своего народа и единственно для этого народа и закалилась в формах его быта. О великорусском, как и о малорусском племени он судил совершенно одинаково, всё с той же главной своей точки, и видел в нём, без сомнения вследствие своего малого знакомства с ним, склонность к необузданной вольнице, грубому произволу, “нелегальности”. Этим общим свойством его, а не мелким тщеславием и самолюбием, объясняется его нетерпеливость ко всякому вмешательству в дела, порученные ему, хотя бы то и со стороны высших властей, в которых он также видел дух вольницы, недостаток законности, легальности» [17: 348–349].

Хотя Куземский был папистом, однако, как считал автор, «Рим для него был образцом легальности в церковных порядках, за это он уважал его, напротив он, нимало не колеблясь, восстал бы против непогрешимого папы, если бы последний нарушил легальность в церкви». Поэтому он при таких убеждениях «не был врагом православной церкви, как некоторые думали о нём» [17: 350]. Куземский был униатом, он говорил: «я униат и уже умру униатом». Опять же, «уния была для него дорога тоже, как легальность, основанная на торжественных договорах и постановлениях собора, которой притом он два раза присягнул, как христианин, в таинстве крещения, и как епископ, при своём рукоположении» [17: 351].

Е.М. Крыжановский считал, что Куземский «не соответствовал видам правительства в отношении холмского населения. Он не мог вести это населения в направлении общерусском, оживить, развить и укрепить в нём общерусские начала, как главное и единственное условие народного возрождения». Однако он в это время был незаменим для Холмской епархии. Его задачей было «успокоить взволнованные умы, разрешить тревожные сомнения народа и духовенства, установить правильные отношения в униатских сферах, нарушаемые недавними событиями, положить вновь начало спокойному течению дел, в особенности восстановить доверие народа к духовной своей власти и к властям подлежащим» [17: 353].

25 октября 1868 г. Куземский «издал окружное послание к епархии, которым утвердил все распоряжения бывшей консистории и внушал строгое исполнение правительственных узаконений (о браках униатов с католиками, о неслужении униатских священников в костёлах, о переходе униатов в латинство и др.)» [17: 358]. Благодаря деятельности Куземского (беседы с депутатами от приходов, священниками, посещения и богослужения в церквях) изменилось настроение духовенства, народ в Подлясье и Холмщине успокоился [17: 359–361].

С приездом Куземского в Холм галицкие выходцы не только потеряли первенствующее значение в епархии, но и подверглись резкому порицанию со стороны его. В свою очередь, они стали распространять слухи, что программа Куземского направлена на обособление Холмской епархии от России, к возбуждению ненависти против русского народа и православия [17: 362]. Куземский же «обвинял своих галицких собратий в нерадении о своих обязанностях, в резкой проповеди православия на уроках в семинарии и гимназиях, в грубом нарушении уважаемых народом обычаев и в агитации лично против него» [17: 363].

Куземский потребовал, для выполнения требований легальности, у галицких выходцев отпустить грамоты. Кроме того, у многих были просрочены австрийские паспорта. Галичане обратились с жалобами и просьбами о заступничестве к гражданским властям. Всё закончилось принятием ими русского подданства. Выходцы из Галиции Куземскому это не простили и вступили с ним борьбу, сами же выступили гонимыми и преследуемыми «за русскую идею». В Галиции была издана брошюра о нём, содержащая «целый ряд бранных слов». Там же распространялись слухи, что он в Холме покровительствует врагам России, не любим русскими властями, преследует выходцев из Галиции за верность правительству и т. д. [17: 365–367]. В 1870 г. Куземскому было предложено приступить к очищению обряда. К этому он относился отрицательно. К примеру, он считал, что галицкие «обрядовцы» действуют на руку полякам. Куземский подал прошение об увольнении [17: 376].

Е.М. Крыжановский назвал этот эпизод «из истории последних дней Холмской униатской епархии» «эпизодом борьбы брошенного на произвол русского патриотического чувства с легальным и гордым вождём галицкой русской семьи», вторым актом «тяжёлой драмы, начавшейся вслед за изменою первоначального направления униатских дел, чтобы дать место третьему, ещё более тяжёлому акту» [17: 376].

Говоря о значении деятельности Куземского в Холмской епархии, исследователь отметил оживление при нём сельских школ, активное участие в них священников, увеличении числа учащихся [17: 377].

После отъезда Куземского в Галицию администратором Холмской епархии был назначен Попель. Его назначение тоже вызвало неоднозначную реакцию среди священников [17: 381]. Началось очищение состава священников, появились новые выходцы из Галиции⁴, которых назначали на лучшие приходы, местных же священников перемешали на худшие. В Холмской семинарии вновь появились молодые люди из Галиции, часто не имевшие паспортов [17: 382].

Началось приготовление циркуляров об очищении. Первый циркуляр с приложением «Табели священным временам в продолжении года» вводил в епархии «новое начало вместо епископской власти, именно – правительство, и сам прикрывается волею правительства». В нём говорилось, что «все вышеупомянутые праздники, посты и заупокойные дни праздновались издавна в Холмской епархии, а потому они и признаны правительством». Как циркуляр довели до духовенства, сразу «начались движения в народе». Галицкое духовенство первым на себе испытало его. «Побои, поджоги, разорение домов, насилия при богослужении и отобрание от священника церковных ключей, охрана церкви вооружённою толпою день и ночь были обыкновенными явлениями в взволнованных почти всё тех же тридцати трёх приходах Седлецкой губернии». Снова начались отъезды священников в Галицию, отправление на усмирения войск, разбирательства и суды над виновными в волнениях, ссылки, заключения в тюрьму, штрафы и т. д. Когда появлялись войска, в приходах наступало спокойствие, когда войска его покидали – снова волнения [17: 382–383].

Е.М. Крыжановский считал, что «общий грех в отношении к униатскому вопросу, общая вина в непонимании его, в безурядице отношений к нему со времени устранения от дел кн. Черкасского, безурядице, которая мешала правильной оценке как всего хода этих дел, так и местных явлений его, мешала распознать и действительные причины волнений на Подлясье, и относительное спокойствие в Холмщине – два околodka, долгое время бывшие в антагонизме между собою по иерархическим делам, имевшие свои исторические особенности, глубоко влиявшие на свойства населения обеих частей» [17: 382–383].

Жалобы и просьбы представителей униатов в правительственные инстанции не дали результата, Новый циркуляр администратора к епархии от 20 октября 1873, разъяснявший, что исправление обряда не приведёт к смене веры, не вызывал доверия. В ответ на него появилась энциклика папы Пия IX от 13 мая 1874 г., которая объявила администратора Холмской епархии «псевдоадминистратором, лишённым всякой церковной юрисдикции» и благословляла и одушевляла народ «противиться всеми силами требованиям этого “псевдо-администратора” об очищении обряда». Она была переведена на поль-

ский язык и на русинское наречие, на котором была распечатана в большом количестве. Также появилось много эмиссаров из Галиции, которые распространяли в народе эту энциклику с комментариями [17: 384–385].

Говоря об учебных заведениях, исследователь упомянул, что после применения в 1873 г. к гимназиям Царства Польского устава классических гимназий, в связи «с изъятием гимназий из ведомства начальников учебных дирекций, единство направления в бывших униатских учебных заведениях прекратилось». Гимназии «совершенно отрешились от нужд и потребностей местного населения, игнорировали детей этого населения, направляли все предоставленные им первоначальным уставом льготы единственно к исполнению новой своей задачи». Часто, как отмечал автор, между директорами гимназий и начальниками учебных дирекций «существовал полный антагонизм по отношению к нуждам местного населения, и гимназия часто намеренно устраняла униатских детей как недостаточно подготовленных» [17: 385].

Из-за «скудной программы сельских школ, утверждённой министерством народного просвещения и ограничивающейся умением читать, писать и считать по четырём действиям арифметики» упал уровень сельских школ. Бывшие греко-униатские гимназии и бывшая русская гимназия в Варшаве были уравнены по штатам со всеми гимназиями Царства Польского. Поэтому «служба в гимназиях Варшавского учебного округа для русских учителей перестала быть выгодною и приглашение надёжных учителей из империи стало затруднительным». В результате сократилось количество кандидатов на учительские должности и нередко учителями в бывших греко-униатских гимназиях назначались поляки, «польскими руками воспитывать в тревожной местности русских униатских детей» [17: 386–387].

Работы Е.М. Крыжановского по истории униии на Подлясье, решения униатского вопроса в Холмской епархии, учебных заведений в Привислянском крае, развития системы образования в Подлясье, анализу допущенных в религиозной и образовательной сферах ошибок, написанные с использованием малоизвестных источников, личных наблюдений, воспоминаний участников событий, несомненно, сыграли роль в информированности российского общества о холмском вопросе, а впоследствии – в принятии решения о выделении Холмской губернии.

Высоко оценивая «холмское наследие» Е.М. Крыжановского, И.П. Филевич писал, что «в литературе Холмского вопроса его труды занимают бесспорно одно из самых почётных мест. Чуждые страстности, они охватывают сложное холмское дело со всех сторон и дают

возможность вникнуть в него с спокойной и серьёзной вдумчивостью» [24: XLVI].

Сегодня тех Подлясья и Холмщины, описываемых Е.М. Крыжановским, после Первой мировой войны, проведения властями Второй Речи Посполитой разрушения православных храмов в первые годы её существования и полонизационно-ревиндикационной акции в 1938 г., увы, уже нет.

Благодаря работам Е.М. Крыжановского, И.П. Филевича и др., современным исследователям доступны сведения о важных периодах истории региона, изложенные очевидцами и участниками этих событий, с использованием труднодоступных источников.

Примечания

1. В 1847 г. в Риме был заключён конкордат между Российской империей и Римско-католической церковью, в нём говорилось о польских епархиях и положении Могилёвской архиепископии, папа признавался главой российских католиков. Вмешательство католического духовенства в польское восстание привело к тому, что дипломатические отношения между Россией и Римом были прерваны, а 25 ноября (7 декабря) 1866 г. был обнародован указ, отменяющий действие конкордата.

2. По представлению князя, наместник Царства Польского в постановлении от 28 ноября 1864 г. из-за малого количества монашествующих (по решению Тридентского собора должно быть не менее 8) закрыл четыре из пяти греко-униатских монастырей: Холме, Люблине, Беле, Замостье, переведя братию в Варшавский монастырь (подробнее см.: [10: 114–115]).

3. Пиаристы (Орден бедных регулярных клириков благочестивых школ во имя Божией Матери) – католический монашеский орден, занимавшийся обучением и воспитанием детей и молодёжи. Основан в 1617 г. Основная цель – обеспечить бесплатное образование для бедных детей.

4. Иван Порфирьевич Филевич (1856–1913), уроженец Холмщины, сын униатского священника, прибывшего из Галиции, сохранившего после воссоединения холмских униатов униатскую веру, но крестивший сына в православии, тоже негативно отзывался о роли прибывших в Холмскую епархию галицких священников [25: 83, 85–86, 88–89].

ЛИТЕРАТУРА

1. Биографический словарь. Высшие чины Российской империи (22.10.1721 – они [12: 304]. 2.03.1917): в 4 т. Т. II: Д–Л / сост. Е.Л. Потёмкин. М.: Б.и., 2019. 627 с.

2. Воспоминания: из бумаг С.Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи / подгот. текста, вступ. ст., коммент.: А.В. Лихоманов. СПб.: РНБ, 2009. 228 с.: ил.

3. *Карпачев М.Д.* Сергей Ефимович Крыжановский – политический деятель и публицист начала XX века // Вестник Воронежского университета. Сер. История. Политология. Социология. 2013. № 2. С. 52–59.

4. *Крыжановский Е.М.* Собрание сочинений Е.М. Крыжановского [С крат. биогр. очерком]: в 3 т. Т. 1: Очерки и исследования по русской церковной истории; Бытовые очерки. Киев: Тип. С.В. Кульженко, 1890. L, 652, [2] с., 1 л. портр.

5. *Крыжановский Е.М.* Собрание сочинений Е.М. Крыжановского [С крат. биогр. очерком]: в 3 т. Т. 2: Записки по современным церковным вопросам. Киев: Тип. С.В. Кульженко, 1890. 981, [3] с.

6. *Крыжановский Е.М.* Собрание сочинений Е.М. Крыжановского [С крат. биогр. очерком]: в 3 т. Т. 3: Статьи педагогического и ученого содержания. Киев: Тип. С.В. Кульженко, 1890. 784, XL, [2] с.

7. *Крыжановский Е.М.* Украинская деревня второй четверти нынешнего столетия (по воспоминаниям детства) // Крыжановский Е.М. Собрание сочинений Е.М. Крыжановского [С крат. биогр. очерком]: в 3 т. Т. 1: Очерки и исследования по русской церковной истории; Бытовые очерки. Киев: Тип. С.В. Кульженко, 1890. С. 488–553.

8. *Крыжановский Е.М.* Письма из Подлясья // Крыжановский Е.М. Собрание сочинений Е.М. Крыжановского [С крат. биогр. очерком]: в 3 т. Т. 1: Очерки и исследования по русской церковной истории; Бытовые очерки. Киев: Тип. С.В. Кульженко, 1890. С. 589–652.

9. *Крыжановский Е.М.* Волнения униатов на Подлясье // Крыжановский Е.М. Собрание сочинений Е.М. Крыжановского [С крат. биогр. очерком]: в 3 т. Т. 2: Записки по современным церковным вопросам. Киев: Тип. С.В. Кульженко, 1890. С. 5–62.

10. *Крыжановский Е.М.* Князь В.А. Черкасский и холмские греко-униаты // Крыжановский Е.М. Собрание сочинений Е.М. Крыжановского [С крат. биогр. очерком]: в 3 т. Т. 2: Записки по современным церковным вопросам. Киев: Тип. С.В. Кульженко, 1890. С. 63–280.

11. *Крыжановский Е.М.* Несколько документов, относящихся к переходному состоянию Подлясья после собора 1595 года // Крыжановский Е.М. Собрание сочинений Е.М. Крыжановского [С крат. биогр. очерком]: в 3 т. Т. 2: Записки по современным церковным вопросам. Киев: Тип. С.В. Кульженко, 1890. С. 281–303.

12. *Крыжановский Е.М.* Забужная Русь // Крыжановский Е.М. Собрание сочинений Е.М. Крыжановского [С крат. биогр. очерком]: в 3 т. Т. 2: Записки

по современным церковным вопросам. Киев: Тип. С.В. Кульженко, 1890. С. 304–404.

13. *Крыжановский Е.М.* Православная дружина в Лесне // Крыжановский Е.М. Собрание сочинений Е.М. Крыжановского [С крат. биогр. очерком]: в 3 т. Т. 2: Записки по современным церковным вопросам. Киев: Тип. С.В. Кульженко, 1890. С. 405–409.

14. *Крыжановский Е.М.* Учебные заведения в русских областях Польши в период её разделов // Крыжановский Е.М. Собрание сочинений Е.М. Крыжановского [С крат. биогр. очерком]: в 3 т. Т. 3: Статьи педагогического и учёного содержания. Киев: Тип. С.В. Кульженко, 1890. С. 5–97.

15. *Крыжановский Е.М.* Материалы для истории народного образования (Приложение к статье «Учебные заведения в русских областях Польши в период её разделов») // Крыжановский Е.М. Собрание сочинений Е.М. Крыжановского [С крат. биогр. очерком]: в 3 т. Т. 3: Статьи педагогического и учёного содержания. Киев: Тип. С.В. Кульженко, 1890. С. 98–195.

16. *Крыжановский Е.М.* Русские школы и обучение русскому языку в Привислянском крае до издания указов 30 августа 1864 года // Крыжановский Е.М. Собрание сочинений Е.М. Крыжановского [С крат. биогр. очерком]: в 3 т. Т. 3: Статьи педагогического и учёного содержания. Киев: Тип. С.В. Кульженко, 1890. С. 196–316.

17. *Крыжановский Е.М.* Записка об униатском деле в Привислянском крае // Крыжановский Е.М. Собрание сочинений Е.М. Крыжановского [С крат. биогр. очерком]: в 3 т. Т. 3: Статьи педагогического и учёного содержания. Киев: Тип. С.В. Кульженко, 1890. С. 317–395.

18. *Крыжановский Е.М.* Русское Забужье (Холмщина и Подляшье): сб. ст. Е.М. Крыжановского, с предисл. [«К холмскому вопросу»] И.П. Филевича. СПб.: Тип. «Мирный труд», 1911. XLVI, 438 с.

19. Крыжановский, Евфимий Михайлович // ЭСБЕ. Т. XVI^А. Коялович – Кулон. СПб.: Типо-литография И.А. Ефрона, 1895. С. 862.

20. Крыжановский, Евфимий Михайлович // Русский биографический словарь / изд. под наблюдением пред. Импер. Рус. ист. о-ва А.А. Половцова. Т. 9: Кнаппе–Кюхельбекер. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1903. С. 466–467.

21. *Лихоманов А.В.* С.Е. Крыжановский и его воспоминания // Воспоминания: из бумаг С.Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи / подгот. текста, вступ. ст., коммент.: А.В. Лихоманов. СПб.: РНБ, 2009. С. 4–45.

22. *Петрушевич А.С.* Холмская епархия и святители её по 1866 год. Львов: Издательство Института Стравопигийского, 1867. [2], 249 с.

23. Предисловие // Крыжановский Е.М. Собрание сочинений Е.М. Крыжановского [С крат. биогр. очерком]: в 3 т. Т. 1: Очерки и исследования по русской церковной истории; Бытовые очерки. Киев: Тип. С.В. Кульженко, 1890. С. III–XLIX.

24. *Филевич И.П.* Предисловие к холмскому вопросу // Крыжановский Е.М. Русское Забужье (Холмщина и Подляшье): сб. ст. Е.М. Крыжановского, с

предисл. [«К холмскому вопросу»] И.П. Филевича. СПб.: Тип. «Мирный труд», 1911. С. V– XLVI.

25. Суляк С.Г. И.П. Филевич и Карпатская Русь. Часть 2. Карпатская Русь в научном наследии учёного // Русин. 2021. № 63. С. 81–137. DOI: 10.17223/18572685/63/6

26. Шемякин В. Е.М. Крыжановский. † 26 июля 1888 г. // Церковные ведомости. 1888. № 35. С. 968–970.

27. Шиманский Е. О. Григорий Крыжановский (некролог) // Церковные ведомости. 1888. № 47. С. 1326–1327.

REFERENCES

1. Potemkin, E.L. (2019) *Biograficheskiy slovar'. Vysshie chiny Rossiyskoy imperii (22.10.1721 – oni [12: 304]. 2.03.1917): v 4 t.* [A Biographical Dictionary. The Highest Ranks of the Russian Empire (October 22, 1721 – [12: 304]. March 2, 1917): in 4 vols]. Vol. 2. Moscow: [s.n.].

2. Likhomanov, A.V. (ed.) (2009) *Vospominaniya: iz bumag S.E. Kryzhanovskogo, poslednego gosudarstvennogo sekretarya Rossiyskoy imperii* [Memories: From the papers of S.E. Kryzhanovsky, the last state secretary of the Russian Empire]. St. Petersburg: Russian National Library.

3. Karpachev, M.D. (2013) Sergey Efimovich Kryzhanovskiy – politicheskiy deyatel' i publitsist nachala XX veka [Sergei Efimovich Kryzhanovsky – a politician and publicist of the early twentieth century]. *Vestik Voronezhskogo universiteta. Ser. Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya.* 2. pp. 52–59.

4. Kryzhanovskiy, E.M. (1890a) *Sobranie sochineniy: v 3 t.* [Collected works: in 3 vols]. Vol. 1. Kiev: S.V. Kulzhenko.

5. Kryzhanovskiy, E.M. (1890b) *Sobranie sochineniy: v 3 t.* [Collected works: in 3 vols]. Vol. 2. Kiev: S.V. Kulzhenko.

6. Kryzhanovskiy, E.M. (1890c) *Sobranie sochineniy: v 3 t.* [Collected works: in 3 vols]. Vol. 3. Kiev: S.V. Kulzhenko..

7. Kryzhanovskiy, E.M. (1890d) *Sobranie sochineniy: v 3 t.* [Collected works: in 3 vols]. Vol. 1. Kiev: S.V. Kulzhenko. pp. 488–553.

8. Kryzhanovskiy, E.M. (1890e) *Sobranie sochineniy: v 3 t.* [Collected works: in 3 vols]. Vol. 1. Kiev: S.V. Kulzhenko. pp. 589–652.

9. Kryzhanovskiy, E.M. (1890f) *Sobranie sochineniy: v 3 t.* [Collected works: in 3 vols]. Vol. 2. Kiev: S.V. Kulzhenko. pp. 5–62.

10. Kryzhanovskiy, E.M. (1890g) *Sobranie sochineniy: v 3 t.* [Collected works: in 3 vols]. Vol. 2. Kiev: S.V. Kulzhenko. pp. 63–280.

11. Kryzhanovskiy, E.M. (1890h) *Sobranie sochineniy: v 3 t.* [Collected works: in 3 vols]. Vol. 2. Kiev: S.V. Kulzhenko. pp. 281–303.

12. Kryzhanovskiy, E.M. (1890i) *Sobranie sochineniy: v 3 t.* [Collected works: in 3 vols]. Vol. 2. Kiev: S.V. Kulzhenko. pp. 304–404.

13. Kryzhanovskiy, E.M. (1890j) *Sobranie sochineniy: v 3 t.* [Collected works: in 3 vols]. Vol. 2. Kiev: S.V. Kulzhenko. pp. 405–409.

14. Kryzhanovskiy, E.M. (1890k) *Sobranie sochineniy: v 3 t.* [Collected works: in 3 vols]. Vol. 3. Kiev: S.V. Kulzhenko. pp. 5–97.
15. Kryzhanovskiy, E.M. (1890l) *Sobranie sochineniy: v 3 t.* [Collected works: in 3 vols]. Vol. 3. Kiev: S.V. Kulzhenko. pp. 98–195.
16. Kryzhanovskiy, E.M. (1890m) *Sobranie sochineniy: v 3 t.* [Collected works: in 3 vols]. Vol. 3. Kiev: S.V. Kulzhenko. pp. 196–316.
17. Kryzhanovskiy, E.M. (1890n) *Sobranie sochineniy: v 3 t.* [Collected works: in 3 vols]. Vol. 3. Kiev: S.V. Kulzhenko. pp. 317–395.
18. Kryzhanovskiy, E.M. (1911) *Russkoe Zabuzh'e (Kholmshchina i Podlyash'e)* [Russian Zabuzhie (Chelm Land and Podlyasie)]. St. Petersburg: Mirnyy trud.
19. The Brockhaus and Efron Encyclopaedic Dictionary. (1895) *Kryzhanovskiy, Evfimiy Mikhaylovich.* Vol. XVIIА. St. Petersburg: I.A. Efron. p. 862.
20. Anon. (1903) Kryzhanovskiy, Evfimiy Mikhaylovich. In: Polovtsov, A.A. (ed.) *Russkiy biograficheskiy slovar'* [Russian Biographical Dictionary]. Vol. 9. St. Petersburg: Tipografiya Glavnogo upravleniya udelov. pp. 466–467.
21. Likhomanov, A.V. (2009) S.E. Kryzhanovskiy i ego vospominaniya [S.E. Kryzhanovsky and his memoirs]. In: Likhomanov, A.V. (ed.) *Vospominaniya: iz bumag S.E. Kryzhanovskogo, poslednego gosudarstvennogo sekretarya Rossiyskoy imperii* [Memories: From the papers of S.E. Kryzhanovsky, the last state secretary of the Russian Empire]. St. Petersburg: Russian National Library. pp. 4–45.
22. Petrushevich, A.S. (1867) *Kholmetskaya eparkhiya i svyatiteli ee po 1866 god* [The Chelm diocese and its saints until 1866]. Lvov: Iz pechatni Instituta Stavropigiyskogo.
23. Kryzhanovskiy, E.M. (1890o) *Sobranie sochineniy: v 3 t.* [Collected works: in 3 vols]. Vol. 1. Kiev: S.V. Kulzhenko. pp. III–XLIX.
24. Filevich, I.P. (1911) Predislovie k kholmскому вопросу [Preface to the Chelm question]. In: *Russkoe Zabuzh'e (Kholmshchina i Podlyash'e)* [Russian Zabuzhie (Chelm Land and Podlyasie)]. St. Petersburg: Mirnyy trud. pp. V– XLVI.
25. Sulyak, S.G. (2021) I.P. Filevich and Carpathian Rus. Part 2. Carpathian Rus in I.P. Filevich's scholarly heritage. *Rusin.* 63. pp. 81–137 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/63/6
26. Shemyakin, V. (1888) E.M. Kryzhanovskiy. † 26 iyulya 1888 g. [E.M. Kryzhanovsky. † July 26, 1888]. *Tserkovnye vedomosti.* 35. pp. 968–970.
27. Shimanskiy, E.O. (1888) Grigoriy Kryzhanovskiy (nekrolog) [Grigory Kryzhanovsky (obituary)]. *Tserkovnye vedomosti.* 47. pp. 1326–1327.

Суляк Сергей Георгиевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории народов стран СНГ Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Sergey G. Sulyak – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: s.sulyak@spbu.ru

УДК 39(477.87)(437.6)(438)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/70/8

Публіцистика Юліана Тарновича на сторінках часопису «Наш лемко»

В.В. Тельвак¹, В.П. Тельвак², В.М. Наконечний³

^{1,2} Дрогобицький державний педагогічний університет ім. І. Франка
Україна, 82100, м. Дрогобич, вул. І. Франка, 24
E-mail: telvak1@yahoo.com

³ Київський національний університет культури і мистецтв
Україна, 01601, м. Київ, вул. Є. Коновальця, 36
E-mail: nakonechniy.ua@gmail.com

Авторське резюме

В статті досліджено публіцистичні дописи Ю. Тарновича на сторінках редакційної газети «Наш лемко» (Львів, 1934–1939). Доведено, що Ю. Тарнович першочергово зосередився на найбільш чутливому для лемків економічному вимірі їхнього життя. Діагностуючи причини господарських негараздів українського населення Бескидів, редактор «Нашого лемка» запропонував продуману програму економічного перетворення гірських теренів. Зокрема, він наголошував на потребі активістського ставлення до життя, запровадження практик раціонального господарювання, плеканні солідаристських цінностей у русинському середовищі. З'ясовано, що на думку Ю. Тарновича, вирішення соціально-економічних проблем повинно поєднуватися з культурно-освітлюючою працею. Її осердям була перманентна боротьба з масовою неписьменністю – як серед дітей, так і в середовищі дорослих. Досліджено, що редактора «Нашого лемка» також непокоїло питання морально-етичного клімату лемківського села, актуалізоване впливами модернізаційних змін, що їх принесли Перша світова війна та повоєнне влаштування світу. Борючись із проникненням в лемківські оселі модних тоді комуністичної ідеології, сектантських вірувань та багатьох шкідливих звичок, Ю. Тарнович разом із тим популяризував нові соціальні практики. Особливо часто він звертався до модної тоді феміністичної проблематики, осмислюючи її в руслі традиційного для українців культу Матері. Підсумовано, що пропаговані Ю. Тарновичем активізм і солідаризм виявилися затребуваними для лемків напередодні випробувань, що їх принесли Друга світова війна та пізніше масове вигнання з рідних земель.

Ключові слова: Ю. Тарнович, публіцистика, «Наш лемко», культурно-освітня тематика, соціально-економічні проблеми

Публицистика Юлиана Тарновича на страницах газеты «Наш лемко»

В.В. Тельвак¹, В.П. Тельвак², В.М. Наконечный³

^{1,2} Дрогобычский государственный педагогический университет
им. И. Франко

Украина, 82100, г. Дрогобыч, ул. И. Франко, 24
E-mail: telvak1@yahoo.com

³ Киевский национальный университет культуры и искусств
Украина, 01601, г. Киев, ул. Коновальца, 36
E-mail: nakonechniy.ua@gmail.com

Авторское резюме

Изучена публицистика Ю. Тарновича на страницах редактируемой им газеты «Наш лемко» (Львов, 1934–1939). Доказано, что Ю. Тарнович в первую очередь сосредоточился на наиболее чувствительном для лемков экономическом измерении их жизни. Диагностируя причины хозяйственных проблем украинского населения Бескидов, редактор «Нашего лемка» предложил продуманную программу экономического преобразования горных территорий. В частности, он подчеркивал потребность активистского отношения к жизни, внедрения практик рационального хозяйствования, воспитания солидаристских ценностей в русинской среде. Выяснено, что, по мнению Ю. Тарновича, решение социально-экономических проблем должно сочетаться с культурно-просветительской работой. В ее фокусе была перманентная борьба с массовой безграмотностью как среди детей, так и среди взрослых. Установлено, что редактора «Нашего лемка» также беспокоил вопрос морально-нравственного климата лемковской деревни, актуализированный влияниями модернизационных изменений, которые принесли Первая мировая война и послевоенное устройство мира. Борясь с проникновением в лемковские дома модных тогда коммунистической идеологии, сектантских верований и многих вредных привычек, Ю. Тарнович вместе с тем популяризировал новые социальные практики. Особенно часто он обращался к модной феминистической проблематике, осмысливая ее в русле традиционного для украинцев культа Матери. Подытожено, что пропагандируемые Ю. Тарновичем активизм и солидаризм оказались востребованными для лемков на-

кануне испытаний, принесенных Второй мировой войной и последующим массовым изгнанием из родных земель.

Ключевые слова: Ю. Тарнович, публицистика, «Наш лемко», культурно-образовательная тематика, социально-экономические проблемы

Journalism of Yulian Tarnovich in the *Nash Lemko* newspaper

V.V. Telvak¹, V.P. Telvak², V.M. Nakonechnyj³

^{1,2}Ivan Franko Drohobych State Pedagogical University
24 Ivan Franko Street, Drohobych, Ukraine, 82100
E-mail: telvak1@yahoo.com

³Kyiv National University of Culture and Arts,
36 Konovalcia Street, Kyiv, Ukraine, 01601
E-mail: nakonechniy.ua@gmail.com

Author's summary

The article examines the work of Yulian Tarnovich in the *Nash Lemko* newspaper (Lviv, 1934–1939), where he was both a contributor and the editor. As the article shows, Tarnovich primarily focused on the most sensitive economic sides the Lemko life. Trying to find the cause of the economic troubles of the Beskids Ukrainian population, Tarnovich proposed a well-designed program for the economic transformation of the mountainous territories. In particular, he emphasized the need for an active attitude to life, the introduction of rational management, and the cultivation of solidarist values among the Rusins. According to Tarnovich, the socio-economic problems could be solved together with cultural and educational enlightenment, focused on the permanent fight against mass illiteracy both among children and adults. Tarnovich was also concerned with the moral and ethical climate of the Lemko village, affected by the modernization brought by WWI and the post-war structure of the world. Struggling against the penetration of then-fashionable communist ideology, sectarian beliefs and many bad habits into the Lemko houses, Tarnovich simultaneously popularized new social practices. He frequently addressed the popular feminist issues, interpreting them in lines with the cult of the Mother, traditional for Ukrainians. The article concludes that the activism and solidarity promoted by Tarnovich turned out to be in demand for the Lemkos on the eve of the trials brought by WWII and subsequent mass expulsion from their native lands.

Keywords: Yulian Tarnovich, journalism, *Nash Lemko*, cultural and educational topics, socio-economic problems.

В історії русинської інтелектуальної культури Юліан Тарнович (1903–1977) посідає особливе місце як один із найвидатніших у ХХ ст. «будителів» українського населення Beskidів. Саме з його ім'ям пов'язані такі успішні видавничі й інституційні проєкти, як газети «Наш лемко», «Лемківщина», «Лемківські вісті», «Українське Слово» та «Український робітник», а також Лемківська комісія при Товаристві «Просвіта». Їхньою метою була модернізація всіх сторін життя дещо запізнилої в своєму цивілізаційному поступі та національному самосвідомленні русинської спільноти. З огляду на це, про Ю. Тарновича доволі часто згадується у лемкознавчій літературі [20–22]. При цьому дослідники переважно пишуть про редакторські й організаційні здобутки русинського активіста [5], залишаючи на маргінесі багато інших аспектів його невомного громадського служіння. Серед них особливою впливовістю на сучасників вирізняється різножанрова публіцистика Ю. Тарновича, в якій нерідко вперше зважено діагностувалися актуальні для русинів виклики та пропонувалися дієві шляхи їхнього подолання. Привертаючи увагу колег до цієї практично недослідженої проблеми, нижче спробуємо узагальнити численні дописи громадського характеру визначного діяча на сторінках редагованого ним двотижневика «Наш лемко». Опрацьовуючи численні матеріали часопису, ми використали такі методуку та підходи, як-от систематичний, порівняльний і критичний аналіз джерельної бази, представленої великими текстовими масивами. Здійснити коректну інтерпретацію різножанрової газетної інформації уможливило застосування методуки контент-аналізу.

Спочатку коротко звернемося до основних подій інтелектуальної біографії Ю. Тарновича першої третини ХХ ст. Він народився у 1903 р. в селі Ростайному на Західній Лемківщині у родині парафіяльного священика Стефана Кот-Тарновича. У 1921 р. у Львові записується на Український таємний університет, де навчається до 1924 р. Перебуваючи у Львові, стає членом Української військової організації. Після закінчення юридичного факультету в 1928 р. повертається в Тарнавку, одружується з селянською дівчиною Анною Лазенгою, що стала йому не лише вірним другом, але й партнером у багатьох громадських проєктах. Від 1928 р. Ю. Тарнович почав дописувати до багатьох українських видань, що виходили у Другій Речі Посполитій, обговорюючи у публіцистичних нарисах, новелах і оповіданнях різні аспекти непростого життя русинів у польській державі. Протягом 1929–1932 р. Ю. Тарнович навчався у Торговельній академії у Львові,

а в 1933–1935 рр. – на філософському факультеті Львівського університету. В 1935 р. лемківський діяч стає співробітником нетитулованої української Академії наук Наукового товариства ім. Тараса Шевченка. За проукраїнські переконання і активну патріотичну діяльність на Лемківщині Ю. Тарновича постійно переслідувала поліція, а згодом він був ув'язнений і тривалий час просидів у Березі Картузькій.

Як відомо, часопис «Наш лемко» почав виходити у Львові в січні 1934 р. [10]. Від початків над його виданням працювали три лемківські інтелектуали: Петро Смереканич виконував обов'язки головного редактора, а Михайло Дудра і Юліан Тарнович були редакторами. Втім, невдовзі П. Смереканич виїхав на університетські студії до Західної Європи. М. Дудру ж за його активну проукраїнську діяльність за межі держави видалила польська адміністрація на тій формальній підставі, що він мав американське громадянство. Відтак на Ю. Тарновича спав увесь тягар редакційних обов'язків, що їх він сумлінно виконував аж до закриття часопису, спричиненого вибухом Другої світової війни. Саме русинський діяч надав редагованому ним виданню виразний український патріотичний характер, зробивши його своєрідною ідейною трибуною для опонування русофільському часопису «Лемко», що за підтримки польської влади видавався в Криниці.

Найбільшою проблемою для головного редактора виявилася нестача постійних дописувачів, котрі б із необхідним розумінням могли висвітлювати різні сторони буття русинів. В цих умовах Ю. Тарновичу доводилося значною мірою самотужки заповнювати газетні шпальти та формувати ідеологію видання. Зрозуміло, що він не міг це робити тільки під власним ім'ям, тож довелося використовувати численні варіанти криптонімів (Ю. Т., Т., (т), (ют), (-н-ч.), -вич та ін.) і різні псевдоніми. Таємницю останніх сам Ю. Тарнович пізніше розкрив у спогадах: «Щоб хоч приблизно заповнити важливіші прогалини праці, ідучи за принципами здорового лемківського мозку, редактор підписував усі важливіші політично-громадські статті в «Нашім Лемку» своїм справжнім прізвищем; літературно-просвітні підписував родовим прізвищем своєї Мами з роду Бескид, господарські прізвищем свого приятеля з молодих літ, який загинув на війні в часі Визвольних Змагань – Юрій Землян, і всячину прізвищем старенького господаря, який визначався наративним талантом і непересічною бистротою розуму – Осип Зубрид» [16: 12]. Власне, використовуючи цю підказку ми й відшуковували дописи головного редактора з маси інших публікацій. При цьому відзначимо, що чималий масив публіцистичних текстів в газеті був наведений взагалі без зазначення авторства, що дозволяє припустити їх приналежність, принаймні часткову, перу Ю. Тарновича. Втім, ця важлива проблема надалі залишається відкритою для лем-

кознавців, адже вимагає опрацювання архіву діяча, котрий в основній своїй масі відклався у музеї його імені в Торонто.

Поставивши перед собою завдання можливо швидкої модернізації всіх сторін життя своїх співвітчизників, Ю. Тарнович першочергово зосередився на найбільш чутливому для лемків економічному вимірі. Діагностуючи причини господарських негараздів українського населення Бескидів, редактор «Нашого лемка» запропонував добре продуману програму економічного перетворення гірських теренів. Насамперед, на його слушне переконання, слід було змінити ментальні стереотипи занурених у власний гірський мікрокосм русинів. Йшлося про їхню сформовану віками звичку нарікати на нібито фатальні гірські умови господарювання та пов'язану з цим інертність економічного мислення.

Реагуючи на цю проблему, Ю. Тарнович на сторінках часопису постійно популяризував досвід інших європейських народів (болгар, італійців, швейцарців і бельгійців), що мали подібні до лемків, а нерідко й більш суворі умови господарювання, але цілком прогоровували себе і чимало продавали на експорт [14: 4]. Наводячи приклади ефективного ведення сільської праці в інших регіонах, редактор «Нашого лемка» закликав співвітчизників бути ініціативними та кмітливими. Постійно акцентуючи потребу активістського ставлення до життя, зі шпальт часопису він проголосив гасло – «Не ридай, а добувай!». Першочергово це передбачало ознайомлення зі специфікою сільськогосподарського районування на Лемківщині для вирощування відповідних до типу ґрунтів і кліматичних умов продуктів. «Наша земля, – неодноразово наголошував Ю. Тарнович, – не дасть нам гинути, але мусимо знати, як її використати» [19: 7].

Головну причину згаданої інерційності економічного мислення русинів редактор «Нашого лемка» цілком слушно вбачав у їхній тотальній неосвіченості [25: 5]. З огляду на це, у редагованому часописі він запровадив рубрику «Господарська сторінка», в якій майже у кожному числі здебільшого сам містив як конкретні господарські вказівки, так і поради ширшого світоглядно-організаційного плану. Для нас особливу цікавість мають останні зі згаданих дописів. В них головний редактор, насамперед, вказував на гостру потребу подолання масової неписьменності на Лемківщині, що була чи не найвищою серед інших європейських регіонів. Для цього Ю. Тарнович закликав закладати школи для дітей, згодом відправляти їх до ремісничих училищ, а також навчати дорослих методом самоосвіти від односельця до односельця. Таким чином, твердив Ю. Тарнович, у кожному селі постане громада освічених господарів, що разом вивчатимуть сільськогосподарську літературу, солідарно підіймаючи рентабельність власних

господарств. Відтак вони мають створити в своєму селі осередок товариства «Сільський господар», яке безоплатно надаватиме потрібну літературу та допоможе з придбанням необхідного реманенту [3: 5]. У підсумку, наголосив редактор, «село повинно витворити свій варстат праці, засновати своєрідну, домашню торгівлю земними та господарськими плодами, <...> гірко стулений, запрацьований гріш ужити на рідні ціли!» [24: 5].

Ще однією підставою економічної модернізації лемківського села, на переконання Ю. Тарновича, є плекання солідаристських цінностей у русинському середовищі і пов'язане з цим закладання кооперативів. Редактор постійно наголошував, що «зі села треба виперти страшну недугу: байдужість і розбиття» [18: 2]. Наполегливо радячи землякам «заводити розумову господарку», він пояснював, що в її основі лежить не тільки вміле вирощування продуктів, але і їхній логістично продуманий збут [17: 2]. Йшлося про те, що традиційно лемки віддавали плоди своєї мозольної праці на місці фактично за безцінь різним перекупникам, тим самим ледве повертаючи вкладені ресурси. Натомість закладання кооперативів, пояснював на сторінках «Нашого лемка» редактор, дозволить виробникам самим дійти до кінцевого споживача, отримавши максимальний прибуток. «Спільною працею доходиться до кращого висліду, – наголошував своєму читачеві Ю. Тарнович. – Вона дає нові джерела доходів, творить варстати заробітку малоземельним, а то й безземельним, які кидають собою на всі боки, щоби дещо заробити та приодіти себе. <...> Тільки кооперативно, спільною лавою зможемо прогнати з наших хат марево голоду та побороти безробіття» [2: 7].

Масове розгортання кооперативного руху в русинських селах, переконаний редактор «Нашого лемка», уможливить вирішити за давнину цивілізаційну проблему культурного конфлікту українського села з чужомовним польсько-єврейським містом [9: 2–3]. Він твердив, що надлишкові кошти від раціонального ведення господарства та продуманого збуту власних товарів найбільш вигідно інвестувати в розбудову української торгівельної мережі у містах, котрі у давні часи мали русинське обличчя, але потім були здоміновані іншоетничними колонізаторами. Пропонуючи програму поступової культурної й економічної деокупації лемківських містечок, Ю. Тарнович писав: «Звідси виринає конечна потреба творити в містах нові варстати праці, перти до міст, закоріюватися. Закладати перш за все наші українські крами, базарі, склепи та торгівлі. Тут буде український селянин збувати та набувати все, що родить земля, що годує, плекає господар та це все, що він мусить для себе купити. Мотором нового життя повинен стати клич «український гріш – в українські руки», тоді добудемо ці нові станції» [7: 2].

Згадані заходи, спрямовані на економічне посилення лемківської спільноти, за задумом Ю. Тарновича повинні були вирішити ще одну проблему, котра набула розмірів правдивої епідемії, загрожуючи навіть фізичній екзистенції русинів на рідних землях. Йшлося про започатковану ще в середині XIX ст. стихійну еміграцію населення українських Карпат, внаслідок якої знелюднені русинські терени активно колонізували польські переселенці, змінюючи століттями сформований етнічний пейзаж. Така еміграція суттєво виснажувала саму русинську спільноту, адже в пошуках кращої долі виїздили її найбільш ініціативні та рухливі представники, які переважно назавжди залишалися в нових країнах перебування. Компенсуючи тривалу відсутність вдома постійними грошовими переказами, лемки-емігранти значною мірою заохочували споживацьке ставлення до життя серед односельців, чим ще більше загострювали економічні негаразди на рідних землях. Зі шпальт «Нашого лемка» редактор на багатьох прикладах переконував будувати краще життя на малій Батьківщині, а не шукати його в чужих сторонах. «Не маємо чого банувати за Америку, ми є ще багатші, як американці, але нас не чіпається нове життя, – твердив Ю. Тарнович. – Така сама праця дома дала би цілком кращі успіхи та заплату і для робітника, і для народу. <...> Лише громадною працею, згодою, спільнотою стремлінь побудуємо тривкі основи. Шляхом свідомости та безупинного викорінювання і нехтування чужих підшептів відкриємо в себе Америку – обіцяну землю» [1: 7].

Поряд із вирішенням гострих соціально-економічних проблем, на слушне переконання Ю. Тарновича, повинна йти активна культурно-освідомлююча праця. Її осердям, вказував головний редактор «Нашого лемка», має бути перманентна боротьба зі згадуваним вище анальфаетизмом – як серед дітей, так і в середовищі дорослих. У першому випадку йшлося про масовість і обов'язковість освіти дітей, що передбачало закладання в кожному селі початкової школи [13: 10]. При цьому особливу увагу лемківський діяч відводив обґрунтуванню потреби саме рідномовного навчання [26: 6]. Такий акцент був зумовлений наполегливими спробами шкільної адміністрації Другої Речі Посполитої відвернути русинів від українства, нав'язавши їм як не польську, то принаймні штучно сконструйовану «карпаторуську» ідентичність. З цією метою з русинських шкіл примусово видалялися педагоги-українці, їхнє місце займали антиукраїнськи налаштовані польські вчителі, насаджувалися букварі лемківським діалектом тощо. Ю. Тарнович послідовно та безоглядно критикував таку шкільну політику польської влади, наражаючи редагований ним часопис на постійні конфіскації. Пояснюючи своєму читачеві потребу україно-

мовної початкової школи, він наголошував: «Днесь знає кожний лемко, що його говіркою може послуговуватися біля своєї хати, одначе в школі мусить панувати спільна українська літературна мова» [6: 3].

Стосовно ж освіти дорослого населення Лемківщини, Ю. Тарнович на сторінках редагованого часопису наполегливо популяризував поширення селами осередків товариства «Просвіта». Він неодноразово наголошував у «Нашому лемкові»: «Читальня «Просвіти» – це огнище культурного життя в громаді, друга побіч церкви святиня» [27: 1]. Саме під егідою цієї найбільш шанованої української просвітницької інституції та використовуючи її чималий організаційний досвід, твердив Ю. Тарнович, належить закладати народні доми і бібліотеки, проводити культурні заходи та посилено займатися самоосвітою. Особливо відповідними для такої освідомлюючої праці є зимові місяці, які редактор часопису закликає наповнити самоосвітою: «Тому звертаємося до вас брати-лемки з горячим закликом: у ті довгі зимові вечори горнімся до книжки, берім її до рук, проганяймо темноту з наших хат! Ти, Лемківська молодіже – перша ставай в ряди читачів, борців за кращу долю <...>. Залишим непотрібні сварки, звади, релігійні спори, викиньмо нетерпимість, різні гулянки, деморалізуючі забави та другі витребеньки і берім книжку в руки! Наука нехай буде нашим найбільшим багатством, та запорукою народньої долі, кращого завтра...» [15: 2].

Закликаючи русинів до самоосвіти та популяризуючи діяльність українських просвітянських інституцій, Ю. Тарнович у редагованому ним часописі безпосередньо долучився до цієї культурної праці. Так, формуючи читацьку культуру своїх співвітчизників редактор на шпальтах «Нашого лемка» запровадив постійну рубрику «Нові книжки». В ній Ю. Тарнович стисло оповідав про найбільш важливі для лемків праці в галузі сільського господарства, історії та культури, виховання дітей, охорони здоров'я тощо. Звертаючи увагу русинів на потребу систематичного читання, він писав: «Кличемо: лупайте скалу! Купуйте книжки, організуйте у себе власну бібліотеку. Читайте самі та других учіть читати книжки. І трісне скала: сповнення цієї найважнішої задачі принесе нам користь і цілій нашій нації нові, ясні дні...» [27: 1].

Поряд із такими закликами, редактор на сторінках часопису нерідко сам виступав талановитим популяризатором історії та культури русинів [11; 12]. Пояснюючи читачеві «Нашого лемка» важливість опанування знань про рідну історію, Ю. Тарнович твердив: «Хто хоче жити, мусить пізнати свою минувшину. Нарід без минувшини – мертвий» [23: 6]. Чималу цікавість для читача мали його науково-популярні нариси «Історичні пам'ятки в західних Карпатах» та «Історичний словник Лемківщини», що протягом багатьох чисел друкувалися в «Нашому лемку», а згодом вийшли у книжковому форматі в заснованій

редактором серії «Бібліотека Лемківщини». Поряд із історичними нарисами, Ю. Тарнович на шпальтах часопису містив різні краєзнавчі матеріали, показуючи багатство матеріальної культури і красу природи рідного краю. Також редактор «Нашого лемка» популяризував світ русинської духовності, публікуючи в часописі записані ним по селах пісні, легенди та колядки. Принагідно відзначимо, що діяльність Ю. Тарновича як історика, краєзнавця і фольклориста є цілком незнаним аспектом його інтелектуальної біографії, що заслуговує на спеціальне опрацювання.

Опрацьовуючи культурно-господарську проблематику, Ю. Тарнович чимало уваги приділив питанню морально-етичного клімату лемківського села. Його актуальність була спричинена стрімким руйнуванням традиційного русинського укладу життя під впливами потужних модернізаційних змін, що їх принесли Перша світова війна та повоєнне влаштування світу. Як про надзвичайно загрозливу тенденцію, редактор «Нашого лемка» писав про дедалі глибше проникнення в лемківські оселі модних тоді комуністичної ідеології, сектантських вірувань, культури вільного кохання, багатьох шкідливих звичок тощо. Всі ці явища, переконаний Ю. Тарнович, деморалізуюче впливали на русинів, руйнуючи їхню єдність перед загрозою винародовлення й економічної руйни. Вихід з такої вкрай небезпечної для співвітчизників ситуації редактор «Нашого лемка», який походив з давнього священничого греко-католицького роду, вбачав у поверненні до традиційних українських цінностей. Осмислюючи згадану проблему та пропонуючи свій рецепт громадського одужання, він писав: «Одним з найгрізніших проявів нашого народнього життя, який бачимо на наших землях <...> – це брак взаємної згоди, суспільного вироблення, карности, єдності, якою ще не так давно гордились наші діди й прадіди. Тою єдністю Лемківщина сотки літ стояла твердо, непохитно, поборювала всі бурії, що валились на неї, тою також єдністю й солідарністю будували ми не одні народні установи – не лиш у себе вдома, але й на далекій еміграції, в Америці. <...> Тож держіть і бороніть св. Церкви, читалень, Народніх Домів і всіх народніх установ нарівні з рідною землею кріпко та солідарно, до послідніх сил!» [18: 2].

Втім, Ю. Тарнович зовсім не був консерватором в оцінці модернізаційних викликів, які постали перед суспільством у міжвоєнне двадцятиліття. Навпаки, на сторінках «Нашого лемка» він наполегливо популяризував нові соціальні практики, що їх пропонували філантропи того часу. Особливо часто редактор звертався до надзвичайно модної тоді феміністичної проблематики, осмислюючи її в руслі традиційного для українців культу Матері [8: 3]. Вказуючи на актуальність звернення до жіночої тематики, він зазначав: «Ми свідомі

того, яке велике завдання та яку тяжку ролью сповняє наше українське жіноцтво на Лемківщині» [6: 3]. Свідченням серйозності ставлення Ю. Тарновича до феміністичних питань було заснування ним у редактованій газеті постійної тематичної рубрики «Жіноча сторінка», яку редактор наповнював разом зі своєю дружиною Анною.

Проектуючи феміністичні гасла звільнення жінки від тягаря сімейно-господарських обов'язків і надання їй можливості стати дієвим членом суспільства на реалії лемківського села, Ю. Тарнович уперше серед русинських публіцистів обстоював ідею організації в селах мережі дитячих садочків. Це, слушно вказує він, повинно помітно вивільнити час лемкиням, давши їм можливість зануритися у цікаві для них громадські проекти. З огляду на таку настанову, на сторінках «Нашого лемка» у багатьох дописах описувалися переваги дошкільного систематичного навчання та наводилися практичні поради щодо його оптимальної організації. «Подумайте, свідомі родичі, над тим і постарайтеся, щоб у вашім селі був ще цього року Дитячий Садок, – наполягав Ю. Тарнович. – Вам буде велика полекша, а Вашим дітям велика втіха і користь» [4: 6–7].

Обстоюючи доцільність звільнення русинок від родинно-господарських клопотів, редактор «Нашого лемка» закликав їх ставати активними членкинями своїх громад. Осмислюючи нові соціальні ролі, які в цих умовах можуть обирати жінки, Ю. Тарнович звертав увагу на їхні природні здібності у вихованні підростаючого покоління та комунікативні таланти у налагодженні господарських мереж. У першому випадку йшлося про отримання жінками педагогічного фаху та подальшу працю у сільських дошкільних закладах та початковій школі [24: 5]. В економічному ж плані редактор наголошував на потребі залучення лемкинь до розгортання осередків кооперативного руху на селі: «Велику роль відіграти може наша жінка, вона може тисячними способами причинитися до розбудови кооперативного життя» [7: 2].

Проаналізовані вище сюжети Ю. Тарнович осмислював також у художньому ключі, друкуючи на сторінках редактованого часопису невеликі за обсягом оповідання. Їхньою особливістю була мовна фактура – ці тексти редактор писав лемківською говіркою. Такий прийом можна пояснити намаганням автора налагодити комунікацію навіть із таким читачем, який недостатньо володів українською літературною мовою та не мав бажання занурюватися в серйозне обговорення громадських проблем. Тож на сторінках «Нашого лемка» бачимо оповідання Ю. Тарновича, в яких піднімалися питання боротьби зі шкідливими звичками («Кропка», «Пропийники»), дотримання здорового способу життя («Столітні люди»), плекання родинних цінностей («Таке оповідання», «Нанашко», «Карпликовой щистя»), непростого

буття лемківських емігрантів («До Гамерики», «Різдво в Канаді», «За море. Братам за Океаном у спомин») та ін.

Варті уваги й стильові особливості публіцистики Ю. Тарновича на шпальтах «Нашого лемка». Відзначимо, що згадувані вище складні проблеми буття русинів редактор висвітлював можливо просто і дохідливо, враховуючи пересічно скромний освітній рівень свого читача. Разом із тим, що важливо, він не впадав у фальшивий дидактизм і повчальний тон. Навпаки, Ю. Тарнович намагався вибудовувати довірливий діалог зі своїм читачем. Яскравим прикладом цього може бути стаття «Де наш ратунок». В ній автор, змальовуючи загрози для існування лемківського світу, не спішить одразу давати відповіді про шляхи їхнього подолання, а навпаки заохочує читача: «Подумаймо про них разом» [15: 2]. Очікувано, що такий діалогічний стиль публіцистики сприяв зростанню довіри лемків до своєї газети та стимулював активістське ставлення до життя.

Довірливий діалог «Нашого лемка» зі своїм читачем привернув до видання широкі кола русинів. Про це свідчать численні листи передплатників часопису, що друкувалися у рубриках «Листування» та «Трибуна наших Читачів». Звертаючись до редактора зі словами щирої вдячності, вони атестували газету як «найдорожчу» і «свою», адже вона була мудрим порадником у багатьох життєвих колізіях і розрадою в непростих часах. Це спричинило зростання колпортажу «Нашого лемка», що дозволило його видавцям не піднімати вартості передплати попри чималу інфляцію в Речі Посполитій і конфіскації, що їх постійно накладав цензурний комітет.

Підсумовуючи публіцистику Ю. Тарновича на сторінках «Нашого лемка» відзначимо її різножанровість і багатоаспектність обговорюваних питань. Їхнє коло визначало саме життя русинів, добре знане головному редактору з власного досвіду. Це дозволяло йому виявляти нерідко приховані причини багатьох проблем лемківської громади і пропонувати дієві рецепти їхнього подолання. Що важливо, він це робив не зі становища зовнішнього обсерватора, а в постійному шанобливому діалозі зі своїм мудрим, хоча й малоосвіченим читачем. Завдяки такому довірливому тону мешканці українських Бескидів, поступово долаючи сформовану віками замкненість, набували цінний досвід соціального активізму. Все це перетворило «Наш лемко» на важливий майданчик громадської комунікації русинів у їхній боротьбі з життєвими викликами та постійному протистоянні зі свавіллям польської бюрократії. Пропагований публіцистикою Ю. Тарновича солідаризм виявився надзвичайно затребуваним для лемків напередодні численних випробувань, що їх принесли Друга світова війна та пізніше масове вигнання з рідних земель.

Насамкінець відзначимо, що проведене дослідження засвідчило тематичну різноплановість і чималу громадську значущість публіцистики Ю. Тарновича. Комплексне дослідження цієї вагомий складової його творчої спадщини повинно наблизити нас до створення інтелектуальної біографії цього заслуженого русинського діяча.

ЛІТЕРАТУРА

1. (-вич). [Тарнович Ю.] Чи є за чим жалувати? Чи дійсно Америка – обіцяна земля // Наш лемко. 1935. Ч. 1 (25). С. 7.
2. (-н-ч.). [Тарнович Ю.] До боротьби з кризою // Наш лемко. 1934. Ч. 11. С. 7.
3. (т). [Тарнович Ю.] Де шукати поради сільському господареві? // Наш лемко. 1934. Ч. 12. С. 5.
4. (Ю). [Тарнович Ю.] Що це таке Дитячі Садики? // Наш лемко. 1935. Ч. 12 (36). С. 6–7.
5. Nakonechnyi V. Yuliiian Tarnovych as a researcher of Polish-Ukrainian relationships // Проблеми гуманітарних наук: збірник наукових праць Дрогобицького державного педагогічного університету імені Івана Франка. Серія Історія. 2019. № 1/43. Р. 213–228.
6. -вич. [Тарнович Ю.] «Ми не хочемо букварів» // Наш лемко. 1934. Ч. 20. С. 3.
7. -вич. [Тарнович Ю.] В об'єднанні власних сил – до добра і краси // Наш лемко. 1934. Ч. 15. С. 2.
8. -вич. [Тарнович Ю.] В обороні наших матерей // Наш лемко. 1934. Ч. 14. С. 3.
9. -вич. [Тарнович Ю.] За наше місто // Наш лемко. 1934. Ч. 19. С. 2–3.
10. Наконечний В.М. Українсько-польські взаємини 1930-х років у дзеркалі «Нашого Лемка» // Східноєвропейський історичний вісник. 2018. Вип. 3. С. 278–284.
11. Одрехівський Р.В. Візантійські традиції дизайну пластичних мистецтв у збереженні національної ідентифікації лемків-русинів в Галичині (друга половина XIX – перша третина XX століття) // Русин. 2022. № 67. С. 43–51. DOI: 10.17223/18572685/67/18
12. Одрехівський Р.В. Мистецтво різьблення як один із проявів національного та культурного відродження лемків-русинів (кінець XIX – перша третина XX століття) // Русин. 2021. № 64. С. 43–51. DOI: 10.17223/18572685/63/4
13. Тарнович Ю. Боротьба з неграмотністю на Лемківщині // Наш лемко. 1936. Ч. 22 (70). С. 10.
14. Тарнович Ю. Відкриваймо свою Америку // Наш лемко. 1938. Ч. 14 (110). С. 4.
15. Тарнович Ю. Де наш ратунок // Наш лемко. 1934. Ч. 23. С. 2.
16. Тарнович Ю. На згарищах Закерзоння. Торонто: Видавництво «Лемківщина», 1954. 128 с.
17. Тарнович Ю. Наші завдання. Чи нам господарям треба організуватися? // Наш лемко. 1936. Ч. 3 (51). С. 2.

18. Тарнович Ю. Не даймося! // Наш лемко. 1936. Ч. 19 (67). С. 2.
19. Тарнович Ю. Поділ господарки на Лемківщині. Як належить господарити в Карпатах // Наш лемко. 1936. Ч. 11 (59). С. 7.
20. Тельвак В.В., Тельвак В.П., Наконечний В.М. «Геть отрую з наших хат!»: протIALкогольний дискурс газети «Наш лемко» // Русин. 2021. № 66. С. 34–47. DOI: 10.17223/18572685/66/3
21. Тельвак В.В., Тельвак В.П., Наконечний В.М. «Чиїх батьків ми діти?»: історична політика «Нашого лемка» // Русин. 2022. № 68. С. 154–167. DOI: 10.17223/18572685/68/7
22. Тельвак В., Наконечний В. Становище русинської меншини в Другій Речі Посполитій за матеріалами газети «Наш лемко» // Русин. 2020. № 61. С. 166–182. DOI: 10.17223/18572685/61/10
23. Ю. Бескид. [Тарнович Ю.] Наша минувшина // Наш лемко. 1936. Ч. 10 (58). С. 6.
24. Ю. Т. [Тарнович Ю.] Де є вихід? // Наш лемко. 1934. Ч. 4. С. 5.
25. Ю. Т. [Тарнович Ю.] До кращого завтра // Наш лемко. 1934. Ч. 10. С. 5.
26. Ю. Т. [Тарнович Ю.] Найбільша потреба // Наш лемко. 1938. Ч. 21 (117). С. 6.
27. Ю. Т. [Тарнович Ю.] Лупаймо скалу // Наш лемко. 1934. Ч. 8. С. 1.

REFERENCES

1. [Tarnovich, Yu.] (1935a) Chi ye za chim zhaluvati? Chi diysno Amerika – obitsyana zemlya [Do we have regrets? Is America a promised land?]. *Nash lemko*. 1(25). p. 7.
2. [Tarnovich, Yu.] (1934a) Do borot'bi z krizoyu [Fighting the crisis]. *Nash lemko*. 11. p. 7.
3. [Tarnovich, Yu.] (1934b) De shukati poradi sil's'komu gospodarivi? [Where a farmer should seek for advice?]. *Nash lemko*. 12. pp. 5.
4. [Tarnovich, Yu.] (1935b) Shcho tse take Dityachi Sadki? [What are kindergatens?]. *Nash lemko*. 12. pp. 6–7.
5. Nakonechnyi, V. (2019) Yuliiian Tarnovych as a researcher of Polish-Ukrainian relationships. *Problemi gumanitarnikh nauk: zbirnik naukovikh prats' Drogobits'kogo derzhavnogo pedagogichnogo universitetu imeni Ivana Franka. Seriya Istoryia*. 1/43. pp. 213–228.
6. -vich. [Tarnovich, Yu.] (1934c) Mi ne khochemo bukvariv [We don't want the ABCs]. *Nash lemko*. 20. p. 3.
7. -vich. [Tarnovich, Yu.] (1934d) V ob'ednanni vlasnikh sil – do dobra i krasi [Uniting our forces for the good and beauty]. *Nash lemko*. 15. p. 2.
8. -vich. [Tarnovich, Yu.] (1934e) V oboroni nashikh materey [Protecting our mothers]. *Nash lemko*. 14. pp. 3.
9. -vich. [Tarnovich, Yu.] (1934f) Za nashe misto [For our city]. *Nash lemko*. 19. pp. 2–3.
10. Nakonechniy, V. (2018) Ukraïns'ko-pol's'ki vzaemini 1930-kh rokiv u dzerkali "Nashogo Lemka" [Ukrainian-polish relations in 1930s in the mirror of "Nash Lemko"]. *Skhidnoevropeys'kiy istorichniy visnik*. 3. pp. 278–284.

11. Odrekhivskiy, R.W. (2022) Byzantine traditions of plastic arts design to preserve the national identity of the Lemko-Rusins in Galicia (the second half of the 19th -the first third of the 20th century). *Rusin*. 67. pp. 43–51 (in Ukrainian). DOI: 10.17223/18572685/67/18

12. Odrekhivskiy, R.W. (2021) The art of carving as a manifestation of the national and cultural revival of the Lemkos-Rusins (the late 19th – first third of the 20th century). *Rusin*. 64. pp. 43–51 (in Ukrainian). DOI: 10.17223/18572685/63/4

13. Tarnovich, Yu. (1936a) Borot'ba z negramotnistyu na Lemkivshchini [Fight against illiteracy on Lemkivshchyna]. *Nash lemko*. 22(70). p. 10.

14. Tarnovich, Yu. (1938) Vidkrivaymo svoyu Ameriku [Discovering our America]. *Nash lemko*. 14(110). pp. 4.

15. Tarnovich, Yu. (1934g) De nash ratunok [Where to look for help?]. *Nash lemko*. 23. p. 2.

16. Tarnovich, Yu. (1954) *Na zgarishchakh Zakerzonnyia* [On the backlashes of Zakerzon]. Toronto: Vidavniststvo "Lemkivshchina."

17. Tarnovich, Yu. (1936b) Nashi zavdannia. Chi nam gospodaryam treba organizuvatisya? [Our challenges. Should farmers organise?]. *Nash lemko*. 3(51). p. 2.

18. Tarnovich, Yu. (1936c) Ne daymosya! [Let us not give in!]. *Nash lemko*. 19(67). p. 2.

19. Tarnovich, Yu. (1936d) Podil gospodarki na Lemkivshchini. Yak nalezhit' gospodariti v Karpatakh [Dividing lands on Lemkivshchyna. How to farm in Carpathian Mountains]. *Nash lemko*. 11(59). p. 7.

20. Telvak, V.V., Telvak V.P. & Nakonechniy, V.M. (2021) "Down with Poison in our Houses!": Anti-Alcohol Discourse of *Nash Lemko* Newspaper. *Rusin*. 66. pp. 34–47 (in Ukrainian). DOI: 10.17223/18572685/66/

21. Telvak, V.V., Telvak V.P. & Nakonechniy, V.M. (22) "Where do we come from?": politics of memory in *Nash Lemko*. *Rusin*. 68. pp. 154–167 (in Ukrainian). DOI: 10.17223/18572685/68/7

22. Telvak, V. & Nakonechniy, V. (2020) The Rusin Minority in the Second Polish Republic According to *Nash Lemko* Newspaper. *Rusin*. 61. pp. 166–182 (in Ukrainian). DOI: 10.17223/18572685/61/10

23. Yu. Beskyd. [Tarnovych, Yu.]. (1936) Nasha minuvshina [Our past]. *Nash lemko*. 10. p. 6.

24. Yu. T. [Tarnovich, Yu.] (1934a) De є vikhid? [What is the solution?]. *Nash lemko*. 4. p. 5.

25. Yu. T. [Tarnovich, Yu.] (1934b) Do krashchogo zavtra [Looking for a better tomorrow]. *Nash lemko*. 10. p. 5.

26. Yu. T. [Tarnovich, Yu.] (1938) Naybil'sha potreba [The biggest need]. *Nash lemko*. 21(117). p. 6.

27. Yu. T. [Tarnovich, Yu.] (1934c) Lupaymo skalu [We'll conquer this mountain]. *Nash lemko*. 8. p. 1.

Тельвак Виталий Васильевич – доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной истории Дрогобычского государственного педагогического университета им. И. Франко (Украина).

Тельвак Віталій Васильович – доктор історичних наук, професор кафедри всесвітньої історії Дрогобицького державного педагогічного університету ім. І. Франка (Україна).

Vitalii V. Telvak – Ivan Franko Drohobych State Pedagogical University (Ukraine).

E-mail: telvak1@yahoo.com

Тельвак Виктория Петровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории Дрогобычского государственного педагогического университета им. И. Франко (Украина).

Тельвак Вікторія Петрівна – кандидат історичних наук, доцент кафедри всесвітньої історії Дрогобицького державного педагогічного університету ім. І. Франка (Україна).

Viktorija P. Telvak – Ivan Franko Drohobych State Pedagogical University (Ukraine).

E-mail: viktoriatelvak75@yahoo.com

Наконечный Владимир Михайлович – кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений Киевского национального университета культуры и искусств (Украина).

Наконечний Володимир Михайлович – кандидат історичних наук, доцент кафедри міжнародних відносин Київського національного університету культури і мистецтв (Україна).

Volodymyr V. Nakonechnyj – Kyiv National University of Culture and Arts (Ukraine).

E-mail: nakonechniy.ua@gmail.com

УДК 94(437)(328)“1930”

UDC

DOI: 10.17223/18572685/70/9

Белорусское Полесье как объект этнокультурной инженерии Польши в 1930-е гг.: медийные аспекты (на основе материалов Государственного архива Брестской области)

К.В. Шевченко

Филиал Российского государственного социального университета
в г. Минске

Беларусь, 220107, г. Минск, ул. Народная, 21

e-mail: shevchenkok@hotmail.com

Авторское резюме

Содержится анализ наиболее важных аспектов этнокультурной политики межвоенной Польши в отношении коренного восточнославянского населения Полесского региона на примере публикаций местной русскоязычной прессы и отношения к ним со стороны местных польских властей в 1930-е гг. Особое внимание уделяется газете «Под небом Полесья», издававшейся на русском литературном языке в конце 1931 – начале 1932 гг. в г. Пинске Полесского воеводства межвоенной Польши. Кроме этого, проанализированы публикации еще нескольких периодических изданий на русском языке, издававшихся в г. Пинске. Публикации газеты «Под небом Полесья» активно пропагандировали общерусскую идентичность и русскую культуру, рассматривая белорусов, украинцев и русских с точки зрения триединого русского народа. Кроме того, публикации данной газеты содержали осторожную критику политики польских властей в национальном вопросе, а также в вопросах, связанных с проведением переписи населения, и побуждали местное восточнославянское население к сохранению своего языка, культуры и национальной самобытности. Поскольку содержание публикаций газеты «Под небом Полесья» было неприемлемо для польских властей, стремившихся к полной и окончательной полонизации белорусского населения восточных воеводств Польши, местная администрация с самого начала проводила последовательную политику административного давления на данную газету. В результате газета «Под небом Полесья», несмотря на значительный рост популярности среди местного населения, была закрыта. Аналогичная политика

административного удушения неугодных печатных изданий на русском языке проводилась и по отношению к другим газетам Полесского региона. Таким образом, этнокультурная политика польской администрации в Полесском регионе в медийной сфере выразилась в системном подавлении прессы на русском языке, отстаивавшей идеи цивилизационного единства восточнославянских народов.

Ключевые слова: общерусская идентичность, полонизация, Полесье, Пинск, этнокультурная инженерия, национальная идентичность

The Belarusian Polesie as an object of Poland's ethnocultural engineering in the 1930s: Media aspects (based on the materials of the State Archive of Brest Region)

K.V. Shevchenko

Branch of Russian State Social University in Minsk
Narodnaya Street 21, Minsk, Republic of Belarus, Беларусь, 220107
e-mail: shevchenkok@hotmail.com

Abstract

The article analyzes the most important aspects of the ethno-cultural policy of the interwar Poland in relation to the indigenous East Slavic population of the Polesie region in the 1930s on the example of publications of the local Russian-language periodicals and the attitude towards them by the local Polish authorities. Particular attention is given to the newspaper *Pod nebom Poles'ya*, published in the Russian literary language in the late 1931 – early 1932 in Pinsk, Polesie Voivodeship of the interwar Poland. The publications in *Pod nebom Poles'ya* actively promoted the all-Russian identity and Russian culture, considering Belarusians, Ukrainians, and Russians from the point of view of the triune Russian people. In addition, the newspaper voiced cautious criticism of the national policy of the Polish authorities and the population census to encourage the local East Slavic population to preserve their language, culture, and national identity. Since the content of the publications in *Pod nebom Poles'ya* was unacceptable to the Polish authorities, striving for the complete and final Polonization of the Belarusian population of the eastern provinces of Poland, the local Polish administration pursued a policy of administrative pressure on the newspaper. As a result, *Pod nebom Poles'ya* was closed, despite its high popularity with the local people. A similar policy of administrative strangulation of objectionable Russian-language

periodicals was carried out in relation to other newspapers of Polesie. Thus, the ethnocultural policy of the Polish administration in Polesie in the media sphere was based on in the systemic suppression of the Russian-language press, which defended the ideas of the civilizational unity of the East Slavic peoples.

Keywords: All-Russian identity, Polonization, Polesie, Pinsk, ethnocultural engineering, national identity

Широкое распространение общерусской идентичности в этнически непольских восточных воеводствах межвоенной Польши, населенных в основном восточнославянскими народами, были вынуждены неоднократно признавать польские власти вопреки официальной трактовке данных областей как исконно польских. Так, в подготовленной в 1930 г. чиновниками управления Полесского воеводства в Бресте аналитической записке о деятельности Русского национального объединения на территории Полесья констатировалось, что «русский этнический элемент в Полесье составляет не более 1 % населения, не превышая 12 000 человек, в основном из числа интеллигенции. Однако, несмотря на незначительную численность этнических русских, русское влияние на территории Полесья выглядит довольно сильным, – признавалось в документе. – Это является результатом действия ряда причин, в основном длительной и систематической русификацией населения Полесья царскими властями, а также русификаторской деятельностью православного духовенства» [1]. Авторы аналитической записки отмечали, что политическая деятельность Русского национального объединения в Полесье активизировалась перед выборами в Сейм в 1928 г., при этом русская агитация, «поддержанная православным духовенством, добилась серьезного успеха, что выразилось в завоевании мандата в пинском избирательном округе» [1].

Ярким и убедительным проявлением общерусской идентичности в межвоенной Польше была русскоязычная пресса, издававшаяся в крупных городах этнически непольских восточных воеводств Второй Речи Посполитой, прежде всего в Вильно, а также во Львове, где, несмотря на массовые репрессии австро-венгерских властей против галицко-русского движения и террор в отношении русинского населения во время Первой мировой войны, сохранялись очаги русской культурной и общественной жизни.

Важным инструментом борьбы официальной Варшавы с общерусской идентичностью населения западнобелорусских земель были преследования и различные формы дискриминации русской прессы. Дискриминация прессы на русском литературном языке польскими

властями имела самые разнообразные проявления, включая административные препоны и прямые запреты на распространение некоторых изданий в Польше. Так, 23 августа 1937 г. управление Полесского воеводства информировало старост всех поватов данного воеводства о решении Министерства внутренних дел Польши запретить подписку на издававшуюся в г. Ужгород (Чехословакия) «Русскую народную газету», а также на «Евразийскую хронику», издававшуюся на русском языке в Берлине. В документе несколько туманно объяснялось, что запрет на распространение данных изданий связан с тем, что «их содержание обнаруживает признаки преступлений, предусмотренных в Уголовном кодексе» [2]. Ранее был введен запрет на ряд газет, журналов и книг, изданных в СССР.

Крайне подозрительный и откровенно дискриминационный подход польские власти демонстрировали в отношении периодических изданий на русском языке в восточных воеводствах Польши, опасаясь их нежелательного для Варшавы влияния на местное белорусское население. Издание прессы на русском языке на территории этнически непольских восточных воеводств постоянно привлекало пристальное внимание польской администрации вплоть до высших государственных чиновников, которые бдительно следили за содержанием русскоязычных изданий с точки зрения их соответствия государственным интересам Польши. Ярким примером подобного отношения польской администрации к русской прессе является попытка активиста русского движения в г. Пинск Полесского воеводства П. Хинича начать издание русскоязычной газеты «Под небом Полесья». Официальная декларация Хинича о намерении издавать подобную газету была направлена старосте Пинского повата Полесского воеводства 12 октября 1931 г., при этом в документе указывалось, что газета будет содержать информацию экономического, общественного и культурного характера, что издание будет стоять на почве польской государственности и что местом издания будет г. Пинск. В качестве адреса редакции газеты указывалась улица Пилсудского, 17 [3].

Спустя два дня после получения данной декларации староста Пинского повата В. Болдок направил 14 октября 1931 г. полесскому воеводе В. Костек-Бернацкому конфиденциальное донесение, в котором характеризовал редактора будущей газеты П. Хинича как активиста русских организаций, принимавшего участие в выборах в сейм в 1928 и в 1930 гг. и как корреспондента русской виленской газеты «Наше время». Особое внимание староста обращал на стремление Хинича расширить с помощью газеты свое влияние на местное сельское население. По словам старосты, свою агитацию среди населения Хинич проводит «в национально русском духе» [3]. В своем следую-

щем донесении полесскому воеводе от 28 октября 1931 г. пинский староста сообщал о том, что первоначально он «не препятствовал» Хиничу в организации его издания, поскольку это, по словам старосты, могло бы создать впечатление у местного русского общества об административном преследовании русской национальной жизни со стороны польского правительства, тем более, что Хинич декларировал намерение стоять на почве польской государственности. «По этим соображениям я принял решение, не препятствуя появлению газеты со стороны властей, уничтожить её путем деструктивных мер... и тем самым навсегда парализовать её существование в будущем» [3], – откровенно делился своими планами с полесским воеводой пинский староста.

Содержание и направленность первых нескольких номеров газеты «Под небом Полесья» не могли не вызвать сильнеешего раздражения польской администрации. Так, в статье о населении г. Пинска указывалось, что из 30 470 жителей города 19 597 составляют евреи, 7 249 – поляки, остальные – русские, к числу которых газета отнесла «белоруссов, украинцев и великоруссов» [12: 1]. Таким образом, белорусы и украинцы вполне в духе западнорусизма трактовались газетой как составная часть единого русского народа, что было неприемлемо для польских властей. Немалую озабоченность местной польской администрации, судя по всему, вызвало и опубликованное на страницах газеты сообщение её редакции о том, что успех издания «превзошел все наши ожидания... В первый же день мы приобрели весьма значительное число подписчиков. В редакцию нашу ежедневно поступают приветственные и сочувственные письма...» [12: 1].

Второй номер газеты «Под небом Полесья» в рубрике «Из польской печати» знакомил своих читателей с содержанием публикаций польской прессы о положении в восточных воеводствах Польши. Так, по словам газеты, краковское издание «Иллюстрированы Курьер Цодженны» в одной из своих публикаций «горько жалуется, что русские переполняют учительские должности в польских школах на Восточных Кресах, и поэтому призывает живые силы польского общества и молодых учителей идти работать на Восток – туда, – иронично замечал «Под небом Полесья», – где, по его словам, дикое московское хозяйничанье, насилия Муравьева и большевизм уничтожили приобретения целых польских поколений» [12: 2]. Редакция «Под небом Полесья» предпочла благоразумно воздержаться от прямой полемики с польскими изданиями, однако содержание польских публикаций излагалось на страницах газеты с нескрываемой иронией и сарказмом.

Крайне раздражающей для польских властей, судя по всему, стала статья о предстоящей в Польше переписи населения, опубликованная в третьем номере газеты. Констатируя, что «для нас, русских, предстоящая 9 декабря сего года всеобщая перепись населения... будет иметь огромное значение», газета самокритично замечала, что «русские теперь, при польской власти, являются гораздо менее устойчивыми национально, чем были поляки даже в самую тяжелую для них пору национальных и религиозных преследований» [13: 1]. В связи с этим газета призывала своих читателей указывать в ходе переписи в качестве родного только русский язык: «Пусть же каждый русский знает и помнит, что указания агентам по переписи языка русского (*rosyjskiego*) как родного не является чем-то маловажным, а исполнением долга перед лицом национальных и культурных интересов русского меньшинства в Польской республике» [13: 1].

Борьба за сохранение русской культуры и общерусской идентичности была центральной темой газеты. В статье «О самом больном» редакция газеты обращалась к актуальной и весьма болезненной теме растущей полонизации русского населения в Польше. «Как это ни печально, но даже там, где не исключена возможность воспитания по своему усмотрению, в среде состоятельных, имущих русских, нередко польский язык и польская книга доминирует в ущерб русской, – отмечала газета и, обращаясь к родителям, призывала, – изучение и знание польского языка не должно вести к забвению своего родного языка – русского... Не забывайте, что, теряя русскую речь, ваши дети одновременно с этим теряют свою национальность» [13: 2].

Редакция газеты «Под небом Полесья» стремилась всячески популяризировать русские культурно-просветительские проекты и инициативы в межвоенной Польше. Так, в четвертом номере газеты подробно сообщалось об открытии при отделе Русского благотворительного общества в г. Барановичи русской начальной школы, а также курсов русского языка при ковельском отделе Русского благотворительного общества. При этом редакция газеты выражала надежду, что и «пинский отдел РБО, являясь представителем местной русской общественности, не останется в долгу и употребит все усилия для создания какого-либо русского очага, откуда бы подрастающее поколение наше могло бы черпать силы для своего национального и духовного роста» [14: 1].

Судя по публикациям газеты «Под небом Полесья», русские культурные мероприятия пользовались большой популярностью среди жителей Пинска. «Кружком русской молодежи города Пинска устроен был 6.XI в театре бр. Гольцман благотворительный концерт-вечер. В программу вечера вошли: оперетка «Иванов Павел»... затем хор

балалаечников и первое публичное выступление пинских поэтов. Кроме того – танцы до утра, – сообщила газета 15 ноября 1931 г. – С художественной и материальной стороны вечер вполне удался и привлек много публики, среди которой были представители польского общества, а также немало еврейской молодежи» [13: 2].

Большое место на страницах «Под небом Полесья» уделялось критике русской интеллигенции в межвоенной Польше. Среди многочисленных грехов русской интеллигенции газета отмечала «отсутствие русского патриотизма, самооплевание, неумение ценить великие достижения русской культуры, равнодушие к своей святой Вере... Но самым тяжелым грехом ее надлежит признать неумение в тяжелых условиях жизни на чужбине, в рассеянии, сохранить свое национальное русское лицо» [15: 1].

Анализируя положение русского населения в межвоенной Польше, газета проводила любопытные параллели с германизацией чехов в Габсбургской империи и с полонизацией западнорусской шляхты в Речи Посполитой после Брестской церковной унии 1596 г. «Чешское возрождение начала XIX в. было сильно затруднено тем, что чехи фактически не имели интеллигенции: она вся после Белой Горы онемечилась. То же относится к литовской и русской шляхте, после Брестской унии совершенно ополячившейся... Теперь мы являемся свидетелями аналогичного явления, – констатировало «Под небом Полесья», – наши русские богачи, как у нас на Полесьи, так и везде в Польше – стесняются своей родной речи, зачастую отвечают по-польски своим же русским... не говоря уже о том, что не только пальцем о палец не ударят, чтобы помочь немногочисленным самоотверженным русским общественным деятелям в тяжелой, жертвенной национально-русской работе, но живут вдали от живого биения пульса русской жизни и предпочитают польскую среду и польское общество – обществу русскому. Такая позиция нашей имущей интеллигенции является подлинным предательством по отношению к русскому делу, русской культуре, русскому народу» [15: 2]. сетовала газета и по поводу традиционных русских пороков, сожалея, что «наше обычное русское разгильдяйство, наша лень, наша национальная обломовщина мешают выдвинуться хоть несколькими русским людям с инициативой, с энергией и умением прилежно и самоотверженно работать» [17: 1].

Подготовка к проведению очередной переписи населения в Польше в декабре 1931 г. актуализировала интерес редакции газеты «Под небом Полесья» к механизму проведения переписей и к этнонациональной политике польских властей на территории Полесья в целом. Особое внимание газета уделил феномену новых национальностей «полешуков» и «тутэйших», обнаруженных предыдущими польскими

переписями на территории Полесского воеводства. По ироничному замечанию газеты, о существовании подобных народностей ранее «не догадывались историки и этнографы ни польские, ни русские» [16: 2]. Так, по данным переписи населения, проведенной польской администрацией в 1919 г. в подконтрольных ей белорусско-литовских областях, на территории Полесья было зафиксировано 116 965 тех, кто заявил о себе как о «тутэйших»; при этом на территории Виленского воеводства их число составило 37 089, а на территории Минщины – 37 927 [22: 31]. Примечательно, что явление «тутэйших» и «полешуков» было характерно в основном для сельской местности; в крупных городах перепись таковых не зафиксировала. Последующие переписи населения в Польше указывали на постоянный рост «полешуков» и «тутэйших» на территории Полесья. По данным переписи 1931 г., число «полешуков» на территории Полесского воеводства составило уже 710 870 человек, или 63,1% от общей численности населения Полесского воеводства [4].

В отличие от польских чиновников, объяснявших появление «полешуков» и «тутэйших» исключительно низкой степенью национального самосознания местного славянского населения Полесья, не способного отнести себя к какой-либо из общепризнанных национальностей, редакция газеты «Под небом Полесья» усматривала одну из главных причин данного явления в текущих политических факторах, а также в этнокультурной политике властей. По словам издания, в ходе переписи население часто не могло или по каким-либо причинам не желало причислить себя к известным национальностям. В ответ на вопрос о национальной принадлежности местные жители часто отвечали, что в составе России «они были русские; перешли под Польшу, стало быть, стали польские»; при этом счетные комиссары в данном случае охотно указывали польскую национальность [16: 2]. Газета обоснованно подчеркивала, что «большую роль в этом «самоопределении» сыграли переписчики своими наводящими вопросами, своей субъективной пристрастностью к известной народности» [16: 2]. Тем самым издание давало понять, что официальная численность поляков на территории Полесья искусственно завышена за счет местного непольского населения.

Комментируя широко распространенное нежелание местного населения отнести себя к общепринятым национальностям и самоопределение его значительной части как «тутэйших» или «полешуков», газета не без иронии замечала: «Хитер наш полешук! Исторические условия многих веков заставили его таким быть. Скажи, что русский, подумают: а, мы большевики! Время-то было – 1921 год, память о товарищах была очень свежа и еще недавно действовали на Полесьи

«карные» военные отряды... Население Полесья во время первой переписи не открыло полностью своего настоящего национального обличья, выявило очень слабое национальное самосознание и показало, что оно так или иначе хитрит по тем или иным причинам; что полешук остался «себе на уме». ...Об интеллигенции можно сказать то же самое. Иные записывали себя не так, как говорило их внутреннее национальное чувство, отчасти и страха ради, отчасти и оттого, как иные говорили: «стыдно быть русским после всего, что произошло, Русь осрамилась» [16: 2]. Подводя итог своим рассуждениям об итогах польских переписей населения, газета, намекая на далекую от идеальной национальную политику официальной Варшавы, заключала: «Перепись даст только тогда верные сведения о национальностях, если все народности будут уверены, что они равноправны и им нечего бояться...» [16: 2].

Примечательно, что критика переписей населения в полеском регионе межвоенной Польши, озвученная на страницах «Под небом Полесья», в известной степени разделяется и авторитетными польскими историками. Так, Е. Томашевский отмечал, что перепись 1921 г. была отмечена рядом недостатков и прямых фальсификаций; при этом часто национальную принадлежность той многочисленной части населения Полесья, которая не могла сама определить свою национальность, определяли в основном сами счетные комиссары.

Судя по всему, польские власти по тактическим соображениям были заинтересованы в поддержке «полесской» идентичности, поскольку это могло быть использовано как инструмент для противодействия распространению у населения Полесья русской, белорусской или украинской идентичности. Примечательно в этой связи, что в подготовленной одним из чиновников управления Полесского воеводства аналитической записке о национальных группах на территории Полесья в 1931 г. говорилось, что «население Полесья, ведущее свое происхождение от древлян, не имеет ничего общего с теми племенами, которые положили начало русскому или украинскому народу... Археологические и антропологические исследования показали, что физический тип древних обитателей Полесья и современных полешуков серьезно отличается от типов русского и украинца. Наконец, язык современных полешуков содержит многочисленные особенности, чуждые русскому, украинскому и белорусскому языкам, и не может считаться диалектом данных языков. По отношению же к украинскому и белорусскому языкам он может быть с полным основанием признан равноправным с этими языками» [5]. Таким образом, некоторые польские чиновники, по сути, выступали сторонниками и даже идеологами

существования отдельного полесского народа, отличного от русских, белорусов и украинцев.

Подобные мысли не ограничивались лишь сферой абстрактного теоретизирования, имея вполне конкретное практическое воплощение. Так, 26 ноября 1926 г. орган Русской Народной Организации в межвоенной Польше, львовский еженедельник «Русский голос» опубликовал статью под названием «По случаю полесизации», где сообщалось об издании в Пинске газеты «на чистейшем полесском языке». По словам газеты, «уездный сеймик в Пинске – ничтоже сумняшеся – открыл «древнюю нацию – народ полесский». И не только открыл, но стал даже издавать специальную газету для этого до сих пор пребывающего в неизвестности «народа», – с иронией сообщал львовский «Русский голос». – Факт, в достаточной степени говорящий сам за себя! По-видимому, примеры Австро-Венгрии слишком еще стоят перед глазами польского правительства» [19: 2]. Поддерживаемый местной польской администрацией «полесский проект» в виде издания газеты на полесском диалекте «Русский голос» расценивал как очередную попытку подорвать общерусский «национальный организм» и «вытравить в русском народе его национальное сознание, сознание его великой культуры – его русскость» [19: 2].

Попытки польских властей издавать прессу на местном полесском диалекте, призванную содействовать становлению особой местной идентичности и одновременно распространять идеи лояльности к польскому государству, имели место и позднее. В 1928 г. в Пинске при поддержке местной администрации издавался еженедельник «Наша земля», который ставил своей задачей в условиях предвыборной кампании в сейм «освещать жизнь малоземельных крестьян» и разъяснять тем крестьянам, которые не могли читать по-польски, «что делается в стране» [9: 2]. Примечательно, что статьи в данной газете печатались как на местном полесском диалекте с активным использованием польской лексики, так и на литературном русском языке; при этом наиболее важные в пропагандистском отношении материалы редакция предпочитала публиковать именно на русском литературном языке. Тем самым редакторы проправительственного издания фактически признавали широкую распространенность и органичность русской культуры и языка для местного населения.

В содержательном отношении «Наша земля» выступала в качестве агитационного инструмента пилсудчиков в регионе, призванного повлиять на итоги выборов в сейм в данной части Полесья. «Будущее среднего и мелкого крестьянина – в сильном, демократическом государстве, установленном Маршалком Пилсудским» [9: 2], – подчер-

кивала «Наша земля» 19 января 1928 г. Объясняя жителям Полесья коварные козни окружающих Польшу враждебных государств, газета констатировала: «С момента заключения мира в Риге большевики приступили к пробуждению национализма белорусов и украинцев, направляя его острие против Польши. Россия и немцы стараются осуществить свои враждебные планы во время выборов. Для воздействия на селян украинских и белорусских плывут широким корытом гроши из Москвы и Берлина... Крестьяне и интеллигенция польская, белорусская и украинская должны объединиться с Беспартийным Блоком сотрудничества с правительством, чтобы изменить жизнь к лучшему... Все как один пойдем за Ним, за Маршалком Иосифом Пилсудским!» [9: 2].

Следующий номер газеты в еще большей степени являлся предвыборной агиткой. «Приближается момент выборов в Сейм... Должны ли мы слышать голоса коммунистов, сельроба или белорусской громады, которые за советские доллары принесли нам беду в тихую и спокойную полесскую деревню?» [10: 1], – писала «Наша земля» 29 января 1928 г., одновременно призывая всех полешуков «голосовать за список № 1 Беспартийного Блока сотрудничества с правительством Маршала Пилсудского... Долой фальшь и обман! Да здравствует Маршалек Пилсудский!» [10: 1].

Однако, несмотря на столь напористую и агрессивную пропаганду, ее реальное влияние на население Полесья было незначительным. «Фальшь и обман» прагматичный местный житель скорее усматривал именно в проправительственных публикациях «Нашей земли», что являлось закономерным следствием печальных социально-экономических реалий межвоенного Полесья. Как отмечал авторитетный польский историк Е. Томашевский, «на протяжении 18 лет польского правления в полесском регионе имело место ухудшение положения населения... Неудивительно, что на Полесье возникла поговорка «як прыйшли поляки, не стало хлеба и табаки»... В рамках польского государства Полесье имело характер колониальной территории» [23: 196].

Проявления этнокультурной инженерии со стороны польских властей были многообразны и отнюдь не ограничивались только Полесьем. Так, в 1930-е гг. на территории русинской Лемковщины в Западной Галиции польская администрация поддерживала этнокультурный проект, направленный на формирование особой лемковской идентичности у местного русинского населения, что было призвано воспрепятствовать распространению на Лемковщине русской или украинской идентичности [21: 391]. Конечной целью подобной политики была этнокультурная фрагментация восточнославянского

населения восточных провинций межвоенной Польши, призванная создать условия для его последующей полонизации.

Что касается Полесья, то еще одним проявлением ассимиляционной политики Варшавы в отношении данного региона были планы изменения административных границ между воеводствами в восточных областях Польши. В 1927 г. Министерство по военным делам Польши подготовило проект, предусматривавший образование нового Подлясского воеводства из западной части Полесского и восточной части Люблинского воеводств с центром в Бресте. Столицу Полесского воеводства при этом предполагалось перенести из Бреста в Пинск. Данная реорганизация, по словам Е. Томашевского, «была призвана усилить польское ассимиляционное влияние на часть населения Полесья и ограничить украинское влияние. Линия по реке Буг как предполагаемая польская этнографическая граница на востоке должна была быть перенесена значительно далее на восток...» [23: 12].

Публикации газеты «Под небом Полесья» явно противоречили политике Варшавы в данном регионе и вызывали нарастающее раздражение местной администрации. Пинский староста приложил все усилия для того, чтобы сдержать свое обещание полесскому воеводе уничтожить газету «Под небом Полесья» путем деструктивных административных мер. Уже в четвертом номере «Под небом Полесья» редакция сообщала читателям о том, что «наша газета... печатается уже не в Пинске... Все местные владельцы типографий как по щучьему велению отказались печатать ее у себя, ссылаясь на то, что у них семьи и что вообще им не интересно из-за кого-нибудь страдать. Не желая лишать куска хлеба жен и детей наших пинских типографщиков, мы списались с Вильно – и со второго номера газета наша печатается уже там...» [14: 1].

В результате синхронного отказа местных пинских типографий печатать газету несколько ее номеров вышли в белорусской типографии имени Скорины в Вильно, что было сразу замечено местными структурами безопасности. В своем донесении полесскому воеводе 18 ноября 1931 г. отдел безопасности управления Виленского воеводства отмечал «пророссийскую направленность» издателей газеты «Под небом Полесья», которая выразилась в том, что белорусы, украинцы и великорусы трактуются как части единого русского народа. «Подобную позицию, – отмечалось в донесении, – занимает и виленская газета «Наше время», которая утверждает, что языки белорусский и украинский находятся в таком отношении к русскому языку, как мазурский язык к польскому» [6]. Автор донесения обращал внимание полесского воеводы на «не только идеологические, но

и персональные связи» между виленской газетой «Наше время» и пинским «Под небом Полесья». В документе подчеркивалось, что меры по недопущению издания газеты «Под небом Полесья» в Вильно труднореализуемы, поскольку издание газеты осуществляется в белорусской типографии имени Скорины, которая контролируется белорусской христианской демократией и близкими к ней группами, включая группу бывшего сенатора и «российского монархиста» В. Богдановича [6]. Тем не менее польской администрации в начале 1932 г. удалось заблокировать издание неудобной для них газеты. Уже в первом номере «Под небом Полесья» за 1932 г. редакция, намекая на резко усложнившиеся условия работы, сообщала своим читателям о переносе печатания газеты в другую типографию и связанной с этим задержкой издания. Со второго номера «по независящим от редакции причинам» газета стала выходить непериодически [18: 1], и, наконец, ее издание было полностью прекращено.

В одном из последних номеров «Под небом Полесья» было опубликовано обращение редакции к населению Полесья, ставшее «лебединой песней» и одновременно квинтэссенцией идейной направленности данного издания. «К тебе, народ наш русский, православный, многострадального Полесья крестьянин и рабочий, мы обращаемся! ...Помни, что ты – русский! Ты – представитель великого русского племени! Ты – носитель славного русского имени! Ты – говорящий на русском языке, одном из величайших языков славянских. Ты – православный, последователь древнейшей Восточной Церкви, основанной святыми Апостолами...» [18: 1]. В конце данного обращения редакция газеты, демонстрируя свою лояльность к государству, напоминала читателям о необходимости «быть верным Польской Республике» и честно исполнять все ее законы [18: 1]. Однако демонстрация лояльности не могла ничего изменить, поскольку судьба данного издания была решена заранее.

В конце 1932 г. в Пинске представителем местной русской общины Н. Березницким была предпринята попытка издания русской церковно-общественной газеты «Пинский голос». Первоначально планировалось издание «Пинского голоса» как ежедневной газеты, однако полесский воевода запретил выпуск газеты как ежедневника, ссылаясь на нежелательность подобного печатного органа в силу местных обстоятельств [11: 1]. Примечательно, что, как и в случае с газетой «Под небом Полесья», владельцы пинских типографий как по команде отказались от печати данной газеты, объясняя это «независящими от них обстоятельствами» [11: 1]. В итоге выпуск данной газеты, стремившейся «объединить всех русских людей на Полесьи и стать для них доступным печатным органом» [11: 1], был также прекращен

из-за противодействия местной польской администрации. При этом газета «Пинский голос» успела получить архипастырское благословение архиепископа Полесского и Пинского Александра, который охарактеризовал издание данной газеты как «доброе культурное дело» и рекомендовал духовенству и верным Полесской епархии «поддержать газету подпиской» [11: 1].

Данный скромный издательский проект в провинциальном городке Полесского воеводства стал предметом обсуждения в политических верхах Второй Речи Посполитой. В своем пространном конфиденциальном донесении министру внутренних дел в Варшаву 4 ноября 1932 г. полесский воевода В. Костек-Бернацки указывал на то, что издатель «Пинского голоса» Березницкий является убежденным русским монархистом и одним из наиболее видных представителей русской колонии в Пинске, «проводящей на данной территории вредную русификаторскую деятельность. Данная колония, – предостерегал полесский воевода, – считает Полесье исконно русским, а местное население – частью великорусского народа. В этом духе работа ведется уже ряд лет, давая со временем плоды, как, например, в случае с завоеванием в 1928 г. единственного в Польше русского мандата в Сейм в избирательном округе Пинск» [7]. «Принимая во внимание опасность русификаторской акции среди несознательного в национальном отношении местного населения, – указывал в документе полесский воевода, – я запретил Березницкому издание русской газеты в Пинске...» [7].

Издание газет на русском языке в восточных воеводствах Польши и их популярность среди населения вызывали обеспокоенность и крайне негативную реакцию польской общественности и прессы. Так, издававшаяся в Полесском воеводстве польская газета «Экспресс полесски» констатировала в одной из своих статей, что «хотя на Полесьи нет русских, тут выходят издания на русском языке» [20: 1]. В ответ на попытки издания газет на русском языке польская администрация в Полесском воеводстве во второй половине 1930-х гг. активизировала попытки создания популярной «Полесской газеты» на польском языке для местного крестьянского населения, объясняя это как необходимостью распространения информации экономического характера, так и политическими соображениями. Так, представитель Полесского воеводства С. Беневски в своем обращении к Министерству сельского хозяйства откровенно писал, что при наличии «подходящей газеты» местного полешука «можно относительно легко полонизировать» [8], отмечая, что подобная газета должна иметь популярный характер и отражать специфические проблемы Полесья, поскольку «варшавские издания не отвечают запросам полесского крестьянина» [8].

Таким образом, общерусское самосознание значительной части населения восточных воеводств межвоенной Польши находило свое выражение в местной русскоязычной прессе, идейная направленность которой, несмотря на декларируемую лояльность польскому государству, являлась неприемлемой для польских властей, поскольку отставала идею общерусского единства. Ареал распространения русской прессы, пропагандировавшей русскую культуру и поддерживавшей общерусскую идентичность, охватывал не только такие традиционные крупные центры русской культурной жизни, как Вильно и Львов, но и небольшие провинциальные города восточных воеводств, ярким примером чему являлся Пинск. Обоснованно опасаясь растущего влияния русской прессы на восточнославянское население этнически непольских восточных провинций Второй Речи Посполитой, местные польские власти активно использовали административные рычаги для удушения и ликвидации неугодных им русских изданий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Брестской области (ГАБО). Ф. 1. Оп. 9. Д. 136. Л. 49.
2. ГАБО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 879. Л. 37.
3. ГАБО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 939. Л. 2.
4. ГАБО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 1658. Л. 40.
5. ГАБО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 1661. Л. 60.
6. ГАБО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 1661. Л. 30.
7. ГАБО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 940. Л. 35.
8. ГАБО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 968. Л. 161.
9. Наша земля. Безпартийна газета нидельня. 19 стычня 1928. № 10. С. 2.
10. Наша земля. Безпартийна газета нидельня. 29 стычня 1928. № 11. С. 2.
11. Пинский голос. Еженедельный церковно-общественный орган. 11 декабря 1932. № 1. С. 1.
12. Под небом Полесья. Орган русской мысли на Полесьи. Пинск, 8 ноября 1931. № 2. С. 1.
13. Под небом Полесья. Орган русской мысли на Полесьи. Пинск, 15 ноября 1931. № 3. С. 1.
14. Под небом Полесья. Орган русской мысли на Полесьи. Пинск, 22 ноября 1931. № 4. С. 1.
15. Под небом Полесья. Орган русской мысли на Полесьи. Пинск, 6 декабря 1931. № 6. С. 1.
16. Под небом Полесья. Орган русской мысли на Полесьи. Пинск, 13 декабря 1931. № 7. С. 1.
17. Под небом Полесья. Орган русской мысли на Полесьи. Пинск, 7 января 1932. № 1. С. 2.
18. Под небом Полесья. Орган русской мысли на Полесьи. Пинск, 7 февраля 1932. № 2. С. 2.

19. Русский голос. Орган Русской Народной Организации. Львов, 26 ноября 1925. № 136. С. 1.
20. *Expres Poleski*. 13.10.1932. № 294. S. 1.
21. *Shevchenko K.* Reinterpretation of History as the Identity-Building Tool. Case of Poleshuks in Belarus // *Český lid. Etnologický časopis*. 2010. № 4. P. 383–399.
22. *Spis ludności na terenach administrowanych przez Zarząd Cywilny Ziem Wschodnich (grudzień 1919)*. Lwów-Warszawa, 1920. 37 s.
23. *Tomaszewski J.* Z dziejów Polesia 1921–1939. Zarys stosunków społeczno-ekonomicznych. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1963. 189 s.

REFERENCES

1. The State Archives of Brest Region (GABO). Fund 1. List 9. File 136. p. 49.
2. The State Archives of Brest Region (GABO). Fund 1. List 8. File 879. p. 37.
3. The State Archives of Brest Region (GABO). Fund 1. List 8. File 939. p. 2.
4. The State Archives of Brest Region (GABO). Fund 1. List 8. File 1658. p. 40.
5. The State Archives of Brest Region (GABO). Fund 1. List 8. File 1661. p. 60.
6. The State Archives of Brest Region (GABO). Fund 1. List 8. File 1661. p. 30.
7. The State Archives of Brest Region (GABO). Fund 1. List 8. File 940. p. 35.
8. The State Archives of Brest Region (GABO). Fund 1. List 8. File 968. p. 161.
9. *Nasha zemlya. Bezpartyynna gazeta nidel'nya*. (1928a). 19 stychnya. 10. p. 2.
10. *Nasha zemlya. Bezpartyynna gazeta nidel'nya*. (1928b) 29 stychnya. 11. p. 2.
11. *Pinskiy golos. Ezhenedel'nyy tserkovno-obshchestvennyy organ*. (1932) 11th December. 1. p. 1.
12. *Pod nebom Poles'ya. Organ russkoy mysli na Poles'i*. (1931a). 8th November.
13. *Pod nebom Poles'ya. Organ russkoy mysli na Poles'i*. (1931b). 15th November. 3. p. 1.
14. *Pod nebom Poles'ya. Organ russkoy mysli na Poles'i*. (1931c). 22nd November. 4. p. 1.
15. *Pod nebom Poles'ya. Organ russkoy mysli na Poles'i*. (1931d). 6th December. 6. p. 1.
16. *Pod nebom Poles'ya. Organ russkoy mysli na Poles'i*. (1931e). 13th December. 7. p. 1.
17. *Pod nebom Poles'ya. Organ russkoy mysli na Poles'i*. (1932a). 7th January. 1. p. 2.
18. *Pod nebom Poles'ya. Organ russkoy mysli na Poles'i*. (1932b). 7th February. 2. p. 1.
19. *Russkiy golos. Organ Russkoy Narodnoy Organizatsii*. (1925) 26th November. 136. p. 1.
20. *Expres Poleski*. (1932) 13th October. p. 1.
21. *Shevchenko, K.* (2010) Reinterpretation of History as the Identity-Building Tool. Case of Poleshuks in Belarus. *Český lid. Etnologický časopis*. 4. pp. 383–399.

22. Anon. (1920) *Spis ludności na terenach administrowanych przez Zarząd Cywilny Ziem Wschodnich* (grudzień 1919) [Census of the population on the territory administered by the Civil Office of Eastern Lands (December 1919)]. Lwów-Warszawa: [s.n.].

23. Tomaszewski, J. (1963) *Z dziejów Polesia 1921-1939. Zarys stosunków społeczno-ekonomicznych* [From the History of Polesse. Outline of social and economic relations]. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe.

Шевченко Кирилл Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры правовых дисциплин, заведующий Центром евразийских исследований Филиала Российского государственного социального университета в Минске (Беларусь).

Kirill V. Shevchenko – Ph.D. in History, Professor, Department of Law, Head of Center for Eurasian Studies, Minsk Branch of Russian State Social University (Belarus).

E-mail: shevchenkok@hotmail.com

УДК [94 “1991/1995”:271.2](478)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/70/10

Деятельность Украинской автокефальной православной церкви на территории Приднестровья в 1991–1995 гг. (по материалам периодической печати)

В.А. Содоль

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
Молдова, Приднестровье, 3300, г. Тирасполь, ул. 25 октября, 107
E-mail: sodol_slv@mail.ru

Авторское резюме

В ходе обострения межнациональных отношений в Молдавии в начале 90-х гг. XX в. на территории провозглашенной Приднестровской Молдавской Республики были сформированы и зарегистрированы несколько приходов Украинской автокефальной православной церкви. Ценные сведения о ее деятельности в первой половине 1990-х гг. публиковали приднестровские газеты «Днестровская правда», «Днестр», «Трудовой Тирасполь». Появлявшиеся на страницах периодической печати материалы (репортажи журналистов, выступления представителей духовенства УАПЦ, обращения руководства УАПЦ к верующим и т.п.) позволяют охарактеризовать такие аспекты деятельности УАПЦ в Приднестровье, как: организации приходов в крае, персональный состав духовенства, политические предпочтения приднестровского духовенства УАПЦ, отношения приднестровских верующих к духовенству УАПЦ и священнослужителям Молдовы, деятельность приходских священников УАПЦ во время вооруженного противостояния в Приднестровье и после его окончания, ликвидации структур УАПЦ в Приднестровье.

Ключевые слова: Дубоссарско-Приднестровская епархия, Украинская автокефальная православная церковь, Бендерская епархия, Приднестровье

The activity of the Ukrainian Autocephalous Orthodox Church in Transnistria in 1991–1995 (based on the materials of the periodical press)

V.A. Sodol

Taras Shevchenko State University of Transnistria
107 Oktober 25th str., Tiraspol, Transnistria, Moldova
E-mail: sodol_slv@mail.ru

Abstract

With the aggravation of interethnic relations in Moldova in the early 1990s, the The Ukrainian Autocephalous Orthodox Church (UAOC) opened and registered several parishes in the self-proclaimed Pridnestrovian Moldavian Republic. The Pridnestrovian newspapers *Dnestrovskaya Pravda*, *Dniester*, and *Trudovoy Tiraspol* regularly published about the UAOC activities in the first half of the 1990s. The journalism included reports, speeches by representatives of the UAOC clergy, appeals by the UAOC leadership to the congregation and the like, which allows characterizing such aspects of the UAOC activities in Pridnestrovie as organizations of parishes in the province, the composition of the clergy, the political preferences of the Pridnestrovian UAOC clergy, the relations of Pridnestrovian congregation to the UAOC clergy and the clergy of Moldova, the activities of the UAOC parish priests during the armed confrontation in Pridnestrovie and after its end, the liquidation of the UAOC structures in Pridnestrovie.

Keywords: Dubossary-Pridnestrovian Diocese, Ukrainian Autocephalous Orthodox Church, Bendery Diocese, Pridnestrovie

Освещению событий, происходивших в Приднестровье в конце 1980-х – первой половине 1990-х гг. посвящено значительное количество как научных (обобщающих, специальных), так и публицистических работ. Исследователями даны ответы на вопросы о причинах молдавско-приднестровского конфликта, степени влияния на него внешнеполитических сил и специальных служб, «цены» вооруженного конфликта и его социальных, экономических и политических последствий, а также освещен ряд иных проблем. В то же время проведенный нами анализ научных обобщающих, специальных и публицистических изданий, посвященных событиям первой половины 1990-х гг. в Приднестровье, показал наличие лишь нескольких работ, на страницах которых авторы пытались раскрыть роль православной церкви в этих драматических событиях. Еще меньшее число иссле-

дователей обращало внимание на деятельность духовенства УАПЦ на территории республики в интересующий нас период.

Так, в изданной недавно обобщающей работе «История ПМР» (IV том) данной проблеме в разделе «Тираспольско-Дубоссарская епархия Русской Православной Церкви» отведено всего несколько строк [21: 690]. Весьма краткие сведения о причинах организации в Приднестровье приходов «раскольниками-филаретовцами», формирования «Дубоссарской Приднестровской епархии» и деятельности ее благочинного протоиерея В. Гудзя, спрессованные в несколько предложений без указания источников информации, опубликовали в своей «научно-популярной» работе А.З. Волкова и М.П. Заложкова [14: 16–17]. Гораздо более подробный очерк, основанный на нескольких статьях в газете «Трудовой Тирасполь», раскрывающий причины «теплого приема» в приднестровских городах и селах священнослужителей УАПЦ, организации ее приходов и отдельной епархии на приднестровских землях, а также мероприятия по их поддержке со стороны местной администрации, опубликовала Л.П. Алферьева [1: 8]. Организацию и деятельность приходов УАПЦ в Приднестровье как стремление «оторвать от Русской Православной Церкви часть приходов в Приднестровье» представил Е. Казанакли в очерке, посвященном истории храма Всех святых в Дубоссарах [22: 48]. При этом священников этой церковной организации он охарактеризовал как «безграмотных неучей, а не священнослужителей» [22: 48].

Таким образом, говорить о сколько-нибудь подробном освещении этой страницы истории православия на левобережье Днестра не приходится. В то же время беседы с современниками и участниками интересующих нас событий показали, что деятельность духовенства УАПЦ была достаточно многогранна и активна. Тем самым, на наш взгляд, существует необходимость заполнить имеющуюся лауну в религиозной истории Приднестровья. И в рамках решения данной научной проблемы на начальном этапе было принято решение обратиться к изучению наиболее доступного источника информации – приднестровских районных и республиканских газет 1991–1995 гг. Были выявлены и изучены подшивки газет «Днестровская правда», «Днестр», «Трудовой Тирасполь», публиковавшие на своих страницах материалы (репортажи журналистов, выступления представителей духовенства УАПЦ, обращения руководства УАПЦ к верующим и т.п.), позволяющие охарактеризовать ряд существенных вопросов по организации и деятельности приходов УАПЦ в Приднестровье.

Прежде всего обратимся к характеристике ситуации, сложившейся в Молдавской ССР на рубеже 1980–1990-х гг. Как известно, в ходе обострения межнациональных отношений политические формирова-

ния унионистской направленности предприняли попытку разыграть дополнительно и религиозную карту – возродить на территории республики Бессарабскую митрополию в составе Румынской православной церкви, попутно переподчинив ей приходы, входившие в состав Кишиневской епархии Московского патриархата. Уже во время первых вооруженных провокаций, а затем в ходе вооруженной агрессии Республики Молдова против Приднестровья духовенство Бессарабской митрополии заняло позицию унионистов, а руководство Кишиневской епархии Московского патриархата – выжидательную. Лишь 16 марта 1992 г. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II направил послание правящему епископу Молдавской епархии архиепископу Кишиневскому и Молдавскому Владимиру и в письме обещал оказать любую посильную помощь в разрешении конфликта на Днестре [10: 143]. 21 марта с благословения Викентия, епископа Бендерского в Ново-Нямецком Кицканском монастыре, состоялось собрание 115 священников Бендерской епархии, на котором обсуждались проблемы церкви. Одновременно с этим священники по просьбе прихожан выразили свое отношение к событиям в Приднестровье. Все были единодушны в том, что кровавые события в Приднестровье должны быть прекращены. Присутствовавшие выработали обращение, в котором в частности говорилось: «Мы, священники Бендерской Епархии и юга Молдовы во главе с его Преосвященством епископом Бендерским Викентием, обращаемся к Президенту Республики Молдова, к парламенту, ко всем людям доброй воли, к христианам и отдельно к лидерам Приднестровья. ... Мы обращаемся к разуму ослепленных ложью: не стреляйте в своих братьев! Мы все братья во Христе и разделяем одну веру. Каждый вопрос можно и должно решать не с помощью оружия, а мирным путем, православным согласием. Рано или поздно победит правда. ... Мы надеемся, что наше обращение будет услышано, дойдет до ума и сердца всех тех, от кого зависит прекращение этой братоубийственной войны, до сердца христиан. Будем же молиться Отцу нашему Небесному, дабы снизошла на нас Божия благодать и воцарился мир на этой многострадальной земле» [29: 7].

Однако многие священнослужители (особенно в молдавских селах) не только не пытались противостоять церковному расколу, но и не скрывали своей политизированности, чем приводили своих прихожан в смятение и вызывали у большинства из них глубокое возмущение. Особенно осложнилось положение в первой половине 1992 г. В результате боевых действий появились многочисленные жертвы, в том числе среди мирного населения. Некоторые священнослужители отказывали своим прихожанам в совершении панихид как по воинам,

так и по их родным и близким, погибшим в результате обстрелов со стороны Молдовы. Это не могло не привести к существенным разногласиям между приднестровскими верующими и их пастырями, подчинявшимися Православной церкви в Молдове [1: 7].

Именно в этих непростых условиях на территории провозглашенной Приднестровской Молдавской Республики появились представители УАПЦ, организации, созданной в 1989–1990 гг., были сформированы и зарегистрированы несколько приходов Украинской автокефальной православной церкви. Настоятели приходов позиционировали себя как защитники прав и свобод славянских этносов в Приднестровье, прежде всего украинского и противопоставляли себя духовенству «молдавскому». Материалы указанных выше газет позволяют обрисовать следующую картину.

В первой декаде апреля 1992 г., по сообщениям газет «Днестровская правда» и «Днестр», в селе Рашково Каменского района прошло собрание представителей украинского населения Приднестровья. Его участники решили обратиться за помощью в Украинскую национальную ассамблею, обратились к народу Украины, Президенту и Верховному Совету с предложением о возвращении Приднестровья в состав Украины [36: 1]. Тогда же состоялась встреча благочинного УАПЦ протоиерея Владимира Гудза с председателем Союза украинцев Приднестровья А.Н. Бутом и председателем правления колхоза имени Владимира Ильича Ленина В.С. Хлысталом. Разговор касался религиозной жизни, просвещения и культуры. В процессе обсуждения этих вопросов участники встречи приняли решение преобразовать Рашков в центр религиозной жизни украинцев Приднестровья: основать здесь монастырь, построить двухэтажную гостиницу для паломников, а в местной школе изучать факультативно Слово Божье [26: 1].

Спустя месяц на первом Всеукраинском народном Вече Приднестровья 16 мая 1992 г. было принято Постановление, в котором содержалось требование более эффективного выполнения Указа Президента ПМР о возрождении украинского языка и культуры в крае, в т.ч. по становлению и развитию Украинской автокефальной православной церкви [32: 1]. Через неделю, 23 мая, субботний выпуск «Днестровской правды» сообщил о регистрации первой в Приднестровье религиозной общины УАПЦ в селе Рашков при отреставрированной Свято-Троицкой церкви [12: 2]. Тогда же была достигнута договоренность с правительством ПМР об образовании в будущем Приднестровского Епископата УАПЦ [12: 2].

Синод УАПЦ в начале августа одобрил создание Дубоссарско-Приднестровской епархии, которая, по мысли ее создателей, должна была включать «все церковные общины на территории Приднестров-

ской Молдавской Республики» [5: 3]. Руководителем епархии был назначен епископ Житомирский, а затем Винницко-Брацлавский Софроний (Власов). Секретарем епархиального управления являлся благочинный протоиерей Владимир Гудзь. Центром епархии был избран г. Дубоссары, кафедральным храмом стал собор Св. Параскевы.

Процесс становления новой церковной организации весной-летом 1992 г. совпал с периодом вооруженной агрессии Республики Молдова против народа Приднестровья. По сообщениям местной прессы, духовенство УАПЦ и прежде всего протоиерей Владимир Гудзь активно поддерживали приднестровцев. Уже в марте 1992 г. в ходе визита делегации УАПЦ во главе с митрополитом Переяславским и Сичеславским Антонием (Масендич) в Приднестровье состоялась встреча с Председателем Верховного Совета ПМР Г.С. Маракуцей, в ходе которой митрополит решительно осудил бандитское нападение на Дубоссары [30: 4].

Спустя несколько дней, в начале апреля благочинный УАПЦ протоиерей Владимир обратился к верующим Украины со словами: «Братья и сестры! ...Развязанный правительством Молдовы геноцид против народов Приднестровья направлен и против украинцев, которые здесь живут веками. Наш народ не повинен в том, что служил политической картой в играх нечестивых политиков и переходил из рук в руки. Все мы знаем, что МССР была создана искусственно. Великие испытания послал Господь Бог на наш народ. Но мы твердо веруем в Святое Письмо: тот, кто вытерпит до конца, тот спасется. Правительство Приднестровья строит демократическое общество и украинцы с радостью воспринимают его условия по возрождению культуры, духовности и религиозной жизни. Наш народ с радостью воспринял Указ Президента И. Смирнова, в котором наряду с молдавским и русским статус государственного обретает и украинский язык. Открываются двери украинских школ, украинской церкви (УАПЦ). Любимые братья и сестры. Прошу Вас помочь обескровленному нашему народу, украинскому, живущему в Приднестровье. У нас, верующих, болит сердце, когда мы видим сирот, вдов, обездоленных наших братьев и сестер...» [11: 1].

Духовенство Дубоссарско-Приднестровской епархии УАПЦ регулярно посещало защитников Приднестровья на боевых позициях. Так, Каменская газета «Днестр» сообщала, что 16 июля на боевые позиции в с. Кочиеры приехал благочинный протоиерей Владимир Гудзь, который «прочел священную молитву о спасении душ и тел ребят, находящихся сейчас в месте военных событий, пожелав скорейшего окончания кровопролития “на благородной земле, созданной Богом. Ибо он завещал приумножать дары на ней, а не уничтожать”.

Так же была освящена вода, и протоиерей Владимир окропил ею не только всех собравшихся, но и окопы, блиндажи, боевое оружие. Благословив защитников ПМР на “войну с врагом”, он призвал не держать в сердце злобу, не возводить ее в высшую степень безумия, не копить ее долгое время, потому что все люди на Земле временные гости, пришельцы. И поэтому за смертоносные дела врагов наших “будет наказывать по заслугам только Бог”» [23: 2].

По окончании вооруженного противостояния духовенство Дубоссарско-Приднестровской епархии УАПЦ регулярно принимало участие в поминальных мероприятиях по погибшим в вооруженном конфликте приднестровцам, в частности, на митинге 2 марта 1993 г., посвященном открытию мемориальной доски И. Сипченко, при освящении креста, установленного на месте гибели М. Зубкова его товарищами по защите Приднестровья во главе с атаманом станицы Воронежской из Волгоградской области С. Филиппцевым [7: 1]; 6 июля 1993 г. – на открытии памятника погибшим защитникам г. Дубоссары у здания дома Советов [8: 1]; на траурном митинге по освящению памятника убиенным жителям Цыбулевки [33: 1].

По сообщениям газет, после завершения «горячей» фазы конфликта, во второй половине 1992–1993 гг. духовенство Дубоссарско-Приднестровской епархии УАПЦ стало значительное внимание уделять организации приходов и налаживанию взаимоотношений с властями и верующими Приднестровья. В интервью газете «Днестровская правда» епископ Софроний в ноябре 1992 г. отмечал, что «уже открыты и действуют храмы Украинской Православной церкви в Слободзейском, Каменском, Рыбницком районах... 12 церковных общин» [5: 3]. Однако исследователи сходятся во мнении, что на самом деле в состав епархии входили 8 приходов: 2 в городах Тирасполь и Дубоссары и 6 в селах [1: 8]. Эти данные подтверждаются и материалами прессы. В Тирасполе была создана община православных христиан церкви св. Равноапостольного Владимира [28: 1]. В ноябре 1992 г. на заседании исполкома Дубоссарского горсовета было принято решение о перерегистрации городской церковной общины, перешедшей под юрисдикцию Украинской Православной Церкви [5: 3]. Благодаря усилиям верующих и с помощью местных Советов были восстановлены церковь в селе Дубово и Кафедральный собор Св. Параскевы в Дубоссарах, о реконструкции под храм старой школы говорили на сходе жители с. Цыбулевка. Все эти проекты были реализованы при содействии епархиального управления Дубоссарско-Приднестровской епархии [4: 3]. Сообщения приднестровских газет позволяют судить и о значительном накале страстей в ходе борьбы за храмы. Так, в с. Ближний Хутор сход села единогласно решил избавиться

от священника-ставленника Бессарабской митрополии и избрал комиссию по передаче церкви Дубоссарско-Приднестровской епархии. Атаман ЧКВ В.Г. Бондарчук и атаман Тираспольского казачьего округа М. Сапигора пообещали выделить на восстановление церкви в общей сложности 70 тыс. руб. [25: 1]. Однако, по словам протоиерея Владимира Гудзя, «на следующий день епископ Тигинский Викентий убирает отца Иоанна, привозит другого священника из Гагаузии – отца Михаила, а ключи отдает старосте. До сего дня священники (УАПЦ. – В.С.) и сельский Совет не могут попасть в церковь» [16: 2]. В русской части пгт Слободзея спор о принадлежности храма пришлось решать с применением физического насилия: «7 апреля сего года, на праздник Благовещения Пречистой Девы Марии, совместными усилиями председателя поселкового Совета господина Белоусова, директора «Ангара» господина Будяка, нескольких милиционеров, телохранителей г. Будяка и его рабочих была совершена попытка на русской части Слободзеи освятить румынскими священниками еще одну церковь, наряду с уже существующей церковью Успения Пресвятой Богородицы. Все это делается с тем, чтобы в русскую часть села внедрить священника Церкви Молдовы. ...Это уже второй случай, когда Церковь Молдовы, опираясь на силы, незаинтересованные в стабилизации жизни ПМР, попирают волю народа и захватывает церкви или территорию» [16: 2].

Не лучше обстояли дела, судя по сообщениям газет, и с обеспечением приходов, перешедших в состав УАПЦ, священнослужителями. По сведениям из открытых источников, все 8 приднестровских приходов УАПЦ окормляли священники, приехавшие из Украины [20]. На страницах приднестровских газет помимо упоминавшихся выше протоиерея Владимира Гудзя и епископа Софрония (впрочем, бывавшего в епархии наездами) зафиксированы также имена священнослужителей кафедрального собора Дубоссарско-Приднестровской епархии отцов Василия и Мефодия, Петра [6: 1; 7: 1]. Однозначно негативную характеристику как «вероотступник и авантюрист-проходимец» в местной прессе получил диакон УАПЦ Владимир Михайлович Сюрис, поскольку он совершал частые поездки в Кишинев (по надуманным предложениям) и был уличен в связи с членами НФМ [19: 4].

Как явствует из публикаций приднестровской прессы, одной из важных сторон деятельности духовенства Дубоссарско-Приднестровской епархии было налаживание конструктивных отношений с представителями различных уровней и ветвей власти ПМР. Из сообщений газет следует, что духовенство УАПЦ разного ранга успешно контактировало и решало насущные вопросы с Президентом ПМР И.Н. Смирновым [5: 3]; председателем Верховного Совета ПМР Г.С. Маракучей [30: 4]; председателем горсовета г. Дубоссары

В. Финагиным и его первым заместителем И. Тютюником; начальником управления народного образования, культуры и культов Дубоссарского горисполкома А. Шамма [6: 1], членом Правительства ПМР, председателем Каменского райисполкома Л.А. Матейчуком [34: 2], другими должностными лицами. В ходе встреч представители УАПЦ акцентировали внимание государственных деятелей Приднестровья на том, что «решение Святейшего Синода является официальным признанием Украинской Православной Церковью Приднестровской Молдавской Республики» [5: 3], а также что «через нее (Дубоссарско-Приднестровскую епархию. – В.С.) правительство могло бы как-то контролировать ситуацию, которая вскоре может стать неуправляемой» [19: 4]. Духовенство отмечало, что «следует раз навсегда уяснить: наше государство не может быть создано без Православия... Прежде всего государственные структуры после принятия закона о Православии как государственной религии, должны стать самыми активными проводниками его в жизнь. Во всех школах необходимо ввести Закон Божий как самостоятельный предмет. В армии, в казачестве должны быть священники. Все двенадцатые праздники должны отмечаться на государственном уровне. Только тогда можно будет говорить о единстве, сплоченности народа нашего» [15: 4]. В ответ представители государственных органов власти ПМР обещали оказать церкви максимально возможную помощь в восстановлении храмов, предоставить жилье семьям священников. И действительно, в 1993 г. на эти нужды из бюджетов различных уровней было выделено в общей сложности 12 млн рублей [6: 1].

Особое внимание духовенство Дубоссарско-Приднестровской епархии УАПЦ уделяло налаживанию отношений с приднестровскими общественными организациями украинцев. В частности, открытие I съезда украинцев Приднестровья в Дубоссарах 6 марта 1993 г., в работе которого приняли участие 207 делегатов, было освящено благочинным протоиереем отцом Владимиром, секретарем правления Дубоссарско-Приднестровской епархии [9: 1]. 19 августа того же года протоиерей Владимир Гудзь в Тирасполе освятил открывшийся первый в республике украинский детсад, а также вручил подарки от церкви – игрушки, а также прекрасно оформленные детские книжки [24: 3]. 25 и 26 сентября 1993 г. во Дворце культуры им. П. Ткаченко г. Бендеры открытие праздника украинской книги в Приднестровье в присутствии Президента ПМР И. Смирнов, первого заместителя Председателя Верховного Совета республики В. Боднара, посла Украины в Молдове В. Бойко освятил благочинный протоиерей Владимир [27: 1]. В дни празднования 590-летия Рашкова на раздолье был установлен огромный дубовый крест, изготовленный по решению высшего духовенства

Украинской православной церкви и освященный владыкой Винницким и Брацлавским, Рашковско-Приднестровским Софронием [35: 3].

Важную информацию о характере взаимоотношений Дубоссарско-Приднестровской епархии УАПЦ и Бендерского викариатства Молдавской митрополии, на канонической территории которой открывали приходы «автокефалисты», предоставляют материалы «Трудового Тирасполя» и «Днестровской правды», в частности поздравление епископа Софрония в адрес митрополита Кишиневской и всей Молдовы Владимира (Кантаряна) от 26 января 1993 г. [31: 1], его интервью от 13 ноября того же года [5: 3], а также ответная публикация епископа Бендерского Викентия (Морарь) от 2 декабря того же года [13: 4]. В своих публикациях духовенство УАПЦ, с одной стороны, выражало надежду на «мир, согласие и взаимопонимание» между епархиями [31: 1], а с другой – обвиняло духовенство Молдавской митрополии в потворствовании военным преступлениям молдавской стороны («не имеем права не осуждать чудовищные преступления, творившиеся здесь молдавскими войсками» [5: 3]). Побывавший в Приднестровской республике с визитом архиепископ Черновицкий и Буковинский Даниил (Ковальчук) отмечал, что «братоубийственная война, вспыхнувшая... весной 1992-го года, была результатом ошибочного курса, проводившегося в Молдове, следствием попрания человеческих прав и свобод» [2: 3]. Епископ Викентий же в своей статье делал упор на неканоничность УАПЦ и ее духовенства («Несведущим верующим должен сказать, что совершенные неканонически поставленными епископами и священниками таинства и обряды недействительны» [13: 4]), нарушение ими Апостольских правил («Автокефальная Украинская Церковь начинает действовать в чужой епархии» [13: 4]) и обоснованно выражал обеспокоенность тем, что «если следовать линии автокефалистов, нужно создать пять независимых православных церквей... Заранее можно сказать, что миру и единству это не послужит» [13: 4].

Материалы приднестровской прессы позволяют охарактеризовать и процесс затухания деятельности УАПЦ в Приднестровье и возвращения ее приходов и духовенства в каноническое подчинение Кишиневско-Молдавской митрополии РПЦ. Прежде всего, епископ Софроний летом 1993 г. был переведен на кафедру Житомирскую и Овручскую и, считая невозможным дальнейшее совмещение руководства двумя епархиями, написал заявление об освобождении его от обязанностей управляющего Дубоссарско-Приднестровской епархией [3: 1]. Исполнение обязанностей управляющего этой епархией было возложено на митрополита Переяславско-Сечеславского Антония [3: 1], который, впрочем, был еще более редким гостем во вверенной ему епархии.

В том же году фактически был начат процесс примирения двух церквей. Как сообщали газеты, в августе 1993 г. «под патронажем представителя Президента ПМР в Слободзейском районе состоялась встреча священнослужителей различных конфессий. В ней приняли участие настоятель Слободзейской церкви Успения Пресвятой Богородицы Владимир Гудзь, епископ Бендерский владыко Викентий, архимандрит Доримедонт, настоятель Кицканского монастыря и благочинный отец Анатолий. Более двух часов длилась острая и напряженная беседа. В конце-концов выяснилось, что стороны главное видят в объединении сил верующих и прекращении споров и распрей. Была высказана идея о создании Православной Церкви ПМР с подчинением ее Русской Православной Церкви. Участниками встречи было заявлено, что церковнослужители, работающие в Приднестровье, служат как единому Богу, так и единому народу республики» [18: 1]. Однако в то время иерархи УАПЦ, как явствует из интервью архиепископа Черновицкого и Буковинского Даниила, сдавать свои позиции в Приднестровье не торопились, хотя и отмечали, что Дубоссарско-Приднестровская епархия «состоится в том случае, если будет достаточное количество приходов. В противном – приднестровские приходы включают в одну из близлежащих епархий Украины. Не исключается возможность, что по просьбе прихожан и местных священнослужителей киевский патриарх может взять их под свою юрисдикцию. Его преосвященство отрицательно охарактеризовал попытки священников, подчиненных Кишиневской митрополии, противодействовать пастырям Украинской православной церкви, прибывшим в Приднестровье по воле прихожан этого края» [2: 3].

Финальный материал, опубликованный в приднестровской прессе, был посвящен собранию священнослужителей православных храмов Приднестровья в Слободзее, состоявшемуся в марте 1995 г. Руководили собрания – митрополит Кишиневский и Молдавский Владимир, епископ Бендерский Викентий, архимандрит Кицканского монастыря Доримедонт. По сообщению «Днестровской правды», «представители духовенства обсудили вопрос о принятии в лоно православной церкви бывшего сторонника украинской автокефальной церкви отца Владимира, который, как свидетельствует отец Доримедонт, был вторично до собрания рукоположен в священнослужители. Как сообщили газете в Бендерской епархии, отец Владимир «покаялся и пообещал служить Господу со страхом, трепетом и радостью» [17: 1].

Таким образом, выявленные нами публикации в приднестровской прессе (тираспольская газета, выполнявшая роль республиканского издания «Днестровская правда», каменская газета «Днестр», тираспольская газета «Трудовой Тирасполь») являются ценным источ-

ником для реконструкции истории формирования, деятельности и ликвидации Дубоссарско-Приднестровской епархии УАПЦ и позволяют осветить, в частности, такие вопросы, как: структура УАПЦ в Приднестровье (епархия, благочиние, приходы); организация ее приходов на левобережье Днестра; персональный состав духовенства; политические позиции священников; отношение приднестровских верующих к украинскому духовенству и священникам Молдавской митрополии; деятельность духовенства как во время активной фазы военного конфликта, так и после его завершения; взаимоотношения Дубоссарско-Приднестровской епархии с церковными структурами Молдовы; ликвидация структур УАПЦ в Приднестровье.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алферьева Л.П.* Создание Дубоссарского викариатства: историческая случайность или закономерность? // Покровские чтения: сб. науч. докл. Кн. 11. Тирасполь, 2010. С. 7–11.
2. *Атаманенко А.* Архиепископ осуждает кровопролитие // Днестровская правда. 1994. 25 января. № 15 (8342). С. 3.
3. *Атаманенко А.* Назначен новый управляющий епархией // Днестровская правда. 1993. 2 июля. № 149 (8138). С. 1.
4. *Атаманенко А.* Не убита вера // Днестровская правда. 1993. 25 июня. № 143 (8132). С. 3.
5. *Атаманенко А.* Ниспошли вам Господь благодать // Днестровская правда. 1992. 13 ноября. № 262 (7949). С. 3.
6. *Атаманенко А.* Отец Петр отблагодарил отцов города // Днестровская правда. 1993. 19 ноября. № 268 (8296). С. 1.
7. *Атаманенко А.* Памяти павших // Днестровская правда. 1993. 5 марта. № 50 (8039). С. 1.
8. *Атаманенко А.* Памяти павших // Днестровская правда. 1993. 8 июля. № 154 (8143). С. 1.
9. *Атаманенко А.* Украинцы Приднестровья: «Мы за дружбу народов» // Днестровская правда. 1993. 11 марта. № 54 (8043). С. 1.
10. *Бомешко Б.Г.* История Приднестровской войны 1992 года. Тирасполь, 2015. 496 с.
11. Братья и сестры! // Днестр. 1992. 7 апреля. № 35 (6646). С. 1.
12. Вести с мест // Днестровская правда (День шестой). 1992. 23 мая. № 115–116 (7802–7803). С. 2.
13. *Викентий, епископ Бендерский.* Обязан прояснить // Днестровская правда. 1992. 2 декабря. № 278 (7967). С. 4.
14. *Волкова А.З., Заложкова М.П.* Дело веры и труд любви: страницы истории Тираспольско-Дубоссарской епархии. Тирасполь, 2018. 176 с.
15. *Гудзь В.* Православие необходимо приднестровскому народу // Трудовой Тирасполь. 1993. 7–14 апреля. № 14 (166). С. 4.

16. Гудзь В. Протест // Трудовой Тирасполь. 1993. 14–21 апреля. № 15 (167). С. 2.
17. Гурьев А. Собрание священнослужителей // Днестровская правда. 1995. 14 марта. № 45 (8643). С. 1.
18. Дела церковные // Днестровская правда. 1993. 26 августа. № 196 (8225). С. 1.
19. Дзюг В. Готовят взрыв изнутри // Трудовой Тирасполь. 1993. 24–31 марта. № 12 (164). С. 4.
20. Иерархия литургических церквей. URL: <http://www.hierarchy.religare.ru/h-orthod-иарс89.html> (дата обращения: 26.10.2022).
21. История Приднестровской Молдавской Республики: в 4 т. Т. IV, кн. 2. Тирасполь, 2021. 776 с.
22. Казанакли Е. Дубоссары. Год 1998 // Покровские чтения. Статьи и материалы. Кн. 1. Тирасполь, 1999. С. 47–49.
23. Ковальчук Н. «Храни вас Господь» // Днестр. 1992. 25 июля. № 66 (6677). С. 2.
24. Корней И. В добрый час, «Червона калина»! // Днестровская правда. 1993. 25 августа. № 195 (8224). С. 3.
25. Куликов В. Насущные вопросы // Днестровская правда. 1993. 23 марта. № 62 (8051). С. 1.
26. Левада И. Центр духовной жизни // Днестр. 1992. 11 апреля. № 36 (6647). С. 1.
27. Николаенко А. Праздник украинской книги // Днестровская правда. 1993. 30 сентября. № 225 (8253). С. 1.
28. Обращение к православным христианам и ко всем людям доброй воли // Трудовой Тирасполь. 1993. 5–12 мая. № 18 (170). С. 1.
29. Обращение священников // Днестровская правда (День шестой). 1992. 28 марта. № 72–73 (7758–7759). С. 7.
30. Погодин В. Важное решение // Днестр. 1992. 21 марта. № 30 (6641). С. 4.
31. Поздравление // Трудовой Тирасполь. 1993. 10–16 февраля. № 6 (158). С. 1.
32. Постановление первого Всеукраинского народного Вече Приднестровья // Днестровская правда. 1992. 20 мая. № 112 (7799). С. 1.
33. Рябчук И. Памяти односельчан // Днестровская правда. 1993. 9 июля. № 155 (8144). С. 1.
34. Скала И. Церковники – за единение // Днестр. 1992. 29 июля. № 67 (6678). С. 2.
35. Скала И., Магальяс Н. Древний Рашков отмечал праздник // Днестр. 1992. 3 октября. № 88 (6697). С. 3.
36. Хроника // Днестровская правда. 1992. 14 апреля. № 86 (7772). С. 1.

REFERENCES

1. Alferieva, L. (2010) Sozдание Dubossarskogo vikariatstva: istoricheskaya sluchaynost' ili zakonornost'? [The creation of the Dubossary Vicariate: a

historical accident or a pattern?]. *Pokrovskie chteniya*. 11. pp. 7–11.

2. Atamanenko, A. (1994) Arkhiepiskop osuzhdaet krovoproliitie [Archbishop condemns bloodshed]. *Dnestrovskaya Pravda*. 15(8342). p. 3.

3. Atamanenko, A. (1993a) Naznachen novyy upravlyayushchiy eparkhiev [A new administrator of the diocese appointed]. *Dnestrovskaya Pravda*. 149(8138). p. 1.

4. Atamanenko, A. (1993b) Ne ubita vera [Faith is alive]. *Dnestrovskaya Pravda*. 143(8132). p. 3.

5. Atamanenko, A. (1992) Nisposhli vam Gospod' blagodat' [May the Lord grant you grace]. *Dnestrovskaya Pravda*. 262(7949). p. 3.

6. Atamanenko, A. (1993c) Otets Petr otblagodaril ottsov goroda [Priest Peter thanked the fathers of the city]. *Dnestrovskaya Pravda*. 268(8296). p. 1.

7. Atamanenko, A. (1993d) Pamyati pavshikh [In memory of the victims]. *Dnestrovskaya Pravda*. 50(8039). p. 1.

8. Atamanenko, A. (1993e) Pamyati pavshikh [In memory of the victims]. *Dnestrovskaya Pravda*. 154(8143). p. 1.

9. Atamanenko, A. (1993f) Ukraintsy Pridnestrov'ya: "My za druzhbu narodov" [Ukrainians of Transnistria: "We are for the friendship of peoples"]. *Dnestrovskaya Pravda*. 54(8043). p. 1.

10. Bomesheko, B. (2015) *Istoriya Pridnestrovskoy voyny 1992 goda* [History of the Transnistrian War of 1992]. Tiraspol: Poligrafist.

11. *Dnestr*. (1992) Brat'ya i sestry! [Brothers and sisters!] 35(6646). p. 1.

12. *Dnestrovskaya Pravda*. (1992) Vesti s mest [News from the regions]. 115-116(7802-7803). p. 2.

13. Vincent, Bishop of Bendery. (1992) Obyazan proyasnit' [I must explain]. *Dnestrovskaya Pravda*. 278(7967). p. 4.

14. Volkova, A. & Zalozhkova, M. (2018) Delo very i trud lyubvi: stranitsy istorii Tiraspol'sko-Dubossarskoy eparkhii [The work of faith and the labor of love: Pages of the history of the Tiraspol-Dubossary Diocese]. Tiraspol: Poligrafist.

15. Gudz, V. (1993) Pravoslavie neobkhodimo pridnestrovskomu narodu [Orthodoxy is necessary for the Pridnestrovian people]. *Trudovoy Tiraspol'*. 14(166). p. 4.

16. Gudz, V. (1993) Protest [Objection]. *Trudovoy Tiraspol'*. 15(167). p. 2.

17. Guriev, A. (1995) Sobranie svyashchennosluzhiteley [The Assembly of the Clergy]. *Dnestrovskaya Pravda*. 45(8643). p. 1.

18. *Dnestrovskaya Pravda*. (1993) Dela tserkovnye [Church affairs]. 196(8225). p. 1.

19. Dzyug, V. (1993) Gotovyat vzryv iznutri [They are preparing an explosion from the inside]. *Trudovoy Tiraspol'*. 12(164). p. 4.

20. Hierarchy.religare.ru. (n.d.) *Ierarkhiya liturgicheskikh tserkvey* [Hierarchy of liturgical churches]. [Online] Available from: <http://www.hierarchy.religare.ru/h-orthod-uapc89.html>

21. Ignatiev, V. (ed.) (2021) *Istoriya Pridnestrovskoy Moldavskoy Respubliki* [History of the Pridnestrovian Moldavian Republic]. Vol. IV(2). Tiraspol: Poligrafist.

22. Kazanakli, E. (1999) Dubossary. 1998. *Pokrovskie chteniya*. 1. pp. 47–49.

23. Kovalchuk, N. (1992) Khrani vas Gospod' [God bless you]. *Dnestr*. 66(6677). p. 2.

24. Korney, I. (1993) V dobryy chas, "Chervona kalina"! [Good luck, "Chervona Kalina"!]. *Dnestrovskaya Pravda*. 195(8224). p. 3.
25. Kulikov, V. (1993) Nasushchnye voprosy [Urgent issues]. *Dnestrovskaya Pravda*. 62(8051). p. 1.
26. Levada, I. (1992) Tsentр dukhovnoy zhizni [The Center of Spiritual Life]. *Dnestr*. 36(6647). p. 1.
27. Nikolaenko, A. (1993) Prazdnik ukrainskoy knigi [Ukrainian Book Festival]. *Dnestrovskaya Pravda*. 225(8253). p. 1.
28. *Trudovoy Tiraspol'*. (1993) Obrashchenie k pravoslavnyм khristianam i ko vsem lyudyam dobroy voli [Appeal to Orthodox Christians and to all people of good will]. 18(170). p. 1.
29. *Dnestrovskaya Pravda*. (1992) Obrashchenie svyashchennikov [The proclamation of the priests]. 72-73(7758-7759). p. 7.
30. Pogodin, V. (1992) An important decision. *Dnestr*. 30(6641). p. 4.
31. *Trudovoy Tiraspol'*. (1993) Pozdravlenie [Felicitation]. 6(158). p. 1.
32. *Dnestrovskaya Pravda*. (1992) Postanovlenie pervogo Vseukrainskogo narodnogo Veche Pridnestrov'ya [Resolution of the First All-Ukrainian People's Assembly of Pridnestrovie]. 112(7799). p. 1.
33. Ryabchuk, I. (1993) Pamyati odnosel'chan [In memory of fellow villagers]. *Dnestrovskaya Pravda*. 155(8144). p. 1.
34. Skala, I. (1992) Tserkovniki – za edinenie [The clergy – for unity]. *Dnestr*. 67(6678). p. 2.
35. Skala, I. & Magalyas, N. (1992) Drevniy Rashkov otmechal prazdnik [Ancient Rashkov celebrated the holiday]. *Dnestr*. 88(6697). p. 3.
36. *Dnestrovskaya Pravda*. (1992) Khronika [Chronicle]. 86(7772). p. 1.

Содоль Вячеслав Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Института государственного управления, права и социально-гуманитарных наук Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко (Республика Молдова, Приднестровье).

Veacheslav A. Sodal – Taras Shevchenko State University of Transnistria (Republic of Moldova, Transnistria).

E-mail: sodol_slv@mail.ru

УДК 32(327.81)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/70/11

Прешовский самоуправляемый край и его международное сотрудничество

Н.В. Марадик¹, М.Б. Цирнер²

Прешовский университет в Прешове, Словакия, 080 01, г. Прешов,
ул. 17 ноября, 15

¹ E-mail: nataliya.maradyk@unipo.sk

² E-mail: michal.cirner@unipo.sk

Авторское резюме

С момента своего создания Прешовский самоуправляемый край осуществлял парадипломатическую деятельность и создавал трансграничные партнерства. Подобно тому, как с течением времени менялись политическая и административная структуры, а также организационный порядок и организационная структура офиса, все это оказало влияние на международное сотрудничество самоуправляемого региона. На парадипломатическую деятельность также влияли геополитические, экономические, законодательные и социальные обстоятельства. Нельзя забывать о барьерах на пути сотрудничества, но и о возможностях сотрудничества, которые также меняются во времени и пространстве.

Ключевые слова: Прешовский самоуправляемый край, региональное самоуправление, международное сотрудничество, приграничное сотрудничество, государственное управление

The Prešov self-governing region and its international partnerships

N.V. Maradyk¹, M.B. Cirner²

University of Presov, 17 November Street, 15, Presov, 080 01, Slovakia

¹ E-mail: nataliya.maradyk@unipo.sk

² E-mail: michal.cirner@unipo.sk

Abstract

The regional self-government was established in Slovakia in 2001. Since then, it has been legally possible to carry out its own international cooperation. The Prešov

self-governing region is one of the eight self-governing regions in Slovakia. It carries out various paradiplomatic activities, from establishing relations with foreign partners at various levels, to the highest level of cooperation – partner regions based on a cooperation agreement. The development of international cooperation of the self-governing region was influenced not only by the political situation, but also by national legislation and national government, as well as the geopolitical situation and integration processes, namely the accession of Slovakia and some neighboring countries to the European Union. The European Union is also linked to the European Structural and Investment Funds and other multifaceted support, such as cross-border cooperation, which encourages self-governing regions to cooperate mutually beneficial on a project basis. In terms of geography, the Prešov self-governing region borders with Poland and Ukraine. Therefore, the neighboring regions of these countries should be logical partners for cooperation, in terms of common history, culture, traditions, and the like. Nevertheless, political instability in Ukraine, but especially the Schengen border and differences in the legal and economic system initially hampered the development of functional cooperation with Ukrainian regions. Before and after Slovakia's accession to the European Union in 2004, the Prešov self-governing region preferred cooperation with regions from European Union countries. Based on the intensity of cooperation in the form of joint projects and financial benefits, we can state that the most intensive cooperation has taken place and is taking place with the Podkarpackie Voivodeship and the Lesser Poland (Małopolskie) Voivodeship in Poland. In addition to pragmatic alliances with the regions of the old member states of the European Union, there are also historical and cultural alliances with the regions of the Czech Republic, Croatia, Serbia and, due to the national and cultural specificity of the northeastern part of the Prešov self-governing region, with Vologda Oblast of the Russian Federation. The article focuses on selected aspects of international cooperation of the Prešov self-governing region and provides a legislative, organizational and management overview of international cooperation of the self-governing region and an overview of partnership cooperation of the Prešov self-governing region.

Keywords: Prešov self-governing region, regional self-government, international cooperation, cross-border cooperation, public administration

Прешовский самоуправляемый край (далее ПСК) простирается на северо-востоке Словацкой Республики. При площади 8 973 км он занимает 18,3 % территории государства, это второй по величине регион Словакии по площади. Длинная северная граница представляет собой государственную границу с Польшей. На востоке область граничит с Украиной, на юге – с Кошицким самоуправляемым краем, на юго-западе, на небольшом участке, примыкает к Банскобыстриц-

кому самоуправляемому краю, а на западе к Жилине. Большая часть территории региона представляет собой горную страну с богатыми и своеобразными культурно-историческими традициями и рекреационным потенциалом. Однако горный рельеф района также является недостатком, в частности с точки зрения как международных, так и национальных транспортно-коммуникационных связей. Административно Прешовский край разделен на 13 районов [15].

Прешовский самоуправляемый край известен еще и тем, что здесь проживает большая община русинов (иначе их называют также руснаки или лемки – некоторые из них претендуют на украинскую национальность, а не на русинскую). Русинское население в основном расселено на северо-востоке и востоке страны вблизи границы с Польшей и Украиной. Во время переписи населения 2021 г. 23,7 тысячи человек идентифицировали себя с русинской национальностью, что составляет 0,44 % населения Словакии. Это было четвертое по численности меньшинство в Словакии. Менее 1 % населения назвали русинский своим родным языком [14].

Русины и украинцы – типичные меньшинства региона северо-восточной Словакии. Существуют различные мнения о происхождении и периоде прибытия этих меньшинств в Карпатский край. Самая большая концентрация русинов в Словакии сосредоточена в Прешовском крае. В Словакии насчитывается около 700 муниципалитетов с русинским населением и 22 муниципалитета, в которых русины составляют более 50 % населения. Украинцы, как и русины, сконцентрированы на северо-востоке Словакии. В Прешове находится Музей русинской культуры, Институт русинского языка и культуры Прешовского университета, Театр Александра Духновича также выступает на русинском языке. Среди известных объединений русинов, работающих и проживающих в Прешовском самоуправляемом крае, можно выделить, например, следующие: Русинское возрождение в Словакии, Ассоциация русинских организаций Словакии, Общество русинских писателей Словакии, Всемирный конгресс русинов, Общество Энди Воргола в Медзилаборцах, Молодые русины. Они выпускают различные периодические издания и организуют культурно-просветительские мероприятия. Русинский фестиваль (Фестиваль русинской культуры в Словакии) регулярно проводится в Свиднике. Русинские активисты и организации организуют различные русинские фестивали во многих других городах и селах, которые населяют русины. В пределах ПСК в регионе также проходят различные общественные мероприятия русинов.

До 2001 г. на областном (уездном) уровне действовали только органы государственного управления (региональные управления),

которые могли представлять всю область (район). Разумеется, это не были органы самоуправления, и их полномочия в выстраивании приграничных отношений были сильно ограничены. В 2001 г. в Словакии были созданы высшие территориальные единицы или самоуправляющиеся регионы, т. е. региональный уровень территориального самоуправления, и им были переданы многие полномочия государственного управления. Также у самоуправляемых регионов есть свои оригинальные компетенции. Прешовский самоуправляемый край был создан как один из восьми самоуправляемых регионов или более высоких территориальных единиц в Словацкой Республике. Создание регионального уровня территориального самоуправления позволило принять Закон № 302/2001 о самоуправлении вышестоящих территориальных единиц. Прешовский самоуправляемый край, как и любой другой самоуправляемый регион Словакии, является приграничным регионом (Польша, Украина), что включает в себе значительный потенциал для развития приграничного сотрудничества.

Согласно этому Закону, самоуправляемый регион может в пределах своей компетенции сотрудничать с территориальными и административными единицами или с властями других государств, выполняющими региональные функции. Он имеет право стать членом международного объединения территориальных единиц или территориальных органов. Сотрудничество осуществляется только на основе соглашения о сотрудничестве, которое должно содержать различные элементы. Соглашение о сотрудничестве должно быть заключено в письменной форме и предварительно одобрено абсолютным большинством голосов всех депутатов самоуправляемого областного совета. Самоуправляемая область обязана направить копию заключенного договора о сотрудничестве или свидетельство о членстве в международном объединении территориальных единиц или территориальных органов в районное управление по месту нахождения области, в территориальном округе которой она находится. Районные органы власти в Словакии, как органы местного государственного управления, ведут учет заключенных соглашений о сотрудничестве и членстве самоуправляемых регионов в международных ассоциациях территориальных единиц или территориальных органов [1].

Законодательные, организационные и управленческие аспекты международного сотрудничества ПСК

Организационные правила Управления Прешовского самоуправления (2020а) относятся к учебным документам, касающимся управления парадипломатической деятельностью. Уполномоченный представитель региона в соответствии с Законом о самоуправляемых

регионах и Организационными правилами является председателем самоуправляемого региона при заключении договоров о сотрудничестве с зарубежными партнерами.

Интеграция повестки дня в области международных отношений в организационные структуры Управления ПСК претерпела пропорциональное развитие. Организатором и координатором развития внешнеполитических связей и международного сотрудничества в условиях ПСК выступил Отдел международного сотрудничества, входивший первоначально в состав Организационного отдела Управления ПСК и с 1 февраля 2003 г. действовавший в составе Управления ПСК. С самого начала усилия отдела были направлены на обеспечение необходимых кадровых, материальных и организационных мероприятий, связанных с учреждением отдела и необходимостью создания основных условий для осуществления международного сотрудничества [2].

В рамках передачи компетенций Департамент приграничного и международного сотрудничества – Департамент международного сотрудничества принял на себя повестку международного сотрудничества с 1 апреля 2014 г. Управление приграничного и международного сотрудничества осуществлялось непосредственно с уровня Председателя СК. В период с 1 апреля 2014 г. по 31 марта 2018 г. Представительство ПСК в Брюсселе было организационно объединено с Департаментом приграничного и международного сотрудничества – Департаментом международного сотрудничества. 1 апреля 2018 г. была изменена организационная структура офиса ПСК – был создан Департамент трансграничных и других программ ЕС, управление которым осуществлялось на уровне директора офиса ПСК, что было административно более сложным и требовательным с точки зрения коммуникации. В связи с более сложным управлением с уровня директора Офиса ПСК, а также в связи с распространением компетенций на другие трансграничные и международные проекты, с 1 февраля 2019 г. произошли организационные изменения и в Департаменте трансграничного и международного сотрудничества. Управление осуществлялось непосредственно с уровня Канцелярии Председателя ПСК. 1 ноября 2019 г. было создано отдельное Управление внешних связей и протокола, которое было включено непосредственно в Аппарат Председателя ПСК в соответствии с изменением организационной структуры Управления ПСК для оперативного и эффективного решения отдельных вопросов повестки дня. Повестка приграничного сотрудничества была делегирована вновь созданному Департаменту стратегического развития и управления проектами, а повестка международных и внешних связей – Департаменту внешних связей и протокола [3].

Поскольку организационная структура в Офисе ПСК в последнее время относительно часто менялась, в 2020 г. Департамент стратегического развития и управления проектами был разделен на Департамент управления проектами и Департамент стратегического развития, но компетенции в области трансграничного сотрудничества были сохранены. Следует отметить, что данные отделы также прямо или косвенно участвуют в международном сотрудничестве ПСК, и это относится и к другим организационным подразделениям Управления ПСК.

Текущую ситуацию сотрудники ПСК оценивают как очень благоприятную. В то же время, сравнивая организационные структуры других самоуправляемых регионов, а также регионов – партнеров ПСК за рубежом, можно отметить, что внешнеполитическая повестка в большинстве случаев входит в непосредственную часть кабинетов высших представителей регионов. Управление внешнеполитической повесткой непосредственно с уровня Председателя ПСК очень важно и выгодно с точки зрения субъектов международных отношений ПСК по следующим причинам:

Повестка дня внешних связей требует непосредственного участия уставного органа, Председатель ПСК определяет направление развития внешних связей ПСК.

Оперативность взаимодействия Департамента внешних связей и протокола с руководством Аппарата Председателя ПСК (необходимость оперативных решений и реакций при общении с зарубежными партнерами).

Международная деятельность требует, прежде всего, предоставления согласования с руководством ПСК, либо непосредственного участия председателя ПСК, либо уполномоченного им представителя региона (заместитель председателя, представитель руководства) [4].

Что касается стратегических документов, то основные документы стратегического среднесрочного планирования, которые требуются, например, законом о поддержке регионального развития и должны иметься в Словакии в каждом муниципалитете, городе и самоуправляемом районе, включают экономическую и социальную программу социального развития Прешовского самоуправляемого края на период 2014–2020 гг. В нескольких частях документа упоминается приграничное сотрудничество, особенно с Польшей и Украиной, в контексте привлечения средств из программ поддержки ЕС и других схем.

В настоящее время ПСК работает над созданием Программы экономического и социального развития ПСК на период 2021–2028 гг. Документ готовится в соответствии с новой методологией создания и реализации программ экономического и социального развития.

Документ также будет содержать проект стратегии для районов стратегического планирования Шариш, Спиш и Верхний Земплин, что позволит добиться большей адресности вмешательств.

Повышенное внимание в следующем программном периоде 2021–2027 гг. должно быть сосредоточено в основном на стратегических и интегрированных (комплексных и сетевых) проектах, так называемых синергетических проектах, результатом которых должны стать идеи и технические взаимосвязанные проекты с партнерами (например, министерство – регион – муниципалитет – школа) с упором, например, на дуальное образование, которое окажет ощутимое влияние на всю область проекта и программы и будет систематически решать проблемы, выявленные в таких областях, как границы, и (или) все-сторонне использовать потенциал пострадавшего района и создаст потенциал для развития пострадавшего района [5].

Документ «Догоняющие регионы Словакии – Прешовский край: ключевая динамика регионального развития» также может быть полезен с точки зрения парадипломатии. Инициатива «Догоняющие регионы» – это инициатива Европейской комиссии, реализуемая в сотрудничестве со Всемирным банком. Речь идет о помощи «догоняющим» или отстающим регионам. В Словакии ПСК является пилотным регионом, которому предоставляется техническая помощь Европейской комиссии в подготовке и реализации Плана действий по развитию и занятости ПСК. Целью инициативы является поддержка производительности в регионе, достаточный рост и создание рабочих мест, а также повышение эффективности и действенности Европейских структурных и инвестиционных фондов непосредственно в ПСК [5].

Кроме того, ПСК подготовил оценочные документы в основном в течение первого (2001–2005 гг.) и второго избирательного периодов (2005–2009 гг.), которые также могут быть включены в подраздел, посвященный мониторингу. Этими документами являются: Оценка первого избирательного периода органов местного самоуправления, в котором отдельный раздел (стр. 12–24) посвящен сфере международных отношений. Имеются также другие документы: Оценка развития взаимоотношений и международного сотрудничества ПСК в 2006 г. в контексте заключенной договорной базы и документ Оценка развития взаимоотношений и сотрудничества ПСК с региональными партнерами за рубежом в 2007 г. и их Основное направление на 2008 г. К этому периоду относится, например, документ «Основные намерения по развитию сотрудничества между Прешовским самоуправляемым краем и Малопольским воеводством на 2007–2009 годы».

В 2006–2009 г. при самоуправляемом областном совете действовала Комиссия по международному сотрудничеству и развитию региона. За время работы комиссия приняла 28 постановлений. До и после такой комиссии не было, только комиссия по региональному развитию и туризму.

В 2003 г. в Брюсселе был открыт Офис ПСК. Представительство ПСК в Брюсселе было официально открыто 22 мая 2003 г. под названием «Прешовское региональное представительство в Брюсселе». Открытие представительства было приурочено к вступлению Словакии в ЕС. Приоритеты работы в Брюсселе были следующими:

1. Активное представление и продвижение ПСК.
2. Активно продвигать интересы ПСК и эффективно влиять на политику ЕС.
3. Регулярный мониторинг, информация и консультации по европейской политике, европейским программам поддержки и возможностям.
4. Вовлекать ПСК и ее подразделения в европейские программы, инициативы, сети и партнерства, активно участвовать на межрегиональном и транснациональном уровне.
5. Создать основы для деятельности ПСК в Брюсселе [6].

Обязательными документами между ПСК и зарубежными партнерами являются Соглашения о сотрудничестве, Протоколы о сотрудничестве, Программы совместных мероприятий, Меморандумы, Декларации, Письма о намерениях и т. п.

Национальное законодательство, а также нормативные правовые акты самоуправляемой области четко определяют, что уставом ПСК, представляющим область в отношениях с третьими лицами, в том числе в отношениях с иностранными партнерами, является Председатель ПСК, на которого возлагается руководство областью. В первые годы функционирования самоуправляемого района был создан совещательный орган при Председателе ПСК – Совет мэров и приматоров. Сегодня, в соответствии с организационными правилами, также функционируют Совет ПСК или Советники Председателя ПСК. Председатель ПСК может определить рамки компетенции для заместителей Председателя ПСК, которые теоретически могут иметь в своем портфолио вопросы, связанные с парадипломатической деятельностью.

Как упоминалось выше, в соответствии с Регламентом ПСК, осуществление и управление внешними отношениями и приграничным сотрудничеством обеспечивают следующие организационные подразделения Управления ПСК: Департамент внешних связей и протокола, отвечающий за международные и внешние связи, и Департамент

стратегического развития протокола и Департамент управления проектами, а также Департамент стратегического развития и Департамент управления проектами, которые занимаются вопросами связанными с управлением инструментами трансграничного сотрудничества во взаимодействии с Департаментом внешних связей и протокола [7].

В настоящее время в отделе внешних связей и протокола работает начальник отдела и пять сотрудниками. В Департаменте стратегического развития и Департаменте управления проектами работают более 60 сотрудников в нескольких отделах, но не все отделы занимаются трансграничным сотрудничеством.

Договорное международное сотрудничество ПСК и его финансовый вклад

Что касается договорных отношений приграничного сотрудничества, то по виду юридической силы их можно разделить на соглашения, меморандумы, декларации и т.п. (декларации, письма о намерениях и др.). Прешковский самоуправляемый край подписал соглашение о сотрудничестве с десятью регионами, у него есть подписанный меморандум с китайской провинцией Хэбэй (если не считать трехсторонний меморандум, подписанный с Пардубицким районом и Закарпатской областью, с которыми у ПСК также заключены отдельные соглашения о сотрудничестве). Прешковский самоуправляемый край также имеет две совместные декларации, которые обладают наименьшей юридической силой и по сути представляют собой лишь формальную декларацию, предусматривающую возможное сотрудничество в будущем [8] (табл. 1).

В таблицу не включены, например, соглашения о партнерстве по проекту (в одном проекте участвовало Силезское воеводство Республики Польша), намерения о сотрудничестве по проекту, соглашения о финансовом вкладе, соглашения о сотрудничестве и финансировании проекта и другие соглашения по проекту [9]. Однако можно упомянуть Меморандум о взаимном сотрудничестве между ПСК и Всемирной ассоциацией словаков зарубежья, подписанный 29 сентября 2018 г.

В первую очередь мы опирались на информацию о количестве совместно реализованных проектов. Это объективно измеримый критерий, показывающий, осуществлялось ли сотрудничество регионов в период с 2001 по 2020 г., и в какой степени ассоциированные программы Европейского союза.

Обзор зарубежных партнеров ПСК (2001–2019 гг.)

Вид договорных отношений	Регион	Государство	Учреждение	Прекращение
Соглашение о сотрудничестве	Мёре-ог-Ромсдал	Норвегия	18.12.2002	–
	Верхние Пиренеи	Франция	08.11.2005	–
	Закарпатская область	Украина	15.03.2005	–
	Пардубицкий край	Чехия	22.10.2002	–
	Малопольское воеводство	Польша	14.10.2003	–
	Подкарпатское воеводство	Польша	16.10.2008	–
	Абруццо	Италия	16.09.2003	–
	Воеводина	Сербия	26.11.2014	–
	Дубровницко-Неретванская жупания	Хорватия	22.04.2017	–
Вологодская область	Россия	29.06.2004	–	
Меморандум	Пардубицкий край и Закарпатская область*	Чехия и Украина	14.09.2013	–
	Хэбэй	Китай	17.06.2016	–
Заявление	Прованс–Альпы–Лазурный Берег	Франция	25.11.2019	–
	Ивано-Франковск	Украина	02.06.2004	–

* В данном случае это Меморандум о развитии трехсторонних отношений и сотрудничества ПСК, Пардубицкого района, Закарпатской областной государственной администрации.

Источник: собственная обработка, 2022 г.

Случаи, реализованные в сотрудничестве с регионом-партнером, также считались случаями, когда это было сотрудничество организаций в учредительной компетенции самоуправляемого региона. Поскольку по многим проектам невозможно проследить, были ли они реализованы как прямое следствие договорного партнерства или регионы оказались в консорциуме партнеров лишь случайно, все случаи совместного вхождения в проект были включены в число проектов, реализованных в рамках партнерства.

Мы считаем действующее партнерство, если партнеры регулярно сотрудничали по нескольким проектам (не менее пяти) в период мониторинга. Мы описываем как частично функционирующее в основном случайное сотрудничество, когда партнерство было хотя бы в одном проекте. Недействующие партнерства – это те, в которых за время существования договорных отношений не было реализовано

ни одного совместного проекта. Помимо общего количества совместно реализованных проектов, мы также рассмотрели финансовую выгоду отдельных проектов для ПСК и источники финансирования. Большинство рассмотренных проектов софинансировались Европейским фондом регионального развития, соответственно, аналогичные фонды (Норвежский финансовый механизм и т. д.) в предыдущие бюджетные периоды ЕС. Под финансовым вкладом проекта мы понимаем сумму, выделенную ПСК как партнеру проекта, за вычетом затрат на софинансирование из собственных средств [10] (табл. 2).

Общая финансовая выгода для ПСК от совместных проектов составляет 61 018 855,33 евро. С этой точки зрения сотрудничество с Подкарпатским воеводством и Малопольским воеводством представляется наиболее выгодным. Также можно обратить внимание на Силезское воеводство, с которым ПСК не имеет договорных отношений в части трансграничных отношений, но единственный совместный проект по партнерскому соглашению принес ПСК более 3,7 млн евро.

Таблица 2

Прямой финансовый вклад в евро, процент сотрудничества по совместным проектам для ПСК и количество совместных проектов с ПСК

Договорная сторона сотрудничества с ПСК	Финансовый взнос в ПСК от взаимодействия, евро	Доля взаимовзаимодействия в финансовом взносе в ПСК, %	Количество совместных проектов с ПСК
Абруццо (Италия)	34 100	0,05	2
Дубровницко-Неретванская жупания (Хорватия)	34 100	0,05	1
Хэбэй (Китай)	0	–	–
Верхние Пиренеи (Франция)	0	–	–
Ивано-Франковск (Украина)	70 000	0,12	2
Малопольское воеводство (Польша)	17 111 868,07	28,05	16
Мёре-ог-Ромсдал (Норвегия)	1 565 834	2,56	1
Неклассифицированные проекты и сотрудничество (другие регионы)	14 060 227,89	23,05	
Пардубицкий край (Чехия)	0	–	1
Пардубицкий край и Закарпатская область (Чехия и Украина)	0	–	–
Подкарпатское воеводство (Польша)	23 121 340,88	37,90	25

Прованс–Альпы–Лазурный Берег (Франция)	0	–	–
Силезское воеводство (Польша)	3 733 464,37	6,11	1
Воеводина (Сербия)	0	–	–
Вологодская область (Россия)	0	–	–
Закарпатская область (Украина)	1 287 920,12	2,11	5

Источник: собственная обработка, 2022 г.

Однако почти четверть всей финансовой выгоды приходится на неклассифицированные проекты и кооперацию. Чтобы объяснить, это в основном проекты в рамках Программы приграничного сотрудничества Interreg VA Польша–Словакия 2014–2020 или другие проекты (Robinwood; Sm@rt Region; RAPIDE – Региональные планы действий для инновационного развития и предприятий; Открытая политика социальных инноваций, управляемая совместно-креативными региональными инновационными экосистемами (OSIRIS); Соглашение о партнерстве по проекту Интеррег Европа-ПРОМЕТЕЙ; ENTER-трансфер; План сотрудничества (Догоняющие регионы, Отвоевание городов-крепостей (RFC)) [11].

Конечно, финансовые выгоды нельзя точно указать по разным причинам, но они создают картину интенсивности трансграничного сотрудничества в области совместных проектов с отдельными партнерами. При этом очень сложно оценить нефинансовые выгоды, о чем свидетельствует наличие в некоторых регионах совместных проектов с ПСК без прямой финансовой выгоды для ПСК. Вероятно, лучшим примером является Пардубицкий край, который до сих пор считается солидарным и стабильным партнером ПСК, несмотря на результаты, представленные в табл. 2 [12].

Интересно налаживание сотрудничества с регионами в Российской Федерации, особенно с Вологодской областью, которое сохраняется и по сей день. Оно было инициировано в связи с продолжением прерванных контактов Регионального бюро в Прешове с данной территорией. Главой Прешовского областного отделения с 1996 по 1998 г. был Петер Худик, избранный председателем Прешовского самоуправления края в 2001 г. Прешовское областное отделение даже имело подписанный меморандум о сотрудничестве с Вологодской областью Российской Федерации. В течение 2002 г. ПСК посетила делегация во главе с губернатором Вологодской области. В свою очередь представители Прешовского самоуправления края и другие члены делегации посетили Вологодскую область. Во время

первого визита в Вологодскую область в октябре–ноябре 2002 г. была подписана Программа совместных мероприятий на 2002–2004 гг. и договор о сотрудничестве между Прешовской региональной палатой Словацкой торгово-промышленной палаты и Вологодской торгово-промышленной палатой. В ходе второго визита в апреле 2003 г., посвященного бизнес-миссии ПСК в Вологодскую область, была создана совместная комиссия по сотрудничеству (в состав комиссии вошли также представители деловых и промышленных кругов области, представители Прешовского университета и региональные предприниматели), и обе стороны подписали Протокол. В этот период ПСК также пыталась сотрудничать с Пермским краем России.

В целом одна из проблем словацких регионов в контексте их парадипломатической деятельности заключается в том, что в территориально-статистической классификации NUTS относится к категории NUTS 3 – «малые регионы», тогда как, например, польские регионы относятся к категории NUTS 2 – «базовые регионы для применения региональной политики». С этой точки зрения словацкие регионы находятся в невыгодном положении, хотя в Чехии именно из-за получения лучшей позиции для получения средств от ЕС были созданы регионы сплочения (NUTS 2), в рамках которых чешские регионы объединялись в более крупные единицы. Словацкие самоуправляемые регионы еще меньше (площадь, население и т. д.), но такой площадки для сотрудничества на уровне NUTS 2 нет [13].

Хотя предметом нашего исследования были самоуправляемые регионы, нельзя забывать о том, что к регионам относятся также муниципальные образования и города, входящие в состав территориального местного самоуправления, но также прямо или косвенно участвующие в трансграничной деятельности регионов (участие в трансграничных проектах, международном партнерстве и т. п.). В Словакии так называемая муниципальная реформа – муниципализация, которая объединила бы муниципалитеты и города в более крупные и функциональные единицы. Фрагментарная структура поселений в Словакии означает большое количество небольших и почти нефункциональных муниципалитетов, которые не могут быть значимым партнером или опорой, на которую регионы могли бы опираться даже в парадипломатической деятельности.

Законодательство также играет значительную роль, не в последнюю очередь с точки зрения региональной компетенции или их международной деятельности. Например, у Чешского регионального совета есть законодательная инициатива. Это означает, что он может инициировать принятие нового закона, который также мог бы касаться международного сотрудничества чешских регионов. В Словакии

самоуправляемые регионы более сложны в инициировании законодательных изменений и зависят от переговоров, лоббирования и общественного давления.

Кроме того, в Словакии пока нет региональных операционных программ, управляемых самими регионами, поэтому мотивация словацких регионов быть представленными в Брюсселе меньше. Если бы в Словакии были региональные операционные программы, управляемые регионами, это могло бы способствовать закреплению региональных офисов в Брюсселе в качестве партнера для институтов ЕС и, таким образом, укреплению их позиций, делая создание и обслуживание/поддержку офисов и их сотрудников в Брюсселе приоритетом.

В Словакии самоуправляемым регионам не свойственно реализовывать проекты развития словацкой официальной помощи в целях развития от Министерства иностранных дел, которые помогали бы самоуправляемым регионам финансово, а также путем установления новых контактов и т. п.

Еще одним проблемным местом в рамках ПСК является отсутствие стратегического планирования международного сотрудничества, соответственно это недостаточно проработанные части в рамках других стратегических документов. Относительно международных партнерств, имеющих наибольшую юридическую силу (соглашения о сотрудничестве), можно отметить следующее. Чтобы эти партнерства не носили чисто формальный характер, следует подумать об их «оживлении». Это было бы хорошей основой для того, чего не хватает рассматриваемому региону, а именно актуальной оценки международного сотрудничества, основанной на измерении заранее определенных показателей, которые показывают регионам, через какую деятельность они подошли к достижению стратегических целей в сфере международного сотрудничества. Оценить социальные выгоды может быть труднее, но сотрудничество можно «измерить» на основе финансовых выгод от совместных проектов, поддерживаемых, например, ЕС. Можно использовать методы сравнительного анализа в государственном управлении, а также внешнюю оценку и внешний аудит.

ПСК следует также рассмотреть вопрос об усилении участия в международных ассоциациях, если это будет эффективным. Мы также рекомендуем усилить кадровый потенциал организационных подразделений Управления ПСК, отвечающих за международное сотрудничество, в связи с небольшим количеством сотрудников и очень широкой повесткой дня, установленной организационными правилами региональных отделений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Zákon č. 302/2001 Z. z. o samospráve vyšších územných celkov (zákon o samosprávnych krajoch), § 5.

2. Prešovský samosprávny kraj. 2002. Hlavné smery rozvoja medzinárodnej spolupráce PSK. Prešovský samosprávny kraj, 2002. URL: https://pokraj.sk/files/dokumenty_odborov/medzinarodna-spolupraca/hlavne-smery-rozvoja_medzinarodnej-spoluprace_psk2002-v1.4.pdf (дата обращения: 10/02/2022).

3. Úrad Prešovského samosprávneho kraja. 2020. Informačný materiál k projektu „Zlepšenie európskej spolupráce VÚC za účelom zefektívnenia územnej samosprávy.“ Prešovský samosprávny kraj, 2020. [

4. Rozhovory so zástupcami Úradu PSK. 12 októbra 2020.

5. Prešovský samosprávny kraj. 2020b. Iniciatíva Catching-up. Iniciatíva „Catching-up Regions“ (CURI). Prešovský samosprávny kraj, 2020. URL: <https://www.po-kraj.sk/sk/samosprava/kompetencie-psk/regionalny-rozvoj/catching-up> (дата обращения: 10.02.2022).

6. Prešovský samosprávny kraj. 2005. Vyhodnotenie I. volebného obdobia orgánov samosprávy VÚC. Prešovský samosprávny kraj, 2005. URL: <https://www.po-kraj.sk/files/zasadnutia/2005/32-zasadnutie-08.12.2005/vyhodnotenie-i-volebnego-obdobia-organov-samospravy-vuc/hodnotenie-psk-2002-2005.pdf> (дата обращения: 10.02.2022).

7. International bank for reconstruction and development / The world bank. 2019. Slovakia Catching-Up Regions - Prešovský kraj: Kľúčová dynamika regionálneho rozvoja. International Bank for Reconstruction and Development / The World Bank, 2019. URL: https://po-kraj.sk/files/dokumenty_odborov/O_RR/cu-ri/Iniciativa-curi/slovakia-presov-region-sk-01-2-web.pdf (дата обращения: 10.02.2022).

8. Prešovský samosprávny kraj. 2007. Vyhodnotenie rozvoja vzájomných vzťahov a medzinárodnej spolupráce PSK za rok 2006 v kontexte s uzatvorenou zmluvnou základňou. Prešovský samosprávny kraj, 2007. URL: https://www.po-kraj.sk/files/dokumenty_odborov/medzinarodnaspolupraca/medzinarodna_spolupraca_psk_2006_vyhodnotenie.pdf (дата обращения: 10.02.2022).

9. Prešovský samosprávny kraj. 2009. Hlavné zámery rozvoja spolupráce medzi Prešovským samosprávnym krajom a Malopoľským vojvodstvom na roky 2007–2009. Prešovský samosprávny kraj, 2009. URL: <https://www.po-kraj.sk/sk/samosprava/medzinarodna-spolupraca/bilateralna-spolupraca/malopolske-vojvodstvo-polska-republika/hlavne-zamery-rozvojaspoluprace.html> (дата обращения: 10.02.2022).

10. Prešovský samosprávny kraj. 2019. PHSR PSK 2014–2020. Program hospodárskeho a sociálneho rozvoja Prešovského samosprávneho kraja na obdobie 2014–2020. Prešovský samosprávny kraj, 2019. URL: <https://>

www.po-kraj.sk/sk/samosprava/kompetencie-psk/regionalny-rozvoj/phsrpsk-2014-2020 (дата обращения: 10.02.2022).

11. Prešovský samosprávny kraj. 2019. Regionálny rozvoj. Regionálny rozvoj v Prešovskom kraji. Strategické dokumenty pre rozvoj kraja. Prešovský samosprávny kraj, 2019. URL: <https://www.po-kraj.sk/sk/samosprava/kompetencie-psk/regionalny-rozvoj> (дата обращения: 10.02.2022).

12. Prešovský samosprávny kraj. 2020a. Organizačný poriadok Úradu Prešovského samosprávneho kraja. Prešovský samosprávny kraj, 2020. URL: https://www.po-kraj.sk/files/dokumenty/Dokumenty_PSK/organizacna_struktura/organizacny_poriadok_uplne-znenie_vzmysle_dodatku01-02.pdf (дата обращения: 10.02.2022).

13. „Prešovský samosprávny kraj. 2021. Komisia pre medzinárodnú spoluprácu a propagáciu kraja”. Prešovský samosprávny kraj, 2021. URL: <https://po-kraj.sk/sk/samosprava/zastupitelstvo/komisie-archiv/komisie-2006-2009/komisia-medzinarodnu-spolupracu-propagaciu-kraja> (дата обращения: 10.02.2022).

14. SODB 2021. Bratislava: Štatistický úrad SR, [cit. 2021-01-20]. URL: <https://www.scitanie.sk/tlacove-spravy/statisticky-urad-zverejnuje-dalsie-udaje-zo-sodb-2021> (дата обращения: 20.01.2021)

15. „Základné informácie. Základné údaje o kraji“. Prešovský samosprávny kraj, 2020. URL: <https://www.po-kraj.sk/sk/fakty/zakladne-informacie> (дата обращения: 30.10.2022).

REFERENCES

1. Prešov. (2001) *Zákon č. 302/2001 Z.z. o samospráve vyšších územných celkov (zákon o samosprávnych krajoch)*, § 5 [Act no. 302/2001 Coll. on self-government of higher territorial units (Act on self-governing regions), § 5].

2. Prešov Self-Governing Region. (2002) *Hlavné smery rozvoja medzinárodnej spolupráce PSK* [Main directions of development of PSGR international cooperation]. [Online] Available from: https://pokraj.sk/files/dokumenty_odboret/medzinarodna-spolupraca/hlavne-smery-rozvoja_medzinarodnej-spoluprace_psk2002-v1.4.pdf (Accessed: 10th February 2022)].

3. Prešov Self-Governing Region. (2020a) *Úrad Prešovského samosprávneho kraja. Informačný materiál k projektu “Zlepšenie európskej spolupráce VÚC za účelom zefektívnenia územnej samosprávy”* [Office of the Prešov Self-Governing Region. Information material on the project “Improving European cooperation of local authorities in order to make local self-government more efficient”].

4. Prešov Self-Governing Region. (2020b) *Rozhovory so zástupcami Úradu PSK, 12. októbra 2020* [Interviews with representatives of the PSK Office, October 12, 2020].

5. Prešov Self-Governing Region. (2020c) *Iniciatíva Catching-up. Iniciatíva "Catching-up Regions" (CURI)* [Catching-up initiative. Catching-up Regions Initiative (CURI)]. [Online] Available from: <https://www.po-kraj.sk/sk/samosprava/kompetencie-psk/regionalny-rozvoj/catching-up> (Accessed: 10th February 2022).

6. Prešov Self-Governing Region. (2005) *Vyhodnotenie I. volebného obdobia orgánov samosprávy VÚC* [Evaluation of the first election period of local government bodies]. [Online] Available from: <https://www.po-kraj.sk/files/zasadnutia/2005/32-zasadnutie-08.12.2005/vyhodnotenie-i-volebneho-obdobia-organov-samospravy-vuc/hodnotenie-psk-2002-2005.pdf> (Accessed: 10th February 2022).

7. The World Bank. International Bank for Reconstruction and Development. (2019) *International bank for reconstruction and development. Slovakia Catching-Up Regions – Prešovský kraj: Kľúčová dynamika regionálneho rozvoja*. [Online] Available from: https://po-kraj.sk/files/dokumenty_odborov/O_RR/cu-ri/Iniciativa-curi/slovakia-presov-region-sk-01-2-web.pdf (Accessed: 10th February 2022).

8. Prešov Self-Governing Region. (2007) *Vyhodnotenie rozvoja vzájomných vzťahov a medzinárodnej spolupráce PSK za rok 2006 v kontexte s uzatvorenou zmluvnou základňou* [Evaluation of the development of mutual relations a PSK's international cooperation in 2006 in the context of a closed contractual basis]. [Online] Available from: https://www.po-kraj.sk/files/dokumenty_odborov/medzinarodnaspolupraca/medzinarodna_spolupraca_psk_2006_vyhodnotenie.pdf (Accessed: 10th February 2022).

9. Prešov Self-Governing Region. (2009) *Hlavné zámery rozvoja spolupráce medzi Prešovským samosprávnym krajom a Malopolským vojvodstvom na roky 2007–2009* [Main directions for the development of cooperation between the Prešov Self-Governing Region and the Lesser Poland Voivodeship for 2007–2009]. [Online] Available from: https://www.po-kraj.sk/sk/samosprava/medzinarodna-spolupraca/bilateralna_spolupraca/malopolske-vojvodstvo-polska-republika/hlavne-zamery-rozvoja_spoluprace.html (Accessed: 10th February 2022).

10. Prešov Self-Governing Region. (2019a) *PHSR PSK 2014–2020. Program hospodárskeho a sociálneho rozvoja Prešovského samosprávneho kraja na obdobie 2014–2020* [PHSR PSK 2014–2020. Program of economic and social development of the Prešov self-governing region for the period 2014–2020]. [Online] Available from: <https://www.po-kraj.sk/sk/samosprava/kompetencie-psk/regionalny-rozvoj/phsr-psk-2014-2020> (Accessed: 10th February 2022).

11. Prešov Self-Governing Region. (2019b) *Regionálny rozvoj. Regionálny rozvoj v Prešovskom kraji. Strategické dokumenty pre rozvoj kraja* [Regional development. Regional development in the Prešov region. Strategic documents for the

development of the region]. [Online] Available from: <https://www.po-kraj.sk/sk/samosprava/kompetencie-psk/regionalny-rozvoj> (Accessed: 10th February 2022).

12. Prešov Self-Governing Region. (2020d) *Organizačný poriadok Úradu Prešovského samosprávneho kraja* [Organizational rules of the Office of the Prešov self-governing region]. [Online] Available from: https://www.po-kraj.sk/files/dokumenty/Dokumenty_PSK/organizacna_struktura/organizacny_poriadok_uplne-znenie_vzmysle_dodatku01-02.pdf (Accessed: 10th February 2022).

13. Prešov Self-Governing Region. (2021) *Komisia pre medzinárodnú spoluprácu a propagáciu kraja* [Commission for International Cooperation and Regional Promotion]. [Online] Available from: <https://po-kraj.sk/sk/samosprava/zastupitelstvo/komisie-archiv/komisie-2006-2009/komisia-medzinarodnu-spolupracu-propagaciu-kraja> (Accessed: 10th February 2022).

14. SODB. (2021) *Bratislava: Štatistický úrad SR, [cit. 2021-01-20]*. [Online] Available from:

<https://www.scitanie.sk/tlacove-spravy/statisticky-urad-zverejnuje-dalsie-udaje-zo-sodb-2021> (Accessed: 20th January 2021).

15. Prešov Self-Governing Region. (2020e) *Základné informácie. Základné údaje o kraji*. [Online] Available from: <https://www.po-kraj.sk/sk/fakty/zakladne-informacie> (Accessed: 30th October 2022)

Марадик Наталья Васильевна – кандидат политических наук, доцент, кафедра теории политики, Институт политологии, Прешовский университет в Прешове (Словакия).

Nataliya Maradyk – Preshov University in Preshov (Slovakia).

E-mail: nataliya.maradyk@unipo.sk

Цирнер Михал Блажевич – кандидат политических наук, ассистент, кафедра теории политики, Институт политологии, Прешовский университет в Прешове (Словакия).

Michal Cirner – Preshov University in Preshov (Slovakia).

E-mail: michal.cirner@unipo.sk

УДК 81'27

UDC

DOI: 10.17223/18572685/70/12

Отражение этноязыкового контактирования в языковом сознании: влияет ли билингвизм на субъективные оценки перцептивной семантики?*

В.Е. Владимирова¹, З.И. Резанова², И.С. Коршунова³

Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

¹ E-mail: picture_perfect@mail.ru

² E-mail: rezanovazi@mail.ru

³ E-mail: korshunova-61818@mail.ru

Авторское резюме

Представлен анализ влияния родного языка на восприятие второго, приобретаемого на протяжении жизни. Исследование выполнено на методологической основе экспериментальной когнитивной психолингвистики. Теоретической основой послужили работы в области теории воплощённого познания и ментального лексикона билингва. Общая теоретическая проблема решается на материале особого типа билингвизма – раннего естественного – с увеличивающимся на протяжении жизни доминированием второго языка и постепенным перемещением родного языка в позицию языка семейного наследия. Такой тип билингвизма является в настоящее время весьма распространённым в мире, в том числе и в различных регионах Российской Федерации, и обусловлен складывающимися в современных государственных образованиях несбалансированными языковыми ситуациями, функциональным выдвиганием государственного языка. Функциональная несбалансированность языковой ситуации складывается и в исследуемых регионах Южной Сибири, во взаимодействиях русского языка с хакасским и татарским. Однако функционально доминирующий государственный язык в представляемом исследовании – русский – испытывает скрытое влияние материнских языков не только на речевые практики, но и на глубинные когнитивные процессы, связанные с восприятием и когнитивной

---

* Исследование выполнено при поддержке Программы развития Томского государственного университета (Приоритет-2030).

обработкой единиц приобретаемого языка. Как показал анализ, влияние родного языка проявляется на уровне восприятия даже глубинных аспектов семантики второго языка, к которым относятся перцептивные и эмоциональные аспекты. Это влияние в статье прослеживается в оценках тактильной перцепции и эмоциональности, данных применительно к одному набору лексических единиц носителями русского языка как родного и татарско-русскими и хакасско-русскими билингвами. Исследование было проведено на материале психолингвистической базы данных (ПБД) RuTurkPsychLing: оценки слов русского, татарского, хакасского языков по параметрам «знакомость», «температура», «расположение в пространстве», «размер», «эмоциональность» и «манипулируемость», созданной в лаборатории лингвистической антропологии Томского государственного университета. Результаты анализа показали наличие существенных различий в системе оценок, что проявляется как в величине средних оценок, так и их корреляционных связях. При этом оценки хакасско-русских билингвов в большей степени приближаются к оценкам носителей русского языка, татарско-русские билингвы обнаруживают существенные отличия как в оценках температурной перцепции, так и её корреляций с положительной и отрицательной оценками.

Ключевые слова: билингвизм, база данных, психолингвистический параметр «температура», психолингвистический параметр «эмоциональность», метафора

Ethno-linguistic contact as reflected in language cognition: Does bilingualism affect subjective assessments of perceptual semantics?

V.E. Vladimirova¹, Z.I. Rezanova², I.S. Korshunova³

Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹ E-mail: picture_perfect@mail.ru

² E-mail: rezanovazi@mail.ru

³ E-mail: korshunova-61818@mail.ru

Abstract

The article analyzes the influence of the ancestral language on the perception of the second language, acquired throughout life. The study relies on the methods of

---

* This study was supported by the Tomsk State University Development Programme (Priority2030).

experimental cognitive psycholinguistics, drawing on the theory of embodied cognition and the bilingual mental lexicon. The solution of the general theoretical problem uses early natural bilingualism, with an increasing dominance of the second language and a gradual shift of the native language to the position of the language of family heritage. This type of bilingualism is currently very common in the world, including various regions of the Russian Federation. In modern states, it is conditioned by unbalanced language functional advancement of the state language. The functionally imbalanced language situation has also developed in the regions of Southern Siberia, in the interaction between the Russian and the Khakass or Tatar languages. However, the functionally dominant state language, Russian, experiences a hidden influence of maternal languages not only on speech practices, but also on deep cognitive processes associated with the perception and cognitive processing of units of the acquired language. As the analysis has shown, the influence of the native language is manifested at the level of perception of even the deepest aspects of the semantics of the second language, which include perceptual and emotional aspects. This effects are discussed in the article in the assessments of tactile perception and emotionality given by native Russian speakers and Tatar-Russian and Khakass-Russian bilinguals in relation to the same set of lexical units. The study was carried out on the material of the psycholinguistic RuTurkPsychLing database designed in the laboratory of linguistic anthropology of Tomsk State University: assessments of the words of the Russian, Tatar, and Khakass languages in terms of “familiarity”, “temperature”, “location in space”, “size”, “emotionality” and “manipulation”.

The analysis has shown significant differences in the rating system, manifested both in the value of average ratings and their correlations. While the assessments of the Khakass-Russian bilinguals are closer to the assessments of native Russian speakers, the Tatar-Russian bilinguals show significant differences both in the assessments of temperature perception and its correlations with positive and negative assessments.

Key words: bilingualism, database, psycholinguistic parameter of temperature, psycholinguistic parameter of emotionality, metaphor

Процессы экономической, политической и культурной глобализации в настоящее время, как представляется, обрели необратимый характер. Одним из следствий является изменение характера языковых ситуаций не столько в местах государственного пограничья, сколько в пределах многоэтничных государств. В мировой социолингвистике утверждается мнение о том, что сбалансированность языковых ситуаций, как правило, имеет характер политических и формально-государственных установлений, но не фактического положения дел. Функциональная оппозиция государственного языка языкам других

этносов формирует их социальную, функциональную неравновесность. Это положение вполне приложимо к Российской Федерации, в которой многокомпонентность и несбалансированность языковых ситуаций характерна практически для всех административных образований. Территория Южной Сибири относится к таким регионам.

При исследовании несбалансированных языковых ситуаций обычно внимание привлекается, что вполне справедливо, к языкам, находящимся в разной степени функциональной деградации. В представляемом исследовании объектом является функционально доминирующий русский язык, который для его носителей является вторым приобретённым языком (возможно, вхождение во второй язык происходило и в раннем возрасте), а предметом – интерферентное влияние контактных языков, которые являются первыми, материнскими для билингвов.

Из всего разнообразия языковых пар в этноязыковой контактной зоне Южной Сибири мы исследуем проявления тюркско-русского билингвизма вследствие его значительной распространённости не только на этой территории, но и в Российской Федерации в целом. В проекте «Языковое и этнокультурное разнообразие Южной Сибири в синхронии и диахронии: взаимодействие языков и культур», поддержанном грантом Правительства РФ, межъязыковое контактирование было охарактеризовано на основе анализа языкового сознания и речевых практик билингвальных языковых личностей, отражающих контакты языков (см. о проекте: [4]).

В данной статье мы представляем фрагмент исследования когнитивных основ билингвальных речевых практик. В результате мы наблюдаем, есть ли влияние родного языка на восприятие семантики слов второго, приобретаемого языка на уровне её глубинных основ. Мы прослеживаем характер включения перцептивной семантики и наличие её корреляций с эмоциональностью. Идея влияния первичного перцептивного опыта на все уровни сознания, в том числе языкового, была высказана несколько десятилетий назад и легла в основу интенсивно развиваемой теории воплощённого познания, представленной в настоящее время широким спектром вариантов, различающихся тем, насколько значимым видится интеграция переживания перцептивного и динамического опыта в другие уровни сознания (обзор таких работ представлен в [11; 19]). Независимо от приверженности вариантам теорий, авторы в системе доказательств опираются на данные, полученные в результате применения опросов, актуализирующих метаязыковое сознание респондентов. В настоящее время на материале разных языков созданы базы данных об оценках вклада модальностей восприятия в семантику слов, которые,

с одной стороны, служат непосредственным материалом, доказывающим наличие и степень такой связи (приведём лишь некоторые из них [3; 8; 9; 10; 13; 14]), с другой стороны, используются в качестве стимульного материала в экспериментальных исследованиях воздействия перцептивных и моторных компонентов семантики на осуществление когнитивных процессов при посредстве языковых единиц [2]. Наличие системных эмпирических доказательств данной теории позволяет ставить и разрешать новые проблемы. К числу таких проблем относится вопрос о влиянии фактора билингвизма на оценки вклада перцептивного компонента в семантику слов неродного языка. Методическим приёмом при этом является сравнение данных об оценках по психолингвистическим параметрам одних и тех же слов, даваемых носителями языка как родного и билингвами. Проведённые ранее исследования на материале психолингвистической базы данных (ПБД) RuWordPerception, созданной на материале русского языка в лаборатории лингвистической антропологии ТГУ и доступной для исследователей по адресу <http://clingv.ru:3839/>, выявили на основе применения ряда статистических методов значительную общность системы оценок, данных носителями русского языка как родного и тюркско-русскими билингвами. Было установлено также, что общие закономерности вклада пяти модальностей восприятия (зрительная, аудиальная, осязательная, вкусовая, обонятельная) соотносимы с выявленными ранее на материале других языков. И в то же время на основе применения кластерного анализа было выявлено своеобразие системы оценок: данные носителей русского языка как родного свидетельствуют о более тесной связи между визуальной и тактильной модальностью, в группе татарско-русских билингвов соответствующая связь устанавливается с аудиальной модальностью [5].

Представляемое исследование базируется на сформированной в проекте ПБД RuTurkPsychLing: оценки слов русского, татарского, хакасского языков по параметрам «знакомость», «температура», «расположение в пространстве», «размер», «эмоциональность» и «манипулируемость» [6]. Цель создания БД – дополнить ранее созданные ПБД новыми данными об оценках двух вариантов носителей языков по дополнительным психолингвистическим параметрам, когнитивная значимость которых была доказана в ранее проведённых исследованиях на материале других языков. Например, данные о вкладе визуальной модальности были дополнены оценками осознаваемости пространственного расположения объекта, его размера, возможности манипулировать объектом с помощью рук. Общие данные об оценках вклада тактильной модальности были дополнены данными о восприятии температуры объекта.

Включение параметра эмоциональной оценки объекта, названного словом, в базу данных определялся общими теоретическими основаниями – признанием ведущей роли эмоциональности в процессах когнитивной деятельности человека и в то же время её сложных соотношений с другими уровнями сознания. В ряде теоретических работ высказывается мнение о теснейшей связи перцепции и эмоции, основанной на дихотомии «хорошо – плохо». Однако в настоящее время данное общетеоретическое положение имеет ещё мало эмпирических экспериментальных доказательств. Имеются лишь единичные эмпирические исследования, результаты которых порой противоречат друг другу. Считается, что запах тесно связан с эмоциями из-за непосредственной близости обонятельной системы и системы обработки эмоций мозгом [8], запахи, в первую очередь, воспринимаются с точки зрения их эмоциональности/позитивности [21], слова с сильной обонятельной информацией также нагружены более эмоциональной информацией [20]. Однако на материале датского языка оценки эмоциональности не выявили бóльшую позитивность обонятельных слов [17]. Установлено также наличие связи эмоциональности с interoцепцией. На материале французского языка доказано, что чем эмоциональнее слово, тем выше оценки interoцепции, восприятие эмоциональных слов сильнее активирует моторные зоны головного мозга. В свою очередь, чем interoцептивнее слово, тем оно мультимодальнее [12]. Экспериментальных доказательств связи эмоциональности и температурных ощущений и их представленности в семантике слов в настоящее время нет. Однако собрана база данных немецких метафорических выражений (MIST), передающих внутренние состояния с человеческими чувствами в качестве их исходных модальностей: зрения, слуха, обоняния, вкуса, осязания и температуры в сочетании с буквальными эквивалентами [15]. Авторы отмечают большое количество концептуальных метафор для внутренних состояний исходной области, основанных на чувствах, поскольку когда человек испытывает сильные эмоции, он часто прибегает к их образному описанию. Ярким примером является концептуальная метафора «любовь – это тепло», основанная на осязании/температуре. Многие метафорические выражения («тёплые объятия», «хладнокровный человек» и др.) возникают из этой концептуальной метафоры и предполагают связь между параметром температуры и эмоциональной оценкой.

При этом стоит отметить, что сам параметр температурных ощущений изучается преимущественно в кросс-модальном отношении. Например, отмечено наличие связи между параметром температуры (осязание) и цветом (зрение): в процедуре поведенческих экспери-

ментов было установлено, что на скорость ответов участника при предъявлении цветowych или тепловых стимулов влияет соответствие цветовой температуры на клавише-ответе [7]. Однако, как было отмечено в современной психолингвистике, проведены только единичные эксперименты, а нормативные данные по этому параметру для лексических единиц пока не были получены. ПБД RuTurkPsychLing восполняет этот пробел, включая данные по трём языкам, а также по двум типам респондентов – оценкам, данными носителями родного языка и билингвами, что позволяет проводить кросс-модальные и кросс-лингвистические исследования.

Так как ПБД включает оценки слов носителями языка и билингвами, она позволяет получить эмпирические доказательства влияния фактора билингвизма на восприятие эмоциональности и температурной перцепции в неродном языке. При этом также отметим разную степень изученности этих параметров в аспекте билингвальных влияний. Вследствие того что современная психолингвистика ещё не накопила знаний о нормах распределения в языковых единицах перцептивного компонента «температура», на сам вопрос о влиянии родного языка на восприятие этого компонента в словах неродного языка еще не был поставлен.

Несмотря на то что исследования восприятия эмоциональности разных языковых пар с проведением разнотипных экспериментов дают противоречивые результаты (см. об этом: [16]), в целом утверждается мнение о том, что первый язык более эмоционален. Однако исключительную важность в оценках эмоциональности второго языка имеет тип билингвизма, и прежде всего такие характеристики, как возраст усвоения языка и его функциональная активность (обзор исследований см. в [18: 12–13]).

В результате проведения серии психолингвистических экспериментов с участием носителей русского языка как родного и тюркско-русских билингвов были получены данные, подтверждающие значимость функциональной несбалансированности языков и времени усвоения второго языка при восприятии слов одного класса – уменьшительно-ласкательных единиц, коннотативное значение которых маркируется суффиксально [1: 20]. На наш взгляд, опора на объёмные данные БД, включающей широкий спектр единиц языка, отобранных методом случайной, ненаправленной, выборки, поможет на новом уровне проинтерпретировать влияние билингвизма в его особом варианте – ранний несбалансированный в сторону второго, усвояемого языка – на восприятие эмоциональной оценки слов.

Словник базы данных формировался методом ненаправленной выборки из академических словарей русского языка и их переводов

на татарский и хакасский языки. Данные об оценках собирались методом анкетирования с применением шкалирования по семичленной шкале Ликерта, использовались бумажные и онлайн-анкеты. Оценки слов давались носителями данных языков – русского, татарского и хакасского.

В анкетировании при оценке слов по параметрам «эмоциональность» и «температура» первоначально респонденты отмечали наличие связи, используя шкалу Ликерта от 1 до 7, где 1 обозначает отсутствие связи, 2 – слабо связано, 3 – связано скорее слабо, 4 – связано ни сильно ни слабо, 5 – связано скорее сильно, 6 – связано сильно, 7 – связано максимально сильно.

Если респонденты давали ответ на этот вопрос в диапазоне от 2 до 7, то мы устанавливали, что у слова есть хотя бы минимальная связь с параметром и предлагали оценить характер проявленности компонента семантики, при этом также использовалась шкала Ликерта от 1 до 7, где (для параметров «температура» и «эмоциональность» соответственно): 1 – очень холодный / очень положительная эмоциональная оценка, 2 – холодный / положительная эмоциональная оценка, 3 – скорее холодный / скорее положительная эмоциональная оценка, 4 – ни холодный ни горячий / ни положительная ни отрицательная эмоциональная оценка, 5 – скорее горячий / скорее отрицательная эмоциональная оценка, 6 – горячий / отрицательная эмоциональная оценка, 7 – очень горячий / очень отрицательная эмоциональная оценка.

Процесс анкетирования участников исследования проводился либо с помощью эксперимента, написанного на Python3 с использованием оболочки PsychoPy3 без возможности онлайн-распространения, либо онлайн с помощью Google Forms, заполняемых с помощью Apps Script.

В настоящее время ПБД включает 1 335 323 оценок слов по 6 психолингвистическим параметрам: 379 131 оценок слов русского языка, данные 136 носителями русского языка; 62 629 оценок слов татарского и русского языков, данные 17 носителями татарского языка, 893 563 оценки слов хакасского и русского языков, данные 37 носителями хакасского языка.

Такая структура БД, тип словника и характер сбора материала позволяют поставить исследовательский вопрос о глубинных когнитивных основах влияния материнских языков, которые в настоящее время не являются функционально доминирующими, на восприятие билингвами перцептивных компонентов семантики, составляющими, по мнению сторонников концепции воплощённого познания, наиболее глубокий аспект семантики единиц языка.

Из шести психолингвистических параметров, представленных в базе данных мы провели сравнение того, как оценивают один и тот же набор слов по параметрам эмоциональности и температурному признаку носители русского языка как родного и татарско-русские и хакасско-русские билингвы.

Анализ представленных ПБД RuTurkPsychLing данных проводился в Rstudio с использованием языка R версии 4.0.5 (31 марта 2021 г.). Мы рассчитали описательную статистику (средние величины и другие базовые показатели) последовательно для всей выборки – 600 слов трёх частей речи, затем по частям речи, что позволило определить связи между вкладом психолингвистических параметров в семантику слов, устанавливаемых тремя группами респондентов.

Представим результаты в виде графиков «скрипичных» диаграмм (рис. 1, 2), на которых форма фигуры визуализирует плотность распределения соответствующих оценок на шкале (по оси Y отмечаются оценки на шкале Ликерта, на оси X представлены сгруппированные по респондентам распределения оценок. При этом чем «толще» фигура, тем больше частотность оценок на указанном уровне, например, если утолщение отображено напротив цифры 2, то наибольшее количество оценок соответствует данной оценке).

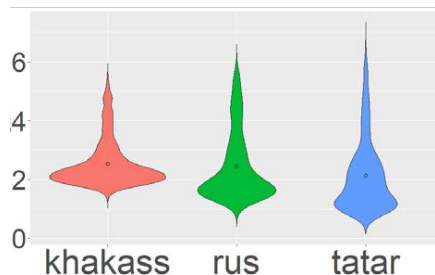

Рис. 1. Распределение оценок наличия связи семантики слова с выражением оценки.

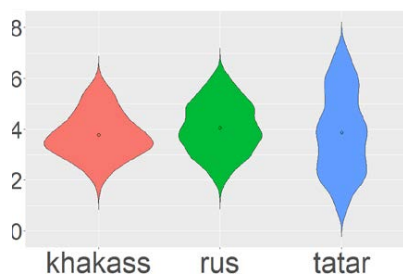

Рис. 2. Распределение оценок между отрицательной и положительной.

Как видно из рис. 1, в среднем случайная выборка слов семантически не связана с эмоциональной оценкой, так как большинство оценок степени связи слов с оценкой располагаются ниже 3 на семичленной шкале, т. е. оценивается респондентами как «отсутствующая» или «скорее отсутствующая», что объединяет характер оценивания трёх выборок респондентов. Ненаправленность оцениваемой выборки слов позволяет сделать предположение, о том, что, вероятно, большая часть слов русского языка оценивается как не имеющая

связи с эмоциональной оценкой. При этом статистически все три группы участников значимо отличаются друг от друга (по анализу Краскела–Уолисса с поправкой Бенферонни $p < 0,001$), что можно наблюдать на диаграммах, которые визуализируют частные варианты реализации общей закономерности.

Те слова, которые были определены респондентами как имеющие связь с оценкой, далее оценивались по её характеру. Респондентам предлагалось определить, с какой оценкой – положительной или отрицательной – слова связаны, а также степень выраженности этой оценки (в диапазоне от 1 до 7, где 7 – максимально отрицательная оценка, 1 – максимально положительная). На рис. 2 можно видеть, что все три группы участников отличаются в своём восприятии вклада эмоционального компонента в семантику слов. Так, носители русского языка как родного дали преимущественно нейтральные оценки. У хакасско-русских билингов отмечается преобладание оценочно-нейтрального отношения, хотя наблюдается и незначительное смещение в сторону выражения положительных оценок. В группе татарско-русских билингов выявлено пропорциональное распределение оценок от положительных до отрицательных с некоторым смещением к положительным оценкам. Анализ Краскела–Уолисса с поправкой Бенферонни показал наличие статистической разницы в системе оценок тюркско-русских билингов по отношению к носителям русского языка как родного (между группами билингов статистической разницы нет, $p = 0,21$).

Далее перейдём к представлению результатов оценивания слов по психолингвистическому параметру «температура».

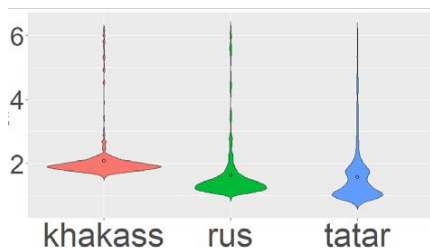

Рис. 3. Распределение оценок наличия связи семантики слова с температурным признаком.

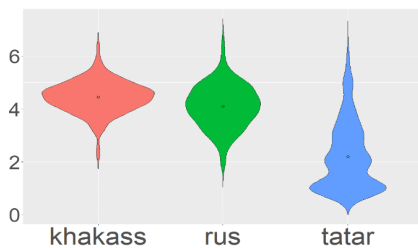

Рис. 4. Распределение оценок между низкой и высокой температурой.

Неудивительно, что мы можем видеть на рис. 3 в среднем ещё более низкие оценки слов по сравнению с оценками вклада эмоциональной оценки в семантику слов. Очевидно, что большая часть слов русского

языка оценивается как «температурно нейтральная». При этом опять же статистически все три группы участников значимо отличаются друг от друга (по анализу Краскела–Уолисса с поправкой Бенферонни, $p < 0,001$). При очень низком уровне оценок вклада температурной модальности в семантику слов отмечается и некоторое своеобразие: хакасско-русские билингвы опять же стремятся к наиболее высоким оценкам слов по данному параметру по сравнению с другими группами участников.

Как было отмечено, слова, которые были определены респондентами как имеющие связь с параметром температуры, далее оценивались ими по характеру температуры – холодной или тёплой, и степени её проявления, где на шкале 1 соотносился с максимально холодной, 7 – с максимально горячей. На рисунке 4 отображено распределение оценок слов, имеющих в семантике компонент «температура», группами участников исследования по связи с конкретной температурой, максимально холодной (1) или максимально горячей (7). Как можно видеть, все три группы участников отличаются в своём восприятии вклада температурного компонента в семантику слов. Так, хакасско-русские билингвы склонны воспринимать одни и те же концепты как более тёплые. Носители русского языка как родного – как температурно нейтральные. Однако татарско-русские билингвы оценивают те же концепты как более холодные. Например, *пустыня* оценивается носителями русского языка как родного очень горячей (6,11), хакасско-русскими билингвами также горячей (5,82), и максимально холодной – татарско-русскими билингвами (1,00). При этом опять же оценки всех трех групп участников статистически значимо отличаются друг от друга ($p < 0,001$).

Далее мы проанализировали, как оценки этих параметров коррелируют между собой у разных групп респондентов, поскольку метафорически эти параметры связаны (например, *холодное сердце* = равнодушное, а *горячее сердце* = отважное, бескорыстное). Примеры подобных метафорических переносов отмечены во многих источниках, но возникает вопрос, насколько такая связь укоренена в сознании разных групп носителей русского языка. На рис. 5, а–в представлены результаты корреляционного анализа Спирмена оценок имен прилагательных тремя группами респондентов. Мы видим, что корреляционная связь между параметрами «температура» и «эмоциональность» наиболее сильная в группе татарско-русских билингвов.

Во всех трёх группах респондентов мы наблюдаем обратную корреляционную связь – чем выше оценка эмоционального отношения (напомним, 7 на шкале – это максимально отрицательная оценка), тем ниже оценка по параметру температуры (где 1 – оценка именуемого

предмета как максимального холодного). Холодное воспринимается как более отрицательное, чем горячее. Однако только в группах носителей русского языка как родного и хакасско-русских билингов корреляционная связь не настолько сильна.

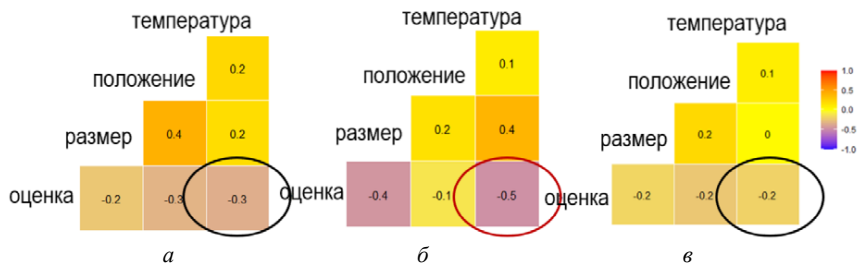

Рис. 5. Корреляции между оценками: *а* – данными носителями русского как родного; *б* – данными татарско-русскими билингвами; *в* – данными хакасско-русскими билингвами.

Закономерность, выявленная нами на выборке из 600 слов, может быть проиллюстрирована и помощью анализа конкретных примеров. Сравним оценки слов всеми группами респондентов (таблица).

Средние оценки слов *холодный* и *солнечный* по параметрам температуры и эмоциональной соотнесенности тремя группами респондентов

Слово	Участник	Положительный (1) \ отрицательный (7)	Холодный (1) \ теплый (7)
Холодный	Хакасско-русские билингвы	4,02	2,55
Холодный	Носители русского как родного	5,34	2,08
Холодный	Татарско-русские билингвы	5,50	1,67
Солнечный	Хакасско-русские билингвы	3,03	5,50
Солнечный	Носители русского как родного	2,49	5,45
Солнечный	Татарско-русские билингвы	3,50	4,25

Действительно, оценка татарско-русскими билингвами занимает крайние значения по сравнению с другими группами респондентов – татарско-русские билингвы наиболее чувствительны к данной

связи параметров. Тем не менее метафорическая связь указанных параметров подтверждается на материале оценок имен прилагательных. В данной связи мы видим преобладание такой функции имени прилагательного, как оценка.

Более того, татарско-русские билингвы наиболее чувствительны именно к негативно воспринимаемой лексике, поскольку *солнечный* воспринимается ими более нейтральным признаком по сравнению с носителями русского языка как родного и хакасско-русскими билингвами.

В целом, по материалам ПБД RuTurkPsychLing мы можем сделать вывод о том, что метафоричная связь между параметром температуры и эмоциональной оценки наблюдается и в русском языке, несмотря на то что большая часть лексики имеет низкий вклад психолингвистических параметров в семантику.

Таким образом, результаты проведенного исследования подтвердили нашу гипотезу о влиянии билингвизма на оценки вклада эмоционального и перцептивного компонентов в семантику единиц второго языка. Носители татарско-русского и хакасско-русского билингвизма оценивают эмоциональность слов и актуальность в их семантике температурного признака в соответствии с общими тенденциями – ниже среднего. Мы можем интерпретировать это как фундаментальную общность преимущественно эмоционально нейтральной среды языкового существования. Весьма низкие оценки вклада температурных компонентов в семантику слова являются отражением того, что язык фиксирует существование человека в среде мира, объекты которого имеют среднюю температурную норму, или температуру, близкую к температуре человеческого тела. Установлено, что норма в языке рефлексируется и маркируется весьма незначительно.

Что касается языковых номинаций, маркированных по исследованным параметрам, мы наблюдаем значимые различия оценок в трёх группах респондентов. При этом представляется важным отметить 1) отличия оценок, данных билингвами по отношению к оценкам носителей русского языка как родного; 2) отличия в группах билингвов между собой. По нашим данным в группе татарско-русских билингвов своеобразие восприятия перцептивного компонента «температура» проявлено в наибольшей степени. Мы предполагаем, что в этих отличиях может находиться более общее своеобразие этноязыковой картины мира тюркоязычных народов. Этот аспект анализа мы рассматриваем как перспективу исследования, которое будет реализовываться в том числе с опорой на данные ПБД RuTurkPsychLing, включающей и оценки слов родных языков татарско-русских и хакасско-русских билингвов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Васильева А.В.* Эмоциональность диминутива в ментальном лексиконе носителя русского языка как родного и тюркско-русского билингва // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 454. С. 12–20.

2. *Миклашевский А.А., Царегородцева О.В.* Влияние языковых стимулов на вертикальное смещение внимания // Российский журнал когнитивной науки. 2014. Т. 1, № 1-2. С. 31–38.

3. *Резанова З.И., Миклашевский А.А.* Моделирование образно-перцептивного компонента языковой семантики при помощи психолингвистической базы данных // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016. № 5 (43). С. 71–92.

4. *Резанова З.И., Некрасова Е.Д., Миклашевский А.А.* Исследование психолингвистических и когнитивных аспектов языкового контактирования в проекте «Языковое и этнокультурное разнообразие Южной Сибири в синхронии и диахронии: взаимодействие языков и культур» // Русин. 2018. № 2 (52). С. 107–117.

5. *Резанова З.И., Степаненко А.А.* Перцептивный компонент семантики имен существительных в восприятии носителей русского языка как родного и тюркско-русских билингвов (на основе психолингвистической базы данных RuWordPerception) // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 455. С. 32–40. DOI: 10.17223/15617793/455/5

6. Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2022622657 Российская Федерация. Психолингвистическая база данных RuTurkPsychLing: оценки слов русского, татарского, хакасского языков по параметрам «знакомость», «температура», «расположение в пространстве», «размер», «эмоциональность» и «манипулируемость»: № 2022622423 : заявл. 10.10.2022 : опубл. 27.10.2022 / В.Е. Владимирова, В.С. Диброва, А.С. Душейко [и др.]; заявитель Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет».

7. *Ho H.-N., Van Doorn G.H., Kawabe T., Watanabe J., Spence C.* Colour-Temperature Correspondences: When Reactions to Thermal Stimuli Are Influenced by Colour // PLoS ONE. 2014. № 9 (3). P. e91854. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0091854>

8. *Larsson M., Willander J., Karlsson K., Arshamian A.* Olfactory LOVER: Behavioral and neural correlates of autobiographical odor memory // Frontiers in Psychology. 2014. № 5. P. 1–5. DOI: 10.3389/fpsyg.2014.00312.

9. *Lynott D., Connell L.* Modality exclusivity norms for 423 object properties // Behavior Research Methods. 2009. Vol. 41, № 2. P. 558–564. DOI: 10.3758/BRM.41.2.558.

10. *Lynott D., Connell L.* Modality exclusivity norms for 400 nouns: The relationship between perceptual experience and surface word form // Behavior research methods. 2013. Vol. 45, № 2. P. 516–526. DOI: 10.3758/s13428-012-0267-0/.

11. *Meteyard L., Cuadrado S.R., Bahrami B., Vigliocco G.* Coming of age: A review

of embodiment and the neuroscience of semantics // *Cortex*. 2012. Vol. 48, № 7. P. 788–804. DOI: 10.1016/j.cortex.2010.11.002.

12. *Miceli A., Wauthia E., Lefebvre L. et al.* Perceptual and Interoceptive Strength Norms for 270 French Words // *Front. Psychol.* 2021. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.667271>

13. *Miklashevsky A.* Perceptual Experience Norms for 506 Russian Nouns: Modality Rating, Spatial Localization, Manipulability, Imageability and Other Variables // *Journal of Psycholinguistic Research*. 2018. № 47. P. 641–661. DOI: 10.1007/s10936-017-9548-1

14. *Moreno-Martínez F.J., Montoro P.R., Rodríguez-Rojo I.C.* Spanish norms for age of acquisition, concept familiarity, lexical frequency, manipulability, typicality, and other variables for 820 words from 14 living/nonliving concepts // *Behavior research methods*. 2014. Vol. 46, № 4. P. 1088–1097. DOI: 10.3758/s13428-013-0435-x

15. *Müller N., Nagels A., Kauschke C.* Metaphorical expressions originating from human senses: Psycholinguistic and affective norms for German metaphors for internal state terms (MIST database) // *Behav Res.* 2022. Vol. 54. P. 365–377. <https://doi.org/10.3758/s13428-021-01639-w>

16. *Ponari M. et al.* Processing advantage for emotional words in bilingual speakers // *Emotion*. 2015. Vol. 15. P. 644–652. DOI: 10.1037/emo0000061

17. *Speed L.J., Majid A.* Dutch modality exclusivity norms: Simulating perceptual modality in space // *Behav. Res.* 2017. № 49. P. 2204–2218. <https://doi.org/10.3758/s13428-017-0852-3>

18. *Vasilyeva A.V., Rezanova Z.I.* Cognitive Processing of Emotional Words by Russian Native Speakers and Heritage Turkic-Speaking Bilinguals // *Advances in Cognitive Research, Artificial Intelligence and Neuroinformatics Proceedings of the 9th International Conference on Cognitive Sciences, Intercogsci-2020, October 10–16. Moscow, 2020.* P. 368–374.

19. *Wilson M.* Six views of embodied cognition // *Psychonomic bulletin review*. 2002. Vol. 9, № 4. P. 625–636.

20. *Winter B.* Taste and smell words form an affectively loaded part of the English lexicon // *Language, Cognition and Neuroscience*. 2016. № 31. P. 975–988.

21. *Yeshurun Y., Sobel N.* An odor is not worth a thousand words: From multi-dimensional odors to unidimensional odor objects // *Annual Review of Psychology*. 2010. № 61. P. 219–241. DOI: 10.1146/annurev.psych.60.110707.163639

REFERENCES

1. *Vasilyeva, A.V. (2020)* The emotionality of the diminutive in the mental lexicon of the Russian native speaker and the Turkic-Russian bilingual. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 454. pp. 12–20 (in Russian). DOI: 10.17223/15617793/454/2

2. *Miklashevsky, A.A. & Tsaregorodtseva, O.V. (2014)* Influence of linguistic stimuli on the vertical attention shift. *Rossiyskiy zhurnal kognitivnoy nauki – The Russian Journal of Cognitive Science*. 1(1-2). pp. 31–38 (in Russian).

3. Rezanova, Z.I. & Miklashevsky, A.A. (2016) Modeling of the perceptual-based component of language semantics using a psycholinguistic database. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 43. pp. 71–92 (in Russian). DOI: 10.17223/19986645/43/6

4. Rezanova, Z.I., Nekrasova, E.D. & Miklashevsky A.A. (2018) Investigation of psycho-linguistic and cognitive aspects of language contacting in the project “Linguistic and ethnocultural diversity of Southern Siberia in synchrony and diachrony: interaction of languages and cultures.” *Rusin*. 52. pp. 107–117 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/52/8

5. Rezanova, Z.I. & Stepanenko, A.A. (2020) The perceptive component of the semantics of nouns in the perception of speakers of the Russian language as native and Turkic-Russian bilinguals (based on the psycholinguistic database RuWordPerception). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 455. pp. 32–40 (in Russian). DOI: 10.17223/15617793/455/5

6. Vladimirova, V.E., Dibrova, V.S., Dusheyko, A.S. et al. (2022) *Svidetel'stvo o gosudarstvennoy registratsii bazy dannykh № 2022622657 Rossiyskaya Federatsiya. Psikholingvisticheskaya baza dannykh RuTurkPsychLing: otsenki slov russkogo, tatarskogo, khakasskogo yazykov po parametram “znakomost”; “temperature”; “raspolozhenie v prostranstve”; “razmer”; “emotsional'nost” i “manipuliruemost”*: № 2022622423: zayavl. 10.10.2022: opubl. 27.10.2022 [Certificate of state registration of the database No. 2022622657 Russian Federation. Psycholinguistic database RuTurkPsychLing: assessments of the words of the Russian, Tatar, Khakass languages according to the parameters “familiarity”, “temperature”, “location in space”, “size”, “emotionality” and “manipulation”: no. 10/10/2022: publ. October 27, 2022]. Applicant: Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “National Research Tomsk State University.”

7. Ho, H.-N., Van Doorn, G.H., Kawabe, T., Watanabe, J. & Spence, C. (2014) Colour-Temperature Correspondences: When Reactions to Thermal Stimuli Are Influenced by Colour. *PLoS ONE*. 9(3): e91854. DOI: 10.1371/journal.pone.0091854

8. Larsson, M., Willander, J., Karlsson, K. & Arshamian, A. (2014) Olfactory LOVER: Behavioral and neural correlates of autobiographical odor memory. *Frontiers in Psychology*. 5. 1–5. DOI: 10.3389/fpsyg.2014.00312.

9. Lynott, D. & Connell, L. (2009) Modality exclusivity norms for 423 object properties. *Behavior Research Methods*. 41(2). pp. 558–564. DOI: 10.3758/BRM.41.2.558

10. Lynott, D. & Connell, L. (2013) Modality exclusivity norms for 400 nouns: The relationship between perceptual experience and surface word form. *Behavior Research Methods*. 45(2). pp. 516–526. DOI: 10.3758/s13428-012-0267-0/

11. Meteyard, L., Cuadrado, S.R., Bahrami, B. & Vigliocco, G. (2012) Coming of age: A review of embodiment and the neuroscience of semantics. *Cortex*. 48(7). pp. 788–804. DOI: 10.1016/j.cortex.2010.11.002.

12. Miceli, A, Wauthia, E., Lefebvre, L. et al. (2021) *Perceptual and Interoceptive Strength Norms for 270 French Words*. [Online] Available from: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.667271>

13. Miklashevsky, A. (2018) Perceptual Experience Norms for 506 Russian Nouns: Modality Rating, Spatial Localization, Manipulability, Imageability and Other Variables. *Journal of Psycholinguistic Research*. 47. pp. 641–661. DOI: 10.1007/s10936-017-9548-1.

14. Moreno-Martínez, F.J., Montoro, P.R. & Rodríguez-Rojo, I.C. (2014) Spanish norms for age of acquisition, concept familiarity, lexical frequency, manipulability, typicality, and other variables for 820 words from 14 living/nonliving concepts. *Behavior Research Methods*. 46(4). pp. 1088–1097. DOI: 10.3758/s13428-013-0435-x

15. Müller, N., Nagels, A. & Kauschke, C. (2022) Metaphorical expressions originating from human senses: Psycholinguistic and affective norms for German metaphors for internal state terms (MIST database). *Behavior Research Methods*. 54. pp. 365–377. DOI: 10.3758/s13428-021-01639-w

16. Ponari, M. et al. (2015) Processing advantage for emotional words in bilingual speakers. *Emotion*. 15. pp. 644–652. DOI: 10.1037/emo0000061

17. Speed, L.J. & Majid, A. (2017) Dutch modality exclusivity norms: Simulating perceptual modality in space. *Behavior Research Methods*. 49. pp. 2204–2218. DOI: 10.3758/s13428-017-0852-3

18. Vasilyeva, A.V. & Rezanova, Z.I. (2020) Cognitive Processing of Emotional Words by Russian Native Speakers and Heritage Turkic-Speaking Bilinguals. *Advances in Cognitive Research, Artificial Intelligence and Neuroinformatics. Inter-cognsci-2020*. Proc. of the 9th International Conference on Cognitive Sciences. October 10–16, 2020. Moscow, Russia. pp. 368–374.

19. Wilson, M. (2002) Six views of embodied cognition. *Psychonomic Bulletin Review*. 9(4). pp. 625–636.

20. Winter, B. (2016) Taste and smell words form an affectively loaded part of the English lexicon. *Language, Cognition and Neuroscience*. 31. pp. 975–988

21. Yeshurun, Y. & Sobel, N. (2010) An odor is not worth a thousand words: From multidimensional odors to unidimensional odor objects. *Annual Review of Psychology*. 61. pp. 219–241. DOI: 10.1146/annurev.psych.60.110707.163639

Владимирова Валерия Евгеньевна – младший научный сотрудник Лаборатории лингвистической антропологии Томского государственного университета (Россия).

Valeriia E. Vladimirova – Tomsk State University (Russia).

E-mail: picture_perfect@mail.ru

Резанова Зоя Ивановна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой общей, компьютерной и когнитивной лингвистики Томского государственного университета (Россия).

Zoya I. Rezanova – Tomsk State University (Russia).

E-mail: rezanovazi@mail.ru

Коршунова Ирина Сергеевна – младший научный сотрудник Лаборатории лингвистической антропологии Томского государственного университета (Россия).

Irina S. Korshunova – Tomsk State University (Russia).

E-mail: korshunova-61818@mail.ru

УДК 81'27

UDC

DOI: 10.17223/18572685/70/13

Влияние институциональных дискурсов на языковое самоопределение в условиях полиэтнического социума*

И.Г. Темникова¹, В.С. Диброва²

Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина 36

¹ E-mail: temnikova196@mail.ru

² E-mail: klobukova-veronika@list.ru

Авторское резюме

Анализируется ситуация взаимодействия родного языка (татарского) и второго языка (русского) в языковом сознании татарско-русских билингов, проживающих в Южной Сибири в условиях поликультурного социума с русским языком, выполняющим роль языка-макропосредника, по данным, собранным при помощи социолингвистического анкетирования. Для сбора данных использовалась социолингвистическая анкета, разработанная О.А. Казакевич, и языковая анкета билинга (разработчики Мариан, Блюменфельд и Каушанская), адаптированная сотрудниками Лаборатории лингвистической антропологии ТГУ. Анкетирование проводилось на территории г. Томска и Томского района (деревни Эушта, Чёрная речка), Новосибирской области – в местах компактного проживания татарско-русских билингов. Количество татарско-русских билингов, опрошенных в ходе анкетирования, составляет 133 человека. Социолингвистическая информация, предоставленная респондентами, позволяет выделить три группы факторов, определяющих взаимодействие татарского и русского языков в разные периоды их жизни. Татарско-русские билинги в большинстве своем считают родным (L1) татарский язык, несмотря на то что он превращается в эритажный язык с ограниченной сферой употребления. Русский язык занимает доминирующее положение в общественном и профессиональном общении, татарский становится языком межличностного общения членов семьи. Тем

---

* Исследование выполнено при поддержке Программы развития Томского государственного университета (Приоритет-2030).

не менее татарский язык, похоже, играет ключевую роль в определении билингвами своей национальной идентичности.

Ключевые слова: несбалансированный билингвизм, татарско-русские билингвы, взаимодействие языков, институциональный дискурс, язык внутрисемейного общения

The influence of institutional discourses on linguistic self-determination in a multiethnic society

I.G. Temnikova¹, V.S. Dibrova²

Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹ E-mail: temnikova196@mail.ru

² E-mail: klobukova-veronika@list.ru

Abstract

The article analyses the interaction between the native language (Tatar) and the second language (Russian) in the linguistic consciousness of the Tatar-Russian bilingual, who lives in Southern Siberia in a multicultural society. The Russian language acts as a macro-intermediary language, being the official language of the country. The data was collected by means of a sociolinguistic questionnaire, designed by O.A. Kazakevich, and the Marian, Blumenfeld and Kaushanskaya bilingual language questionnaire adapted by the TSU Laboratory of Linguistic Anthropology. The survey was conducted in Tomsk and Tomsk Region (the villages of Eushta and Chernaya Rechka), and Novosibirsk Region – in the areas of compact residence of Tatar-Russian bilinguals. The number of the Tatar-Russian bilinguals interviewed during the survey is 133 people. The socio-linguistic information provided by the respondents makes it possible to distinguish between three groups of factors determining the Tatar and Russian interacting in various periods of their lives. The Tatar-Russian bilinguals adhere to the language they consider to be L1 (Tatar) notwithstanding the fact that it is turning to a heritage language with a restricted sphere of usage. With Russian taking the dominating position in social and professional communication, Tatar becomes the language of interpersonal communication between family members. Nevertheless, the Tatar language seems to play a pivotal role in determining the national identity by bilinguals.

Key words: unbalanced bilingualism, Tatar-Russian bilinguals, language interaction, institutional discourse, family language

Язык играет важную роль в формировании представлений человека о своей национальной идентичности, он является одним из главных факторов, её определяющих. В настоящее время нередко можно наблюдать, что люди находятся в состоянии некоторой неопределённости относительно своего национального статуса в связи с тем, что они являются носителями не одного, а двух или даже более языков, играющих важную роль в их жизни [5]. Задачей авторов является анализ данных, полученных в процессе проведения анкетирования татарско-русских билингвов, проживающих на территории Западной Сибири в городе Томске и населённых пунктах Томской и Новосибирской областей. Он проводился с целью изучения взаимодействия татарского языка, определяемого как родной, и русского языка, определяемого как второй и доминирующий, в языковом сознании билингвов и поиска корреляции между восприятием одного из языков как родного и определением национальной идентичности билингва. Отличительной чертой языковой ситуации является то, что билингвы в настоящее время находятся в условиях поликультурного социума, где русский язык выполняет роль языка-макропосредника, являясь государственным языком Российской Федерации и часто – в первую очередь языком институционального общения, а в какие-то периоды жизни билингва – исключительно таковым. Взаимодействие языков в сознании билингва проявляется как непосредственно на речевом уровне, так и на уровне определения национальной идентичности. В первом случае мы наблюдаем результаты влияния родного (татарского) языка на усвоенный позднее, но, как правило, становящийся доминирующим русский язык в виде отклонений от речевого стандарта в спонтанной устной речи билингвов на русском языке, которые, по нашему глубокому убеждению, носят интерферентный характер [8: 218; 10: 204; 11: 56]. Во втором случае в языковой ситуации билингвизма при попытке определения национальной идентичности индивида возможен даже конфликт между языками, которыми владеет билингв. При этом важно отметить, что характер использования или социальный статус языка могут оказывать влияние на самоопределение, отличное от степени «доминирования» языка. Под доминирующим языком авторы понимают язык, который используется «с максимальной функциональной нагрузкой в большинстве сфер общения, в отличие от других языков, входящих в ту или иную социально-коммуникативную систему в государственном или территориальном образовании... наиболее функционально развитый

язык» [6]. По определению, данному в Словаре социолингвистических терминов, доминирующий язык «преимущественно используется в социально значимых сферах (профессиональная деятельность, образование, общественная деятельность и др.). Д. я. чаще всего оказывается языком межнационального общения» [12].

В практике исследования билингвизма сбор данных об использовании языка и об истории языковых контактов билингва при помощи различного рода анкет является общепринятым методом получения материала для исследования. Такие анкеты, как правило, включают блоки вопросов, направленных на получение информации о степени сформированности языковых навыков в разных видах речевой деятельности, о периодах жизни билингва, во время которых происходили языковые контакты, о местах, где происходили языковые контакты и т. д. [2: 29–30]. В исследовании с татарско-русскими билингвами анкетирование проводилось с использованием социолингвистической анкеты, разработанной О.А. Казакевич [7: 222], которая широко используется исследователями для изучения социальных условий бытования языка, и языковой анкеты билингва (разработчики Мариан, Блюменфельд и Каушанская) [3: 966–967], адаптированной сотрудниками Лаборатории лингвистической антропологии ТГУ, для определения порядка усвоения языков, частоты использования, факторов, влияющих на усвоение языков, и др. Социолингвистическая анкета включает в себя 41 вопрос с подробной детализацией информации о билингве: время и место рождения, проживания, обучения, профессиональной деятельности, сведений о родственниках по разным типам родства, о характере приобретения и использования языков. Также в данной анкете собиралось субъективное самооценивание уровня владения малым языком, разделенное по видам речевой деятельности – понимание, говорение, чтение и письмо. Языковая анкета включает в себя 14 блоков параметризации характера и типа владения билингвом взаимодействующими языками. Анкета состоит из двух частей: в первой находятся вопросы, касающиеся взаимодействия языков, вторая часть анкеты направлена на сбор информации об одном из языков билингва. Данные анкетирования позволяют определить факторы, оказывающие влияние на усвоение языков, динамику использования билингвами языков в разные периоды жизни, а также выделить группы факторов, которые её определяют.

Татарско-русские билингвы, проживающие в городе Томске и населённых пунктах Томской и Новосибирской областей, владеют татарским и русским языками. Всего было опрошено 133 татарско-русских билингва. Среди всех опрошенных 112 человек выделили татарский язык как первый (родной) язык, русский – 17 человек.

Средний возраст всех участников – 50 лет, среди них 41 человек – до 35 лет (младшая возрастная группа), 59 человек – от 35 до 65 лет (средняя возрастная группа), 32 человека – от 65 лет (старшая возрастная группа). У большинства респондентов (120 человек) как минимум один родитель этнически определялся как татарин/татарка. Если говорить о детях респондентов, то у трети опрошенных их нет, однако те, кто имеют детей, в большей степени определяют их как татарин/татарка – в трех из четырех случаев (67 детей – татарин/татарка, 17 – русский/русская, 6 – метис/метиска). Подавляющее большинство респондентов общаются в семье на татарском языке (120 из 133 человек) вне зависимости от возраста.

Анализ социолингвистических анкет, заполненных респондентами данной группы, позволяет сделать некоторые выводы о соотношении и взаимодействии русского и татарского языков в сознании билингвов и их оценке роли каждого языка в их жизни. Фиксация субъективной оценки уровня владения языками по основным видам речевой деятельности, порядка усвоения языков и активности их использования в разные периоды жизни билингвов позволяет сделать выводы о типе билингвизма, который можно определить, как несбалансированный. Определение билингва в рассматриваемой языковой ситуации представляется близким к определению носителей эритажных языков, согласно которому носитель эритажного языка является представителем так называемого раннего билингвизма, в раннем детстве находившимся под одновременным или последовательным воздействием двух языков (эритажного (L1) и «языка большинства», языка, который является основным в том сообществе, членом которого является билингв (L2)) и для которого L2 становится доминирующим (основным) в тот момент, когда начинается процесс активной социализации (как правило, это момент поступления в школу) [1: 134–136].

Татарский язык для большинства представителей группы татарско-русских билингвов является языком внутрисемейного общения, особенно следует отметить тенденцию использовать татарский язык в разговоре со старшими родственниками [9: 363–364]. Однако следует подчеркнуть, что использование татарского языка сильно варьируется в зависимости от возраста респондента. 83 % опрошенных (108 из 133 человек) предпочитают разговаривать на татарском с бабушками и дедушками, при этом стоит отметить явное доминирование татарского языка во всех возрастных категориях участников. 69 % опрошенных (86 из 133 человек) общаются на татарском с родителями, при этом использование татарского языка преобладает тем больше, чем старше респондент. Что касается общения с детьми, респонденты отмечают возрастающую роль русского языка: только

43 % (59 из 133 человек) участников указали, что разговаривают на татарском с детьми. Вместе с тем ситуация использования татарского языка неоднозначная: представители старшей возрастной группы (от 65 лет) предсказуемо используют татарский чаще, чем русский; билингвы средней возрастной группы (от 35 до 65 лет) предпочитают использовать русский язык; респонденты младшей возрастной группы (до 35 лет) используют данные языки в равной степени, что подчеркивает возросший интерес в сохранении языка и культуры и передаче их младшему поколению. Также следует отметить, что наблюдается тенденция – чем старше участник, тем чаще он выбирает татарский язык в качестве языка внутрисемейного уровня.

Русский язык является прежде всего языком институциональным; согласно данным, полученным при анкетировании, он занимает доминирующую позицию в языковой деятельности билингвов в период их участия в общественной жизни (учёба, работа). Эти выводы подтверждаются данными анкет: если в межличностном общении использование татарского и русского языков находится в соотношении примерно один к двум (61 человек (46 %) использует татарский, 111 человек (83 %) используют русский), то в качестве институционального языка русский выбирают 112 человек (83 %), в то время как татарский – только 18 человек (13 %).

Вопрос о том, что происходит с языком семейного общения, который занимает первую позицию в порядке усвоения и воспринимается ребенком как родной, когда ребенок проходит процедуру социализации (идёт в школу) и попадает в языковую ситуацию, где доминирующим является другой язык – язык социального общения, язык государственный, язык-макропосредник – неоднократно ставился исследователями при изучении разных билингвальных сообществ (обзор работ см. в [4: 22–23]).

Исследования показывают, что, если билингвизм сформировался как ранний последовательный, билингвы могут испытывать затруднение, определяя родной язык (L1) [4: 20–22]. Что касается татарско-русских билингвов, несмотря на то, что у многих из них билингвизм можно отнести к разряду раннего одновременного (*early simultaneous*) или раннего последовательного (*early sequential*) билингвизма (указывают татарский и русский как языки, на которых говорили в период 0–6 лет в 75 % случаев), татарский язык они определяют как родной в 84 % случаев.

Среди факторов, влияющих на развитие языков, можно выделить три группы. Первую группу составляют макросредовые социальные условия коммуницирования респондентов, к числу которых относится обучение в образовательных учреждениях разного уровня, взаимо-

действие с сотрудниками разнообразных социальных организаций и т. д. Вторую группу составляют микросредовые условия коммуницирования респондентов, к числу которых относится межличностное общение – внутрисемейное, общение с друзьями, соседями. Третью группу составляют личностные установки участников анкетирования – отношение к языку как показателю принадлежности к народу, говорящему на этом языке, оценивание потенциала языка как средства самореализации, организация персональной языковой деятельности (чтение, пение, проведение обрядов и т. д.).

Приведём некоторые данные для лучшего понимания ситуации. На татарском языке до школы разговаривало 106 человек, в то время как на русском – только 56 человек. Здесь наблюдается значительный перевес в сторону родного языка, так как основным языком общения в семье (по предыдущим данным) для большинства являлся именно татарский. При этом следует отметить, что участники младшей возрастной группы (до 35 лет) использовали татарский и русский примерно в равной степени (13 использовали только русский, 14 человек – только татарский, 13 человек – русский и татарский языки), в то время как люди старше 35 лет в до школы предпочитали использовать татарский (80 человек использовали татарский и только 32 человека разговаривали на русском языке).

В момент, когда респондент выходит из семейного круга и начинает процесс социализации, использование русского языка в общении резко повышается – в начальной школе на татарском общались 43 человека, в то время как на русском уже 100. Чем старше становится респондент, тем больше русский язык вытесняет татарский – на татарском в средней школе общаются уже 34 человека, а на русском – 108. Что касается возрастных групп респондентов, в отличие от использования языка до школы, здесь ситуация сглаживается – и младшая, и старшая возрастные группы используют русский в общении гораздо более активно, нежели татарский.

Следует отметить не только факторы, связанные с общением респондентов в различных условиях и с различными людьми. Русский язык также очень сильно влияет на выбор языка для чтения: всего 18 человек предпочитают читать на татарском, 74 человека – на русском, что показательно, учитывая достаточно обширный литературный фонд на татарском языке. Однако в случае другой персональной деятельности ситуация склоняется в пользу использования татарского: из 81 человека, которые указали, что проводят обряды, 71 предпочитает проводить их на татарском; 124 из 133 участников знают татарские песни, 83 человека могут спеть одну или несколько; из 109 человек, которым в детстве рассказывали сказки, 75 слушали их на татарском,

а 50 знают как минимум одну сказку на татарском и могут её/их рассказать. Кроме того, участникам также необходимо было отметить влияние татарского языка на различные виды коммуникативной деятельности в настоящее время по 10-балльной шкале. Согласно данным анкетирования, влияние языка на просмотр телепрограмм, прослушивание музыки и чтение – в среднем 5 из 10 баллов, это достаточно высокая цифра, учитывая доминирование русского языка.

В целом можно констатировать, что сферами использования родного (татарского) языка являются общение в семье и ближайшем окружении (в детстве до школы, с родственниками, знакомыми, соседями) и персональная языковая деятельность (чтение, пение, проведение обрядов).

Коммуникативные ситуации, требующие использования второго (русского) языка, формируются средой институционального общения, составляющего значительную часть социального взаимодействия респондентов начиная со времени поступления в школу, что отражается в динамике использования языков в разные периоды жизни респондентов (рис. 1).

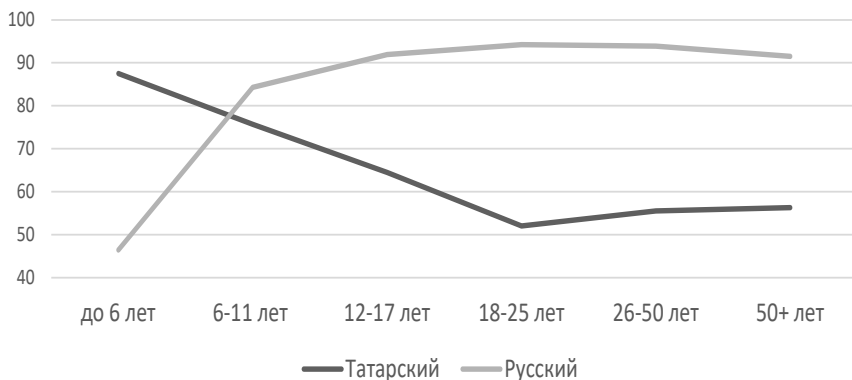

Рис. 1. Динамика использования языков в различные периоды жизни, % от числа людей.

Родной (татарский) язык, занимающий доминирующее положение у подавляющего большинства респондентов в возрастной период 0–6 лет (75 % от числа опрошенных), демонстрирует резкое снижение и уступает доминирующую позицию второму (русскому) языку в период начала процесса социализации и выхода за границу внутрисемейного круга общения (49 % – 6–11 лет, 43 % – 12–17 лет, 35 % – 18–25

лет). При этом в различных возрастных группах ситуация практически идентичная. Однако можно наблюдать тенденцию увеличения использования родного языка в более старшем возрасте (37 % – 25–50 лет, 44 % – от 50 лет). Это может быть связано с внутренней потребностью билингов изучать или улучшать навыки татарского в большей части по причинам этнокультурного характера – боязнь потерять свои корни, культуру, желание передать культуру младшему поколению. Данные коррелируют с вышеприведёнными результатами выбора языка для общения со старшими родственниками – чем старше поколение, тем больше татарского и меньше русского языка используется во внутрисемейном общении.

Изменение порядка доминирования языков не оказывает значительного влияния на определение статуса татарского языка как родного – большинство респондентов (84 % – 112 человек из 133) указывают в качестве родного языка татарский, 13 % (17 человек из 133) опрошенных – русский язык.

В целом можно видеть, что влияние институционального дискурса в случае с татарско-русскими билингвами, проживающими в Южной Сибири, в значительной степени повлияло на изменение соотношения первый (родной) – второй язык (L1 – L2) в том плане, что русский язык, который является вторым по порядку усвоения и часто не осознаётся как родной, по активности использования занимает первое место и в подавляющем большинстве случаев субъективная оценка владения русским языком гораздо выше, чем татарским. Татарский язык, который чаще всего является первым в порядке усвоения, хотя и не является доминирующим, не используется в ситуациях повседневного общения, тем не менее, является основным фактором влияния при национальном самоопределении.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Benmamoun E., Montrul S., Polinsky M.* Heritage languages and their speakers: Opportunities and challenges for linguistics // *Theoretical Linguistics*. 2013. № 39. P. 129–181. DOI: 10.1515/tl-2013-0009

2. *Kaščelan D., Prévost P., Serratrice L. et al.* A review of questionnaires quantifying bilingual experience in children: Do they document the same constructs? // *Bilingualism: Language and Cognition*. 2022. № 25. P. 29–41. DOI: 10.1017/S1366728921000390

3. *Marian V., Blumenfeld H.K., Kaushanskaya M.* Language Experience and Proficiency Questionnaire (LEAP-Q) // *Speech Language and Hearing Research*. 2007. № 50 (4). P. 940–967. URL: <http://www.bilingualism.northwestern.edu/leapq> (дата обращения: 29.09.2022).

4. *Ortega L.* The Study of Heritage Language Development From a Bilingual-

ism and Social Justice Perspective // *Language Learning*. 2020. № 70 (S1). P. 15–53. DOI: 10.1111/lang.12347

5. Wei R., Reynolds B.L., Kong M. et al. Is bilingualism linked to national identity? Evidence from a big data survey // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 2022. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/01434632.2022.2085282> (дата обращения: 09.10.2022). DOI: 10.1080/01434632.2022.2085282

6. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. URL: <https://rus-lingvistics-dict.slovaronline.com/> (дата обращения: 02.10.2022).

7. Казакевич О.А. Документация исчезающих языков Сибири (на материале двух поселков Красноярского края) // *Вестник Российского гуманитарного научного фонда*. 2006. № 3 (44). С. 221–231.

8. Нагель О.В., Темникова И.Г. Интерферентное влияние татарского языка в речевых практиках татарско-русских билингвов // *Русин*. 2019. № 56. С. 213–225. DOI: 10.17223/18572685/56/13

9. Новожилов А.Г. Сохранение языков коренных малочисленных народов в условиях глобализации (опыт Северо-Запада России) // *Русин*. 2022. № 67. С. 361–374. DOI: 10.17223/18572685/67/20

10. Резанова З.И., Дыбо А.В. Языковое взаимодействие в речевых практиках шорско-русских билингвов Южной Сибири // *Известия Уральского федерального университета*. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2019. Т. 21, № 2 (187). С. 195–211. DOI: 10.15826/izv2.2019.21.2.035

11. Резанова З.И., Темникова И.Г., Некрасова Е.Д. Динамика социолингвистических процессов в Южной Сибири в зеркале билингвизма (русско-шорское и русско-татарское языковое взаимодействие) // *Вестник Томского государственного университета*. 2018. № 436. С. 56–68. DOI: 10.17223/15617793/436/7

12. Словарь социолингвистических терминов / гл. ред. В.Ю. Михальченко. М.: Российская академия наук; Институт языкознания; Российская академия лингвистических наук, 2006. URL: <https://rus-soc-lingvo-terms.slovaronline.com/> (дата обращения: 02.10.2022).

REFERENCES

1. Benmamoun, E., Montrul, S. & Polinsky, M. (2013) Heritage languages and their speakers: Opportunities and challenges for linguistics. *Theoretical Linguistics*. 39. pp. 129–181. DOI: 10.1515/tl-2013-0009

2. Kaščelan, D., Prévost, P., Serratrice, L. et al. (2022). A review of questionnaires quantifying bilingual experience in children: Do they document the same constructs? *Bilingualism: Language and Cognition*. 25. pp. 29–41. DOI: 10.1017/S1366728921000390

3. Marian, V., Blumenfeld, H.K. & Kaushanskaya, M. (2007) Language Experience and Proficiency Questionnaire (LEAP-Q). *Speech Language and Hearing Research*. 50(4). pp. 940–967. [Online] Available from: <http://www.bilingualism.northwestern.edu/leapq> (Accessed: 29th September 2022).

4. Ortega, L. (2020) The Study of Heritage Language Development From a Bilingualism and Social Justice Perspective. *Language Learning*. 70(S1). pp. 15–53. DOI: 10.1111/lang.12347

5. Wei, R., Reynolds, B.L., Kong, M. et al. (2022) Is bilingualism linked to national identity? Evidence from a big data survey. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. [Online] Available from: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/01434632.2022.2085282> (Accessed: 9th October 2022). DOI: 10.1080/01434632.2022.2085282

6. Zhrebilo, T.V. (n.d.) *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [The Dictionary of Linguistic Terms] [Online] Available from: <https://rus-lingvistics-dict.slovaronline.com/> (Accessed: 2nd October 2022).

7. Kazakevich, O.A. (2006) Dokumentatsiya ischezayushchikh yazykov Sibiri (na materiale dvukh poselkov Krasnoyarskogo kraya) [Documentation of the endangered languages of Siberia (on the material of two villages of the Krasnoyarsk Territory)]. *Vestnik Rossiyskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda*. 3(44). pp. 221–231. [Online] Available from: <http://siberian-lang.srcc.msu.ru/rubiblioteka/dokumentatsiya-ischezayushchih-yazykov-sibiri-na-materiale-dvuh-poselkov-krasnoyarskogo> (Accessed: 16th April 2017).

8. Nagel, O.V. & Temnikova, I.G. (2019) The Tatar Language Transfer in the Speech of Tatar-Russian Bilinguals. *Rusin*. 56. pp. 213–225 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/56/13

9. Novozhilov, A.G. (2022) Preserving the languages of indigenous minorities under globalization (a case study of the Russian North-West). *Rusin*. 67. pp. 361–374 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/67/20

10. Rezanova, Z.I. & Dybo, A.V. (2019) Language interaction in Shor-Russian bilinguals' speech in Southern Siberia. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2: Gumanitarnye nauki – Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts*. 2(187). pp. 195–211 (in Russian). DOI: 10.15826/izv2.2019.21.2.035

11. Rezanova, Z.I., Temnikova, I.G. & Nekrasova, E.D. (2018) Dynamics of sociolinguistic processes in Southern Siberia mirrored in bilingualism (Russian-Shor and Russian-Tatar language interaction). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 436. pp. 56–68 (in Russian). DOI: 10.17223/15617793/436/7

12. Mikhilchenko, V.Yu. (ed.) (2006) *Slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov* [The Dictionary of Sociolinguistic Terms]. Moscow: RAS. [Online] Available from: <https://rus-soc-lingvo-terms.slovaronline.com/> (Accessed: 2nd October 2022.)

Темникова Ирина Геннадьевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник лаборатории лингвистической антропологии Томского государственного университета (Россия).

Irina G. Temnikova – Tomsk State University (Russia).

E-mail: temnikova196@mail.ru

Диброва Вероника Сергеевна – аспирант кафедры общей, компьютерной и когнитивной лингвистики Томского государственного университета, младший научный сотрудник лаборатории лингвистической антропологии Томского государственного университета (Россия).

Veronika S. Dibrova – Tomsk State University (Russia).

E-mail: klobukova-veronika@list.ru

УДК 811.112.2`27(571.16)
UDC
DOI: 10.17223/18572685/70/14

Реконструкция метаязыковой биографии субэтноса как аспект изучения эволюционных процессов в этноконтактных зонах: на материале немецких диалектов российских немцев*

О.А. Александров¹, З.М. Богословская²

Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

¹ E-mail: olegaleksandrov79@gmail.com

² E-mail: zefarija@mail.ru

Авторское резюме

Исследуется языковая биография российских немцев – субэтноса, пребывающего в контактной зоне немецкой и русской культур. К настоящему времени российские немцы охвачены стремительными ассимилятивными процессами: традиционные лингвокультурные доминанты вытесняются под воздействием русскоязычного окружения. Под «языковой биографией» в широком смысле понимается пережитая человеком история взаимодействия с языком и его разновидностями, отдельные факты которой человек подвергает когнитивной реконструкции и эксплицирует в речи. Моделирование языковой биографии российских немцев осуществляется посредством анализа немецких диалектных высказываний нарративного и автобиографического характера, которые наряду с биографическими сведениями эксплицируют знания этнических немцев об истории собственного субэтноса и представления о языках, которыми они владеют или с которыми они контактировали в течение жизни. Эмпирический материал исследования собирался посредством самостоятельных полевых практик в Западной Сибири – регионе, демонстрирующем в настоящий момент самую высокую численность изучаемого субэтноса. В ходе исследования установлено, что один из этапов языковой биографии российских немцев – вой-

* Исследование выполнено при поддержке Программы развития Томского государственного университета (Приоритет-2030).

на и послевоенные годы, охватывающий период с 1941 по 1955 г., включает специфический набор явлений, обусловленных автобиографическим и историческим контекстом. Этот набор образуется релевантными для восприятия компонентами языковой ситуации, отдельными языковыми реалиями, историко-биографическими событиями. Также отмечается изменение аксиологической трактовки одних и тех же языковых явлений, выделяемых на разных этапах языковой биографии.

Ключевые слова: межэтнические контакты, метаязыковая биография, российские немцы, территориальные диалекты

The reconstruction of the metalanguage biography of a subethnos as an aspect of the study of evolutionary processes in ethnocontact zones: German dialects of the Russian Germans*

O.A. Aleksandrov¹, Z.M. Bogoslovskaya²

Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹ E-mail: olegaleksandrov79@gmail.com

² E-mail: zefarija@mail.ru

Abstract

The research focuses on the linguistic biography of the Russian Germans – a subethnos living in the contact zone of German and Russian cultures. By now, Russian Germans are engulfed in rapid assimilation, with traditional linguistic and cultural dominants being displaced under the influence of the Russian-speaking environment. “Language biography” in a broad sense is understood as the history of interaction with language and its varieties experienced by a person, individual facts of which a person cognitively reconstructs and explicates in speech. The reconstruction of the linguistic biography of the Russian Germans is carried out by analyzing German dialect statements of a narrative and autobiographical nature, which, along with biographical information, explicate the knowledge of ethnic Germans about the history of their own

---

*This study was supported by the Tomsk State University Development Program (Priority-2030).

subethnos and ideas about the languages they speak or which they have been in contact during their lives with during their lives. The empirical research material was collected through field practices in Western Siberia – in the region that currently demonstrates the highest number of Russian Germans. The study found that one of the stages of the linguistic biography of the Russian Germans “The War and the post-war years”, covering the period from 1941 to 1955, includes its own specific set of phenomena caused by the autobiographical and historical context. This set is formed by the historical and biographical events, as well as by the components of the linguistic situation and certain linguistic realities relevant for perception. There is also a change in the axiological interpretation of the same linguistic phenomena identified at different stages of linguistic biography.

Keywords: interethnic contacts, metalanguage biography, the Russian Germans, territorial dialects

В свете достижений современных отраслей гуманитарного и социального знания использование в диалектологии только традиционных методов стало рассматриваться как недостаточное для получения валидных сведений об исследуемом объекте. Отвечая на призыв к переоценке методологических принципов, представители так называемой перцептуальной диалектологии комбинируют в своих исследованиях аспекты описательной, системно-структурной и ареальной лингвистики с методами «народной лингвистики» (см., например, [5; 7; 9]). Согласно формулировке О.А. Радченко и Н.А. Закуткиной, перцептуальные диалектологи обращаются к тому, «что обычные люди думают относительно дистрибуции языковых вариаций в своём языковом сообществе, а также и в других сообществах, как простые люди относятся к диалектам» [3: 38].

Один из современных аспектов изучения явлений, вызванных межэтническими отношениями, предполагает обращение в диахронической перспективе к метаязыковому сознанию людей, выступающих субъектами этих взаимодействий. В ряде исследований, основывающихся на анализе лингвистических данных в сочетании с интерпретацией сведений исторического, социального и когнитивного характера, используется термин *языковая биография*. Необходимо отметить, что на данный момент названный термин не является общепринятым и его семантическое наполнение получает в разных работах то или иное преломление. Так, германский учёный Д. Топинке даёт следующее обобщающее определение: «Языковая биография служит в преднаучном смысле для обозначения того, что люди находятся по отношению к языку, языкам и их вариантам в

процессе развития, который понимается как цепь релевантных языку жизненно-исторических событий»¹ [11: 1].

Обзор специальной литературы позволяет заключить, что в широком смысле под *языковой биографией* понимается история усвоения и использования языка или языков. При этом применение языка неотделимо от его оценки, от вырабатываемого к нему в процессе языковой практики отношения, которое имеет как индивидуальный, так и социальный контекст. Данный процесс развития длиною в человеческую жизнь не доступен прямому наблюдению, но постижим через его косвенные проявления: изменение языковой компетенции индивида и вербализованное им мнение о языке. Некоторые этапы жизни человека можно рассматривать как более языковые, т.е. более релевантные для языковой биографии, например, события, связанные с миграцией, с усвоением иностранных языков или утратой языковых навыков, и т.д. С другой стороны, общепринято, что языки являются важнейшим инструментом социализации, выражения и передачи социальных и культурных традиций, потому в широком смысле языковая биография человека – это вся его биография, весь проделанный им жизненный путь [6; 11].

На сегодняшний день языковые биографические исследования проводятся в основном в этноконтактных зонах Западной Европы. В их фокусе находятся результаты воздействия исторических процессов и межэтнических контактов на языковую компетенцию, языковые практики и языковое восприятие жителей обследуемых ареалов [6; 8; 10]. Подход к изучению межэтнических взаимодействий, предполагающий обращение к языковой биографии, находится ещё на стадии становления и практически не реализован по отношению к этноконтактным зонам на территории Российской Федерации.

Согласно переписи населения 2010 г. в России проживает 394 138 граждан, определяющих себя в качестве представителей немецкого этноса. Исконными для российских немцев языковыми образованиями являются немецкие диалекты, которые «прибыли» вместе с первыми колонистами в Россию более 250 лет назад. В настоящее время традиционные лингвокультурные доминанты российских немцев стремительно вытесняются под воздействием русскоязычного окружения и могут быть утрачены вовсе (см. об этом подробнее: [1]).

С целью разноаспектного изучения нивелируемой лингвокультуры группа томских исследователей регулярно осуществляет полевые изыскания в местах компактного проживания российских немцев, населяющих Западную Сибирь. В нашей статье речь идёт о результатах, полученных нами в Томской и Новосибирской областях.

В ходе реализованных экспедиций были опрошены 165 представителей немецкой национальности, владеющих немецкими диалектами. Выявлено, что компетенцию родного языка сохранили преимущественно немцы, проживающие в сельской местности. В указанное число информантов вошли жители сёл Александровского, Кargasокского, Кожевниковского, Колпашевского, Парабельского районов Томской области, а также Баганского, Краснозерского и Карасукского районов Новосибирской области (рис. 1, 2). Из опрошенных 165 российских немцев только 13 человек являются городскими жителями. Причем подавляющее большинство из них (10 человек) владеют диалектами в пассивной форме, т. е. способны в основном воспринимать, а не продуцировать диалектный текст.

Рис. 1. Сельские районы Томской области, подвергнутые исследованию полевой лингвистике.

При возрастном ранжировании опрошенных российских немцев выделяются 3 группы (табл. 1). Первая группа респондентов родилась до Великой Отечественной войны, в начале которой этнические немцы массово были выселены из европейской части СССР в Сибирь и Среднюю Азию, а часть из них подверглась мобилизации в трудовую армию. Вторая группа респондентов родилась в период с начала Великой Отечественной войны по 1955 г., в который для депортированных российских немцев был отменен режим спецпоселений. Третья группа диалектоносителей родилась уже после 1955 г.

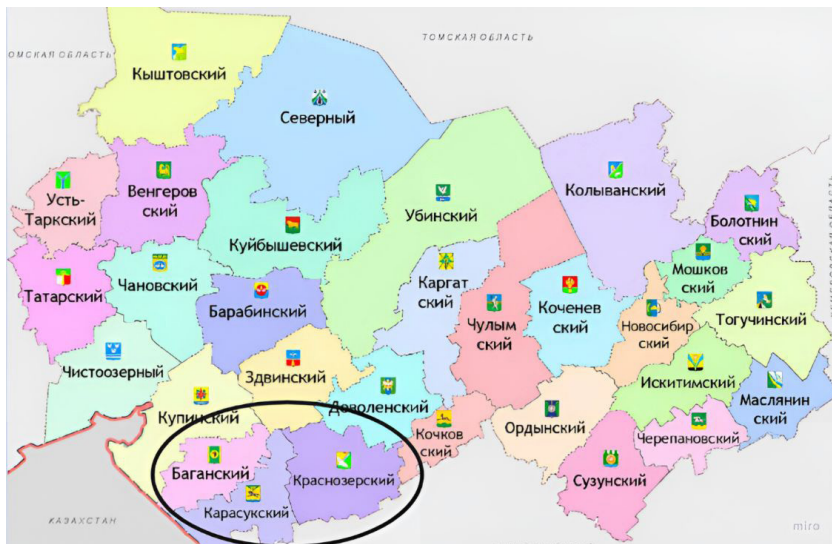

Рис. 2. Сельские районы Новосибирской области, подвергнутые исследованию по полевой лингвистике.

Таблица 1

Возрастное ранжирование респондентов

Возрастная группа	Общее количество диалектоносителей	Количество немцев, активно владеющих диалектами
Рождённые до 1941 г.	62	46
Рождённые с 1941 по 1955 г.	48	15
Рождённые после 1955 г.	55	4
Всего	165	65

Согласно данным табл. 1 высокий уровень компетенции родного языка сохранили преимущественно немцы, рождённые до событий Великой Отечественной войны: 71 % от общего числа немцев, владеющих диалектами в свободной форме.

Как известно, формирование немецкой общности Западной Сибири протекало на протяжении более чем 200 лет. Этот процесс включает несколько исторических этапов, каждый из которых сопровождался межгосударственными или внутригосударственными миграционными волнами (см. об этом подробнее [4]). Проведённое исследование показало, что часть опрошенных немцев являются потомками не-

мецких колонистов, прибывших на территорию Западной Сибири в начале XX в. в рамках Столыпинской аграрной реформы. Другая часть – это потомки советских немцев, оказавшихся в Сибири не по своей воле в период коллективизации и массовых насильственных переселений в 1930-е гг. В число информантов также вошли немцы, которые оказались на указанных территориях вследствие депортаций в 1941–1942 гг. Формированию немецких общностей в Томской и Новосибирской областях также содействовали миграционные волны ненасильственного характера, которые охватили российских немцев после того, как в 1955 г. им была предоставлена относительная свобода передвижения.

Количественный анализ показал, что среди информантов преобладают выходцы из бывших АССР – немцы Поволжья и Украинской ССР, чьи семьи были вывезены из этих республик в начале войны (табл. 2). Эти люди либо сами являлись участниками данных событий, либо их родители были подвергнуты переселению, а сами они родились уже позднее на новых территориях размещения российских немцев. Необходимо отметить, что именно к этой группе относится подавляющая часть немцев, владеющих диалектами в свободной форме.

Таблица 2

Ранжирование респондентов в соответствии с историческими этапами формирования немецкого населения Западной Сибири

Период переселения диалектоносителей или их родителей в Западную Сибирь	Общее количество диалектоносителей	Количество немцев, активно владеющих диалектами
Начало XX в.	15	8
1930-е гг.	32	9
Начало 1940-х гг.	109	44
После 1955 г.	9	4
Всего	165	65

Таким образом, уровень владения диалектами у российских немцев разный: часть из них могут свободно общаться с помощью родных форм языка, но большинство опрошенных владеет ими в пассивной форме. Информанты, сохранившие высокий уровень диалектной компетенции, родились в основном до событий Великой Отечественной войны и на момент интервьюирования являлись людьми пожилого и старческого возраста. Большинство респондентов с этими языковыми характеристиками оказались в Сибири вследствие насильственных переселений, которые были применены к ним в 1941–1942 гг. (67 %

от общего числа информантов, владеющих диалектами в свободной форме).

Среди немцев, способных без особых ограничений продуцировать диалектный текст, преобладают женщины с начальным образованием. Чуть более половины информантов с указанными лингвистическими характеристиками состоят в эндогамных браках, однако немцы-супруги не всегда являются носителями идентичных по типу диалектов. Немцы, владеющие диалектами в активной форме, в основном относят себя к традиционным для Германии христианским деноминациям, хотя в их число входят также православные и атеистически настроенные респонденты.

По результатам интервьюирования немцев с высоким уровнем владения родным языком нами был получен корпус диалектных текстов нарративного и автобиографического характера. Эти тексты наряду с биографическими сведениями эксплицируют знания этнических немцев об истории собственного субэтноса и их представления о языках, которыми они владеют или с которыми они контактировали в течение жизни. Анализ текстовых данных позволил реконструировать коллективную *метаязыковую биографию* опрошенных информантов, выделить её этапы, определить особенности каждого из них. Этот термин в исследовании понимается как модель языковой биографии человека или группы людей. Метаязыковая биография не равна языковой: она вбирает только вербализированные, а значит, наиболее релевантные для рефлекслирующего субъекта явления. Она является обобщённым «субъективным» конструктом объективно существующей языковой биографии.

Следует отметить, что выдвигаемая в рамках предлагаемого исследования задача – конструирование метаязыковой биографии – предполагает обращение в историко-языковом контексте прежде всего к общим свойствам рассматриваемой группы людей. Метаязыковая биография трактуется как конструкт коллективного характера, призванный отразить комплекс наиболее типичных явлений. С вариативными чертами языковой личности и метаязыковой рефлексии немцев Западной Сибири можно познакомиться в предыдущих публикациях авторов данной работы (см., например: [2]).

К наиболее сложному этапу жизненной истории российских немцев для реализуемого языкового биографического исследования следует отнести военные и послевоенные годы. Этот этап начинается депортацией российско-немецкого субэтноса из европейской части СССР в восточную в 1941 и 1942 гг. и заканчивается частичной отменой свободы передвижения данного субэтноса в 1955 г. Военные и послевоенные годы – это особый, наиболее трагический

период жизни респондентов. В ходе интервью информанты либо избегали этой темы, либо повествование о ней было перегружено эмоциональными переживаниями. С годами сталинских репрессий у российских немцев связана масса негативных переживаний, которые вытесняют прочие воспоминания и впечатления, в т. ч. и языкового характера. Вместе с тем анализ собранных метаязыковых высказываний позволяет представить основные особенности этой зоны метаязыковой биографии.

Воссоздаваемый по метаязыковым данным образ языковой ситуации рассматриваемого исторического этапа приобретает ярко выраженный многокомпонентный характер: кроме немецкого языка, данную ситуацию наполняют мажоритарный для исследуемого здесь региона язык, а именно русский, а также автохтонные языки Сибири, с носителями которых многие из российских немцев столкнулись сразу после переселения, например селькупский, татарский языки. Также к числу осознаваемых компонентов языковой ситуации того времени относятся польский, латышский, эстонский языки, иврит и другие языковые образования, носители которых прибыли на территорию Томской области в эпоху сталинизма по большей части не по своей воле.

Военные и послевоенные годы – это тот период в жизни информантов, когда русский язык и его явления становятся наиболее значимыми фрагментами осознаваемой языковой действительности. Это вызвано тем, что данный биографический этап в языковом плане является переворотным для опрошенных немцев – это время стремительного, можно сказать, шокового погружения в инокультурную среду, усвоения русского языка, вынужденного формирования билингвальных способностей.

Некоторые информанты в ходе проведённых интервью вспоминали о первых русских словах, которые они услышали в процессе депортации от конвоиров или от местного населения Сибири. Русский язык выступал в тот момент для них очень ярким, необычным явлением. Потому опрошенные немцы не только обратили внимание на первые воспринятые ими фрагменты русской речи, но и запомнили их, хотя иногда даже не понимали значения сказанного. Многие из этих фрагментов речи выражали деструктивные чувства местного русскоязычного населения, которое в 1941 г. ассоциировало немцев-спецпереселенцев, прибывших из немецких колоний западной части СССР, с пленными фашистскими захватчиками. К их числу в первую очередь относится слово, происходящее не из русского языка – *фашист*. Также информанты упоминали такие слова, как *гитлеровец*, *немчур*, *чёрт*, *черти*, *фриц* (см. пример 1).

(1) *Die ruschich Leid hen do gestanne und kreischt: «Faschista, Faschista!».* Ich hab gdaacht, was is n ruschich Wort «Faschista»? Was is des? Und denoch (нем. лат.: danach) die Schwester hot mir gsacht, die Russ denke, mir sinn Faschista, mir sinn фрицы!

Перевод: *Русские там стояли и кричали: «Фашисты, фашисты!» Я подумала, что за русское слово «фашисты»? Что это? А потом сестра мне сказала: русские думают, мы фашисты, мы фрицы!*

Однако среди первых усвоенных единиц русского языка оказались не только лексические образования с негативной экспрессивной тональностью. В жесточайших условиях депортации и голодных лет войны выживание стояло на первом месте, и потому было важно быстро овладеть лексикой, обозначающей продукты питания (см. пример (2)).

(2) *Mir wolle e[z]je. Und mei erscht Wort uf Ruschich wor «хлеб»!*

Перевод: *Мы хотели есть. И моё первое слово по-русски было «хлеб»!*

Только на рассматриваемом этапе метаязыковой биографии русский язык интерпретируется как иностранный язык, чужой язык: немцы вспоминали, что поначалу он был непонятен, как у них возникали сложности при усвоении его, образовывались ситуации коммуникативных неудач (см. пример (3)). На последующих этапах метаязыковой биографии категория чуждости по отношению к русскому языку практически не актуализируется.

(3) *Alles wor fremd, ja, die Leit, Обь, sou viel Wald. Alles. Die Muder sacht, die hun net vestanne, was die Soldate plappere. Die Spraach wor aach fremd!*

Перевод: *Всё было чужое, да, люди, Обь, так много леса. Всё. Мама говорила, она не понимает, о чём говорят солдаты. Язык был тоже чужой!*

Следует отметить, что резкое, неожиданное погружение в иноязычную среду нередко сопровождалось ситуациями коммуникативных неудач, случаями вынужденного преодоления языковых барьеров, ощущением изолированности и отчуждённости в языковом плане. Например, нередко в голодные военные годы немцы, особенно дети, вынуждены были попрошайничать. По признанию информантов, незнание русского языка усложняло и без того неприятное занятие.

Ярким фрагментом языковой действительности на рассматриваемом этапе метаязыковой биографии становятся антропонимы, а точнее, собственные имена и фамилии российских немцев. Это связано с тем, что по прибытии в Сибирь депортированные немцы получали новые документы взамен старых. При документировании немецкоязычных антропонимов средствами русского языка не соблюдался какой-либо единый регламент передачи межъязыковых

звукобуквенных соответствий, поэтому многие из опрошенных немцев приобрели вместе с новыми документами и «новые» имена и фамилии. Респондентов удивлял не только тот факт, что их имена на русском звучат иначе, чем на немецком. Иногда также случалось, что фамилия представителей одной и той же семьи вносилась в соответствующие документы не идентичным образом (см. пример (4)).

(4) *Ich kann des net verstehe! Mir wore Hummer, Hummer is mei Name. Awer die hen uns wie Gummer angeschriewe. Und ba mei Bruder вообще steht (в паспорте) Gumer! Mit an «т»!*

Перевод: *Я не могу этого понять! Мы были Хуммер, Хуммер – моё имя. Но они нас как Гуммер записали. А у моего брата вообще стоит (в паспорте) Гумер! С одной «т».*

В годы Великой Отечественной войны для российских немцев становится салиентным тот факт, что их родная речь, а также то, как звучат их имена и фамилии, являются для окружающих ярким признаком их национальной принадлежности. Информанты указывали, что за актами идентификации русскоязычным большинством нередко следовали акты деструктивного типа: стигматизация, проявление недоброжелательности, сравнение с фашистами и т. п. (см. пример (5)).

(5) *All Leit liebe net des, wann iver den Name lache, was beis sache. Und die iwer den «Friz» tat sache. Name is deitsch, da bischt du тогда Friz. Ja, Iwan gut, gute Nam! Mascha gut! Und Jakob geht net schun!*

Перевод: *Все люди этого не любят, когда смеются над их именем, что-то плохое говорят. А они говорят на него: «Фриц». Если имя немецкое, тогда ты (сразу) «Фриц». Да, Иван хорошее, хорошее имя! Маша хорошее! А Яков уже не пойдёт!*

Информантами отмечается сужение дискурсивных границ родных форм бытования языка. Они осознают, что из языковых образований, которые демонстрировали максимальные значения функциональной мощности, в годы войны они внезапно стали явлениями с регламентированными пределами использования.

Использование родных форм существования языка не просто сузилось до пределов тех или иных коммуникативных сфер, оно во многом стало ситуативно обусловленным. Согласно анализируемым высказываниям, немецкие диалекты на этом этапе метаязыковой биографии предстают как языковые образования, которые уместно использовать только среди, так сказать, «своих людей», что исключает присутствие в подобных ситуациях представителей иных лингвокультур. Другими словами, на немецком диалекте можно было разговаривать только среди немцев. В присутствии русскоязычных или носителей других языков следовало переключаться на язык большинства (см. пример (6)).

(6) *Und hi (в Сибири) mir hun ka Deutsch gesprouche. Iwerall is Ruschich, nu mir aach, aach uf Ruschich! Mit unser Leid mir hun was uf Deutsch gsacht! А так, конечно, ein Russ kommt, und mir glaach wirre (нем. лат.: wieder) uf Ruschich.*

Перевод: *И здесь (в Сибири) мы не говорили на немецком. Везде русский, ну мы тоже, тоже на русском! С нашими людьми что-то говорили на немецком! А так, конечно, русский придёт, и мы сразу снова по-русски (говорим).*

Также на рассматриваемом этапе метаязыковой биографии у информантов складывается понимание того, что возникает возможность применять родной язык как способ «шифрования» информации, т. е. передачи информации внутри субэтнической группы так, чтобы не членам группы эта информация не была доступна для понимания. Как сказал в ходе проведённых интервью один из информантов, родной язык стал «тайным» (см. пример (7)).

(7) *Hu, uns Spraach wor... как это сказать, для тайн, тайный язык. Fir Gheimnis sache, nur mit Leid was verzähle. Mir plappere, awer Russ verstehe nix (смеётся).*

Перевод: *Ну наш язык был... как это сказать, для тайн, тайный язык. Чтобы говорить тайны, только с (нашими) людьми разговаривать. Мы болтаем, а русский ничего не понимает.*

При этом диалекты на данном этапе метаязыковой биографии утрачивают яркие территориальные признаки: тот или иной немецкий диалект больше не соотносится с конкретным пространственным ареалом распространения. Информантам салиентен факт того, что носители разных локальных форм немецкого языка оказались в ходе рассматриваемых исторических событий перемешанными в территориальном плане.

Хотя, как было отмечено выше, проводимое языковое биографическое исследование направлено на обнаружение общеколлективных свойств, оно позволило обнаружить некоторую флуктуацию описываемых явлений на индивидуально-личностном уровне. Так, отдельные немцы, описывающие процесс «погружения» в иноязычную среду, не воспринимают его в негативном ключе. Наоборот, их высказывания, раскрывающие данный процесс, пропитаны положительными эмоциями. Например: одна из женщин-информантов рассказывала, что русским языком она овладела, играя с русскоязычными детьми. И даже, смеясь, она продемонстрировала выученный ею наизусть от других детей первый русскоязычный текст – детскую считалочку (см. пример (8)).

(8) *Ich tu verzähle des und hab net verstanne. Wie die ruschich Kindje, und ich aach: «За горами, за лесами стоит бочка с пирогами. Раз, два, три, водить будешь ты!»*

Перевод: *Я это говорила и не понимала. Как русские дети, так и я: «За горами, за лесами стоит бочка с пирогами. Раз, два, три, водить будешь ты!»*

Также было выявлено, что после переселения немцы оказались в тесном контакте не только с русскоязычным населением, но и с представителями других культур. Поэтому на данном жизненном этапе не только русский язык, но и иные языки становились для них объектами вынужденного изучения и потому фокусированного осмысления. Например, один из информантов из Александровского района Томской области в качестве первых усвоенных в Сибири «иностранных» (т. е. не немецких) слов назвал единицы татарского языка. Другой информант – пожилая женщина из Каргосокского района Томской области – попала в Украине в оккупацию и была угнана на принудительные работы в Польшу, а после окончания войны оказалась в Сибири. Согласно хронологии её личной языковой биографии, польский язык стал вторым языком после немецкого, а русский – третьим. Пережитый опыт усвоения обоих неродных языков данным информантом также подвергал вербализированной рефлексии в ходе проводимых с ней интервью (см. пример (9)).

(9) *Mein Muterspraach is Deitsch, unser Plattdeitsch. Awer, awer wann ich in Pольша wor, vergesse ich Deitsch. Mir hen do nur uf польский geplaudert. Deitsch gonz verlernt! Und Ruschich dahere, wann wir in Russland komme. Sou is ma Lewen!*

Перевод: *Мой родной язык – это немецкий, наш платтдойч. Но, но когда я была в Польше, я забыла немецкий. Мы только на польском говорили. Немецкий совсем забыла! А русский язык потом, когда мы приехали в Россию. Такая моя жизнь!*

Как было указано выше, не все опрошенные немцы, владеющие диалектами в свободной форме, были рождены до событий Великой Отечественной войны. Часть из них относится к более младшим возрастным группам, не ставшим участниками насильственных переселений рассматриваемого исторического периода и знающих о них из рассказов представителей старшего поколения. Однако в нарративных высказываниях о своей жизни этих информантов присутствуют языковые биографические образы их родителей, переживших войну. Данным языковым биографическим образам свойственны аналогичные характеристики, указанные выше для непосредственных свидетелей упомянутых трагических событий.

Как уже отмечалось, не все опрошенные российские немцы с высоким уровнем владения родным языком оказались в Западной Сибири в результате массовых переселений представителей обсуждаемого субэтноса, развернувшихся в 1941 и 1942 гг. Часть из них

уже проживала на обследованных территориях задолго до событий этих лет, другая часть прибыла сюда во второй половине XX в. в ходе новых миграционных процессов. Эти российские немцы не испытали шокового погружения в иноязычную среду. Согласно их метаязыковым высказываниям, до 6–7 лет они владели только немецкими диалектами, которые являлись средством внутрисемейного общения, а затем с расширением палитры коммуникативных связей в пределах бытового и институционального дискурсов происходило постепенное усвоение русского языка. В этой связи их метаязыковая биография рассматриваемого этапа содержит гораздо меньше или не содержит вовсе тех черт конфликтного и негативного характера, которые обнаруживаются в отношении большинства немцев с высоким уровнем диалектной компетенции.

Таким образом, проведённое языковое биографическое исследование позволяет проследить поступательное взаимосвязанное изменение языковой и исторической ситуации, а также метаязыковых представлений в одной из малоизученных зон межэтнических контактов. Как было продемонстрировано, с позиции чувственно-интуитивного аспекта метаязыковая биография – это событийный конструкт, который разворачивается в релевантном языку контексте и отражает трансформацию системы ценностных ориентаций человека. Он убедительно свидетельствует о том, что на протяжении жизни у человека меняются принципы селекции и категоризации интерпретируемых языковых объектов. Данный конструкт обладает источниковедческим потенциалом, т. к. с его помощью открывается доступ к фактам прошлого определённой этнической общности в индивидуально-личностной перспективе.

Примечание

1. Переведено с немецкого языка. Оригинальный текст: «Sprachbiographie dient in einem vorwissenschaftlichen Sinne dazu, den Sachverhalt zu bezeichnen, dass Menschen sich in einem Verhältnis zur Sprache bzw. zu Sprachen und Sprachvarietäten in einem Entwicklungsprozess befinden, der von den sprachrelevanten lebensgeschichtlichen Ereignissen beeinflusst ist» [11: 1].

ЛИТЕРАТУРА

1. Александров О.А. Актуальное состояние традиционной лингвокультуры немцев Томской области // Язык и культура. 2020. № 52. С. 6–18. DOI: 10.17223/19996195/52/1

2. Александров О.А., Богословская З.М. Метаязыковая рефлексия в текстовой культуре российских немцев: варьирование форм и значений // *Язык и культура*. 2021. № 53. С. 8–25. DOI: 10.17223/19996195/53/1

3. Радченко О.А., Закуткина Н.А. Дialektnая картина мира как идиоэтнический феномен // *Вопросы языкознания*. 2004. № 6. С. 25–48.

4. Смирнова Т.Б., Блинова А.Н., Тишков В.А. Российские немцы. СПб.: Наука, 2021. 719 с.

5. Anders C.A. *Wahrnehmungsdialektologie: das Obersächsische im Alltagsverständnis von Laien*. Berlin: de Gruyter, 2010. 466 S.

6. Franceschini R., Miecznikowski J. *Leben mit mehreren Sprachen: Sprachbiographien*. Bern; Berlin; Frankfurt am Main; Wien: Peter Lang, 2004. 254 S.

7. Hundt M. Vorwort // *Regiolekte. Objektive Sprachdaten und subjektive Sprachwahrnehmung* / Hrsg.: M. Hundt, A. Kleene, A. Plewnia und V. Sauer. Tübingen: Narr, 2020. S. 9–13.

8. König K. *Spracheinstellungen und Identitätskonstruktion. Eine gesprächsanalytische Untersuchung sprachbiographischer Interviews mit Deutsch-Vietnamesen*. Berlin: Akademie, 2014. 407 S.

9. Preston D.R. A language attitude approach to the perception of regional variety // *Handbook of perceptual dialectology*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1999. Vol. 1. P. 359–373.

10. Spachminderheit, Identität und Sprachbiographie / hrsg.: G. Koch. Regensburg: Ed. Vulpes, 2013. 268 S.

11. Topfink D. *Lebensgeschichte und Sprache. Zum Konzept der Sprachbiografie aus linguistischer Sicht* // *Bulletin vals-asla* / hrsg.: K. Fdamzik, E. Roos. 2002. № 76. S. 1–14.

REFERENCES

1. Aleksandrov, O.A. (2020) Current state of traditional linguoculture of the Germans of Tomsk region. *Yazyk i kultura – Language and Culture*. 52. pp. 6–18 (in Russian). DOI: 10.17223/19996195/52/1

2. Aleksandrov, O.A. & Bogoslovskaya, Z.M. (2021) Metalanguage reflexion in the text culture of the Russian Germans: variation of forms and meanings. *Yazyk i kultura – Language and Culture*. 53. pp. 8–25. DOI: 10.17223/19996195/53/1

3. Radchenko, O.A. & Zakutkina, N.A. (2004) Dialektnaya kartina mira kak idioetnicheskii fenomen [Dialectal picture of the world as an idioethnic phenomenon]. *Voprosy yazykoznaniiya*. 6. pp. 25–48.

4. Smirnova, T.B., Blinova, A.N. & Tishkov, V.A. (2021) *Rossiyskie nemtsy* [Russian Germans]. St. Petersburg: Nauka.

5. Anders, C.A. (2010) *Wahrnehmungsdialektologie: das Obersächsische im Alltagsverständnis von Laien*. Berlin: de Gruyter. 466 S.

6. Franceschini, R. & Miecznikowski, J. (2004) *Leben mit mehreren Sprachen: Sprachbiographien*. Bern, Berlin, Frankfurt am Main, Wien: Peter Lang.

7. Hundt, M. (2020) Vorwort. In: Hundt, M., Kleene, A., Plewnia, A. & Sauer, V. (eds) *Regiolekte. Objektive Sprachdaten und subjektive Sprachwahrnehmung*. Tübingen: Narr. pp. 9–13.

8. König, K. (2014) *Spracheinstellungen und Identitätskonstruktion. Eine gesprächsanalytische Untersuchung sprachbiographischer Interviews mit Deutsch-Vietnamesen*. Berlin: Akademie.
9. Preston, D.R. (1999) A language attitude approach to the perception of regional variety. *Handbook of Perceptual Dialectology*. 1. pp. 359–373.
10. Koch, G. (ed.) (2013) *Spachminderheit, Identität und Sprachbiographie*. Regensburg: Ed. Vulpes.
11. Tophinke, D. (2002) Lebensgeschichte und Sprache. Zum Konzept der Sprachbiografie aus linguistischer Sicht. *Bulletin vals-asla*. 76. pp. 1–14.

Александров Олег Анатольевич – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник лаборатории лингвистической антропологии, доцент кафедры английской филологии Томского государственного университета (Россия).

Oleg A. Aleksandrov – Tomsk State University (Russia).

E-mail: olegaleksandrov79@gmail.com

Богословская Зоя Матиновна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории лингвистической антропологии Томского государственного университета (Россия).

Zoya M. Bogoslovskaya – Tomsk State University (Russia).

E-mail: zefarija@mail.ru

УДК 81'23

UDC

DOI: 10.17223/18572685/70/15

Восприятие эмоциональной лексики первого и второго языков в условиях языкового контактирования (тюркско-русский херитажный билингвизм)*

А.В. Васильева

Томский государственный университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

E-mail: alvasileva@mail.ru

Авторское резюме

В настоящее время вопрос о влиянии культуры того или иного социума на все стороны его жизни не подвергается сомнениям. Это касается и эмоциональной стороны. Несмотря на универсальность эмоций как психического механизма, существуют такие эмоции, которые являются общими для всех этносов, и те, которые формируются в определенной культуре и являются этноспецифичными. При этом различия в значительной степени проявляются не только при выражении эмоций, в том числе и языковом, но и при их восприятии. Особенно актуальной данная проблема становится в условиях контактирования языков, т. е. при обращении к вопросу взаимосвязи эмоциональности и билингвизма. Целью данной статьи является выявление особенностей восприятия диминутивов как представителей класса эмоциональной лексики тюркско-русскими билингвами на первом и втором языках. В качестве материала для проведения исследования были использованы единицы русского, хакасского и татарского языков, среди которых группой, находящейся в фокусе внимания, были диминутивы – эмоциональные слова, являющиеся отличительной чертой русской речи, но имеющиеся также и в тюркских языках. Указанные единицы были введены в эксперимент, который проводился с использованием программного обеспечения E-prime, позволяющего фиксировать скорость реакции респондентов на предъявляемые стимулы, последовательно сначала в группах носителей русского как родного и тюркско-русских билингвов на материале русского языка (23 человека в каждой группе), затем в группах хакасско-русских и татарско-русских билингвов на их род-

* Исследование выполнено при поддержке Программы развития Томского государственного университета (Приоритет 2030).

ных языках (16 и 17 человек соответственно). Полученные данные были введены в ковариационный анализ, который показал, что все группы респондентов значимо дольше реагируют на эмоциональные слова по сравнению с нейтральными словами ($p < 0,001$), в независимости от языка, на котором предъявлялся стимульный материал. При этом на скорость реакции существенно влияет частотность и (или) длина слова. Сравнение результатов, полученных на материале родных языков билингвов, с результатами, полученными на материале русского языка, показало, что билингвы значимо дольше реагируют на все группы слов на родных языка ($p < 0,001$). Результаты, с одной стороны, не подтверждают имеющиеся в литературе данные о преимуществе обработки эмоциональных слов на первом языке, однако, с другой стороны, соотносятся с выводами о влиянии на восприятие типа билингвизма, в нашем случае – херитажного, позднего, несбалансированного в сторону второго языка.

Ключевые слова: билингвизм, эмоциональность, диминутивы экспериментальное исследование, скорость реакции

Perception of the emotional vocabulary of the first and second language lexicons in the conditions of language contact (Turkic-Russian heritage bilingualism)*

A.V. Vasilyeva

Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

E-mail: alvasilevaa@mail.ru

Abstract

Currently, the influence of a particular culture on all aspects of the society life is not in doubt. This also applies to the emotional sphere. It is believed that, despite the universality of emotions as a mental mechanism, there are emotions that are common to all ethnic groups and those ethnospecific emotions that are formed in a certain culture. Differences are largely manifested not only in the expression of emotions, including language expression, but also in their perception. This problem becomes especially relevant in the context of language contact, namely when addressing the problem of the relationship between emotionality and bilingualism. The purpose

---

* This study was supported by the Tomsk State University Development Programme (Priority-2030).

of this article is to identify the peculiarities of the perception of diminutives as representatives of the emotional vocabulary by Turkic-Russian bilinguals in the first and second languages. The experiment employed units of the Russian, Khakass, and Tatar languages, among which there were diminutives (the target group) – emotional words, that are a hallmark of Russian speech, but also available in the Turkic languages. The experiment was conducted using E-prime software first in groups of native Russian speakers and Turkic-Russian bilinguals on the material of the Russian language (23 people in each group), then in groups of Khakass-Russian and Tatar-Russian bilinguals in their native languages (16 and 17 people, respectively). The data were used for a covariance analysis, which showed that all groups of respondents needed much more time to respond to emotional words compared to neutral words ($p < 0.001$), regardless of the language of the stimuli. At the same time, either frequency and/or length of the word significantly affects the reaction time. Comparison of the results obtained on the material of the native languages of bilinguals with the results obtained on the material of the Russian language showed that bilinguals react significantly longer to all groups of words ($p < 0.001$).

The results, on the one hand, do not confirm the data available in the literature on the advantage of processing emotional words in the first language. However, they correlate with the conclusions about the impact on perception of the type of bilingualism, in our case – heritage, late, unbalanced towards the second language.

Keywords: bilingualism, emotionality, experimental research, diminutives, reaction time

Введение

В настоящее время проблема языковых контактов русского языка является актуальной, что объясняется, прежде всего, его статусом и, как следствие, влиянием, оказываемым им на другие языки Российской Федерации. Однако влияние в данном случае не однонаправленно, и русский язык сам также подвергается воздействию со стороны материнских языков билингов, что проявляется в интерферентных явлениях, которые обнаруживаются на разных языковых уровнях (морфологическом, лексическом и др.) и часто имеют системный характер.

Так, например, в исследовании на материале корпуса RuTuVic [10] были проанализированы отклонения от речевого стандарта в речи тюркско-русских билингов. Было показано, что в устной речи наблюдаются нарушения разного вида, при этом значительно преобладают те, которые обусловлены особенностями устной спонтанной коммуникации. По мнению авторов, многие из обнаруженных отклонений могут быть объяснены именно влиянием родных языков билингов [9].

Стоит отметить, что количество и характер демонстрируемых особенностей при анализе интерферентных явлений оказываются во многом обусловлены типом билингвизма у тех групп респондентов, речь которых анализируется в том или ином случае. В фокусе исследования, описанного выше, а также исследования, которому непосредственно посвящена данная статья, находятся билингвы, у которых первым языком является один из тюркских – хакасский и татарский, вторым – русский язык. При этом в той языковой ситуации, в которой существуют билингвы, первый язык становится херитажным, т. е. используемым в основном в сфере домашнего общения или для обозначения этнокультурной идентичности, в то время как второй язык (русский) доминирует практически во всех сферах коммуникации (более подробно см.: [1; 11]). Несбалансированность подобного рода проявляется в данном случае в сравнительно небольшом количестве случаев интерференции, которые, однако, выявляются не только при анализе речевых практик, но и при рассмотрении когнитивных процессов порождения и восприятия речи билингвами.

Сквозь призму восприятия исследуются различные аспекты билингвальных особенностей [3; 8], в нашей же работе мы обращаемся к проблеме восприятия эмоциональных слов первого и второго языков тюркско-русскими билингвами, специфика которого может быть обусловлена их культурным и языковым опытом.

Как известно, с точки зрения психологии, эмоции являются универсальными, при этом в значительной степени варьируются взгляды на количество фундаментальных эмоций, общих для всех народов, и этноспецифичных эмоций, которые формируются внутри определенного социума и во многом определяются культурными особенностями [7].

Национально-специфичными являются и особенности выражения эмоций в языке. Как указывает В.И. Шаховский, язык является «ключом к изучению человеческих эмоций» и именно язык «формирует эмоциональную картину мира представителей той или иной лингвокультуры» [14: 23].

При этом ситуация, в которой человек является носителем более чем одного языка, помимо прочего неизбежно ставит вопрос о том, как и в какой степени концептуализируются эмоциональные единицы второго языка и, как следствие, воспринимаются по сравнению с аналогичными единицами на первом языке.

Так, учёные говорят об эффекте первичности первого языка в лексиконе эмоций. Это означает, что эмоциональные слова первого языка более тесно связаны с конкретными контекстами и имеют бо-

лее высокую степень семантической нагруженности по сравнению с эмоциональными словами второго языка. Кроме того, значимым оказывается то, в какой степени билингв знаком с культурой второго языка и адаптировался к ней, т. е. так называемая степень социализации билингва в культуре второго языка [20].

В литературе, описывающей экспериментальные исследования восприятия эмоциональных слов первого и второго языков, показано, что в целом первый язык более эмоционален, чем второй или последующие языки [15; 19]. Однако более детальное изучение факторов, оказывающих влияние на восприятие, обнаружило, что ранние билингвы, т. е. те, кто выучил второй язык в раннем возрасте, считают слова второго языка более эмоционально нагруженными по сравнению с теми, кто выучил его позже. То же самое верно для респондентов, которые изучали второй язык в естественной среде, в отличие от функциональных (учебных) билингвов [16–18].

Однако также отмечается, что разные типы эмоциональной лексики, которые используются в экспериментах и различная степень типологических различий первого и второго языков могут оказывать влияние на полученные результаты. При этом стоит сказать, что подобные исследования в большинстве своем проводились на материале английского языка и других европейских языков (французский, испанский, немецкий и др.), на материале же русского языка исследований особенностей восприятия эмоциональной лексики обнаружено не было.

Говоря о тех группах слов, которые составляют эмоциональный фонд русского языка, нужно отметить, что количество лексических классов с подобными единицами довольно велико, при этом значительная часть представлена словами, характеризующимися деривационным способом выражения эмоционального отношения к предмету речи.

Кроме того, с позиции психолингвистики, любое слово может стать потенциально эмоциональным, если оно вызывает эмоциональный отклик у человека, т. е. эмоциональной единица становится тогда, когда такую оценку ей дает воспринимающий субъект.

Работая в рамках психолингвистического подхода, в качестве целевой группы для исследования мы, однако, выбрали один из классов единиц, где эмоциональное отношение выражается при помощи аффиксальных элементов, а именно диминутивных суффиксов (*работничек, зубик, здоровьишко, пятёрочка*). Такой выбор был обусловлен, во-первых, особым положением диминутивов в системе русского языка. Так, обилие слов с диминутивными суффиксами в русской речи является её общепризнанной особенностью, при этом

в большом количестве литературы, описывающей семантические и функциональные характеристики диминутивов, отмечается многообразие выражаемых ими смыслов и выполняемых функций. Во многом это объясняется выделением в структуре данных единиц двух компонентов – рационального – уменьшительности и прагматического – эмоциональности. При этом диминутивы являются контекстно зависимыми, и, несмотря на то, что первичным является компонент уменьшительности, для проявления эмоциональной оценки достаточно небольшой окрашенности контекста [5; 6].

Во-вторых, немаловажным оказался и тот факт, что в тех языках, которые являются родными для наших респондентов, т.е. в тюркских, подобные единицы также имеются (хаккасский язык: *күзеечек* – *зятёк*, *мунзуруфас* – *кулачок*; татарский язык: *борынчык* – *носишко*, *егеткай* – *паренёк*), однако данные об их функционировании и семантике немногочисленны и их сложно назвать в равной мере соотносимыми и системными по сравнению с русским языком. Можно лишь говорить о том, что частично оттенки значений и функции диминутивов в тюркских языках совпадают с русскими [12; 13]. Однако очевидно, что типологические различия между языками обуславливают особенности систем диминутивных суффиксов, влияя на их на семантику и функционирование в русском и тюркских языках. Это позволяет предположить возможные различия при их восприятии на этих языках, что соотносится с более общей проблемой – выявлением особенностей восприятия эмоциональных слов билингвами.

Таким образом, целью нашей статьи является выявление особенностей восприятия диминутивов как представителей класса эмоциональной лексики тюркско-русскими билингвами на первом и втором языках. Указанная цель решалась посредством проведения серии поведенческих экспериментов с измерением времени реакции на предъявляемые стимулы.

Отметим, что в психолингвистике измерение скорости реакции при выполнении разных видов лингвистических задач является одним из наиболее распространённых подходов к исследованию языковой обработки в реальном времени. Предполагается, что более высокие значения данного показателя указывают на сложность обработки стимульного материала, что может объясняться его различными свойствами, в нашем случае – эмоциональной нагруженностью.

Материал и метод исследования

В качестве материала исследования послужили три массива слов на русском, хаккасском и татарском языках.

Сначала на основе данных толкового идеографического словаря русских существительных Л.Г. Бабенко [2] были сформированы четыре группы единиц на русском языке. Как уже было сказано выше, в качестве целевой группы в исследовании выступили диминутивы (166 единиц) (*сестрёнка, креслице*). Кроме этого в анализ были включены также производящие неэмоциональные слова (163 единицы, например *сестра, кресло*) для выявления наличия/отсутствия различий в восприятии по сравнению с группой эмоциональных диминутивов. Отобранные слова принадлежали к одной из тематических групп: родственные связи, предметы одежды, части тела, предметы домашнего быта и предметы мебели, т. е. имели так или иначе отношение к человеку или его окружению. Также были отобраны слова с высоко положительной и отрицательной оценкой (42 единицы, например, *ущерб, шедевр*) для более точного определения степени эмоциональности слов, находящихся в фокусе нашего внимания, т. е. диминутивов. Всего было отобрано 371 слово.

Далее отобранные единицы были переведены носителями языка на хакасский и татарский языки. По сравнению с исходным количество стимулов сократилось, так как для некоторых единиц не было найдено эквивалентных соответствий, другие единицы – имеющие различные значения в русском языке – в хакасском и татарском оказались идентичными, кроме того, исключены были эквиваленты единиц, перевод которых включал более одного слова. Таким образом, общее количество стимулов составило 290 на хакасском, из них 135 – диминутивы, 126 – нейтральные производящие слова, слова с отрицательной и положительной оценкой – 29; 304 слова на татарском из них 130 – диминутивы, 132 – нейтральные производящие слова, слова с отрицательной и положительной оценкой – 42. Примеры слов-стимулов приведены в таблице.

Примеры слов-стимулов, использованных в исследовании

Тип слова	Слово на русском	Слово на татарском	Слово на хакасском
нейтральное	мальчик	малай	оолах
нейтральное	кровать	ятак	орған
диминутив	ситечко	иләкчек	илгегес
диминутив	плечико	иңсә	иңнїчек
положительное	прелесть	гүзәллек	сілии
положительное	выгода	файда	туза

отрицательное	суета	юк-барлык	хайыныс
отрицательное	мерзость	кабахэтлек	чабал

Дизайн и процедура эксперимента

При проведении экспериментов на материале русского языка и тюркских языков дизайны были идентичными, варьировались только стимулы.

Дизайн экспериментов состоял из одной зависимой переменной, т. е. той, которая подлежала измерению, ею стала скорость реакции респондентов и одной независимой переменной – той, которой управляет исследователь, в данном случае – тип стимула (эта переменная имела четыре уровня, т. е. состояла из четырех групп слов: диминутивы, производящие слова, слова с положительной и отрицательной оценкой).

Как правило, в экспериментах подобного типа задача, предлагаемая участникам, должна быть не связана с основной целью эксперимента для объективности результатов. Одним из типовых экспериментальных заданий является задание на разного рода категоризацию (categorization task), когда испытуемым предлагается отнести слово к той или иной категории. Так как при формировании стимулов мы отбирали слова, которые имеют отношение к человеку или его окружению, в качестве задания участникам было предложено определить следующее: слово, которое они видят на экране, называет человека, или часть тела человека, или же какой-либо предмет.

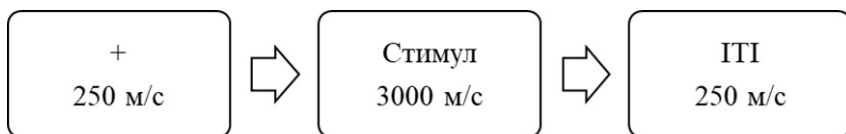

Рис. 1. Процедура эксперимента:

+ – фиксационный крест; ITI (intertrial interval) – межпробный интервал.

Процедура эксперимента (рис. 1) включала тренировку и основной эксперимент, стимулы предъявлялись в псевдорандомизированном порядке.

Респонденты

Экспериментальная серия проводилась в три этапа, что было обусловлено тремя привлекаемыми группами респондентов:

1) носители русского языка как родного – 23 человека (от 18 до 53 лет), проходившие эксперимент на русском языке;

2) тюркско-русские билингвы, родным языком являлся один из тюркских языков (татарский или хакасский) – 23 человека (от 16 до 52 лет), проходившие эксперимент на русском языке;

3) тюркско-русские билингвы – 16 носителей хакасско-русского билингвизма (в возрасте от 17 до 64 лет), проходившие эксперимент на хакасском языке; 17 носителей татарского-русского (в возрасте от 16 лет до 71 года), проходившие эксперимент на татарском языке.

Результаты

В результате проведения двух экспериментов на **материале русского языка** было получено 8 163 реакции в группе носителей русского языка как родного и 8 419 реакций в группе тюркско-русских билингвов. Полученные наблюдения анализировались с помощью различных статистических методов. Так, сначала данные были включены в ковариационный анализ, который дает возможность определить, существуют ли различия между исследуемыми параметрами (в нашем случае – скоростью реакции на разные группы слов), при этом устанавливая наличие или отсутствие влияния побочной переменной (т. е. той, которая не включена в дизайн, но в условиях эксперимента может повлиять на изучаемый процесс) на результаты. В нашем случае побочными переменными оказались длина стимулов и их частотность. Как правило, для проведения экспериментов подобного типа необходимо контролировать данные факторы, так как они могут оказывать влияние на восприятие при визуальном распознавании слов. Однако в нашем случае привести группы единиц в соответствие по данным показателям не представлялось возможным, т. к. эмоциональные производные слова из-за добавления диминутивных суффиксов неизбежно оказываются более длинными и менее частотными.

Анализ полученных данных показал, что в группе носителей русского языка как родного эмоциональные слова с диминутивными суффиксами обрабатываются значимо дольше, чем нейтральные производящие слова ($p < 0,001$), при этом на различия в скорости реакции оказывает влияние фактор частотности слова ($p < 0,001$). Эти результаты визуализированы на рис. 2.

Рисунок 3 в свою очередь отражает результаты статистического анализа, проведенного в группе тюркско-русских билингвов. Так, оказалось, что билингвы также реагируют на диминутивы дольше, чем на нейтральные слова ($p < 0,001$), однако помимо частотности ($p < 0,001$) на результаты влияет также фактор длины слова ($p < 0,001$).

Кроме того, на данных, полученных в результате проведения экспе-

римента, на материале русского языка как родного был проведен статистический анализ, направленный на сравнение данных о скорости реакции двух групп респондентов на слова русского языка. Для этого был использован критерий Манна–Уитни, позволяющий сравнивать две независимые выборки – в нашем случае скорость реакции в груп-

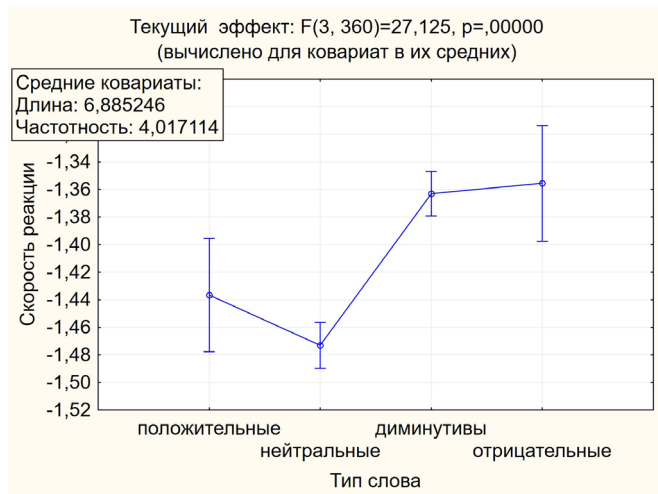

Рис. 2. График зависимости скорости реакции носителей русского языка как родного от типа стимула при восприятии слов русского языка.

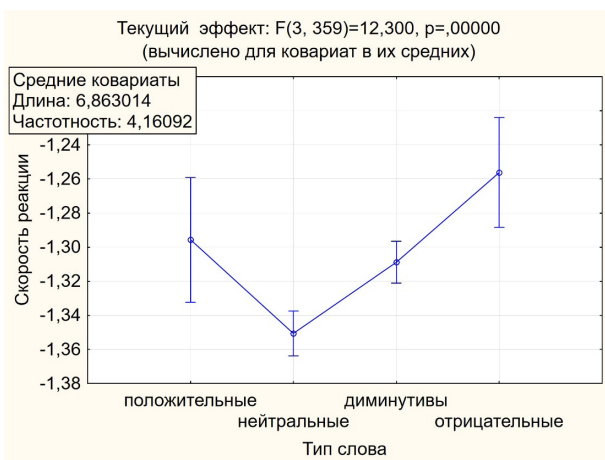

Рис. 3. График зависимости скорости реакции татарско-русских билингов от типа стимула при восприятии слов русского языка.

пе носителей русского языка и в группе тюркско-русских билингвов. Анализ показал, что скорость реакции на все слова в целом, а также на каждую группу в отдельности у билингвов значимо дольше, чем у носителей русского языка как родного ($p < 0,001$) (более подробное описание экспериментов на русском языке см.: [4]).

В результате проведенных экспериментов на материале **родных языков билингвов – хакасском и татарском** – было получено 5 057 и

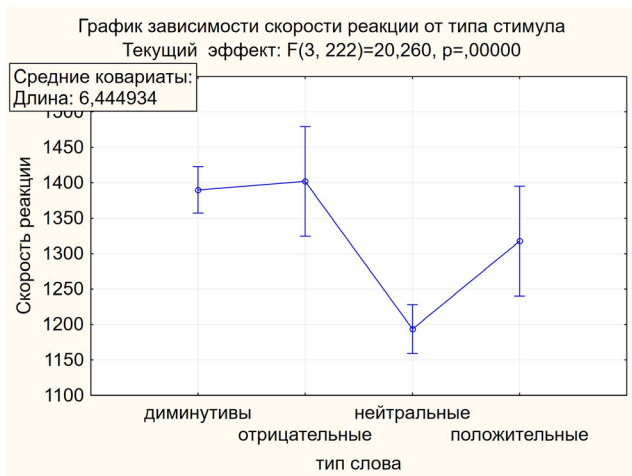

Рис. 4. График зависимости скорости реакции от типа стимула в группе татарско-русских билингвов при восприятии слов татарского языка.

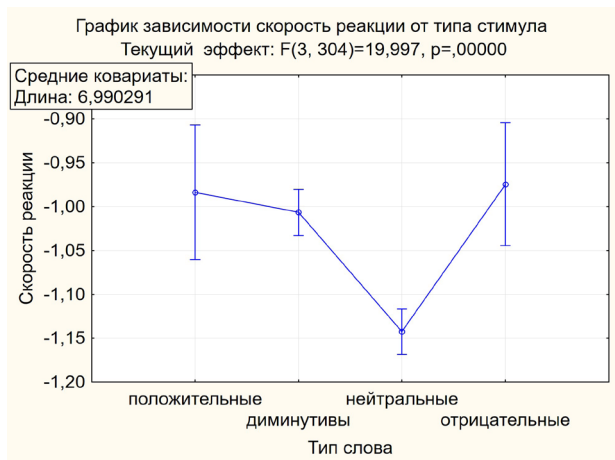

Рис. 5. График зависимости скорости реакции от типа стимула в группе хакасско-русских билингвов при восприятии слов хакасского языка.

5 469 наблюдений соответственно. Результаты экспериментов были также включены в ковариационный анализ, при этом в данном случае контролировалась только длина слова. На рис. 4 визуализированы результаты анализа, проведенного в группе носителей хакасско-русского билингвизма.

Так, оказалось, что билингвы значимо дольше реагируют на диминутивы по сравнению с нейтральными словами ($p < 0,001$) в независимости от того, что на скорость реакции значимое влияние оказывает длина слова. Аналогичные результаты были получены в группе носителей татарско-русского билингвизма (рис. 5).

Далее нами был использован критерий Краскела – Уоллиса, позволяющий сравнивать несколько независимых выборок между собой. В нашем случае это данные, полученные на материале русского языка в двух группах респондентов, и данные, полученные на материале тюркских языков. Анализ показал, что билингвы значимо дольше реагируют на все группы слов на родном языке по сравнению с

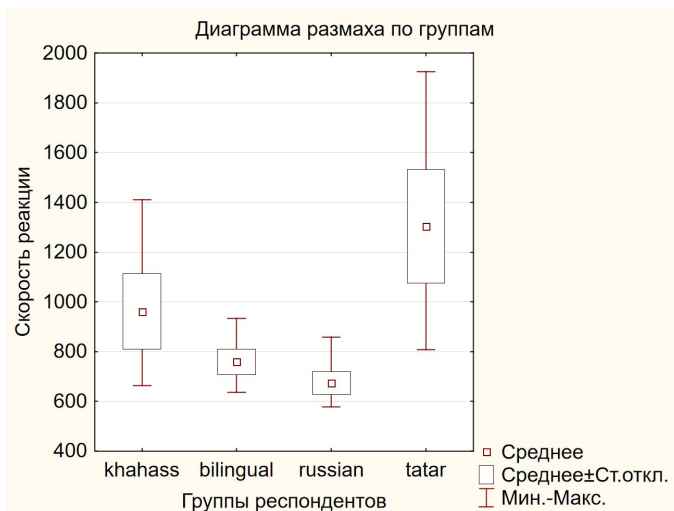

Рис. 6. График межгрупповых различий в скорости реакции у разных групп респондентов.

группами респондентов в экспериментах на материале русского языка ($p < 0,001$), что можно видеть на рис. 6, где khakass – группа хакасско-русских билингвов, bilingual – группа тюркско-русских билингвов, russian – группа носителей русского языка как родного, tatar – группа татарско-русских билингвов.

Таким образом, по результатам проведенных экспериментов можно сделать следующие выводы:

1. Тюркско-русские билингвы более медленно обрабатывают слова второго языка (русского) по сравнению с носителями русского языка как родного, однако при этом демонстрируя схожие тенденции в обработке эмоциональных слов (диминутивов).

2. Тюркско-русские билингвы более медленно обрабатывают слова первого языка по сравнению со словами второго языка, при этом воспринимая диминутивы на втором языке, как и на первом, более медленно, чем нейтральные слова.

Как было указано выше, более длительное время реакции на одну из групп единиц может свидетельствовать о необходимости большего количества усилий для их обработки, что, вероятно, свидетельствует о влиянии каких-либо особенностей единиц, входящих в эту группу. В данном случае, если мы говорим об анализе в рамках одной группы респондентов, более медленная реакция на диминутивы, вероятно, может свидетельствовать о влиянии их эмоциональной нагруженности на обработку. Более медленная реакция на предложенные стимулы в зависимости от того, на каком языке они воспринимались, с одной стороны, говорит о том, что билингвам требуется большее количество усилий для восприятия слов первого языка (тюркского) по сравнению со вторым (русским), с другой – о том, что на обработку слов русского языка они все же тратят больше усилий по сравнению с носителями.

Обсуждение

Полученные результаты в целом соотносятся с данными, имеющимися в литературе, о специфике восприятия эмоциональных слов билингвами, с одной стороны, не подтверждая данные о преимуществе обработки эмоциональных слов на первом языке, однако, с другой стороны, соотносясь с данными о влиянии на восприятие типа билингвизма, в нашем случае – херитажного, позднего, несбалансированного в сторону второго языка. Это дает возможность сделать вывод о том, что тип билингвизма в данном случае оказывается более значимым, чем особенности исследуемых единиц – диминутивов.

Отметим, что для более точной интерпретации результатов необходим дополнительный сбор данных о частотности слов на хакасском и татарском языках, в связи с тем, что данный параметр является значимым при проведении исследований такого типа и может оказать влияние на результаты. Имеющийся к настоящему времени массив данных о частотности единиц татарского и хакасского языка является недостаточным для проведения анализа.

Также предполагаем, что в дальнейшем необходимо проведение дополнительных серий экспериментов (в группах респондентов с разной степенью владения первым и вторым языками; с исполь-

зованием других групп эмоциональной лексики) для установления наличия/отсутствия влияния указанных факторов на результаты.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Артёменко Е.Д., Буб А.С.* Динамика социолингвистической ситуации хакасско-русского языкового взаимодействия на территории Южной Сибири // *Русин*. 2019. № 56. С. 294–311. DOI: 17223/18572685/56/18
2. *Бабенко Л.Г.* Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. М.: АСТ-Пресс Книга, 2008. 862 с.
3. *Буб А.С., Артеменко Е.Д.* Когнитивная обработка биномиалов русского языка тюркско-русскими билингвами // *Язык и культура*. 2019. № 48. С. 32–45.
4. *Васильева А.В.* Влияние билингвизма на когнитивную обработку эмоциональных слов (тюркско-русский билингвизм) // *Вестник Томского государственного университета*. 2020. № 455. С. 5–11.
5. *Вежицкая А.* Язык. Культура. Познание. М., 1996. 411 с.
6. *Земская Е.А.* Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М., 1979. 240 с.
7. *Клобуков П.Е.* Эмоции, сознание, культура (особенности отражения эмоций в языке // Язык, сознание, коммуникация. 1998. Вып. 4. С. 110–123.
8. *Некрасова Е.Д., Резанова З.И., Палий В.Е.* Влияние родного языка (L1) на когнитивную обработку грамматической категории рода существительных русского языка (L2) русско-тюркскими билингвами // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2019. № 57. С. 103–123.
9. *Резанова З.И., Коршунова И.С.* Русская речь в зоне языкового контактирования: активные тенденции в сфере отклонений от речевого стандарта // *Русин*. 2022. № 68. С. 266–279.
10. *Резанова З.И.* Подкорпус устной речи русско-тюркских билингвов Южной Сибири: типологически релевантные признаки // *Вопросы лексикографии*. 2017. № 11. С. 105–118. DOI: 10.17223/22274200/11/7
11. *Резанова З.И., Темникова И.Г., Некрасова Е.Д.* Динамика социолингвистических процессов в Южной Сибири в зеркале билингвизма (русско-шорское и русско-татарское языковое взаимодействие) // *Вестник Томского государственного университета*. 2018. № 436. С. 56–68. DOI: 10.17223/15617793/436/7
12. *Тараканова (Чебоचाкова) И.М.* Диминутивы в хакасском языке. Абакан: Сервисный пункт, 2011. 116 с.
13. *Чебоचाкова И.М.* Некоторые особенности суффиксов уменьшительности хакасского языка // *Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова*. 2019. № 1 (27). С. 83–85.
14. *Шаховский В.И.* Язык и эмоции в аспекте лингвокультурологии. Волгоград: Перемена, 2009. 169 с.
15. *Altarriba J.* Expressions of emotion as mediated by context // *Bilingualism: Language and Cognition*. 2008. № 11 (02). P. 165–167.

16. Dewaele J.-M. Blistering barnacles! What language do multilinguals swear in? // *Estudios de Sociolingüística*. 2004. № 5. P. 83–105.
17. Dewaele J.-M. Expressing anger in multiple languages // *Bilingual minds: Emotional experience, expression and representation*. Clevedon, UK: Multilingual Matters Ltd, 2006. P. 118–151.
18. Dewaele J.-M. The emotional force of swearwords and taboo words in the speech of multilinguals // *J. Multilingual Multicultural Dev.* 2004. № 25. P. 204–222. DOI: 10.1080/01434630408666529
19. Pavlenko A. Emotion and emotion-laden words in the bilingual lexicon // *Bilingualism: Language and Cognition*. 2008. № 11 (02). P. 147–164.
20. Pavlenko A. *Emotions and multilingualism*. Cambridge University Press, 2005. 304 p.

REFERENCES

1. Artemenko, E.D. & Bub, A.S. (2019) Dynamics of the sociolinguistic situation of Khakass-Russian language interaction on the territory of Southern Siberia. *Rusin*. 56. pp. 294–311 (in Russian). DOI: 17223/18572685/56/18
2. Babenko, L.G. (2008) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkikh sushchestvitel'nykh: Ideograficheskoe opisanie. Sinonimy. Antonimy* [The Great Dictionary of Russian Nouns: an Ideographic Description. Synonyms. Antonyms]. Moscow: AST-Press Kniga.
3. Bub, A.S. & Artemenko, E.D. (2019) Cognitive Processing of the Russian Language Binomials in Turkic-Russian Bilinguals. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 48. pp. 32–45 (in Russian). DOI: 10.17223/19996195/48/2
4. Vasilyeva, A.V. (2019) The influence of bilingualism on emotional words cognitive processing (Turkic-Russian bilingualism). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 455. pp. 5–11 (in Russian). DOI: 10.17223/15617793/455/1
5. Wierzbicka, A. (1996) *Yazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language. Culture. Cognition]. Moscow: [s.n.].
6. Zemskaya, E.A. (1979) *Russkaya razgovornaya rech': lingvisticheskiy analiz i problemy obucheniya* [Russian colloquial speech: a linguistic analysis and problems of learning]. Moscow: Flinta.
7. Klobukov, P.E. (1998) Emotsii, soznanie, kul'tura (osobnosti otrazheniya emotsiy v yazyke) [Emotions, consciousness, culture (features of emotion reflection in language)]. *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya – Language, Consciousness, Communication*. 4. pp. 110–123
8. Nekrasova, E.D., Rezanova, Z.I. & Paliy, V.V. (2019) The influence of the native language (L1) on the cognitive processing of the grammatical gender of the Russian Language (L2) by Russian-Turkic bilinguals. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 57. pp. 103–123 (in Russian). DOI: 10.17223/19986645/57/6
9. Rezanova, Z.I. & Korshunova, I.S. (2022) Russian speech in the language contact zone: active trends in deviations from the speech standard. *Rusin*. 68. pp. 266–279 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/68/14

10. Rezanova, Z.I. (2017) Subcorpus of oral speech of Russian-Turkic bilinguals of Southern Siberia: Typologically relevant signs. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 11. pp. 105–118. DOI: 10.17223/22274200/11/7
11. Rezanova, Z.I., Temnikova, I.G. & Nekrasova, E.D. (2018) Dynamics of sociolinguistic processes in Southern Siberia mirrored in bilingualism (Russian-Shor and Russian-Tatar language interaction). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 436. pp. 56–68. DOI: 10.17223/15617793/436/7
12. Tarakanova (Chebochakova), I.M. (2011) *Diminutivy v khakasskom yazyke* [Diminutives in the Khakass language]. Abakan: Ed. in LLC “Service point.”
13. Chebochakova, I.M. (2019) Some features of the diminutive suffixes of the Khakass language. *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.F. Katanova – Bulletin of N. F. Katanov Khakass State University*. 1(27). pp. 83–85 (in Russian).
14. Shakhovskiy, V.I. (2009) *Yazyk i emotsii v aspekte lingvokul'turologii* [Language and Emotions in the Aspect of Linguoculturology]. Volgograd: Peremena.
15. Altarriba, J. (2008) Expressions of emotion as mediated by context. *Bilingualism: Language and Cognition*. 11(02). pp. 165–167.
16. Dewaele, J.-M. (2004) Blistering barnacles! What language do multilinguals swear in? *Estudios de Sociolingüística*. 5. pp. 83–105.
17. Dewaele, J.-M. (2006) Expressing anger in multiple languages. In: Pavlenko, A. (ed.) *Bilingual Minds: Emotional Experience, Expression and Representation*. Clevedon, UK: Multilingual Matters Ltd. pp. 118–151.
18. Dewaele, J.-M. (2004) The emotional force of swearwords and taboo words in the speech of multilinguals. *Journal of Multilingual Multicultural Development*. 25. pp. 204–222. DOI: 10.1080/01434630408666529
19. Pavlenko, A. (2008) Emotion and emotion-laden words in the bilingual lexicon. *Bilingualism: Language and Cognition*. 11(02). pp. 147–164.
20. Pavlenko, A. (2005) *Emotions and Multilingualism*. Cambridge University Press.

Васильева Алина Вячеславовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общей, компьютерной и когнитивной лингвистики Томского государственного университета (Россия).

Vasilyeva Alina V. – Tomsk State University (Russia).

E-mail: alvasileva@mail.ru

УДК 930(2);94(47);32.019.52
UDC
DOI: 10.17223/18572685/70/16

Исторические нарративы и репрезентации войны в коллективной памяти сообществ Рунета: темпоральные траектории и семантические сети*

Н.В. Трубникова¹, А.Ю. Саркисова², И.Е. Рогоева³

Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

¹ E-mail: troub@mail.ru

² E-mail: sarkisova@data.tsu.ru

³ E-mail: irina_rogueva@mail.ru

Авторское резюме

Проанализированы особенности коллективной репрезентации нарративов о войне в современных публикациях российской социальной сети «ВКонтакте» в контексте проблем национального самосознания и национальной идентичности. Материал для исследования извлечён автоматизированными методами с помощью открытого API «ВКонтакте» и составил 332 781 уникальный пост из открытых исторических сообществ за период с 01.01.2020 по 05.09.2022. С использованием узлов аналитической платформы PolyAnalyst обнаружено, что наиболее частотным и одновременно значимым (метрика учитывает среднюю частоту слова по всем текстам) в данной текстовой коллекции является слово «война». Выборка текстов со словом «война» (49 736 постов) подвергнута дополнительному анализу с целью исследования ключевых нарративов и семантических связей. Для обработки данных использовался комплекс методов обработки естественного языка (NLP). Теоретико-методологическую основу исследования составили принципы и подходы современной нарратологии и истории памяти. Анализ больших данных социальных медиа подтвердил, что драма-

* Результаты получены в рамках государственного задания Минобрнауки, проект № FSWM-2022-0004 «Сетевой анализ современных представлений сообществ Рунета о России: основные исторические нарративы как основа национальной идентичности». Теоретико-методологическая основа применения программ автоматизированного анализа больших данных к предметному полю исторической памяти разработана в рамках программы развития Томского государственного университета «Приоритет 2030», проект № 2.3.7.22 ОНГ.

тичная историческая судьба России как естественное следствие факторов огромной территории, протяженных границ и изобилия природных ресурсов сформировала ментальную особенность россиян быть всегда готовыми к войне. Тематическая кластеризация текстов подтвердила доминирование практик коммеморации Великой Отечественной войны, отразила этатизм и этакратизм сознания россиян, продемонстрировала общественное внимание к репрезентациям войны в искусстве и науке, а также обнаружила блок «окопной правды» и его места в коллективных репрезентациях войны. Показано, что нарративы часто отличаются насыщенностью деталями и фактами, прагматизмом, прозаичностью и рационализмом. Эмпирический материал подтверждает, что особое значение в памяти россиян о войнах, безусловно, занимает XX в. Прокомментирован рейтинг упоминаний конкретных войн в исследуемой текстовой коллекции. Обозначено противопоставление Великой Отечественной войны Второй мировой войне, а Отечественной войны 1812 года – наполеоновским войнам начала XIX в. Отдельно исследован блок вопросов, касающихся информационных войн в современном мире. Обозначенный военный нарратив представляет интерес как фундамент «коллективного воображаемого», на основе которого выстраиваются перспективы и критические рубежи образа будущего.

Ключевые слова: военный нарратив, историческая память, национальная идентичность, социальные сети, большие данные

Historical narratives and war representations in the collective memory of Runet communities: Temporal trajectories and semantic networks*

N.V. Trubnikova¹, A.Yu. Sarkisova², I.Ye. Rogaeva³

National Research Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹ E-mail: troub@mail.ru

---

* The results were obtained under the state assignment of the Ministry of Education and Science, Project no. FSWM-2022-0004 “Network analysis of modern representations of Runet communities about Russia: Basic historical narratives as the basis of national identity.” The theoretical and methodological basis for the application of programs for automated analysis of big data to the subject field of historical memory was developed as part of the development program of Tomsk State University “Priority 2030”, Project No. 2.3.7.22 ONG.

² E-mail: sarkisova@data.tsu.ru

³ E-mail: irina_rogaeva@mail.ru

Abstract

The article analyses the collective representation of war narratives in the Russian social network VKontakte in the context of the problems of national self-consciousness and national identity. The material for the study was extracted by automated methods using the VKontakte open API. It amounts to 332,781 unique posts from open historical communities from January 1, 2020 to May 9, 2022. Using the PolyAnalyst platform, the authors found out that the word “war” is the most frequent and most significant (the metric takes into account the average frequency of a word in all texts) in this text collection. A sample of texts with the word “war” (49,736 posts) was subjected to additional analysis with a set of NLP methods to study key narratives and semantic connections. The theoretical and methodological basis of the study is the principles and approaches of modern narratology and the history of memory. The analysis of social media big data has confirmed that the dramatic historical fate of Russia, as a natural consequence of the factors of vast territory, extended borders, and abundance of natural resources, has shaped the mentality of Russians to be always ready for war. Thematic clustering of texts has confirmed the dominance of the practices of commemoration of the Great Patriotic War, reflected the etatism and etacratism of the Russian consciousness, demonstrated public attention to representations of war in art and science, and discovered the “trench truth” block and its place in the collective war representations. Narratives are often rich in details and facts, pragmatism, prosaic and rationalism. Empirical material confirms that the 20th century certainly occupies a special significance in the memory of Russians about wars. The authors comment on the rating of references to wars in the studied text collection and indicate the opposition of the Great Patriotic War to the Second World War, and the Patriotic War of 1812 to the Napoleonic Wars of the early 19th century. Some attention is also given to the issues of information wars in the modern world. The presented war narrative is of interest as the foundation of the “collective imaginary”, on the basis of which the prospects and critical boundaries of the image of the future are constructed.

Keywords: military narrative, historical memory, national identity, social networks, big data

Введение

Память о войне, прежде всего Великой Отечественной, несомненно, лежит в основе современного самосознания россиян и, шире, – жителей всех постсоветских стран. Значимость военных нарративов

подтверждается не только частотой упоминаний в медиасфере, но и многообразием аспектов осмысления исторической памяти: свидетельств участников и очевидцев; усвоения «опыта» и (или) «уроков», полученных их потомками; мифов и символов, затрагивающих мирную жизнь, но имеющих военный генезис; официальных нарративов, поддержанных государственной политикой, и неофициальных репрезентаций «коллективной травмы», претендующих на эмоциональную глубину и человечность; конфликтующих или почти не взаимодействующих версий военного прошлого. Центральным здесь остается вопрос о том, как именно репрезентации войн, консолидирующих национальную память, участвуют в процессах индивидуальной и коллективной самоидентификации человека, если рассматривать их вне упрощающих и, как правило, бинарных идеологем.

В фокусе представленного исследования располагаются коллективные репрезентации войны (в широком смысле), характеризующие воззрения современных пользователей русскоязычного сегмента Интернета, реализующих свой интерес к истории в рамках тематических сообществ социальной сети «ВКонтакте».

Материалы и методы

Объектом настоящего исследования стал сегмент современного медиадискурса о войне, развивающийся в среде сообществ социальной сети «ВКонтакте» (<https://vk.com/>). По данным компании-разработчика системы анализа социальных медиа Brand Analytics [22], «ВКонтакте» лидирует среди социальных сетей России по числу авторов¹ и объёму контента. В октябре 2022 г. на просторах «ВКонтакте» было опубликовано 472 млн записей, а число авторов достигло 28 млн, что стало рекордным для всех социальных сетей в России [5]. Ядро активной аудитории «ВКонтакте» составляют подписчики в возрасте 25–45 лет.

Для анализа был отобран тематический контент о культовых личностях российской истории, с именами которых связаны наиболее значимые национальные нарративы. Сбор данных осуществлялся в несколько этапов. На первом из них был подготовлен перечень лингвистических маркеров, включающий в себя 26 имен российских исторических правителей и ряд обобщающих понятий политического спектра. За гранью рассмотрения остались деятели науки и культуры. Хронология отбора не затрагивала постсоветский период. Подробно технология формирования коллекции ключевых слов представлена в статье Н.В. Трубниковой и А.Ю. Саркисовой [23].

Далее был осуществлён поиск релевантных проблеме исследования виртуальных сообществ через открытый API «ВКонтакте» с использованием разработанной Центром прикладного анализа больших данных НИ ТГУ программной библиотеки методов по выгрузке и анализу данных Vkapi8 [17]. Было извлечено 150 997 текстов (время выгрузки – сентябрь 2022 г.). Посредством ручной валидации – удаления так называемых мусорных групп, содержащих в своём описании отсылки к темам, не соответствующим поисковому запросу (реклама, гороскопы, кулинария, названия улиц и т. д.), сообществ с числом подписчиков менее 50, а также закрытых профилей – из полученного массива было отобрано 622 виртуальных объединения, чей контент в наибольшей степени связан с темой исследования.

На финальном этапе сбора данных была осуществлена выгрузка текстовых записей сообществ за период с 01.01.2020 по 05.09.2022. Контент сообществ в общей сложности составили 708 155 сообщений.

Для выявления исторических репрезентаций войны, бытующих среди подписчиков «ВКонтакте», были использованы технологии автоматизированного интеллектуального анализа данных естественного языка посредством ресурса платформы PolyAnalyst (<https://www.megarputer.com/ru/polyanalyst/>, разработчик – Megarputer Intelligence) [10]. Ключевыми инструментами исследования текстов стали узлы платформы PolyAnalyst: поисковый запрос, извлечение ключевых слов, извлечение сущностей, связи терминов, анализ тональности, кластеризация, резюме, узлы визуализации.

Теоретико-методологическая основа исследования

Исследование проводилось на пересечении подходов современной нарратологии, рассматриваемой с точки зрения изучения повествовательных моделей, используемых в медиасфере Интернета, и истории памяти.

С позиций современной нарратологии, подчеркивающей сложность цифровых текстуальных сред, процессы интернет-коммуникации характеризуются понятием «медиатекст», под которым понимается интегративный многоуровневый знак, объединяющий различные семиотические коды и открытый для изменений [9]. К признакам интернет-нарратива относят публичность (ориентацию на большую аудиторию), поликодовость (разнообразие информационных компонентов), интертекстуальность (взаимодействие разных текстов и их отсылки друг к другу), опосредованность (коммуникация

растянута во времени и пространстве), диалогичность, событийность и нарративную модальность (моделирование ряда событий) [13].

«Исторический нарратив» как понятие имеет глубоко вариативную природу в представлениях современных исследователей – от отдельных исторических источников до обобщённых дискурсов разного уровня, призванных объяснить эпохальные общечеловеческие сдвиги [12: 160–161]. Общей чертой исторических нарративов, согласно Х. Уайту, является ценностная рефлексия над «завершёнными» историями, сопоставление излагаемых событий с определённой рамкой моральных суждений, свойственных времени нарратора [1: 21–24]. Помимо сравнения аксиологических рамок разных времён, исторические модели нарративов заостряют и непосредственно проблему анализа разнообразных режимов темпоральностей в тексте – соотнесения различных порядков восприятия времени, пересекающихся в поле взаимодействия автора, интертекстуальной среды, адресата коммуникации. Иными словами, любой текст (в рассматриваемом случае – медиатекст) несёт в себе отголоски различных «хронотопов», по М.М. Бахтину [3: 235], – пространств, наполненных собственным историческим и культурным временем, где живут и действуют субъекты с различающимися моральными и поведенческими императивами, что требует равного внимания ко всем участникам коммуникации всех времён: нарратора, героев нарратива, адресата.

В истории памяти, также являющейся методологическим ориентиром исследования, выявляются исторические нарративы, обобщающие коллективные образы прошлого; те идеи, повествовательные стратегии и эмоциональные тональности, которые сопровождают наиболее существенные связи темпорального дискурса (отражающего корреляции прошлого, настоящего и будущего), формируя воспринимаемый обществом абрис национальной идентичности. История памяти всегда соотносит образы прошлого, создаваемого в рамках научного исторического и обыденного сознания. Именно историческая наука создаёт и транслирует национальные государственные нарративы, стремясь вписать в него традицию народной памяти [20: 7], но, как показывает опыт последних десятилетий, коллективные виды памяти нередко принимают форму «контрнарративов» и всё более властно и настойчиво вырываются из-под опеки одобряемых государствами официальных версий прошлого.

Образ войны в рецепции пользователей исторических сообществ «ВКонтакте»

Тема войны оказалась неожиданным и изначально непланируемым результатом исследования государственно-центричных нарративов Рунета, на первоначальном этапе соотносимых с историческими персоналиями – правителями Российской империи и СССР. Однако прикладной анализ больших данных показал, что в искомой выборке главным ключевым словом по соотношению критериев частотности (частота употребления конкретного ключевого слова в текстах) и значимости (средняя частота слова по всем текстам) оказалось слово «война». Кроме того, в числе слов-лидеров имеются семантически связанные с «войной» слова: «армия», «фронт», «конфликт», «противник», «операция», «победа», «войско», «оружие» и т. д. (табл. 1).

Таблица 1

Ключевые слова в текстах об исторических деятелях «ВКонтакте» (по убыванию)

Ключевое слово	Значимость	Частота
Война	100	111 210
Музей	58,50	59 999
Армия	51,02	65 301
Конфликт	50,35	54 073
Противник	49,83	57 829
Сила	47,59	46 593
Войско	47,56	59 217
Государство	47,54	47 524
Власть	44,01	43 566
Закон	42,94	42 407
Фронт	40,01	48 315
Начальник	34,86	39 941
Победа	34,30	36 941
Выставка	31,19	31 859
Борьба	31,17	28 868
Земля	30,20	29 061
Действие	29,64	25 576
Партия	29,53	33 647
Семья	28,54	25 335
Оружие	28,35	27 266
Школа	26,43	24 902
Намерение	26,13	23 267
Операция	25,78	27 697

Окончание табл. 1

Ключевое слово	Значимость	Частота
Правитель	25,53	29 965
Солдат	25,52	24 595
Гибель	25,00	21 948
Собрание	24,50	24 513
Президент	23,71	23 081
Оборона	23,25	23 485
Движение	22,19	20 026
Память	21,50	18 448
Правительство	21,47	21 294
Гражданин	21,24	18 602

Чрезвычайная насыщенность контента сообществ тропами военного конфликта позволяет прийти к выводу о том, что нарратив о войне является ключевым в пространстве «воображаемого» современных пользователей Рунета. Это умозаключение трудно соотносится с расхожим клише о том, что российская (и, еще шире, славянская) национальная культура традиционно исполнена миролюбия.

Так, ещё в конце 1920-х гг. историк Б. Никольский писал:

«Русский народ миролюбив. В этом не приходится убеждать того, кто хоть сколько-нибудь знаком с внутренним духовным обликом русского человека» [14: 65].

Однако несмотря на возведённое в ранг общеизвестной максимы миролюбие, сам Никольский вынужден признать многократность войн, выпавших на долю России. Ссылаясь на другого историка – С.М. Соловьева, он приводит данные о 245 нашествиях на Русь в один лишь период с 1055 по 1462 г. В дальнейшем, с XIV по XIX столетие, Россия воевала в общей сложности 329 лет [14]. Современные историки насчитывают до 997 вооружённых конфликтов период с 860 по 1914 г. [6, 7].

Историки единодушно приходят к выводу, что столь драматичная историческая судьба страны связана с огромной территорией, протяжёнными границами и изобилием природных ресурсов, нуждающихся в защите, что стало для России «и благом, и бичом» одновременно. Мировоззрение россиян на протяжении жизней всех поколений формировалось вынужденной необходимостью быть всегда «настороже».

Эта специфическая черта национального самопознания и поныне ясно отражается в нарративах социальных сетей. Так, среди сообществ «ВКонтакте» разошлась на цитаты и многократные репосты заметка публициста, блогера и колумниста издания «Однако» Р. Носикова

«Война всегда рядом, или Почему русские мало улыбаются» [15]. В заметке автор подчеркивает, что война не только воспринимается россиянами как нечто неизбежное – она неизменная величина в символической системе координат жителей России. Более того, понимание неотвратимости войны и готовность в любой момент к её началу представляется публицисту фактически одним из столпов национальной идентичности россиян:

«Реальность русского так же заполнена воздухом, ветром, солнцем и женщинами, как и реальность какого-нибудь француза. Всё это есть. Но всё это – только тонкая ткань, дымка, мираж. Из-за этой занавеси, которую все, кроме русских, и принимают за действительность, на нас глаза в глаза смотрит главный персонаж в нашей истории, и от его дыхания ткань реальности колышется, покрывается изморозью или местами обугливается. Мы проживаем всю нашу жизнь, обладая уникальным умением чувствовать этот взгляд. Мы проносим сквозь всю нашу жизнь иногда даже не осознаваемую Истину или максимум: Война всегда рядом. Каждый русский с самого рождения знает о войне. Он о ней всегда помнит, что и отличает его от его европейского собрата» [15].

Мирная жизнь, таким образом, представляется россиянам даже не передышкой между конфликтами, а непрочной иллюзией, которая с неизбежностью будет развеяна «дыханием войны». Это, вероятно, объясняет ещё одну столь же яркую черту русскоязычного военного нарратива, выявленную на основе прикладного анализа больших данных, – его безусловную прагматичность.

Для более детального анализа нами были отобраны исключительно те тексты, которые содержат слово «война». Финальная выборка составила 49 736 записей. Внутри этого массива алгоритмы PolyAnalyst выделили несколько смысловых кластеров (табл. 2). (Метрика «Поддержка» означает минимальное количество записей).

Таблица 2

Кластеры текстов о войне

№	Содержание кластера	Поддержка
1	Музей, великий, победа, выставка, память, посвятить, ветеран, акция, день, военно-исторический	6 923
2	Президент, страна, российский, американский, договор, заявить, государство, конфликт	5 315
3	Книга, история, фильм, автор, историк, событие, исторический, мемуары, видеокolleкция	3 665
4	Народ, русский, мир, победа, страна, власть	3 646

Окончание табл. 2

№	Содержание кластера	Поддержка
5	Немец, солдат, идти, дитя, боец, хлеб, фашист, рука, товарищ	3 232
6	Бой, лейтенант, боевой, самолет, командир, летчик, противник, полк, вылет, герой	2 724
7	Капитализм, буржуазия, страна, социализм, рабочий, класс, революция, хозяйство	2 313
8	Армия, войско, красный, советский, капитуляция, немецкий, союзник, генерал, японский	2 164
9	Корабль, флот, русский, крепость, турецкий, король, сражение, море, крейсер, морской	2 114
10	Военнопленный, лагерь, украинский, преступление, еврей, националист, тысяча, население	2 040
11	Начальник, назначить, армия, штаб, военный, округ, заместитель, командир, командующий	1 951
12	Орден, медаль, степень, фильм, актер, наградить, звезда, награда, роль, театр	1 932
13	Князь, царь, император, церковь, казак, храм, собор, государь, казачий, русский	1 862
14	Партия, съезд, коммунистический, рабочий, член, секретарь, совет, председатель, революция	1 799
15	Завод, самолет, конструктор, атомный, производство, танк, полет, пушка, вооружение	1 770
16	Армия, фронт, войско, танковый, операция, дивизия, наступление, противник, гвардейский	1 751
17	Писатель, институт, песня, поэт, родиться, премия, наука, школа, произведение, стих	1 694
18	Партизанский, отряд, партизан подпольный, пионерский, область, герой, организация	1 562
19	Обстрел, пункт, украинский, огонь, дополнительный, мера, населенный, прекращение	826

Самый крупный и стоящий особняком тематический кластер составили тексты, в которых транслируются практики коммеморации Великой Отечественной войны. Это закономерно объясняется тем фактом, что значительная часть рассматриваемых сообществ прямо аффилированы с различными музеями и экспозициями Российской Федерации. Показательно, что содержание второго и четвертого кластеров отразило выраженный у россиян этатизм сознания, в котором слабо разделены «страна» (как географическая и этнокультурная территория с проживающим на ней народом) и «государство» (как система власти и аппарат управления этой территорией). Этатизм и

даже этакратизм, возводящий государство в ранг сакральной ценности, как неоспоримая черта национальной идентичности россиян подтверждаются выводами отечественных исследователей [11].

На третьем месте находится массив записей, сфокусированный на репрезентациях войны в искусстве и науке, отзываясь на культурные события современной жизни. Пятёрку лидеров замыкает блок «окопной правды» – совокупность постов о солдатской и военной повседневности, представленной в деталях.

Компоновка кластеров свидетельствует о многогранности военного нарратива. Однако при разнообразии мотивов в текстах сохраняется «плотность» повествования – оно насыщено фактами, ориентировано на внешне нейтральное, предельно чёткое и непротиворечивое изложение событий, выявление их причин и последствий для непосредственных участников. Члены «исторических» сообществ судят о войне сугубо прагматично, в самых прозаичных категориях описания «военного быта». В публикациях о войне рассказывается «по существу»: конкретно, фактологично, без страха, эмоциональной риторики и поэтических метафор. Подписчики без труда включаются в дискурс войны, живо реагируя даже на сообщения, написанные в духе фронтовых сводок или справочников по военной подготовке; со знанием дела рассуждают о военных операциях, скрупулезно перечисляя силы противоборствующих армий, имена командующих, тактические действия, число потерь. Оценка успеха или провала операций даётся исключительно рациональная, в «сухом остатке» (безэмоциональных рассуждений о потерях и разрушениях):

«В целом основную задачу – задержать агрессора в приграничной полосе и обеспечить развёртывание главных сил – войска Северо-Западного фронта не выполнили».

«Две стрелковые роты при атаке на них танков противника не дрогнули и не отошли с занимаемых рубежей. В неравном бою личный состав рот полностью погиб», – сообщал особый отдел НКВД Западного фронта. За четыре часа бойцы уничтожили 18 вражеских танков и несколько сотен солдат противника».

В облаке смыслов, сформированном ключевыми словами «военного» сегмента записей сообществ, наиболее отчётливо просматривается XX в. (рис. 1). Тексты насыщены отсылками к двум российским революциям и трём глобальным конфликтам, выпавшим на долю страны в одном столетии: Первой и Второй мировыми войнам, а также к холодной войне.

Предсказуемо выраженной здесь является семантика, отражающая специфику нового политического режима, ассоциируемого с большевиками и коммунистами; будней фронта, широко представлена тема ключевого для XX в. иностранного антагониста – «немца». Алгоритмы автоматизированного поиска уловили как значимые и темы развития передовой военной техники, пополнявшей арсенал армий в это время: танков и самолётов.

Рис. 1. Облако ключевых слов текстов о войне.

Статистический анализ упоминаний конкретных войн показал абсолютное доминирование в военном дискурсе сюжетов Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) (табл. 3). При этом наблюдается подчёркнутое противопоставление Великой Отечественной и Второй мировой войн (1939–1945 гг.). Если первая понимается как справедливая и почти священная народная война – «наша война», то вторая – как глобальный, но внешний конфликт, трагическая рамка которого затмевается предельной значимостью боевых действий на нашей территории и последующей освободительной миссией Красной армии.

Похожая оппозиция проявляется в отношении Отечественной войны 1812 г. и наполеоновских войн (восьмая и тринадцатая строчки рейтинга соответственно). Конфликт, продолжавшийся более десяти

тилетия и охвативший всю Европу, упоминается почти в четыре раза реже, чем фронт военных действий Бонапарта против Российской империи.

Не менее любопытно, что русско-турецкие войны (XVI–XX вв.) – напряжённая борьба, растянувшаяся на четыре столетия и ставшая коренным вопросом внешней политики Российской империи, – были вытеснены на самую обочину коллективной памяти (за исключением более популярной Крымской войны, эпически значимой и в качестве крупнейшего геополитического фиаско, и в качестве пролога будущих «великих реформ»).

Ещё меньше упоминаний можно найти о монгольском иге, которое почти не будоражит воображение Рунета, невзирая на продолжающиеся споры о его цивилизационном влиянии в дискурсе профессиональных историков.

Таблица 3

**Статистика упоминаний войн в российских исторических сообществах
«ВКонтакте»**

Война	Число упоминаний
Великая Отечественная война	17 487
Гражданская война	5 124
Вторая мировая война	3 991
Первая мировая война	3 094
Холодная война	1 419
Конфликт в Украине / Специальная военная операция / Конфликт на Донбассе	625
Крымская война	578
Отечественная война 1812 года	504
Война в Афганистане / Афганская война	349
Ливонская война	311
Война в Чечне / Чеченская война	268
Северная война	263
Наполеоновские войны	135
Война во Вьетнаме	72
Русско-турецкая война	46
Война в Ираке	38
Война в Сирии	34
Русско-японская война	30
Война в Ливии	23
Монгольское иго	14
Русско-шведская война	11

Предельная значимость Великой Отечественной войны в национальном самосознании подтверждается и данными социологических опросов. Так, опрос ВЦИОМ в июне 2020 г. показал согласие 95 % россиян с утверждением о том, что Победа в Великой Отечественной войне является главным событием XX в. для страны. Для 69 % наших сограждан Победа в 1945 г. является важнейшим событием в отечественной истории. Почти треть россиян (27 %) полагает это важным событием, но наряду с другими не менее значимыми (впрочем, данные опроса не позволяют понять, с какими именно). Примечательно, что такой ответ дала половина из числа опрошенных в группе 18–24 лет (не испытавших прямого воздействия советской идеологии), вторая половина этой же возрастной группы склонна считать Победу в Великой Отечественной войне важнейшим событием в истории государства [4].

Фонд Общественное мнение в апреле 2020 г. [18] предпринял попытку измерить эмоциональную составляющую памяти о Великой Отечественной войне. Данные опроса продемонстрировали, что подавляющее большинство россиян (более 70 %) испытывают исключительно позитивные чувства при упоминании словосочетания «Великая Отечественная война»: 39 % – гордость за страну, народ, подъём чувства патриотизма, 18 % вспоминают о великой победе, 8 % чувствуют себя счастливыми и радостными, 3 % ощущают благоговение, поскольку расценивают День Победы как «святой» праздник, 3 % в мыслях обращаются к участникам войны, по отношению к которым испытывают уважение. Количество негативных коннотаций численно уступает позитивным: у 13 % опрошенных напоминание о войне отозвалось слезами, грустью и сожалением, 11 % с печалью вспомнили о погибших родственниках, 11 % заметили, что напоминание о конфликте заставило их ощутить скорбь и горе, ещё 7 % респондентов признались, что чувствуют страх и даже ужас при упоминании этого события. Лишь один 1 % опрошенных завил о своём безразличии к теме Великой Отечественной войны. При этом, несмотря на доминирование у современных россиян позитивных эмоций в отношении войны, ими самими было отмечено, что те их родственники, которые непосредственно участвовали в боевых действиях, не любят вспоминать события военных лет.

Великая Отечественная война – это не только самый значимый конфликт в истории, по мнению современных россиян, но и возведённый в абсолют образ «священной войны», соотносимой по характеру восприятия с христианской «лестницей духовных восхождений». Победа оборачивается заслуженной благодатью, поражения в сражениях первых лет войны – неизбежным крестным путём, ведущем

к спасению. В национальном воображении «идеальный тип» героя-фронтовика представлен почти канонически. Образы солдат на фотографиях военных лет, подобно ликам святых, строго взирают на потомков, их путь достоин встать в один ряд с житиями православных мучеников, претерпевших тяжкие испытания во имя безоговорочно благой цели – защиты Отечества. Виртуальные сообщества из раза в раз неустанно цитируют строки песни «Вечный огонь» Е. Аграновича из культового фильма «Офицеры»:

«Нет в России семьи такой, где б не памятен был свой герой.

И глаза молодых солдат с фотографий увядших глядят.

Этот взгляд, словно высший суд для ребят, что сейчас растут.

И мальчишкам нельзя ни солгать, ни обмануть, ни с пути свернуть...» [2].

Резонансную реакцию вызвала новость о предложенном Госдумой в феврале 2021 г. ужесточении наказания за оскорбление памяти защитников Отечества. «Исторические» паблики в череде репостов разместили на своих страницах статью руководителя проекта «Нюрнберг. Начало мира» Н. Осиповой о том, как, по её мнению, необходимо наказывать за оскорбление памяти фронтовиков. Осипова также обращается к словам Е. Аграновича, называя их «нашим символом веры» [16]. Рассуждая о героях войны, она отмечает:

«Это люди, с которыми хочется быть одной семьей. Других не надо. Они задали планку, до которой современность не доросла. Идеал мужского и женского. Идеал человеческого. Они создали наше мировоззрение, записывая в книги и на плёнку свои ценностные формулы. Определили наши взгляды ещё до рождения. Просто создавая свою высокую культуру, которой потом хватило, чтобы создать культуры в нескольких странах после распада СССР... Они изменили мировую историю» [16].

Рационализируя максимы исторической памяти, историк О.С. Поршнева пришла к выводу, что понимание Великой Отечественной войны как всенародной было сформировано фактом тотальной мобилизации советского общества и колоссальной ценой победы (26,6 млн жизней советских граждан). И потому Победа в этой войне стала «составной частью системы значимых ценностей россиян, «опорным образом национального сознания», важнейшим кодом культурной памяти» [19: 117].

Таким образом, подвиг военного поколения выступает мощным дидактическим примером для истинно патриотического поведения как в моменты военных вызовов, так и в условно мирное время. Готовность к мобилизации и самопожертвованию во благо Родины остаётся важной доминантой в структуре национальной идентич-

ности россиян, но с одной существенной оговоркой: для подобного духовного подъёма необходимо, чтобы война была расценена национальным сообществом и отдельным человеком как «правильная».

Именно в памяти о Великой Отечественной войне наиболее отчетливо проявляется рамка, отделяющая заурядный локальный конфликт от праведной народной войны. С одной стороны, это масштаб: «правильная» война колоссальна по своему охвату, распространяется на значительную часть ойкумены (в период войны 1812 г. ограничилась европейской частью Евразии, в годы Второй мировой войны затронула почти весь мир, а во время холодной войны – даже Космос), что значительный ряд исследователей, несомненно, стали бы трактовать как атрибут свойственного ментальности россиян «имперского сознания», включающего в себя гордость «за просторы и разнообразие державы, за военные победы» [24: 56].

Статистические данные, приведённые в табл. 3, показывают, что россиянам не интересны локальные конфликты, протекающие вдали от родных рубежей. Отсюда выводится ещё одна черта «нарратива войны»: поддерживаемая обществом война непосредственно затрагивает территорию России. Несмотря на серьёзную озабоченность судьбами мира, прежде всего, россиян беспокоит вопрос неприкосновенности собственных земель.

Следовательно, третьей гранью «праведной» войны будет её освободительный характер, под которым может подразумеваться ответ на агрессию другого государства, деокупация своих земель, захваченных врагом, или же вызволение из-под гнёта чужеземного владычества родственных славянских народов (постоянный «камень преткновения» в русско-турецких войнах).

«Русские не хотят убивать своих братьев, не меч они принесут, а освобождение...».

«Когда русские воевали за свою независимость, то были же и те, кто на них нападал».

«Мы не любим, когда нас бьют».

«Если власти той или иной страны проводят русофобскую политику, притесняют русских и русский язык, то священная миссия России состоит в том, чтобы защитить своих людей. Россия, будучи в числе великих держав, не может стоять в стороне, когда идёт посягательство на её геополитические интересы».

И, наконец, завершающим штрихом образа «праведной»/«правильной» войны является её поворотный характер для всего мирового исторического процесса. Россияне ожидают не только победы в войне, но и, в идеале, стремятся быть в авангарде радикальных изменений мира к лучшему. При желании можно ус-

мотреть в этом генетическую связь и с наследием «русской идеи», и с мечтами о «мировой революции», резюмируя, что современные пользователи Рунета сохраняют и поддерживают сложившийся ранее мессианский заряд русской культуры.

«22 июня 1941 года – печальная дата... связанная с беспрецедентным в мировой истории Подвигом наших соотечественников, отстоявших не только жизнь, свободу и независимость Отечества, но и освободивших Европу и весь мир от угрозы фашизма».

«Великая Победа – Великий Подвиг Советского Человека! Его силы духа, несгибаемой воли и сплочённости всего многонационального, трудового народа СССР, отвоёвавшего свою свободу на фронте и в тылу, защитившего свою Советскую Родину и освободившего мир от фашистской чумы. Спасибо им!»

«Россия спасает. В очередной раз. Не помня обид. Россия останавливает войну, спасая Армению от тотальной катастрофы и мгновенным броском закрепляется в самом центре Кавказа».

«В те годы, когда Красная армия наносила смертельные удары прежде считавшейся непобедимой гитлеровской Германии, в Европе это понимали прекрасно. «Здесь, на самой окраине Европы, где уже начинаются азиатские пустыни, несколько замечательных гвардейских дивизий и отрядов местного ополчения, ставшие могучим, кровотоющим сердцем всей России, спасли европейскую культуру и тем самым, может быть, и нашу Англию», – свидетельствовала, например, «Дейли телеграф», 18 января 1943».

«Медицинский спецназ России спасет Италию от смерти».

«Именно Россия развалила пятисотлетнюю империю Османов. Вместе с тем никто другой, как Советская Россия, спас Турцию Ататюрка от неминуемой гибели».

Информационная война

В рассуждениях о войне особняком располагается «информационная война». В исследуемой коллекции искомое словосочетание встречается 510 раз и одновременно опирается на следующие семантические маркеры:

Украина – 202

США – 135

Запад – 132

Украинец – 53

Нацизм – 23

Фашизм – 22

Фашист – 21

Поляк – 19

Национализм – 11

- Ревизионизм – 7
- Бандера – 7
- УПА – 6
- Коллаборационизм – 2
- Власов – 1

По характеру упоминаний видно, что за редким исключением в центре рассуждений об «информационной войне» находится противостояние российского доминирующего нарратива о Великой Отечественной войне и украинского националистического контрнарратива, предлагающего радикально иную концепцию исторической памяти, где повествуется не о победе советского народа над фашизмом, а о героическом противостоянии украинских патриотов, мечтающих о собственном государстве, в борьбе со всеми остальными. Драма Великой Отечественной войны в этой версии прошлого растворяется в рамке «схватки двух тоталитарных монстров», между фашизмом и сталинизмом поровну делится вина за преступления Второй мировой войны, а победоносная Красная армия представлена как армия оккупантов, насильно насаждавшая советский режим вопреки воле местного населения.

Исторические сообщества «ВКонтакте» единогласно и негодуяще опровергают украинский националистический нарратив, заявляя о заказном и исторически недостоверном характере ведущейся информационной войны. Авторы доказывают, что в картине прошлого украинскими националистами всё перевёрнуто «с ног на голову». Историки-ревизионисты культивируют как национальных героев Организацию украинских националистов (ОУН*) и Украинскую повстанческую армию (УПА*) (*обе организации запрещены в России*), якобы сражавшихся за «чистоту украинской нации» и независимую Украину, а на деле ставших пособниками фашизма.

«Во время войны члены этих группировок убили десятки тысяч евреев и около ста тысяч поляков и помогали нацистам в боях против советских солдат. Сейчас многие украинские националисты считают бойцов УПА, ОУН и Степана Бандеру героями, благодаря доблести которых «мечта о независимой Украине оставалась в живых»».

«Молодой украинский историк Владимир Вятрович возглавил Институт национальной памяти и пытается переписать прошлое, обращает внимание Джош Коэн в статье Foreign Policy. Ревизионист скрывает факты участия украинских националистов в холокосте и этнических чистках, а все исторические нестыковки объясняет советской пропагандой».

Популярной темой является политика притеснения в Украине малых этнических групп через насаждение единого украинского языка, в основе которой лежит указанная выше историческая концепция.

«Со времён евромайдана положение украинских поляков, венгров, румын, русинов и других нацменьшинств существенно ухудшилось... если нацменьшинства хотят спокойной жизни, то это может произойти при условии, что те не будут против героизации Бандеры и ОУН*... Часто из уст националистов слышится фраза «Украина для украинцев», которая принуждает все нацменьшинства покинуть родной дом и страну, в которой родились и жили».

Факты постоянной национальной дискриминации на территориях современной Украины, проявляемые и возобновляемые в разные исторические периоды, часто берутся из истории малых народов, например русинов:

«Галицкая фабрика смерти: более 100 лет назад на Украине появились первые концлагеря... Их узниками стали жители региона, который сегодня называют Западной Украиной. Но тогда ни Украины, ни украинцев не было. Местные жители называли свои земли Галицкой и Подкарпатской Русью и Буковиной, а себя именовали русинами, а часто и просто русскими».

Став объектом усиленной украинизации, являвшейся целью австро-венгерской антироссийской политики, малые народы утрачивали своё внутреннее единство:

«И к началу Первой мировой русины оказались расколотым народом. Как образно говорили москвофилы, «учителя и попики сделали своё дело»: за 24 года существования новой системы образования представители части молодёжи стали украинофилами».

Следующая волна жестокости потрясала те же земли в годы Второй мировой войны:

«Сегодня на фоне стремления президента Украины В. Зеленского побыстрее сблизиться с Польшей стоит вспомнить, как польские вояки истребляли украинских крестьян во время Второй мировой войны. Начиная с 1941 года, Армия Крайова зверски уничтожала целые сёла, в которых проживали украинцы и русины».

«Уже с лета 1944 года на территории нынешнего саноцкого повята боевики УПА усилили деятельность, реализуя здесь свою преступную идеологию, нападая на сёла, населённые поляками, а также русинами, не подчиняющихся приказам украинских националистов».

Таким образом, исторические сообщества Рунета с обеспокоенностью полемизируют с носителями ревизионистского военного «контрнарратива» и пытаются с «фактами в руках», цитируя профес-

сиональных историков, отстаивать объективность и историческую справедливость своей версии прошлого.

Персоналии

В структуре нарратива о войне видное место занимает ряд исторических личностей. При помощи узла «Извлечение сущностей», нацеленного на поиск объектов реального мира, имеющих имена собственные (людей, локаций, организаций и т. д.), было выявлено 67 455 уникальных имён личностей, упоминаемых в текстах о войне. Среди выявленных персоналий крайне мало иностранцев, которые представлены в основном государственными деятелями зарубежных государств: У. Черчилль, Г. Трумэн, Ф. Кастро, Ким Чен Ир, Ким Ир Сен и т. д. Участников исторически сообществ в первую очередь интересуют персонажи отечественной истории, а среди них – люди, владевшие рычагами власти в России в разные периоды (рис. 2).

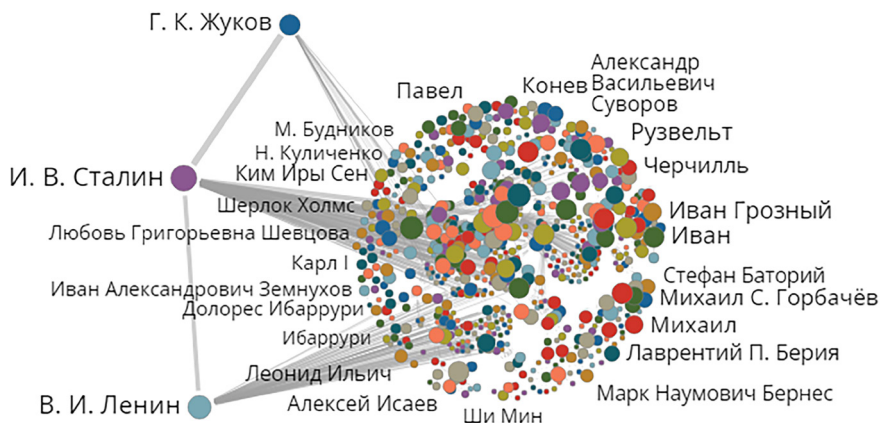

Рис. 2. Граф связей между персоналиями в текстах о войне.

В частоте упоминаний первое место принадлежит И.В. Сталину, непосредственные отсылки к которому встретились в массиве данных о войне 6 726 раз. Вторую позицию занимает В.И. Ленин, чьё имя используется в сообщениях 5 743 раза. Среди непосредственно военных героев лидерство принадлежит маршалу Г. К. Жукову – 1 412 упоминаний.

Выявленная в анализе массива данных популярность Жукова коррелирует с результатами исследования ВЦИОМ, предпринятого в декабре 2019 г. [8]. Как показал социологический опрос, среди пред-

ставителей российских военнослужащих всех эпох отечественной истории наиболее любим именно Жуков. Его считают подлинным героем Отечества 62 % опрошенных. Образ Жукова лидирует во всех возрастных группах, но наибольшее уважение он вызывает в самом старшем сегменте респондентов (60 лет и старше).

В сетевом нарративе о войне Г.К. Жуков выступает в разных ипостасях: как маршал Победы, как соратник Сталина и, наконец, как антагонист Сталина. Одни члены сообществ превозносят личные качества командующего, подчёркивая сочетание полководческого дара, таланта писателя и стремление бороться за лучшую долю для своей Отчизны. В записях сообществ публикуются приказы Жукова, анализируются его стратегические дилеммы как командующего фронтом, успешные операции и т. п. Жуков предстаёт подлинным Георгием Победоносцем:

«Все мы знаем, что Жуков – фигура в русской истории исключительная, человек редкого военного таланта, отличался личным мужеством, силой духа, принципиальностью. Но помимо всего Маршал был человеком творческим, любящим свою Родину. Послевоенные годы Жуков посвятил написанию книги «Воспоминание и размышление», чтобы донести до последующих поколений героический дух войны».

Вместе с тем существует и другая линия нарратива о героическом маршале, отражающая его неблагоприятные поступки, в частности участие в «авантюрах Хрущёва» (интригах в борьбе за власть после смерти Сталина). Критический мотив восприятия Жукова отразился и в мемуарах маршала К.А. Мерецкова «На службе народу», часто цитируемых на просторах «ВКонтакте». В своих воспоминаниях последний пытался реабилитировать И.В. Сталина и снизить градус народного преклонения перед Жуковым. Мерецков называл несправедливыми обвинения в адрес верховного главнокомандующего о том, что тот якобы был некомпетентен в вопросах ведения войны. Кирилл Афанасьевич подчёркивал, что единственным человеком, которого можно благодарить за Победу, является исключительно Сталин, державший в руках все нити управления страной:

«Антисоветчики любят упрекать Сталина в том, что он не разбирался в военных вопросах... Жуков – вот кто настоящий творец победы, а Сталин – так, формально руководил войсками, да мешал всем воевать. Жукова можно благодарить за руководство отдельными военными операциями, за его деятельность в качестве представителя Ставки и Заместителя Верховного Главнокомандующего (что и так очень весомо!), но зачем же палку перегибать? ...практически ни одна военная или военно-экономическая проблема, стоявшая перед страной, не решалась без прямого участия Генерального секретаря ЦК ВКП(б).

Вот ему и скажем спасибо за грамотное руководство, приведшее к победе в войне».

Блогер Д. Русский [21], цитируемый «ВКонтакте», подводя итог рассуждениям о Жукове и Сталине, выражает мнение, что они были фигурами принципиально разного масштаба, сравнивать которые, по его убеждению, некорректно (и при этом всё же делает попытку сравнения). Русский признает талант Жукова, называя его одарённым и талантливым полководцем, «коих, впрочем, много». При этом подлинные заслуги в Победе, по мнению автора, принадлежат Сталину, чей гений руководителя обеспечил стране Победу.

Таким образом, разноречивые репрезентации Жукова всё же сводятся к доброму, позитивному образу маршала. В этом смысле Жуков стал консолидирующей фигурой национального воображаемого: несмотря на отдельные попытки пересмотреть значение его вклада в победу, действенных аргументов, которые могли бы поколебать значимость его образа, ставшего почти мифологическим, в социальной сети «ВКонтакте» найти не удалось.

Алгоритмы интеллектуального анализа больших данных позволили выделить целую группу военных, собирательный образ которых вызывает неизменную симпатию Рунета. Ими оказались лётчики. Восхищение героизмом пилотов – настойчивый мотив сообщений. Слова «лётчик» и «герой» часто встречаются в текстах в пределах пяти ближайших слов семантической сети. Чаще всего посты связаны с конкретными именами военных и описанием их подвигов: таранов, ночных вылетов, воздушных боев:

«Жизнь пилота на войне зачастую была недолгой. Ожесточённость воздушных боев достигала невиданного в истории накала».

«...Наутро страна узнала о том, что погиб Талалихин Виктор Васильевич, подвиг которого стал символом несгибаемой стойкости всего советского народа».

«...Завязался бой, у Ковзана отказало вооружение, и тогда он решил таранить самолет противника. После удара тот пошёл к земле и разбился, а Ковзану удалось справиться с управлением и благополучно приземлиться. Эта невероятная история повторилась в феврале 1942, а затем в июле – Ковзан успешно таранил противников, а затем сажал свой повреждённый самолет».

В рассказах о лётчиках словно оживает архетипический миф о древнем героическом богатыре. Современным пользователям Рунета, как и нескольким поколениям их предков, явно импонирует безрассудная смелость пилотов, презревших смерть.

Исходя из результатов автоматизированного сентимент-анализа платформы PolyAnalyst (узел «Анализ тональности»), выявившего про-

центное соотношение оценочных суждений авторов текстов, вербализованных в эмотивной лексике нарратива о войне, лётчики снискали однозначно позитивную, практически всеобъемлющую любовь россиян. Позитивные коннотации превышают негативные в 19 раз (табл. 4).

Таблица 4

Соотношение позитивных и негативных тональностей в текстах о войне

Головной объект	Негативные тональности	Позитивные тональности
Россия	266	222
Родина	20	439
Военачальник	5	391
Сталин	272	312
Войско	128	250
Командир	35	308
Летчик	16	305
Полководец	10	299
Задание	26	269
Сведение	69	216
Политика	182	70
Вылет	0	249
Севастополь	2	235
СССР	110	124
Красная армия	30	194
наступление	47	165
Разведчик	5	207
Офицер	39	171
Последствие	187	8
Военный	110	69
Противник	61	113
Испытание	116	57
Оружие	61	107
Советский	89	76
Танк	33	131
Немец	102	61
Удар	114	69
Актер	8	149

Уважение и народную любовь вызывают не только люди, но и неодушевлённый участник войны – боевая техника. Любопытно, что объектом любви стали не самолёты, связанные с нарративом о героях лётного дела, а танки. Граф тональностей, связанных с объектом «танк», демонстрирует чувство гордости соотечественников за боевую

Заключение

Русскоязычное пространство Интернета отражает удивительную монолитность и межпоколенческую преемственность памяти о войне. Современные россияне солидарны в оценках большинства понятий, формирующих военный нарратив, любят и ненавидят одних и тех же героев, восхищаются одними и теми же событиями. В коллективной памяти населения России – страны, в которой на долю каждого поколения выпал свой вооружённый конфликт, война оказалась структурообразующим элементом коллективной памяти, которая, кажется, и не нуждается в дополнительных усилиях по коммеморации важных событий. Демонстративно мужественные повествования о войне, несомненно, скрывают под собой серьёзную и, увы, пока латентную коллективную травму, в них мало слышны голоса гражданских жертв, сожаления о массовых смертях и разрушениях, не приоритетны ценности гуманизма и политического компромисса, которые должны прийти на смену военному конфликту.

Военный нарратив создает горький и суровый, но крепкий фундамент «коллективного воображаемого», на основе которого и будут выстраиваться перспективы и критические рубежи образа будущего.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Автор – пользователь, сделавший хотя бы один открытый публичный пост (в профиле, сообществах, комментариях). Сообщения в личной переписке или публикации в режиме «Только для друзей» не учитываются [Новости ВКонтакте].

ЛИТЕРАТУРА

1. *White H.* The Value of Narrativity in the Representation of Reality // *Critical Inquiry*. 1980. Vol. 7, № 1. Autumn. P. 5–27.

2. *Агранович Е.Д.* От героев былых времен не осталось порой имен. URL: <https://www.culture.ru/poems/25807/ot-geroev-bylykh-vremen-ne-ostalos-poro-i-imen> (дата обращения: 01.11.2022).

3. *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975. 502 с.

4. Великая победа – главное событие в истории нашей страны в XX веке // ВЦИОМ. 23 июня 2020. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/velikaya-pobeda-glavnoe-sobytie-v-istorii-nashej-strany-v-xx-veke> (дата обращения: 01.11.2022).

5. ВКонтакте – крупнейшая площадка по количеству публикаций и авторов

- в России // Новости ВКонтакте. 16 ноября 2022. URL: <https://vk.com/press/brand-analytics-october> (дата обращения: 01.11.2022).
6. Военные конфликты, кампании и боевые действия русских войск, 860–1700 гг. Т. I. М.: Руниверс, 2019. 1209 с.
7. Военные конфликты, кампании и боевые действия русских войск, 860–1914 гг. Т. II. М.: Руниверс, 2019. 1177 с.
8. Герой Отечества: выбор россиян // ВЦИОМ. 09 декабря 2019. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/geroj-otechestva-vybor-grossiyan> (дата обращения: 01.11.2022).
9. Казак М.Ю. Специфика современного медиатекста // Лингвистика речи. Медиастилистика. М.: Флинта: Наука, 2012. С. 320–334.
10. Киселев М.В., Слынько Ю.Н., Скорняков С.А., Сазонов Д.С. и др. Программа для ЭВМ «Система интеллектуального анализа данных PolyAnalyst». Свидетельство о регистрации программы для ЭВМ RU 2016617923, 18.07.2016. Заявка № 2016615029 от 18.05.2016.
11. Милюкова О.В., Федотов А.С. Этакратизм российского массового сознания // Власть. 2012. № 7. С. 10–15.
12. Мишалова Е.В. Исторический нарратив как форма организации и презентации исторического знания // Epistemology & Philosophy of Science. 2012. Т. XXXI, № 1. С. 158–173.
13. Моштылева Е.С. Модели наррации в современной русскоязычной интернет-коммуникации: лингвопрагматический и лингвостилистический анализ : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Н. Новгород, 2021. 190 с.
14. Никольский Б. Войны России // Русский колокол. 1928. № 3. С. 65–72. URL: https://vtoraya-literatura.com/pdf/russky_kolokol_1928_3_text.pdf (дата обращения: 01.11.2022).
15. Носиков Р. Война всегда рядом, или Почему русские мало улыбаются // Однокл. 16 октября 2011. URL: <http://www.odnako.org/blogs/voyna-vsegdayadom-ili-pochemu-russkie-malo-ulibayutsya/> (дата обращения: 01.11.2022).
16. Осипова Н. Пять лет строгого кинорежима // Нюрнберг. URL: <https://nuremberg.media/epocha/20210301/118666/Pyat-let-strogogo-kinorezhima.html> (дата обращения: 01.11.2022).
17. Палкин Р.В., Сапрыкин В.О., Гойко В.Л., Сайфулин Э.Р. VKAPI8. Библиотека методов по выгрузке и анализу данных из социальной сети «ВКонтакте». Свидетельство о регистрации программы для ЭВМ RU 2019662001, 13.09.2019. Заявка № 2019661005 от 10.09.2019.
18. Память о войне // Фонд Общественное мнение. 20 мая 2020. URL: <https://fom.ru/Proshloe/14396> (дата обращения: 01.11.2022).
19. Поршнева О.С. Феномен исторической памяти о войне // Уральский вестник международных исследований. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. Вып. 4. С. 112–119.
20. Прошлое для настоящего: история-память и нарративы национальной идентичности / под общ. ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2020. 464 с.
21. Русский Д. Маршал Мерецков: Сталин решал всё // Дзен. URL: https://dzen.ru/media/russkiy_analizknig/marshal-mereckov-stalin-reshal-vse-62c5f72d8e03103b2079fc3f (дата обращения: 01.11.2022).

22. Социальные сети в России: цифры и тренды, осень 2022 [Электронный ресурс] // Brand Analytics. 16 ноября 2022. URL: <https://br-analytics.ru/blog/social-media-russia-2022/> (дата обращения: 01.11.2022).

23. Трубникова Н.В., Саркисова А.Ю. Герои национальных нарративов в зеркале исторической памяти Рунета (на материале больших данных социальной сети «ВКонтакте») // Русин. 2022. № 69. DOI: 10.17223/18572685/69/17

24. Хоскинг Дж. Россия: народ и империя (1552–1917) / пер. с англ. Смоленск: Русич, 2001. 512 с.

REFERENCES

1. White, H. (1980) The Value of Narrativity in the Representation of Reality. *Critical Inquiry*. 7(1). pp. 5–27.

2. Agranovich, E.D. (n.d.) *Ot geroev bylykh vremen ne ostalos' poroy imen* [There are sometimes no names left from the heroes of other times]. [Online] Available from: <https://www.culture.ru/poems/25807/ot-geroev-bylykh-vremen-ne-ostalos-poroi-imen> (Accessed: 1st November 2022).

3. Bakhtin, M.M. (1975) *Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let* [Questions of Literature and Aesthetics. Studies from Various Years]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

4. VTsIOM. (2020) *Velikaya pobeda – glavnoe sobytie v istorii nashey strany v XX veke* [The Great Victory – the main event in the history of our country in the 20th century]. 23rd June 2020. [Online] Available from: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/velikaya-pobeda-glavnoe-sobytie-v-istorii-nashey-strany-v-xx-veke> (Accessed: 1st November 2022).

5. Vk.com. (n.d.) *Vkontakte – krupneyshaya ploshchadka po kolichestvu publikatsiy i avtorov v Rossii* [VKontakte is the largest platform by number of publications and authors in Russia]. 16th November 2022. [Online] Available from: <https://vk.com/press/brand-analytics-october> (Accessed: 1st November 2022).

6. Seleznev, Yu.V. & Kurbatov, O.A. (2019) *Voennye konflikty, kampanii i boevye deystviya russkikh voysk, 860–1700 gg.* [Military conflicts, campaigns, and hostilities of Russian troops, 860–1700]. Vol. 1. Moscow: Runivers.

7. Averin, I.A., Kudryashov, I.Yu., Klimov, D.V. & Shefov, N.A. (2019) *Voennye konflikty, kampanii i boevye deystviya russkikh voysk, 860–1914 gg.* [Military conflicts, campaigns, and hostilities of Russian troops, 860–1914]. Vol. 2. Moscow: Runivers.

8. VTsIOM. (2019) *Geroy Otechestva: vybor rossiyan* [Hero of the Fatherland: Russians' choice]. [Online] Available from: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/geroj-otechestva-vybor-rossiyan> (Accessed: 1st November 2022).

9. Kazak, M.Yu. (2012) Spetsifika sovremennogo mediateksta [The specificity of modern media text]. In: Solganik, G.Ya. (ed.) *Lingvistika rechi. Mediastilistika* [Linguistics of speech. Media stylistics]. Moscow: Flinta: Nauka. pp. 320–334.

10. Kiselev, M.V., Slynko Yu.N. et al. (2016) *Programma dlya EVM “Sistema*

intellektual'nogo analiza dannykh PolyAnalyst” [Computer programme “PolyAnalyst Intelligent Data Analysis System”]. Certificate of registration of the computer program RU 2016617923, 18.07.2016. Application No. 2016615029 dated May 18, 2016..

11. Milyukova, O.V. & Fedotov, A.S. (2012) Etakratizm rossiyskogo massovogo soznaniya [The etakratism of the Russian mass consciousness]. *Vlast*: 7. pp. 10–15.

12. Mishalova, E.V. (2012) Istoricheskiy narrativ kak forma organizatsii i reprezentatsii istoricheskogo znaniya [Historical narrative as a form of organization and representation of historical knowledge]. *Epistemology & Philosophy of Science*. 31(1), pp. 158–173 (in Russian).

13. Moshtyleva, E.S. (2021) *Modeli narratsii v sovremennoy russkoyazychnoy internet-kommunikatsii: lingvopragmaticheskiy i lingvostilisticheskiy analiz* [Narrative models in contemporary Russian-language Internet communication: a linguopragmatic and linguistic analysis]. Philology Cand. Diss. Nizhny Novgorod.

14. Nikol'skiy, B. (1928) Voyny Rossii [Russia's wars]. *Russkiy kolokol*. 3. pp. 65–72. [Online] Available from: https://vtoraya-literatura.com/pdf/russky_kolokol_1928_3_text.pdf (Accessed: 1st November 2022).

15. Nosikov, R. (2011) Voyna vseгда ryadom, ili Pochemu russkie malo ulybayutsya [War is always around, or Why the Russians don't smile much]. *Odnako*. 16th October. [Online] Available from: <http://www.odnako.org/blogs/voyna-vsegda-ryadom-ili-pochemu-russkie-malo-ulibayutsya/> (Accessed: 1st November 2022).

16. Osipova, N. (2021) *Pyat' let strogogo kinorezhima* [Five years of a strict film regime]. [Online] Available from: <https://nuremberg.media/epoha/20210301/118666/Pyat-let-strogogo-kinorezhima.html> (Accessed: 1st November 2022).

17. Palkin, R.V., Saprykin, V.O., Goyko, V.L. & Sayfulin, E.R. (2019) *VKAPI8. Biblioteka metodov po vygruzke i analizu dannykh iz sotsial'noy seti “VKontakte”* [A library of methods for uploading and analysing data from the social network VKontakte]. Certificate of registration of the computer program RU 2019662001, 09/13/2019. Application No. 2019661005 dated 09/10/2019.

18. *Fond Obschestvennoe mnenie*. (2020) Pamyat' o voyne [Memory of War]. 20th May 2020. [Online] Available from: <https://fom.ru/Proshloe/14396> (Accessed: 1st November 2022).

19. Porshneva, O.S. (2005) Fenomen istoricheskoy pamyati o voyne [The phenomenon of historical war memory]. *Ural'skiy vestnik mezhdunarodnykh issledovaniy*. 4. pp. 112–119.

20. Repina, L.P. (2020) *Proshloe dlya nastoyashchego: istoriya-pamyat' i narrativy natsional'noy identichnosti* [The Past for the Present: History-Memory and National Identity Narratives]. Moscow: Akvilon.

21. Russkiy, D. (n.d.) *Marshal Meretskov: Stalin reshala vse* [Marshal Meretskov: Stalin decided everything]. [Online] Available from: https://dzen.ru/media/russkiy_analizknig/marshal-mereckov-stalin-reshal-vse-62c5f72d8e03103b2079fc3f (Accessed: 1st November 2022).

22. Brand Analytics. (2022) *Sotsial'nye seti v Rossii: tsifry i trendy, osen' 2022* [Social media in Russia: figures and trends, autumn 2022]. 16th November. [Online] Available from: <https://br-analytics.ru/blog/social-media-russia-2022/> (Accessed: 16th November 2022).

23. Trubnikova, N.V. & Sarkisova, A.Yu. (2022) Heroes of national narratives in the Runet historical memory (based on big data from the VKontakte social network). *Rusin*. 69. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/69/17.

24. Hosking, J. (2001) *Rossiya: narod i imperiya (1552–1917)* [Russia: The People and the Empire (1552–1917)]. Translated from English. Smolensk: Rusich.

Трубникова Наталья Валерьевна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия).

Natalia V. Trubnikova – National Research Tomsk State University (Russia).

E-mail: troub@mail.ru

Саркисова Анна Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент, младший научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории прикладного анализа больших данных Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия).

Anna Yu. Sarkisova – National Research Tomsk State University (Russia).

E-mail: sarkisova@data.tsu.ru

Рогоева Ирина Евгеньевна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия).

Irina Ye. Rogaeva – National Research Tomsk State University (Russia).

E-mail: irina_rogaeva@mail.ru

Памяти Дмитрия Анатольевича Катунина

8 августа 2022 г. в 49 лет ушёл из жизни Дмитрий Анатольевич Катунин.

Закончив филологический факультет Томского государственного университета и защитив кандидатскую диссертацию, Д.А. Катунин много лет проработал здесь доцентом.

Помимо преподавательской деятельности, занимался исследованиями в различных областях: от образной структуры античного текста до концептуализации времени в системе метафор русского языка и проблем языковой политики

на постсоветском пространстве и Балканских странах, опубликовав ряд статей на данные темы.

С 2007 г. он стал ответственным секретарём журналов филологического факультета.

Д.А. Катунин выступил инициатором создания целого ряда отраслевых научных журналов ТГУ (25 журналов), долгое время курируя их и занимаясь продвижением в наукометрические базы. Уделял много внимания консультированию редакторов научных журналов по улучшению их конкурентоспособности.

Его деятельность в должностях ответственного секретаря и членов редколлегий многочисленных журналов высоко ценилась коллегами. Будучи известным специалистом по улучшению качества научных изданий, он неоднократно проводил лекции и семинарские занятия для сотрудников редакций ведущих российских журналов, делясь своим опытом.

Д.А. Катунин был постоянным автором журнала «Русин» с 2014 г. и заместителем главного редактора с 2015 г. Его консультации помогли повысить качество издания.

Д.А. Катунин совместно с главным редактором журнала «Русин» выступил инициатором организации продолжающихся международных конференций «Славянские языки в условиях современных вызовов» и «Славянский мир в условиях современных вызовов».

Светлая ему память!

Редколлегия журнала «Русин»

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ **Русины**

Основан в 2003 г.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

2022. № 70

Республиканская общественная ассоциация «Русь»
(г. Кишинёв, Республика Молдова)

Национальный исследовательский
Томский государственный университет (г. Томск, Россия)
– 306 стр.

Республика Молдова, г. Кишинёв, MD 2028, ул Миорица 1С, кв. 83

E-mail: journalrusyn@rambler.ru, info@rusin.md

Сайт «Русины Молдавии»: <http://www.rusyn.md>

Сайты «Международный исторический журнал "Русин"»:

<http://journals.tsu.ru/rusin>

<http://journalrusin.ru>

 www.facebook.com/groups/journalrusin

 <https://vk.com/journalrusin>

 <https://t.me/journalRusin>

Подписано к печати 20.12.2022. Формат 60x90 $\frac{1}{16}$.

Бумага офсет № 1.

Печать офсетная.

Гарнитура «PT Sans».

Тираж 250 экз.

Заказ 14/0122.

Отпечатано в типографии «Таіsom».
г. Кишинёв, ул. Александру чел Бун, 111.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей.

Редакция не вступает с авторами и читателями в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научно-методического уровня.

Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор.

При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

ФОНД РУССКИЙ МИР

В 2022 году международный исторический журнал «Русин» выпускается при поддержке Фонда «Русский мир».

